

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Любовь Лукина
Евгений Лукин

РАЗБОЙНИЧЬЯ
ЗЛАЯ ЛУНА

*Роман, повести,
рассказы, эссе*

« А З Б У К А »

Евгений Юрьевич Лукин
Любовь Александровна Лукина
Разбойничья злая луна
Серия «Фантастика и
фэнтези. Большие книги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412978

Лукина Л., Лукин Е. Разбойничья злая луна: Азбука; Санкт-Петербург;

2023

ISBN 978-5-389-23668-4

Аннотация

Поэт в России больше, чем поэт. Эту летучую фразу авторства Евгения Евтушенко повторяет всякий, кому не лень, когда заходит разговор о поэзии. О фантастах так почему-то не говорят. Это несправедливо. Фантаст в России больше, чем фантаст. Бывает даже, что он больше самой фантастики. Не всякий, конечно. Круг таких писателей невелик. Иван Ефремов, братья Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычѳев, Борис Штерн, Михаил Успенский... К этому редкому меньшинству по праву относится и Евгений Лукин. Фантастика для него – прибор наподобие лесковского мелкоскопа: глянешь в его глазок и увидишь, что возле блохи на подносе ещё и ключик лежит. Читать писателя Лукина – радость и удовольствие. Радость от качества

его прозы, удовольствие – от шутовской атмосферы, в которой обитают его герои. Читаешь его и видишь, как вдруг тебе со страницы то лукаво подмигнёт Гоголь, то покрутит пальцем у виска Салтыков-Щедрин, то вильнёт где-нибудь между главок хвост кота Бегемота.

Первые рассказы и повести Лукина написаны вместе с Любовью Лукиной, супругой писателя, увы, в сорок шесть лет безвременно ушедшей из жизни.

Если начать считать все премии и награды, которые получал Лукин с начала своей писательской деятельности, собьёшься уже где-то на пятом или шестом десятке. Их у него за сотню. «Аэлита», «Странник», «Бронзовая улитка», «АБС-премия», Интерпресскон, Роскон, имени Ивана Ефремова, Беляевская премия, «Золотой Остап» и множество разнообразных других.

Даже «Литературной газетой» однажды он был объявлен лауреатом премии «Золотой телёнок» за свои иронические стихи. А в 2015 году Лукина удостоили почётного звания Грандмастера европейской фантастики.

Содержание

Когда отступают ангелы	9
Поток информации	9
Пробуждение	32
Каникулы и фотограф	47
1	47
2	53
3	61
4	68
5	74
6	77
7	83
8	88
9	93
10	101
11	105
12	110
Для крепких нервов	114
Вторжение	147
1	147
2	157
3	170
4	181
5	193

Строительный	200
Аналогичный случай	221
Тупапау, или Сказка о злой жене	225
1	225
2	228
3	230
4	236
5	244
6	244
7	248
8	250
9	253
10	256
11	259
12	264
13	266
14	270
15	272
16	273
17	276
18	276
19	281
20	283
21	289
Во избежание	293
Ты, и никто другой	295

1	295
2	302
3	308
4	317
5	324
6	332
Щёлк!	338
Не верь глазам своим	344
Право голоса	370
Маскарад	396
Сила действия равна...	399
Когда отступают ангелы	413
Глава 1	413
Глава 2	419
Глава 3	425
Глава 4	434
Глава 5	441
Глава 6	445
Глава 7	452
Глава 8	461
Глава 9	470
Глава 10	476
Глава 11	483
Глава 12	492
Глава 13	502
Глава 14	507

Глава 15	515
Глава 16	521
Глава 17	527
Глава 18	534
Глава 19	541
Глава 20	552
Монумент	557
Конец ознакомительного фрагмента.	575

**Любовь Лукина,
Евгений Лукин**

Разбойничья злая луна

© Е. Ю. Лукин, 2023

© Е. Ю. Лукин, Л. А. Лукина (наследники), 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Когда отступают ангелы

Поток информации

Сразу же, как только Валерий Михайлович Ахломов показался на пороге редакционного сектора, стало ясно, что на планёрке ему крепко влетело от главного.

– Пользуетесь добротой моего характера! – в тихом бешенстве выговорил он. – Уму непостижимо: в рабочее время обсуждать польскую помаду! Что у меня, глаз нет? Я же вижу, что у всех губы фиолетовые.

Он отпер дверь кабинета и обернулся.

– Хотя... – добавил он с убийственной улыбочкой, – молодым даже идёт! – И покинул редсектор.

– Скажите пожалуйста!.. – немедленно открыла язвительный фиолетовый рот немолодая Альбина Гавриловна и спешно закашлялась: перед дверью кабинета, придерживая её заведённой за спину рукой, опять стоял Ахломов, но уже с вытаращенными глазами.

Возвращение его было настолько неожиданным, что не все успели удивиться, прежде чем он круто повернулся и пропал за дверью вторично.

– Младенца подкинули! – радостно предположила молодая бойкая сотрудница.

Язвительный фиолетовый рот Альбины Гавриловны открылся было, чтобы уточнить, кто именно подкинул, но не уточнил, а срочно зевнул, потому что Ахломов снова вышел... Нет, он не вышел – он выпрыгнул из собственного кабинета и, захлопнув дверь, привалился к ней лопатками.

Тут он понял, что все девять блондинок и одна принципиальная брюнетка с интересом на него смотрят, и заискивающе им улыбнулся. Затем нахмурился и, пробормотав: «Да, совсем забыл...» – поспешно вышел в коридор.

Там все ещё перекуривали Рюмин и Клепиков. Увидев начальника, они с сожалением затянулись в последний раз, но начальник повёл себя странно: потоптался, глуповато улыбаясь, и неожиданно попросил сигаретку.

– Вы ж курить вроде бросали, – поразился юный Клепиков.

– Бросишь тут... – почему-то шёпотом ответил Ахломов, ломая вторую спичку о коробок.

Наконец он прикурил, сделал жадную затяжку, поперхнулся дымом, воткнул сигарету в настенный горшочек с традесканцией и решительным шагом вернулся в редсектор. Приотворил дверь кабинета и, не входя, долго смотрел внутрь, после чего робко её прикрыл.

– Что случилось, Валерий Михайлович? – участливо спросила Альбина Гавриловна.

Ахломов диковато оглянулся на голос, но смолчал. Не скажешь же, в самом деле: «Товарищи! У меня на столе ка-

кая-то железяка документацию листает!»

Внятный восторженный смешок сотрудниц заставил его вздрогнуть. И не блесни в дверях до боли знакомые всему отделу очки Виталия Валентиновича Подручного, как знать, не шагнул ли бы Ахломов, спасаясь от хихиканья подчинённых, навстречу металлической твари, осмысленно хозяйничающей на его столе.

А Подручный озадаченно моргнул – показалось, будто Ахломов обрадовался его приходу. Виталию Валентиновичу даже как-то неловко стало, что перед визитом сюда он успел пожаловаться на Ахломова главному инженеру.

– Вот, – протянул он стопку серых листов. – С двадцать первой страницы по сто пятнадцатую.

– Вы пройдите, – растроганно на него глядя, отвечал Ахломов. – Вы пройдите в кабинет. А я сейчас...

«А не прыгнет оно на него?» – ударила вдруг дикая мысль, но дверь за Подручным уже закрылась. Секунду Ахломов ждал всего: вскрика, распахнутой двери и даже почему-то возгласа: «Вы подлец!» – но ничего такого не произошло.

А может, некому уже распахнуть?!

Выпуклый апостольский лоб Ахломова покрылся ледяной испариной, и насмерть перепуганный заведующий отделом рванул дверь на себя.

Железяка стояла, сдвинутая на край стола, и признаков жизни не подавала. Подручный зловеще горбился над скопированной по его заказу документацией.

— Ну опять... — заныл и запричитал он, поворачивая к Ахломову разобиженное лицо. — Смотри сам, Валерий Михайлович. Фон серый. РЭМы твои мажут. Мне же за этот захват голову снимут... А это! — И Подручный, к ужасу Ахломова, бесцеремонно ухватил железяку под квадратное брюшко так, что её четыре ноги нелепо растопырились в воздухе. — Это у тебя откуда, Валерий Михайлович?

Валерий Михайлович спазматически глотнул и, обойдя стол, тяжело сел на своё рабочее место.

— Что это такое? — хрипло спросил он, ткнув подбородком в сторону железяки.

— Да это ж он и есть!

— Кто «он»? — Ахломов постепенно свирепел.

— Автоматический захват для переноски стального листа. Макет в одну пятую натуральной величины. Безобразия... — забормотал Подручный, поворачивая железяку то так, то этак. — На глазок его делали, что ли? Пропорции не те, без замеров вижу. А к чему крепить?

— Короче, это ваше изделие? — Голос Ахломова не предвещал ничего хорошего.

— В том-то и дело! — закричал Подручный. — В том-то и дело, что такого заказа я мехмастерским не давал. Это либо самодеятельность, либо... — лицо его на секунду отвердело, — либо заказ был дан через мою голову.

«Через твою голову! — с ненавистью подумал Ахломов. — Не могло же мне три раза померещиться!»

Захват! Хорош захват, если буквально десять минут назад он собственными глазами видел, как этот, с позволения сказать, захват аккуратно перекладывал листы из одной пачки в другую, на мгновение задерживая каждый перед... бог его знает перед чем – глаз на железяке не было.

– Я этого так не оставлю! – с трудом потрясал железякой Подручный. – Я узнаю, чья это работа. Я сейчас в мехмастерские пойду!

«А потом к главному», – машинально добавил про себя Ахломов, с огромным облегчением наблюдая, как Виталий Валентинович в обнимку с железякой покидает его кабинет.

Конечно, если бы Ахломову дали опомниться, он бы испугался по-настоящему. Но вот как раз опомниться ему не дали – в дверь уже лезли заказчики.

И каждого надо было успокоить, каждого заверить, каждого спровадить.

* * *

Посещение Подручным мехмастерских ничего не дало. Филиппыч щёлкнул по железяке крепким широким ногтем и, одобрително поцокав языком, с треском почесал проводочную седую шевелюру.

– Не наше, – с сожалением сказал он. – Заводская работа. Видите, шлифовочка? Суперфиниш!

Словечко это почему-то доконало Виталия Валентинови-

ча. В его истерзанном служебными неприятностями мозгу возникла нелепая мысль: кто-то его подсиживает. Кому-то очень нужно, чтобы безграмотно выполненный макет его детища попался на глаза начальству в то время, когда отдел и без того срывает все сроки.

– Сейчас вы-ясним, – бормотал он, поднимаясь в лифте на второй этаж, – выясним, кто это у нас такой самородок... Иван Кулибин... Суперфиниш, понимаете!..

Железяка с преданным видом стояла возле его правой ноги наподобие собаки пограничника.

* * *

Главный, подёргиваясь и жестикулируя, расхаживал по кабинету и, казалось, разговаривал сам с собой, не обращая внимания на Ахломова, который подсолнушком поворачивался на стуле за перемещающимся начальством.

– Что, нет у нас специалистов квалифицированных? – горько вопрошал главный. – Почему мы никогда не можем предъявить себя лицом? НИПИАСУ – может. ГПКТБ, – отплевался он согласными, – может. А мы, видите ли... – и главный обаятельно улыбнулся, – не можем!

На секунду он задержался возле стола, с отвращением шевельнул стопку серых листов (с 21-й страницы по 115-ю) и вопрошающе обратился к Ахломову резное морщинистое лицо страдальца.

– Алексей Сергеевич, – преданно глядя на главного, сказал Ахломов, – это же мелочи...

– Да хороший вы мой! – в ужасе перебил его главный, воздев пухлые складчатые ручки. – Делая мелочь, мы должны делать эту мелочь так, чтобы посмотрели на эту мелочь и сказали: «Вот мелочь, а как сделана! Фирма!»

И, выпалив своё любимое словцо, главный устремился к дверям, где уже с минуту маячили очки и зеркально выбритые щёки Подручного.

– Вот! – воскликнул он, отбирая из рук Виталия Валентиновича давешний кошмар Ахломова. – Вот! Это я понимаю! Это профессионально!

И, не прерываемый ни Подручным, ни – тем более – вскокившим со стула Ахломовым, главный поставил терпеливую железяку на стол и принялся умиленно её осматривать.

– Это – фирма, – приговаривал он. – Это – на уровне. Можем, значит, когда захотим! Виталий Валентинович, что это такое?

– Да... мм... видите ли, – расстроенным голосом начал Виталий Валентинович, – это в некотором роде макет нашего автоматического захвата...

– Ну что я могу тут сказать! Это – фирма. С этим не стыдно и в министерство показаться. – Главный любовно снял с железяки пылинку и насторожился. – Слушайте, а зачем вы мне его принесли?

– Сделан-то он, конечно, старательно... – проямлил

Подручный, чувствуя, что пришёл не совсем вовремя, – но размеры, Алексей Сергеевич, пропорции... Крайне неточно сделано.

Главный закатил огромную паузу, в течение которой скорбно смотрел на Подручного.

– Ну, я не знаю, товарищи, – вымолвил он, безнадёжно улыбаясь. – Или у нас нет квалифицированных специалистов...

Ахломов, не слушая, присматривался к железяке. Нет, как хотите, а не могло это двигаться. Единый кусок металла, монолит. Скорее уж обрезок рельсы поползёт на манер гусеницы. А лапы! Каждая на конце скруглена. Как можно такой лапой что-нибудь ухватить? Может быть, присоски? Показать-ся невропатологу? Но ведь двигалось же оно, чёрт побери!

– А достижения?! – Главный уже бегал по кабинету. – Страшно смотреть, как они у нас нарисованы!

Железяка изумлённо щелкнула и зажужжала. Главный запнулся и укоризненно посмотрел на отпрянувшего от стола Ахломова.

– Виталий Валентинович, – позвал он, вновь повернувшись к железяке, – здесь можно что-нибудь исправить?

Вопрос застал Подручного врасплох.

– Н-ну, если здесь сточить, а тут приварить...

– Берите, – прервал его главный. – Берите ваш макет и несите его слесарям. Если это их работа – пусть переделают. Если нет – всё равно пусть переделают!

Подручный проклял тот час, когда потащился к главному, но обсуждать приказы было не в его характере, и вот он уже стоял в гулком коридоре подвала, держа в руках, как табуретку, эту металлическую нелепость, весившую, кстати сказать, не меньше десяти килограммов.

Слесарей на месте не оказалось, и опытный Подручный напрямик направился в мастерскую художника. Дверь мастерской – чудовищная, окованная железом дверь с пиратской табличкой «Не влезай – убьёт!» – была распахнута. Из проёма в коридор тянулся сизый слоистый дым, слышались голоса. Подручный бесшумно поставил свою ношу на бетонный пол и прислушался.

– Деревянный брус, на который кладётся рельса, – веселился тенорок слесаря Шуры. – Пять букв. Что бы это могло быть?

В мастерской жизнерадостно заржали.

– Картина, изображающая морской пейзаж. Шесть букв. Вторая – «а».

– Марина, – вкусно выговорил голос художника Королёва.

– Кто?

– Марина, пенёк.

– Та-ак. Бесхвостое земноводное, распространённое в нашей области. Саня, это по твоей части. Бесхвостое...

– Слышу. Лягушка.

– Ля-гуш-ка. Точно. Ты смотри! За что же тебя из института выперли?

– За хвосты.

Вновь послышалось жизнерадостное ржание.

– По вертикали. Стихотворный размер. А у кого из нас диплом литератора? Чего молчишь, учитель? Завязывай с подошвами. Стихотворный размер...

– Сколько букв?

– Десять. Предпоследняя – «и».

– Амфибрахий.

– Амфибрахий или амфебрахий?

– Так, – сказал Подручный, входя. – Что, собственно, происходит?

Своим непосредственным делом был занят только художник Королёв. Склонившись над столом, он неистово трафаретил по синему фону поздравительного плаката жёлтые шестерёнки. Фотограф старательно вырезал из твёрдого пенопласта подошву изящных очертаний. Слесари Саня и Шура сидели верхом на стульях и дымили. Юный шалопай Клепиков из отдела Ахломова приник к карте мира в районе Панамского канала.

– А кто к нам пришёл! – восторженно завопил художник Королёв, не поворачивая головы. – Виталий Валентинович, выгоните этих тунеядцев. Работать не дают!

– Всё те же лица, – холодно заметил Подручный. – А что

здесь делают слесаря?

– Нашёл! Вот она! – выкрикнул шалопай Клепиков, оборачиваясь. – Пиши: порт в Колумбии – Буэнавентура.

Тут он, понятно, осёкся.

– Кроссвордики, значит, разгадываем, – вазелиновым голосом подытожил Виталий Валентинович. – А главный инженер дозвониться не может. Саня! Шура! Ну-ка заканчивайте. Есть работа. Во-первых, знаком вам этот...

Подручный не договорил. Что в ту, что в другую сторону коридор был пуст. Железяка исчезла.

* * *

Если до этого момента путь предмета, принятого отдельными лицами за макет автоматического захвата, можно было обозначить непрерывной линией, то теперь он рисуется нам извилистым пунктиром или даже беспорядочной россыпью точек.

Так, две библиотекарки вспомнили, что с ними в лифте на четвёртый этаж поднималась уродливая болванка на четырёх ножках, об которую и были порваны французские колготки.

Группа сотрудников, спускавшаяся с шестого этажа в столовую, также засвидетельствовала наличие железяки в лифте. Мало того, двое из них признались, что в связи с теснотой они выставили железяку на третьем этаже, нехорошо о ней

отозвавшись. Может, до, а может, после этого (разложить события по порядку так и не удалось) в отделе Подручного раздался возмущённый женский голос: «Кто мне поставил на „Бурду“ эту уродину?» Ответом был вялый голос из-за кулмана: «А-восемь. Убит». Там резались в морской бой.

Кроме Подручного, опознать предмет было некому. Но Виталий Валентинович в ту пору отчитывался перед главным в пропаже макета, так что после краткого разбирательства железяку вынесли на лестничную площадку, где она приняла посильное участие в перекуре. Иными словами, на неё сел один сотрудник, предварительно подстелив носовой платок. Железяка крикнула, но стерпела.

Забегая вперёд, скажем: если бы этот сотрудник знал, на что сел, он бы вскочил, как с раскалённой плиты, и зарёкся курить в рабочее время.

* * *

Главный возвращался из инспекционного набег на отдел тяжёлой полуавтоматики, когда удивительно знакомый неприятный голос с лестничной площадки изрёк невероятную фразу.

– Если мы делаем мелочь, – сказал голос, – мы делаем мелочь... мелочь... – Тут он запнулся, начал заикаться и очень неуверенно закончил: – Чем мельче, тем лучше. Фирма!

Главный остолбенел. Последовало слабое шипение, и соч-

ный баритон инженера Бухбиндера произнёс:

– Как же им не гореть, если они Нунцию диссертацию делают? Редакторы компонуют, машбюро печатает, даже ко-
пирку запряг. Причём в таком строжайшем секрете, что уже
всему институту известно.

– А сам он что же? – вмешался другой голос, обладателя
которого главный не вспомнил.

– Кто? Лёша? Ты что, смеешься? Это тебе не докладную
директору накатать.

Главный задохнулся от возмущения. Когда? Каким обра-
зом узнали? И кто бы мог подумать: Бухбиндер! «Ну я сей-
час покажу вам Нунция», – подумал он, но тут произошло
нечто совсем уже непонятное.

– Как же им не гореть, – снова заладил баритон, – если они
Нунцию диссертацию делают? Редакторы компонуют, маш-
бюро печатает, даже копирку запряг. Причём в таком стро-
жайшем секрете...

И диалог повторился слово в слово, как будто кто-то два-
жды прокрутил одну и ту же запись. Запахло горелой изоля-
цией.

Главный вылетел на площадку и, никого на ней не обна-
ружив, стремительно перегнулся через перила. Виновных не
было и внизу. Клокоча от гнева, он обернулся и увидел макет
автоматического захвата, позорно утерянный Подручным.

Ворвавшись к себе в кабинет, главный потребовал Вита-
лия Валентиновича к телефону.

– Вы нашли макет? – ядовито осведомился он. – Ну конечно... Почему я вынужден всё делать за вас? Представьте, нашёл... Нет, не у меня... А вот выйдите перед вашим отделом на лестничную площадку, и увидите.

Разделавшись с Подручным, главный достал толковый словарь и выяснил значение слова «нунций».

– Бухбиндера ко мне! – коротко приказал он и вдруг замер с трубкой в руке.

Он вспомнил, кому принадлежит тот неприятно дребезжащий голос, сказавший возмутительную фразу насчёт мелочей. Это был его собственный голос.

* * *

Тем временем девять блондинок и одна принципиальная брюнетка парами и поодиночке потянулись из столовой в редсектор.

– Глядите-ка! – радостно оповестила, входя, молодая бойкая сотрудница. – Опять Подручный свою табуретку принёс.

Вряд ли железяку привело к двери кабинета праздное любопытство. Скорее она надеялась досмотреть чертежи, от которых её оторвали утром. Но у Ахломова была странная манера запирать свой закуток на два оборота даже на время минутной отлучки.

– Вы подумайте: таскать тяжести в обеденный перерыв! – продолжала зубоскалить молодая особа. – Вот сгорит на ра-

боте – что будем делать без нашего Виталия Валентиновича?
– Успокойтесь, девочки, – отозвалась Альбина Гавриловна, обстоятельно устраиваясь на стуле. – Такой не сгорит. Это мы с вами сто раз сгорим.

Железяка слушала.

– Ни он, ни помощница его, – поддержала принципиальная брюнетка Лира Федотовна.

– А что, у Подручного заместитель – женщина? – робким баском удивилась новенькая.

– Перед тобой в очереди стояла. В белых брюках в обтяжку.

– Просто не понимаю! – Лира Федотовна возмущённо швырнула карандаш на стол. – В нашем возрасте носить брючный костюм!

Минут пять она возмущалась, потом немного остыла и снова взяла карандаш. В углу прекратила стук пишущая машинка.

– А Пашка Клепиков, – сказала машинистка, – опять вчера Верку из светоконии провожал. Маринка все утро проревела.

– Не по-ни-ма-ю! – Карандаш Леры Федотовны опять полетел на стол. – Два месяца, как расписались! У них сейчас ласковое отношение должно быть друг к другу, а они...

Неожиданный вздох Альбины Гавриловны вобрал не менее трети воздуха в помещении.

– И зрелым женщинам хочется ласки, – мелодично сказа-

ла она.

Железяка слушала.

Несколько минут работали молча. Потом молодая бойкая сотрудница подняла от бумаг восторженные глаза:

– А у жены Ахломова...

Несомненно, ей крупно повезло. Спустя секунду после того, как она нанесла последний штрих на семейный портрет любимого начальника, в дверях показался розовый носик лёгкого на помине Ахломова.

Ахломов увидел железяку. В следующее мгновение он уже был у себя в кабинете и с треском набирал номер:

– Подручного мне!

Редсектор замер.

– Где? У главного? – И через секунду – другим голосом: – Алексей Сергеевич, Подручный у вас? Скажите ему, пожалуйста, пусть придёт и заберёт свой макет... А у меня под дверью... А я не знаю... А это вы у него спросите... Жду, жду... А то об него спотыкаются, повредить могут.

Пришёл совершенно пришибленный Подручный и, воровато озираясь, унёс железяку к слесарям.

* * *

Слесарь Саня одиноко и неподвижно восседал на стуле в электрощитовой и через равные промежутки времени с хрустом зевал. В глазах его отражались лампочки.

– А где Шура? – спросил Подручный, войдя.

Саня медленно-медленно повернул голову и с неодобрением осмотрел вошедшего.

– Вышел, – апатично изронил он.

– Вышел? Ну ладно... Саня, вот это нужно довести до кондиции.

Саня с неодобрением осмотрел то, что принёс Подручный.

– Видишь, Саня, корпус прямоугольный, а его скруглить надо. – Виталий Валентинович был неприлично суетлив. – Вот эти уголки надо снять, а вот здесь мне потом сварщик крючочки приварит. погоди, я тебе сейчас эскизик набросаю. Вот тут, тут и тут. И ради бога, Саня, – душераздирающе попросил Подручный, – как можно быстрее! Я тебе звонить буду.

Оставшись один, Саня некоторое время с упрёком смотрел на железяку, потом нехотя поднялся и пошел за напильником. Придя с инструментом, он прочно зажал одну из металлических ног в тиски, заглянул в эскизик, примерился и одним привычным движением сточил первый угол... Вернее, хотел сточить. Напильник скользнул, не оставив на корпусе ни царапины, и слесарь чуть не врезался в железяку челюстью. И тут произошло событие, заставившее Саню проснуться окончательно.

– И зрелым женщинам хочется ласки, – ответил лжезахват на прикосновение напильника голосом Альбины Гаври-

ловны, а затем, открутив свободной лапой рукоятку тисков, спрыгнул на пол и с дробным цокотом убежал в коридор.

Саня ощутил острую боль в ноге и понял, что уронил напильник.

* * *

Самое время сообщить, что впоследствии, когда происшествием занялась группа компетентных лиц, однозначно ответить удалось лишь на два вопроса. Первое: случившееся не являлось массовой галлюцинацией. Второе: создать подобный механизм при современном уровне техники невозможно.

Далее шли одни предположения: может быть, аппарат был повреждён вследствие не совсем мягкой посадки; не исключено также, что он, образно выражаясь, захлебнулся в потоке противоречивой информации.

Были и иные толкования. Слесарь Саня, например, открыто утверждал, что пришелец из космоса, кибернетический разведчик, представитель внеземной цивилизации, попросту свихнулся, пытаясь разобраться, чем же, наконец, занимается учреждение.

Но в тот момент ему было не до гипотез. Схватив напильник, он выскочил в коридор. Что цокот ушёл влево, можно было не сомневаться. Но коридор был пуст. Из распахнутой двери художника доносился тенорок слесаря Шуры.

Саня почувствовал острую потребность в общении. Он заглянул в мастерскую и обмер: лжезахват растопырился над кроссвордом.

– Основной вид гидромелиоративных работ, проводимых в нашей области... – бормотал он Шуриным голосом, нетерпеливо постукивая лапой по клеткам. – А у кого из нас диплом мелиоратора?

Саня побежал к лестничному пролёту. Ему позарез нужен был хотя бы один свидетель. Связываться с железякой в одиночку слесарю не хотелось.

Кто-то стремительно убегал вверх по лестнице. На повороте мелькнули брюки, несомненно принадлежащие художнику Королёву.

– Королёв!!! – заорал Саня и ударил напильником по прутьям перил, наполнив подвал звоном и грохотом. – Давай сюда! Скорей сюда!

Знакомый цокот заставил его со злобой швырнуть инструмент на пол. Лжезахват уходил вверх по противоположной лестнице.

А Королёв бежал и бежал, пока не уткнулся в чердачный люк. Он был так потрясён встречей с железякой, что даже не догадался свернуть на каком-нибудь этаже.

* * *

У Валерия Михайловича Ахломова было два настроения,

два рабочих состояния. Находясь в первом, он настежь распахивал дверь в редсектор и бдительно следил из-за стола за поведением сотрудниц. В такие дни резко повышалась производительность труда. Во втором состоянии он наглухо заперся в кабинете и общался с отделом по внутреннему телефону.

Когда железяка, блистательно уйдя от Сани, вновь проникла в редсектор, дверь Ахломова была плотно закрыта. Правда, следует отметить, что на этот раз железяка и не пыталась к ней приблизиться. Видимо, имело место серьёзное нарушение логических связей, ведущее к полному распаду функций.

Несмотря на то что передвигалась она теперь не на цыпочках, а этаким кокетливым топотком, внимания на неё не обратили.

Весь отдел толпился у стола отпускницы Любочки. На Любочке была достойная зависти розовая кофточка, тонко оттенявшая ровный морской загар. Но то, что лежало на столе, вызывало в женщинах чувство исступления, переходящее в истому.

Это нельзя было назвать свитером, это нельзя было назвать кофточкой – светло-коричневое, цвета тёплого вечернего песка, окутанное нежнейшим золотистым пухом, оно доверчиво льнуло к робким женским пальцам, оно было почти живое.

Да что говорить – сама Любочка смотрела на принадле-

жашую ей вещь точно так же, как и остальные.

– Если бы не на два размера больше! – в отчаянии повторяла она.

– Воротник хомутиком, – зачарованно шепнули у её левого плеча. – И сколько?

Любочка назвала цену и предъявила этикетку.

– Хомутиком... – безнадежно отозвался тот же голос у её правого плеча.

– Ну-ка, покараульте кто-нибудь у входа, – решила Лира Федотовна, сбрасывая жакет. И, не сводя алчного взора с кофточки, пояснила: – Мой размер!

– А если Валерий Михайлович выйдет? – ахнула новенькая.

– Если закрылся – до самого звонка не выйдет, – успокоила Лира Федотовна, уже протягивая руку к кофточке, и вдруг приглушённо взвыла: – Да что ж вы на ноги-то наступаете?

– Покараульте, покараульте!.. – лихорадочно бормотала железяка, пробираясь по ногам вперёд.

Оттеснив соперницу, она со стуком взгромоздилась на стол и одним неувимым движением – только ноги мелькнули! – напялила вещь.

Зрелище вышло кошмарное – что и говорить! Многоголосый женский визг напомнил вопль органа. Все бросились кто куда, и только Любочка – за железякой.

Коридор огласился хлопаньем дверей, ровным цокотом и криками, мужскими и женскими.

– Фир-рма! Буэнавентур-ра! – вопил голосом главного, пробегая по коридору в развевающейся кофточке, свихнувшийся киберразведчик. – Втирательство очков из семнадцати букв, четвертая – «о»!

Он звонко продробил по всем этажам учреждения, расплёскивая избыток бог знает где набранной информации. Обессилевшая Любочка отстала на третьем. В воздухе ещё таял победный вопль: «Мелочь, а как сделана!» – когда она села на ступеньки и разрыдалась.

Прибежавший на голос главного Подручный увидел бегущий по коридору макет автоматического захвата и растопырил руки, перекрывая ему дорогу. Но железяка, лихо поддёргнув полы, с молодецким криком «А кто к нам пришёл!» перепрыгнула через Виталия Валентиновича.

Он потерял её на втором этаже, где она попросту выскочила в окно и, согласно показаниям прохожих, пробежала по карнизу вдоль всего здания, подметая королевским мохером штукатурку.

* * *

Ахломов, услышав вопли, ворвался в редсектор, не слушая объяснений, перекричал сотрудниц и, рассадив всех по рабочим местам, с треском закрылся в кабинете.

На подоконнике стояла железяка в грязной шерстяной хламиде.

Ахломов схватился за телефон.

– А жена у Ахломова, – внятно сказала железяка, – стерва та ещё... Так он себе в НИПИАСУ любовницу завёл.

* * *

Никто не знает, откуда она появилась. Никто не знает, куда она исчезла. И можно только предполагать, что теперь там о нас подумают.

Последнее, что услышал Ахломов, швырнув в железяку телефонную трубку, было:

– Королевский мохер – практично и сексапильно!..

1975

Пробуждение

Он проснулся, чувствуя, что опаздывает на работу, и, конечно, первым делом разбил стакан. Это был уже четвёртый или пятый случай. Цилиндр тонкого стекла, задетый неловким движением, съехал на край стола, накренился и полетел на пол, кувыркаясь и расплёскивая остатки приготовленной на ночь воды.

Он успел подхватить его на лету, но – увы – только мысленно. Как всегда. Вдобавок он не совсем проснулся, потому что в третий – смертельный – кувырок стакан вошёл с явной неохотой, на глазах замедляя падение, словно в отлаженном, выверенном и безотказном механизме ньютоновской теории тяготения что-то наконец заело.

Он оторопело встряхнул головой, и стакан, косо повисший в двадцати сантиметрах над полом, упал и с коротким стеклянным щелчком распался на два крупных осколка.

Чего только не случается между сном и явью! Оцепенеть от изумления было бы в его положении роскошью – он не успевал к звонку даже теоретически. Судя по характеру пробуждения, ему предстоял чёрный понедельник, а то и чёрная неделя. Неудачи, сами понимаете, явление стадное.

* * *

Когда, застёгивая пальто, он выбежал со двора на улицу, в запасе была всего одна минута. Правда, на остановке стоял трамвай, который милостиво позволил догнать себя и вскопить на заднюю площадку, но это ещё ни о чём не говорило. Либо трамвай неисправен, либо сейчас обнаружится, что во второй кассе кончились билеты и водитель будет минут пять заряжать дьявольский механизм и ещё столько же лязгать рычагом, проверяя исправность кассы.

К его удивлению, трамвай заныл, задрожал, закрыл двери и, звякнув, рванул с места. Навстречу летели зелёные светофоры, а одну остановку водитель просто пропустил, рывкнув в микрофон: «На Завалдайской не сходят? Проедем...»

Следовательно, предчувствие обмануло. Ему предстоял вовсе не чёрный, а самый обыкновенный, рядовой понедельник.

* * *

В отделе его встретили понимающими улыбками. Человек, панически боящийся опоздать на работу и всё же опаздывающий ежедневно, забавен, даже когда ухитрится прийти вовремя. Начальник нахмурил розовое юношеское чело.

Сегодняшнюю пятиминутку он собирался начать с разговора о производственной дисциплине и – на тебе! – лишился основного наглядного пособия.

– Ну что ж, начнём, товарищи...

Начальник встал.

– Сегодня, вижу, опоздавших практически нет, и это... э-э-э... отрадно. Но конечно, в целом по прошлой неделе показатели наши... тревожат. Да, тревожат. Некоторые товарищи почему-то решили...

Все посмотрели на некоторого товарища. Кто со скукой, кто с сочувствием.

Некоторый товарищ терпеть не мог своего молодого, из всех сил растущего начальника. За апломб, за манеру разговаривать с людьми, в частности – за возмутительную привычку отчитывать при свидетелях. Ясно: добреньким он всегда стать успеет, а на первых порах – строгость, и только строгость. А к некоторому товарищу придирается по той простой причине, что товарищ этот – недотёпа. Видя начальника насквозь, точно зная, что следует ответить, он тем не менее ни разу не осадил его и не поставил на место. Почему? А почему он сегодня утром не подхватил падающий стакан, хотя вполне мог это сделать?

На восьмой минуте пятиминутки дверь отдела отворилась и вошла яркая женщина Мерзликина. Вот вам прямо противоположный случай. Ведь из чего складывается неудачник? Вовсе не из количества неудач, а из своего отношения к ним.

Итак, вошла яркая женщина Мерзликина, гоня перед собой крупную волну аромата. Начальник снова нахмурился и, не поднимая глаз, осведомился о причинах опоздания.

Мерзликина посмотрела на него как на идиота.

– Конечно, проспала, – с достоинством ответила она, и начальник оробел до такой степени, что даже не потребовал письменного объяснения.

На беду, кто-то тихонько хихикнул. Ощувив крупную пробоину в своём авторитете, начальник принялся спешно её латать. Кем он эту пробоину заткнул, можно догадаться.

Нет, всё-таки это был чёрный понедельник.

– ...другими словами, всё дело исключительно в добро-совестном отношении к своему... э-э-э... делу, – не совсем гладко закончил ненавистный человек, и в этот миг его галстук одним рывком выскочил из пиджака.

– Извините, – пробормотал начальник, запихивая обратно взбесившуюся деталь туалета.

Услышав, что перед ними за что-то извиняются, сотрудники вострепнулись, но оказалось – ничего особенного, с галстуком что-то.

– У меня всё! – отрывисто известил начальник и сел.

Он был бледен. Время от времени он принимался осторожно двигать шеей и хватать себя растопыренной пятернёй пониже горла.

Короче, никто из подчинённых на эпизод с галстуком должного внимания не обратил. Кроме одного человека.

Ему захотелось взять начальника за галстук. И он мысленно взял начальника за галстук. Он даже мысленно встряхнул начальника, взяв его за галстук. И вот теперь сидел ни жив ни мёртв.

Как же так? Он ведь даже не пошевелился, он только подумал... Нет, неправда. Он не только подумал. Он в самом деле взял его за галстук, но не руками, а как-то... по-другому.

Он спохватился и, рассерженный тем, что всерьёз размышляет над заведомой ерундой, попытался сосредоточиться на делах служебных. Да мало ли отчего у человека может выбиться галстук!

Ну всё. Всё-всё-всё. Пофантазировал – и хватит. И за работу. Но тут он вспомнил, что случилось утром, и снова ощутил этакий неприятный сквознячок в позвоночнике. Перед глазами медленно-медленно закувыркался падающий стакан и замер, подхваченный...

Он выпрямился, бессмысленно глядя в одну точку, а именно – на многостержневую шариковую ручку на столе Мерзликиной. Самопишущий агрегат шевельнулся и, подчиняясь его лёгкому усилию, встал торчком.

Мерзликина взвизгнула. Перетрусив, он уткнулся в бумаги. Потом сообразил, что именно так и навлекают на себя подозрения. Гораздо естественнее было полюбопытствовать, по какому поводу визг. Мерзликина с округлившимися глазами опасно трогала ручку пальцем.

Происшествием заинтересовались.

– При чём здесь сквозняк? – возражала Мерзликина. – Что может сделать сквозняк? Ну, покатить, ну, сбросить... И потом, откуда у нас здесь сквозняк?

Она успокоилась лишь после того, как её сосед разобрал и собрал ручку у неё на глазах. Там, внутри, обнаружилось несколько пружинок, и Мерзликиной, как истой женщине (тем более – яркой), этого показалось вполне достаточно. Вот если бы пружинок не было, тогда, согласитесь, вышла бы полная мистика, а так – всё-таки пружинки...

Значит, не померещилось. Значит, всё это всерьёз и на самом деле. Но откуда? С чего вдруг могли в нём проснуться такие сверхъестественные, или, как это сейчас принято говорить, – паранормальные, способности? Прорезались с возрастом, как зуб мудрости?

Он машинально открыл папку, не прикасаясь к ней, и таким же образом закрыл.

Теперь не было даже сомнений.

«Ах вот как! – внезапно подумал он с оттенком чёрного ликования. Ну тогда совсем другое дело! Тогда я, кажется, знаю, чем мне заняться...»

И скосил преступный глаз вправо, где из-под полированной передней стенки стола так беззащитно и трогательно виднелись венгерские туфли начальника.

Он мысленно потянул за шнурок. Начальник схватился за ногу и заглянул под стол.

Неосторожно... В течение нескольких минут он тренировался, развязывая и завязывая тесёмки папки, после чего вернулся к туфлям. Принцип он понял: следовало не тянуть, а постепенно распускать весь узел в целом.

С этой ювелирной операцией он справился с блеском и некоторое время любовался расхлюстанным видом обуви начальника. Потом ему пришло в голову, что шнурки можно связать между собой.

Довершить затеянное он мудро предоставил естественно-му ходу событий и, разложив бумаги, сделал вид, что с головой ушёл в дела. Прошло около получаса, а ловушка всё не срабатывала. Первое время он нервничал, а потом сам не заметил, как втянулся в обычный ритм и взялся за службу всерьёз. Поэтому, когда в помещении раздался грохот, он подпрыгнул от неожиданности точно так же, как и все остальные.

Начальник лежал на животе ногами к стулу и с совершенно обезумевшим лицом к двери. Упираясь ладонями в пол, он безрезультатно пытался подтянуть под себя то одну, то другую ногу.

Ужас! Налицо злостное хулиганство, подрыв авторитета, грубейшее нарушение производственной дисциплины, а виновных нет.

Начальника поставили на ноги, развязали, отряхнули и бережно усадили за стол. Он ошалело бормотал слова благодарности, а ему – не менее ошалело – бормотали слова со-

болезнования и, не зная, что и подумать, в смущении разбежались по рабочим местам.

Впору было появиться какому-нибудь Эркюлю Пуаро и порадовать поклонников версией, что начальник сам незаметно связал себе ноги и, грохнувшись на пол, отвлѣк тем самым внимание общественности от какого-то своего куда более серьёзного преступления.

Но если бы этим пассажем всё ограничилось!

Нет, день запомнился начальнику надолго. Бумаги на его столе загадочным образом шулерски перетасовывались, а сверху неизменно оказывался журнал из нижнего ящика тумбы. Кроссвордом вверх. Стоило начальнику отлучиться или хотя бы отвлечься, красный карандаш принимался накладывать от его имени совершенно идиотские резолюции, пересыпая их грубейшими орфографическими ошибками.

Начальник взбеленился и решил уличить виновных любой ценой. Тактика его была довольно однообразна: он прикидывался, что поглощён телефонным разговором или поиском нужного документа, после чего стремительно оборачивался.

В конце концов карандашу надоела эта бездарная слежка. Уже не скрываясь, он опёрся на остриё и, развратно покачив тупым шестигранным торцом, вывел поперѣк акта о списании детскими печатными буквами: «Ну и как оно?»

Начальник встал. Лицо его было задумчиво и скорбно. Он вышел и не появлялся до самого перерыва.

Его гонитель почувствовал угрызения совести. Но выяснилось, что не знал он и недооценивал своего начальника. Когда тот возник в дверях сразу после обеда и, притворяясь, что видит художества красного карандаша впервые, осведомился страшным голосом, чья это работа, стало ясно, что до капитуляции ещё далеко.

Так и не понял начальник, какая сила противостоит ему. Он требовал признания, он высказал всё, что накопилось в его душе за первую половину дня, и, наконец, сел писать докладную неизвестно кому неизвестно на кого. Словом, повёл себя решительно, но мерзко.

Кара последовала незамедлительно. Пока он составлял докладную, та же невидимая рука ухитрилась перевинтить ему университетский «поплавок» с лацкана на место, для ношения регалий совершенно не предназначенное. Лишь после этого начальник выкинул белый флаг и с позором бежал с поля боя. Потом уже узнали, что он зашёл к замдиректора и, сославшись на недомогание, уехал домой.

Но победитель, кажется, был смущён своей победой. Конечно, начальник здорово ему насолил за последние полгода, и всё же зря он его так жестоко. И Мерзликину утром напугал. За что? Храбрая женщина, к тому же такая яркая...

Совість потребовала от него галантного поступка. Скажем, бросить на стол Мерзликиной цветок. Анонимно. Больше галантности он себе представить не мог. Да, но где взять цветы в конце февраля? В одном из окон дома напротив цвёл

кактус.

Явление, говорят, редкое.

Сразу же возник ряд трудноразрешимых задач. Сорвать он, положим, сорвёт. А как протащить сквозь заклеенное окно? А потом ещё сквозь двойные витринные стёкла отдела? Окольными путями?

Он представил проплывающий коридорами цветок и, задумчиво поджав губы, покачал головой. Выследят.

В конце концов он решил не мучиться и поступить просто: сорвать там, а на стол положить – здесь. Пусть цветок сам как хочет, так и добирается.

– О-о-о... – польщённо сказала Мерзликина, заметив перед собой чёрно-жёлтого, геометрически безупречного красавца. И, оправляя причёску, лукаво оглядела отдел.

Ну и слава богу. Он, честно говоря, опасался, что она терпеть не может кактусы и всё с ними связанное.

* * *

Домой со службы отправился пешком. Стояла оттепель, февраль был похож на март.

Он шёл в приподнятом настроении, расстегнув пальто и чувствуя себя непривычно значительным. Машинально, как мальчишки тарахтят палкой по прутьям ограды, он постукивал по звучным прозрачным сосулькам, не пропуская ни одной. Интересно, чем он это делал?

Внезапно возник слабый, но нестерпимо ясный отзвук чьего-то ужаса, и он запрокинул голову. Что-то падало с огромной высоты многоэтажного дома, что-то маленькое, пушистое, живое. Кошка! То ли она не удержалась на ледяной кромке крыши, то ли её выбросил из окна лестничной площадки какой-то мерзавец.

Он подхватил её на уровне второго этажа. Он чувствовал, что если остановит сразу, то для кошки это будет всё равно что удариться со всего маху об асфальт. Поэтому он пронёс её, плавно притормаживая, почти до земли и, чтобы не бросать в лужу, положил в сторонке на сухую асфальтовую проталину.

Кошка вскочила и, вытянувшись, метнулась за угол, крепясь от испуга.

– Кося летала!! – раздался ликующий детский вопль.

– Нет, Яночка, нет, что ты! Коша не летала. Летают птички. А киски летать не могут.

– Летала!! – последовал новый толчок в барабанные перепонки, и молодая мать поняла, как трудно теперь будет убедить Яночку в том, что кошки не летают.

Кошачий спаситель был растерян. В этом оглушительном ликующем «летала!» он услышал нечто очень для себя важное, нечто такое, чего сам ещё не мог постичь и объяснить. Он застегнул пальто и в задумчивости двинулся дальше. Сосульки оставил в покое.

Дома его ждала неубранная постель и осколки стакана на полу. Он привёл комнату в порядок и присел к столу – поразмыслить.

...Неудачник, человек на третьих ролях, он глядел в медленно синееющее окно, и странно было ощущать себя победителем.

Интересно, как бы на всё это отреагировала его бывшая жена? Где-то она теперь? Собиралась вроде уехать с мужем куда-то на север...

И вдруг он обнаружил её – далеко-далеко. Такая же комнатка, как у него, довольно скромная обстановка... Так, а это, стало быть, и есть её новый муж? Ну и верзила! Усы, конечно, отрастил по её желанию. Идиллия. Кофе пьют.

Он вслушался. По несчастливому совпадению разговор шёл о нём.

– Ты только не подумай, что я вас сравниваю, – говорила она. – Просто это был эгоист до мозга костей. Ему нужно было, чтобы все с ним нянчились. Жаловался всё время...

– Мм... – великодушно отозвался верзила. – Но ведь я тоже иногда жалуюсь...

– Не то! – горячо возразила она. – Совсем не то! У тебя это получается как-то... по-мужски!..

Невидимый свидетель разговора обиделся. «Да я хоть раз

сказал о тебе после развода что плохое?» – захотелось крикнуть ему. Осерчав, он чуть было не перевернул ей кофейник, но вдруг подумал, что бывшая жена права и что такого нытика и зануду, как он, поискать – не найдёшь. Затем он почувствовал некий импульс самодовольства, исходивший от её нового мужа. А вот этого прощать не следовало.

Он тронул чашку, которую верзила держал за ручку кончиками пальцев, чуть передвинул и наклонил, вылив ему кофе в послушно оттопырившийся нагрудный карман рубашки. Не кипяток, потерпит. А то ишь раздулся! Идеал!

Он очнулся. В комнате было уже темно. Всё ещё фыркая от обиды, включил торшер и, подойдя к чёрно-синему окну, задёрнул шторы. И сердце сменило ритм. Удары его с каждой секундой становились сильнее и чаще.

– Стой! – взмолился он. – Да постой же!

Наконец-то он испугался. Он уже свыкся с тем, что может очень многое. Скажем, связать шнурки начальнику. Или переправить цветок на стол сотрудницы. Но контролировать комнату, находящуюся за сотни километров отсюда?..

На что он способен ещё?

Он ощутил неимоверно далёкий тёплый океан и скалистый, причудливо источенный берег. Потом словно провёл ладонью по всему побережью, на миг задерживаясь на неровностях и безошибочно определяя их значение: это пальма, это холм, это железная дорога. А вот и экспресс. К морю катит.

Краем сознания он задел – там, далеко, – что-то неприятное, опасное. Какие-то контейнеры – в море, на очень большой глубине. Отвратительное, совершенно незнакомое ощущение: вкус – не вкус, запах – не запах, что-то не имеющее названия... Осторожно и брезгливо не то ощупал, не то осмотрел – и догадался: захоронение радиоактивных отходов!

«Стереть бы их в порошок!» – беспомощно подумал он и вдруг почувствовал, что может это сделать. Вот сейчас. Одним коротким страшным усилием превратить их в серебристую безвредную, медленно оседающую на дно муть.

Нет, это уже было слишком! Он снова сидел в своей комнате, чувствуя себя то крохотным, то огромным.

На что он способен ещё? Сорвать Землю с орбиты? Остановить время?

Но тут он вспомнил, как утром ныл и нёсся трамвай, как поспешно меняли цвет светофоры, как стрелки всех замеченных им часов никак не могли одолеть последнюю – такую важную для него – минуту. Да. Сегодня утром он, сам того не подозревая, замедлил время. И ради чего? Ради того, чтобы не опоздать на работу?

Он зарычал от стыда.

На что он растратил сегодняшний день? Какое применение нашёл он своему дару? Травил начальника, мелко мстил незнакомому человеку!..

А что в активе? Спасённая кошка?

«Леталя!» – снова зазвенел в ушах победный клич маленького человечка. Да, единственный добрый поступок – спас кошку.

А цветок, брошенный им на стол Мерзликиной? Пошляк! Урод!

...И какой соблазн – убедить себя в том, что все эти убогие проделки были рядом смелых экспериментов, попыткой яснее очертить границы своих новых возможностей! Но себя не обманешь: не экспериментировал он и не разбирался – просто сводил счёты.

День позора! Так вывернуть себя наизнанку!..

Он понимал уже, что никогда не простит себе этого понедельника, но изменить случившееся было не под силу даже ему.

* * *

Ложись спать, человек, завтра тебе предстоят великие дела. Какие? Это ты решишь завтра.

И не дай тебе бог проснуться утром и понять, что всё уже кончилось, что удивительные, сказочные способности были тебе даны всего на один день.

Каникулы и фотограф

1

За «Асахи пентакс» оставалось выплатить немногим больше сотни. Стоя над огромной кюветой, Мосин метал в проявитель листы фотобумаги. Руки его в рубиновом свете лабораторного фонаря казались окровавленными.

Тридцать копеек, шестьдесят копеек, девяносто, рубль двадцать...

На семи рублях пятидесяти копеечках в дверь позвонили. Мосин не отреагировал. И только когда тяжёлая деревянная крышка опустилась на кювету с фиксажем, скрыв от посторонних глаз левую продукцию, он распрямил натруженный позвоночник и пошёл открывать.

– Мосин, тебе не стыдно? – с порога спросил инженер-конструктор Лихошерст.

Мосин хлопнул себя по лбу, затем, спохватившись, переложил ладонь на сердце.

– Валера! – страстно сказал он. – Честное слово, фотографировал. Но, понимаешь, плёнку перекосило.

– Голову оторву, – ласково пообещал Лихошерст.

Мосин обиделся:

– Правда перекосило... – И, понизив голос, поинтересо-

вался: – Тебе пеньюар нужен?

– Не ношу, – сухо ответил инженер. – И не заговаривай мне зубы. Завтра утром стенгазета должна висеть на стенде!

Мосин открыл дипломат и достал оттуда фирменный целлофановый пакет.

– Розовый. Английский, – сообщил он с надеждой. – У твоей жены какой размер?

Лихошерст насмешливо разглядывал неширокую мосинскую грудь, обтянутую бледно-голубой тенниской, на которой жуткая акула старательно разевала пасть, готовясь проглотить безмятежную красавицу в тёмных очках.

– Растленный ты тип, Мосин. Наживаться за счёт редактора стенной газеты – всё равно что грабить вдов и сирот. Если не секрет, откуда у тебя пеньюар?

Мосин смутился и пробормотал что-то о родственнике, приехавшем из Караганды.

– В общем, работай, – не дослушав, сказал Лихошерст. – И чтобы после обеда фотографии были. Не будут – утоплю в проявителе.

Мосин закрыл за ним дверь и с минуту неприязненно смотрел на фирменный пакет. В списке тех, кому он собирался сбыть пеньюар, Лихошерст стоял последним. Надо же – так промахнуться! Интуиция говорила, что с руками оторвут, а вот, поди ж ты...

Мосин меланхолично перебрал снимки в промывку и – делать нечего – пошёл выполнять задание. Заперев лабора-

торию, он прошествовал мимо длинного стенда «Мы будем жить при коммунизме» и через заднюю дверь выбрался из вестибюля во двор НИИ, где, по словам Лихошерста, имел место бардак у дверей склада.

Верно, имел... Мосин отснял пару кадров с близкого расстояния, потом попробовал захватить широкоугольником весь двор. Для этого пришлось отступить к самой стене и даже влезть в заросли обломанной сирени.

Где-то неподалёку задорный молодой голос что-то лихо выкрикивал. Звук, казалось, шёл прямо из середины куста.

Мосин раздвинул ветви и обнаружил в стене дыру. Кричали на той стороне. Он заглянул в пролом и увидел там босого юношу в розовой кружевной рубашонке до пупа и защитного цвета шортах, который, ахая и взвизгивая, рубил кривой старинной саблей головы репейникам. Делал он это самозабвенно, но неуклюже. Метрах в сорока высилась рощица серебристых шестов разной высоты и торчали какие-то многоногие штативы.

Мосин ахнул.

Невероятно, но за стеной, по соседству с НИИ, работала киногруппа! И, судя по оборудованию, иностранная.

Парень с саблей явно не репетировал, а развлекался. Предположение оказалось верным: на рубаку раздражённо заорали. Тот обернулся на крик и с индейским воплем принял оборонительную позицию. Тогда к нему подбежал технический работник в серебристой куртке и саблю отобрал.

Мосин рассмеялся. Легкомысленный статист ему понравился.

К сожалению, досмотреть, чем кончится конфликт, было некогда. Мосин вернулся в лабораторию, проявил плёнку и решил, что, пока она сушится, стоит побывать за стеной. Поправил перед зеркалом волосы и, зачем-то прихватив дипломат, вышел.

Вынув несколько расшатанных кирпичей, он довёл пролом до нужных размеров и пролез на ту сторону.

Киношники работали на обширном пустыре, зелёном и ухоженном, как футбольное поле. Везде было понатыкано разной зарубежной техники, а в центре, как бы для контраста, громоздилась мрачная замшелая изба, возле которой отсвечивала медью огромная старинная пушка художественного литья. Видимо, снимали что-то историческое. Между двумя арбузными горами ядер, нервно оглаживая раскидистые усы, вышагивал длинный иностранный киноактёр.

Мосин не интересовался историей. Но даже ему стало ясно: что-то они здесь напутали.

Во-первых, на иностранце был фрак. На антрацитовых плечах горели алые эполеты с золотой бахромой. Под правый эполет был пропущен ремень вполне современной офицерской портупей, на которой непринуждённо болтался обыкновенный плотницкий топор. Чёрные облегающие брюки были вправлены в яловые сапоги гармошкой. Когда же киноактёр снял кивер и солнце приветливо заиграло на его смуг-

лом бритом черепа, Мосин окончательно разинул рот и начал подбираться поближе. «Комедию снимают», – догадался он.

Его хлопнули по плечу. Мосин вздрогнул и обнаружил, что стоит рядом с давешним статистом в розовой кружевной рубашонке.

– Денис Давыдов! – восхищённо поделился парень, кивнув в сторону актёра. – А?!

Сказано это было без акцента, и Мосин заморгал. Неужели переводчик? Он в смятении покосился на рубашонку и заметил в пальцах у собеседника тонкую длинную сигарету с чёрным фильтром. Это уже был повод для знакомства, и Мосин выхватил зажигалку. Со второго щелчка она высунула неопрятный коптящий язычок. Парень вытаращил глаза.

– О-о-о, – потрясённо сказал он, робко потянулся к зажигалке, но тут же, отдёргнув руку, по-детски трогательно прикусил кончики пальцев.

Мосин смутился и погасил огонёк. Киношник вёл себя несолидно. Ему, видно, очень хотелось потрогать зажигалку. Может, издевается?

– На, посмотри, – неуверенно предложил Мосин.

Киношник бережно принял вещицу, положил большой палец на никелированную педальку и умоляюще взглянул на владельца.

– Йес... то есть си, – великодушно разрешил тот.

Иностранец нажал и радостно засмеялся.

«Пора знакомиться», – решил Мосин.

– Сергей, – представился он, протягивая руку.

Иностранец расстроился и, чуть не плача, отдал зажигалку.

– Ноу! Ноу!.. – испугался Мосин. – Это я Сергей. – Он стукнул себя в грудь костяшками пальцев. – Сергей.

До иностранца наконец дошло.

– Тоха, – печально назвалса он, глядя на зажигалку.

Что он в ней нашёл? Дешёвая, даже не газовая, в магазине таких полно.

– Итыз прэзэнт, – отчаянно скребя в затылке, сказал Мосин. – Ну не фо сэйл, а так...

Когда ему удалось втолковать, что зажигалку он дарит, киношник остолбенел. Потом начал хлопать себя по груди, где у него располагались карманы. Отдаться было нечем, и лицо его выразило отчаяние.

– Да брось, – неискренне сказал Мосин. – Не надо... Давай лучше закурим.

Иностранец не понял. Сергей повторил предложение на международном языке жестов. Иностранец опять не понял. Тогда Сергей просто ткнул пальцем в сигарету. Парень очень удивился и отдал её Мосину.

Тот сразу же уяснил ошибку: это была не сигарета. Цилиндрическая палочка, на две трети – белая, на треть – чёрная. На ощупь вроде бы пластмассовая, а на вес вроде бы металл. Но возвращать её уже было поздно.

– Сэнькью, – поблагодарил Мосин. – Грацио.

Иностранец в восторге пощёлкал зажигалкой и куда-то вприпрыжку побежал. Потом вспомнил про Сергея и приглашающе махнул ему рукой. Несерьёзный какой-то иностранец. Тоха... Видимо, Антонио.

И Мосин последовал за ним, вполне довольный ходом событий. С сигаретообразной палочкой, конечно, вышла накладка, зато удалось завязать знакомство.

2

В коммерческие контакты с иностранцами Мосину вступать ещё не приходилось. Его сфера – знакомые и знакомые знакомых. Есть бёдра, и есть фирменные джинсы, которые на эти бёдра не лезут. «Хорошо, – соглашается Мосин, – я знаю такие бёдра. Сколько просить?» К примеру, столько-то. «Хорошо», – говорит Мосин и просит на червонец дороже. И все довольны. А вот иностранцы...

Тоха привёл его к туго натянутому тенту, под которым расположились два парня и молодая... актриса, наверное. Для технического работника девушка выглядела слишком эффектно.

– Сергей, – представил его Тоха.

Девушка и один из парней с интересом посмотрели на гостя. Третий из их компании лежал на спине и даже не пошевелился, только приоткрыл один глаз.

– Реликт, – мрачно бросил он и снова зажмурился.

– Сам ты реликт, – ответил ему Тоха на чистейшем русском языке.

Девушка рассмеялась, а Мосин оторопело раскланялся и тоже присел на травку, положив дипломат рядом. Какого же тогда чёрта он изъяснялся одними жестами и восклицаниями! Неужели наши? Откуда они такие? И что на них? Парни были одеты почти одинаково: тонкие серебристые куртки и легкомысленно-радужные шорты. На девушке было что-то отдалённо похожее на платье, клубящееся у плеч и струящееся у бедер.

Между тем они так бесцеремонно рассматривали Мосина, что можно было подумать, будто именно он вырядился бог знает как. Вообще-то, конечно, майку с акулой встретишь не на каждом – в городе их всего четыре: одна у Мосина, одна у Алика и две у Зиновьева из филармонии, но он их, наверное, уже кому-нибудь толкнул...

– Визуешься? – на каком-то невообразимом жаргоне любопытствовала девушка.

Кажется, спрашивали о роде занятий.

– Н-нет, – отозвался он неуверенно. – Я фотограф.

Все так и покатались от хохота, как будто Мосин выдал первоклассную остроту.

– А! Знаю, – сказала девушка. – Он из института.

И кивнула в сторону невидимой из-за тента стены. Это предположение вызвало новый взрыв веселья, хотя Мосин,

например, юмора не понял: ну работает человек в институте, и что тут смешного?

– А вы откуда?

– С Большой.

– И... как там? – растерявшись, спросил он.

– Много.

Похоже, над Мосиным всё-таки издевались.

– Это не репродуктор! – внезапно удивилась девушка.

Все повернулись к ней.

– Это... чемодан, – выговорила она, заворожённо глядя на мосинский дипломат.

В ту же минуту молодые люди оказались стоящими на коленях вокруг дипломата. Потом разом уставились на Мосина.

– Музейный похититель, – с уважением предположил один из парней.

– Что ты им делаешь?

Кажется, этот вопрос волновал всех.

– Ношу, – буркнул Мосин, начиная злиться.

– Архачит, – пояснил Тоха.

Рука девушки неуверенно потянулась к замку. Красивая рука. Тонкая. Смуглая.

– Эврика, – укоризненно одёрнул мрачный малый, которому Мосин, кажется, не понравился с первого взгляда.

«Эврика! Ну и имечко! – подумал Сергей. – Из мультика, что ли?»

Но тут девушка испуганно взглянула на него, и делец в Мосине скоропостижно скончался. Она была совершенно не в его вкусе: узкие бёдра, едва намеченная грудь – фигура подростка. Но это сочетание светлых пепельных волос, загорелого лица и огромных серых глаз уложило его наповал.

«Можно?» – спросили её глаза.

«Да! – ответили им мосинские. – Да! Конечно!»

Эврика откинула оба замка и осторожно подняла крышку, явив взглядам присутствующих фирменный пакет.

Никто сначала не понял, что перед ними. И только когда пеньюар, шурша кружевами, выскользнул из пальцев растерявшейся Эврики, когда, расправив и разложив его на зелёной траве, все отступили на шаг, возникла такая пауза, что Мосину стало не по себе.

– Денису показывал?

– Это... Давыдову? – удивился Мосин. – Зачем?

– И правильно, – поддержала Эврика. – Я приложу?

– Да, – сказал Мосин. – Да. Конечно.

– Равнение на институт! – радостно скомандовала Эврика.

Парни с ухмылками отвернулись к полотну тента, и Мосин почувствовал обиду за своё учреждение, хотя сам о нём обычно отзывался крайне нелестно.

Наконец Эврика разрешила обернуться.

– У-у-у!.. – восхищённо протянул Тоха.

Эврика была в пеньюаре. Но Мосин смотрел не на неё – он смотрел на брошенное в траву голубое платье! Девушка

не расстегнула, она попросту разорвала его сверху донизу и отшвырнула, как тряпку.

Такую вещь!..

Он перевёл глаза на Эврику. А та, чем-то недовольная, сосредоточенно смотрела на свои сандалии. Потом решительно скинула их и, собрав вместе с платьем в одну охапку, подбежала к приземистому синему автомату с множеством кнопок и вместительной нишей. Запихнув всё в боковое отверстие, девушка на секунду задумалась, затем начала нажимать кнопки. Выхватила из ниши пару ажурных розовых туфельек, обулась и с торжествующей улыбкой пошла прямо на Мосина – так, во всяком случае, ему показалось.

– Сто рублей, – с трудом выговорил он, презирая сам себя.

Ответом на его слова был очередной взрыв хохота. Все были просто потрясены мосинским остроумием.

– Можно мануфактурой, – уже умышленно сострил он, но с меньшим успехом.

– Пойди... и нащёлкай, – обессиленно простонал Тоха.

Спустя секунду до Мосина дошёл смысл предложения: ему разрешали воспользоваться автоматом, из которого только что на его глазах вынули розовые ажурные туфельки – вещь явно импортную и недешёвую.

– А можно? – искренне спросил он.

– Два дня, как с Сириуса-Б, – обратился мрачный к Эврике, как бы рекомендуя ей Мосина.

Причём сказал он это вполне добродушно. Значит, Сер-

гей ему в конце концов всё-таки понравился. Да и как может не понравиться человек с таким сокрушительным чувством юмора!

– Ладно, нащёлкаю! – поспешно сказал Мосин, и тут у него сильно зазвенело в ушах.

«Теряю сознание?» – испуганно подумал он, но быстро сообразил, что источник звона вовсе не в его голове, а где-то на съёмочной площадке. Ультразвук какой-нибудь. Оказалось – всего-навсего – сигнал об окончании перерыва.

Ликующая Эврика расцеловала Мосина в обе щёки, и вся эта жизнерадостная стайка взрослых ребяташек куда-то унеслась. Тоха задержался:

– А ты?

– Да я... не отсюда, – замялся Мосин.

– Как же ты сюда попал без допуска? – встревожился Тоха.

Он порылся в нагрудных карманах и высыпал на ладонь какие-то болтики, проводки, стеклянные брусочки. Поколебавшись, выбрал неказистый шарик размером с черешню:

– Вот возьми. Если Денис прицепится, предъявишь ему и скажешь, что это условный допуск.

Тоха убежал вслед за остальными. И, только оставшись один, Мосин понял, что пеньюар он подарил, увеличив свой долг за «Асахи» на добрую сотню. Потому что не бывает автоматов, выдающих бесплатно и кому угодно импортные вещи. Мосин был готов бить себя по голове. Как он мог поверить?! Правда, Эврика вынула из автомата туфли...

Он стоял перед этим синим, с разинутой пастью, кубом и злобно смотрел на блестящие прямоугольные кнопки, числом не меньше пятидесяти. Сломаешь что-нибудь, а потом отвечай... Обуреваемый сомнениями, он наугад нажимал и нажимал кнопки, пока в автомате что-то не хрустнуло. Заглянул в нишу. Там лежали стопкой четыре плоских фирменных пакета.

Следует сказать, что вещь в пакете сбыть гораздо легче, чем саму по себе. Фирменная упаковка притупляет бдительность покупателя и подчас очаровывает его больше, чем сама вещь.

Поэтому сердце Мосина радостно дрогнуло. На жемчужном квадрате пакета сияли загаром изумительно красивые женские ноги, внутри которых почему-то видны были контуры костей и суставов. Более оригинальной рекламы Мосин ещё не встречал. Он взялся за ниточку и осторожно вспорол пакет. Внутри, как он и думал, оказались колготки, и какие! Ажур был настолько тонок, что напоминал дымку на раскрытой ладони Мосина и, самое удивительное, менял рисунок, стоило лишь шевельнуть пальцами. В упаковке ли, без упаковки, но компенсацию за пеньюар Сергей получил.

А что, если ещё раз попытать счастья? На этот счёт ведь никакого уговора не было! Мосин сложил пакеты в дипломат и приступил.

Теперь он вынул из ниши полированную рукоятку. В недоумении осмотрел, ощупал. Внезапно из рукоятки вы-

плеснулось изящное длинное лезвие опасных очертаний. «Ну так это совсем другое дело! – обрадовался Мосин. – Это мы берём...»

Третья попытка оказалась менее удачной: автомат одарил Мосина сиреневым стеклянным кружляшком неизвестного назначения. Сергей хотел засунуть его обратно, как это сделала Эврика со своим платьем, но, обойдя аппарат, не нашёл даже признаков отверстия или дверцы.

Пора было остановиться, но Мосин опять не удержался. «В последний раз», – предупредил он себя, утапливая кнопки одну за другой. Хотелось что-нибудь из обуви, но в нишу вылетел маленький тёмно-фиолетовый пакет, на одной стороне которого было изображено красное кольцо с примыкающей к нему стрелкой, а на другой – такое же кольцо, но с крестиком.

Разочаровавшись, он даже не стал его вскрывать, засунул в карман джинсов и пошёл через пустырь к сирени, росшей и по эту сторону стены.

Возле одного из механизмов Мосин увидел мрачного друга Тохи. Лицо парня выражало крайнее недоумение, и был он чем-то подавлен.

– Знаешь, какая утечка? – пожаловался он, заметив Мосина.

– Нет.

– Пятьсот! – Парень потряс растопыренной пятернёй.

– Пятьсот чего?

– Мега.

– Ого! – на всякий случай сказал Мосин и отошёл.

Тронутые они все, что ли?

Однако надо было поторапливаться. Не далее как вчера начальник вызывал его «на ковёр» за постоянные отлучки. Что за народ! Из-за любой ерунды бегут жаловаться! Не дай бог, ещё кто-нибудь из верхних окон заметит его на территории киноплощадки.

Мосин поднял глаза на учреждение – и похолодел.

Учреждения над стеной не было! Не было и соседних зданий. Не было вообще ничего, кроме синего майского неба.

Истерически всхлипнув, Сергей бросился к дыре, как будто та могла спасти его от наваждения. Вепрем проломив сирень, он упал на четвереньки по ту сторону, угодив коленом по кирпичу.

3

...Здание было на месте. По двору разворачивался вымытый до глянца институтский «жук».

Ослабевший от пережитого Мосин вылез из кустов и, прихрамывая, затрусил в сторону гаража, к людям. Но тут его так затрясло, что он вынужден был остановиться. Необходимо было присесть. Запинающимся шагом он пересёк двор и опустил на один из ящиков у дверей склада.

Плохо дело: дома исчезать начали. Может быть, перегрел-

ся? В мае? Скорее уж переутомился. Меньше надо по халтурам бегать.

«Да перестань ты трястись! – мысленно заорал на себя Мосин. – Вылез вон в дыру, разуй глаза и успокойся: на месте твой институт!»

Он взглянул на заросли сирени и почувствовал, что в дыру его как-то не тянет. Неужели что-то со зрением? Сидишь целый день при красном свете...

Мосин поднялся и, сокрушённо покачивая головой, пошёл к себе.

Возле дверей лаборатории его поджидали.

– Вот он, красавчик, – сообщила вахтёрша, с отвращением глядя на бледно-голубую мосинскую грудь с акулой и купальщицей.

Мосин терпеть не мог эту вахтёршу. Она его – тоже.

– Что он мне, докладывается, что ли? Махнёт штанами – и нет его.

– Бабуля, – с достоинством прервал её Мосин, – вы сидите?

Та немного опешила:

– Сиж, а что же? Не то что некоторые!

– Ну и сидите!

И, повернувшись к ней спиной, украшенной тем же душе-раздирающим рисунком, Мосин отпер лабораторию и пропустил оробевшую заказчицу внутрь.

– Молод ещё меня бабулей называть! – запоздало крикну-

ла вахтёрша, но Мосин уже закрыл дверь.

Заказчице было далеко за тридцать. Блузка-гольф, котонная юбка, замшевые туфли со сдвоенными тонкими ремешками вокруг щикотолок. «Вещь», – отметил про себя Мосин.

Впрочем, ногам заказчицы вряд ли что могло помочь. Сергей вспомнил стройную Эврику и вздохнул.

– Какой номер вашего заказа? – рассеянно спросил он, перебирая фотографии.

– Денис сказал, что у вас есть пеньюар...

– Давыдов? – поразился Мосин.

– Да нет... Денис Чеканин, друг Толика Зиновьева.

– А-а-а, Чеканин...

Мосин успокоился и сообщил, что пеньюара у него уже нет. Посетительница с недоверием смотрела на дипломат.

– А что у вас есть? – прямо спросила она.

– Колготки, – поколебавшись, сказал он. – Импортные. Ажурные.

И раскрыл «дипломат».

– Ну, колготки мне... – начала было посетительница – и онемела.

Фирменный пакет был неотразим. Да, действительно, колготки ей были не нужны, но она же не знала, что речь идёт о таких колготках...

Желая посмотреть рисунок ажюра на свет, она сделала неловкое движение, и раздался леденящий душу лёгкий

треск.

Мосин содрогнулся и проклял день, когда он вбил этот подлый гвоздь в косяк.

– Ой, – сказала женщина, не веря своим глазам. – Они что же... нервущиеся?

– Дайте сюда, – глухо сказал Мосин. – Вот, – ошалело сообщил он, возвращая женщине колготки. – Импортные. Нервущиеся. Семьдесят рублей.

Когда посетительница ушла, Мосин вскрыл ещё один пакет, зацепил нежную ткань за гвоздь и потянул. Она эластично подалась, но потом вдруг спружинила, и Мосин почувствовал такое сопротивление, словно это была не синтетика, а стальной тросик. Возник соблазн дёрнуть изо всех сил. Мосин с трудом его преодолел и кое-как запихнул колготки обратно – в пакет.

В этот момент зазвонил телефон.

– Где снимки? – грубо осведомился Лихошерст.

– Зайди минут через двадцать, – попросил Мосин.

– Нет, это ты зайди минут через двадцать. Хватит, побегал я за тобой!

Лихошерст бросил трубку.

Мосин загляnceвал левые снимки, отпечатал пару фотографий для стенгазеты и в пяти экземплярах карточки каких-то руин для отдела нестандартных конструкций.

Во время работы в голову ему пришла простая, но интересная мысль: не могли киношники снимать избу на фоне

семиэтажки! Так, может быть, синее небо, которое он увидел над стеной с той стороны, – просто заслон, оптический эффект, а? Осваивают же в городском ТЮЗе световой занавес... Догадка выглядела если не убедительно, то во всяком случае успокаивающе.

Длинно заголосил входной звонок. Всем позарез был нужен Мосин. Пришлось открыть. Дверной проём занимала огромная тётка в чём-то невыносимо цветастом.

– Колготки есть? Беру все, – без предисловий заявила она, вдвинув Мосина в лабораторию.

– Сто рублей.

Маленькие пронзительные глаза уставились на него.

– А Тamarке продал за семьдесят.

– Это по знакомству, – соврал Мосин.

– Ага, – многозначительно хмыкнула тётка, меряя его любопытным взглядом. Выводы насчёт Мосина и Тamarки были сделаны.

Не торгуясь, она выложила на подставку увеличителя триста рублей и ушла, наградив Мосина комплексом неполноценности. Сергей почувствовал себя крайне ничтожным со своими копеечными операциями перед таким размахом.

– Спекулянтка, – обиженно сказал он, глядя на дверь. Спрятал деньги во внутренний карман дипломата и подумал, что надо бы купить Тохе ещё одну зажигалку. Газовую.

И снова звонок в дверь. Мосин выругался.

На этот раз заявила его бывшая невеста. Ничего хоро-

шего её визит не сулил – раз пришла, значит что-то от него было нужно.

– Привет, – сказал Мосин.

Экс-невеста чуть-чуть раздвинула уголки рта и показала зубки – получилась обаятельная улыбка. Оживлённая мимика – это, знаете ли, преждевременные морщины.

– Мосин, – сказала она, – по старой дружбе...

На свет появились какие-то чертежи.

– Позарез надо перефотографировать. Вадим оформляет диссертацию, так что сам понимаешь...

Вадимом звали её мужа, молодого перспективного аспиранта, которому Сергей не завидовал.

Экс-невеста ждала ответа. Мосин сдержанно сообщил, что может указать людей, у которых есть хорошая аппаратура для пересъёмки.

Нет, это её не устраивало. Другие могут отнестись без души, а Мосина она знает, Мосин – первоклассный специалист.

Сергей великолепно понимал, куда она клонит, но выполнять частные заказы за спасибо, в то время как «Асахи» ещё не оплачен, – нет уж, увольте! Кроме того, он твёрдо решил не переутомляться.

Однако устоять перед железным натиском было сложно. Мосин отбивался, изворачивался и наконец велел ей зайти с чертежами во вторник, точно зная, что в понедельник его собираются послать в командировку.

Внезапно экс-невеста кошачьим движением выхватила из кармана мосинских джинсов фирменный фиолетовый пакет – углядела торчащий наружу уголок.

– Какой вэл! – восхитилась она. – Вскрыть можно?

В пакете оказался лиловый лёгкий ремешок с золотистой пряжкой-пластиной.

– Сколько?

– Для тебя – червонец.

Экс-невеста, не раздумывая, приобрела вещицу и, ещё раз напомнив про вторник, удалилась.

Такой стремительной реализации товара Мосин не ожидал. Но его теперь беспокоило одно соображение: а если бы он воспользовался автоматом не три, а четыре раза? Или, скажем, десять?

Он заглянцевал обличительные снимки гаража и склада и поехал с ними в лифте на седьмой этаж, где в актовом зале корпела редколлегия. «Удивительное легкомыслие, – озабоченно размышлял он. – Такую машину – и без присмотра! Мало ли какие проходимцы могут попасть на территорию съёмочной площадки!»

Он отдал снимки Лихошерсту и высказал несколько критических замечаний по номеру стенгазеты. Ему посоветовали не путаться под ногами. Мосин отошёл к окну (посмотреть, как выглядит пустырь с высоты птичьего полёта) – и, не веря своим глазам, ткнулся лбом в стекло...

За стеной был совсем другой пустырь: маленький, за-

хламлённый, с островками редкой травы между хребтами мусора. С одной стороны его теснил завод, с другой – частный сектор. Нет-нет, киношники никуда не уезжали – их просто не было и быть не могло на таком пустыре!

Мосин почувствовал, что, если он сейчас же, немедленно, во всём этом не разберётся, в голове у него что-нибудь лопнет.

4

Вот уже пять минут начальник редакционно-издательского отдела с детским любопытством наблюдал из окна за странными действиями своего фотографа.

Сначала Мосин исчез в сирени. Затем появился снова, спиной вперёд. Без букета. Потом зачем-то полез на стену. Подтянулся, заскрёб ногами, уселся верхом. Далее – затряс головой и ухнул на ту сторону. С минуту отсутствовал. Опять перевалился через кирпичный гребень и нырнул в сирень.

«А не выносит ли он, случаем, химикаты?» – подумал начальник и тут же устыдился своей мысли: разве так выносят!

Нет, постороннему наблюдателю было не понять всей глубины мосинских переживаний. Он только что сделал невероятное открытие: если заглянуть в дыру, то там – съёмочная площадка, Тоха, Эврика, Денис Давыдов... А если махнуть через забор, то ничего этого нет. Просто заводской пустырь,

который он видел с седьмого этажа. А самая жуть, что там и дыры-то нет в стене. Отсюда – есть, а оттуда – нет.

Мосину было страшно. Он сидел на корточках, вцепившись в шероховатые края пролома, а за шиворот ему лезла щекочущая ветка, которую он с остервенением отпихивал плечом. Обязательно нужно было довести дело до конца: пролезть через дыру к *ним* и посмотреть поверх забора с *их* стороны. Зачем? Этого Мосин не знал. Но ему казалось, что тогда всё станет понятно.

Наконец решился. Пролез на ту сторону. Упёрся ногой в нижний край пролома и, подпрыгнув, впился пальцами в кирпичный гребень. И обмер: за стеной была степь. Огромная и зелёная-зелёная, как после дождя. А на самом горизонте парило невероятное, невозможное здание, похожее на связку цветных коробчатых змеев.

И в этот момент – чмок! Что-то шлёпнуло Мосина промеж лопаток. Легонько. Почти неощутимо. Но так неожиданно, что он с треском сорвался в сирень, пережив самое жуткое мгновение в своей жизни. Он почему-то решил, что с этим негромким шлепком закрылась дыра. Лаборатория, неоплаченный «Асахи», вся жизнь – отныне и навсегда – там, по ту сторону, а сам он – здесь, то есть чёрт знает где, перед глухой стеной, за которой – бредовое здание в зелёной степи.

Слава богу, дыра оказалась на месте. Тогда что это было? Мосин нашёл в себе силы обернуться.

В сторону площадки удалялись плечом к плечу два мо-

лодца в серебристых куртках, ненатурально громко беседуя. То ли они чем-то в Мосина пульнули, то ли шлепок ему помешался от нервного потрясения.

Потом Сергей вдруг очутился посреди институтского двора, где отряхивал колени и бормотал:

– Так вот она про какой институт! Ни-че-го себе институт!..

...Руки у Мосина тряслись, и дверь лаборатории долго не желала отпираться. Когда же она наконец открылась, сзади завопила вахтёрша:

– На спине, на спине!.. А-а-а!..

Мосин захлопнул за собой дверь. В вестибюле слышался грохот упавшего телефона, стула и – судя по звону – стакана. Что-то было у него на спине. Сергей содрал через голову тенниску и бросил на пол.

Ожил рисунок! На спине тенниски жуткого вида акула старательно жевала длинную ногу красавицы, а та отбивалась и беззвучно колотила хищницу по морде тёмными очками.

В этой дикой ситуации Мосин повёл себя как мужчина. Ничего не соображая, он схватил бачок для плёнки и треснул им акулу по носу. Та немедленно выплюнула невредимую ногу красавицы и с интересом повернулась к Мосину, раззявив зубастую пасть.

– В глаз дам! – неуверенно предупредил он, на всякий случай отодвигаясь.

Красавица нацепила очки и послала ему воздушный поцелуй.

Они были плоские, нарисованные!.. Мосин, обмирая, присмотрелся и заметил, что по спине тенниски растеклась большой кляксой почти невидимая плёнка вроде целлофановой. В пределах этой кляксы и резвились красотка с акулой. Он хотел отлепить краешек плёнки, но акула сейчас же метнулась туда. Мосин отдёргнул руку:

– Ах так!..

Он зачерпнул бачком воды из промывочной ванны и плеснул на взбесившийся рисунок, как бы заливая пламя. Плёнка с лёгким всхлипом вобрала в себя воду и исчезла. На мокрой тенниске было прежнее неподвижное изображение.

Долгий властный звонок в дверь. Так к Мосину звонил только один человек в институте: начальник отдела.

Вздрагивая, Сергей натянул мокрую тенниску и открыл. За широкой спиной начальства пряталась вахтёрша.

– Ты что же это пожилых женщин пугаешь?

Внешне начальник был грозен, внутренне он был смущён.

– Ты на пляж пришёл или в государственное учреждение?

Ну-ка, покажись.

Мосин послушно выпятил грудь. Рисунок начальнику явно понравился.

– Чтобы я этого больше не видел! – предупредил он.

– Да вы на спине, на спине посмотрите! – высунулась вахтёрша.

– Повернись, – скомандовал начальник.

Мосин повернулся.

– А мокрый почему?

– Полы мыл в лаборатории... Т-то есть собирался мыть. Начальник не выдержал и заржал.

– Мамочки, – лепетала вахтёрша. – Своими же глазами видела...

– «Мамочки», – недовольно повторил начальник. – То-то и оно, что «мамочки»... В общем, разбирайтесь с завхозом. Разбитыми телефонами я ещё не занимался!..

Он вошёл в лабораторию и закрыл дверь перед носом вахтёрши.

– Пожилая женщина, – поделился он, – а такого нагородила... Сказать «дыхни!» – неудобно... Ну давай показывай, что у тебя там на сегодняшний день... «Мамочки», – бормотал он, копаясь в фотографиях. – Вот тебе и «мамочки». А это что за раскопки?

– Это для отдела нестандартных конструкций, – ломким от озноба голосом пояснил Мосин.

– И когда ты всё успеваешь? – хмыкнул начальник.

– Стараюсь...

– А через забор зачем лазил?

На секунду Мосин перестал дрожать.

– Точку искал.

– Какую точку? – весело переспросил начальник. – Пивную?

– Для съёмки точку... ракурс...

Начальник наконец бросил снимки на место и повернулся к Мосину:

– Ты в следующий раз точку для съёмки в учреждении ищи. В учреждении, а не за забором, понял? Такие вот «мачочки».

Закрыв за ним дверь, Мосин без сил рухнул на табурет. Какой ужас! Куда он сунулся!.. И главное, где – под боком, за стеной, в двух шагах!.. Что ж это такое делается!.. Перед глазами парило далёкое невероятное здание, похожее на связку цветных коробчатых змеев.

– Тоха! Это Григ, – невнятно произнёс сзади чей-то голос.

– А?! – Мосин как ошпаренный вскочил со стула.

Кроме него, в лаборатории никого не было.

– Ты Дениса не видел?

Сергей по наитию сунул руку в задний карман джинсов и извлёк сигаретообразную палочку, которую выменял на зажигалку у Тохи. «Фильтр» её теперь тлел слабым синим свечением.

– Не видел я его! – прохрипел Мосин.

– А что это у тебя с голосом? – полюбопытствовала палочка.

– Простыл! – сказал Мосин и нервно хихикнул.

Многочисленные фото на стенах мосинской комнаты охватывали весь путь его становления как фотографа и как личности: Мосин на пляже, Мосин с «Никоном», Мосин-волейболист, Мосин, пьющий из горлышка шампанское, Мосин, беседующий с Жанной Бичевской, Мосин в обнимку с Лоллобриджидой (монтаж). Апофеозом всего была фотография ощерившегося тигра, глаза которого при печати были заменены глазами бывшей невесты Мосина. А из тигриной пасти, небрежно облокотясь о левый клык, выглядывал сам Мосин.

Хозяин комнаты ничком лежал на диване, положив подбородок на кулак. Лицо его было угрюмо.

«Иной мир»... Такими категориями Сергею ещё мыслить не приходилось. Но от фактов никуда не денешься: за стеной был именно иной мир, может быть, даже другая планета. Хотя какая там другая планета: снимают кино, разговаривают по-русски... А стена? Что ж она, сразу на двух планетах существует? Нет, вне всякого сомнения, это Земля, но... какая-то другая. Что ж их, несколько, что ли?

Окончательно запутавшись, Мосин встал и начал бродить по квартире. В большой комнате сквозь стекло аквариума на него уставился пучеглазый телескоп. Мосин рассеянно насыпал ему дафний. Родители, уезжая отдыхать в Югославию,

взяли с Сергея клятвенное обещание, что к их возвращению рыбки будут живы.

А вот с вещами за стеной хорошо. Умеют делать. Научились...

Так, может быть, дыра просто ведёт в будущее?

Мосин замер. А что? Зажигалка и дипломат для них музейные реликвии... Цены вещам не знают... Хохочут над совершенно безобидными фразами, а сами разговаривают бог знает на каком жаргоне. А институт! Он теперь, наверное, будет Мосина по ночам преследовать. Висят в воздухе цветные громады, и всё время ждёшь катастрофы. Да ладно бы просто висели, а то ведь опасно висят, с наклоном...

Неужели всё-таки будущее?

В сильном возбуждении Сергей вернулся в свою комнату, нервно врубил на полную громкость стерео, но тут же выключил.

...Да, стена вполне могла сохраниться и в будущем. Поэтому и затеяли возле неё съёмки, что древняя... Но вот дыра... Сама она образовалась или они её нарочно проделали? Скорее всего, сама... Но тогда выходит, что об этой лазейке ни по ту, ни по другую сторону никто ничего не знает. Кроме Мосина.

Он почувствовал головокружение и прилёт. Да это же золотая жила! Нетрудно представить, что у них там за оптика. Приобрести пару объективов, а ещё лучше фотокамеру... пару фотокамер, и «Асахи» можно смело выбрасывать... То

есть загнать кому-нибудь. А главное, он же им может предложить в обмен такие вещи, каких там уже ни в одном музее не найдёшь.

Мосин вдруг тихонько засмеялся. Обязательно надо попросить у Тохи нашлапку, от которой ожил рисунок на тенниске. Если на пляже ляпнуть кому-нибудь на татуировку... А здорово, что лазейку обнаружил именно он. Наткнись на неё та спекулянтка, что перекупила колготки, или, скажем, бывшая невеста, страшные дела бы начались. Ни стыда ни совести у людей: не торгуясь – триста рублей за три пары! За сколько же она их продаст?!

...А он им и кино снимать поможет. Будущее-то, видать, отдалённое, раз у них топоры на португезах болтаются. Все эпохи поперепутали...

Сергей нашёл в отцовской библиотеке книгу Тарле «Наполеон» и принялся листать – искал про Дениса Давыдова. Читал и сокрушался: надо же! Столько плёнки зря потратили!

«Кинолюбители они, что ли? – недоумённо предположил он, закрывая книгу. – Придётся проконсультировать. А то трудятся ребята, стараются, а правды исторической – нету...»

...Долго не мог заснуть – думал о будущем. Удивительно, как быстро он с ними подружился... Вот его часто обвиняют в легкомыслии, в пристрастии к барахлу, в несерьёзном отношении к работе. А Тоха не легкомысленный? Или у Эв-

рики глаза не разгорелись при виде пеньюара. Не хипачи, не иждивенцы какие-нибудь – люди будущего...

«Всё-таки у меня с ними много общего, – думал Сергей, уже засыпая. – Наверное, я просто слишком рано родился».

...Что-то разбудило его. Мосин сел на постели и увидел, что «сигарета», оставленная им на столе, опять светится синим.

– Спишь, что ли? – осведомился голос, но не тот, с которым Сергей разговаривал в лаборатории, – другой.

– Ты позже позвонить не мог? – спросонья буркнул Мосин.

– Во что позвонить? – не понял собеседник.

Сергей опешил.

– Разыщи Грига, скажи, что пироскаф я сделал. Завтра пригоню.

– Сейчас побегу! – огрызнулся Мосин и лёг. Потом снова сел. Вот это да! словно по телефону поговорил. Хоть бы удивился для приличия... Сергей взбил кулаком подушку.

...И всю ночь Тоха передавал ему через дыру в стене какие-то совершенно немыслимые фирменные джинсы, а он аккуратно укладывал их стопками в дипломат и всё удивлялся, как они там умещаются.

6

Утром, отпирая двери лаборатории, Мосин обратил вни-

мание, что неподалёку стоит женщина, похожая на Тамарку, которой он продал вчера нервущиеся колготки. Сергею очень не понравилось, как она на него смотрит. Женщина смотрела преданно и восторженно.

«Ну вот... – недовольно подумал он. – Раззвонила родственников. Что у меня, магазин, что ли?»

– Вы ко мне? – негромко спросил он.

У Тамаркиной родственницы расширились зрачки.

– Вы меня не узнаете?

– Проходите, – поспешно пригласил Мосин.

Это была не родственница. Это была сама Тамарка. Только что же это она такое с собой сделала? Сергей взглянул на ноги посетительницы да так и остался стоять с опущенной головой. Глаза его словно примагнитило. Он хорошо помнил, что ноги у неё, грубо говоря, кавалерийские. Были.

– Вы понимаете... – лепетала ошалевшая от счастья Тамарка. – Я просто не знаю, как благодарить... Я их один вечер носила... И вдруг за ночь... Прелесть, правда? – доверчиво спросила она.

– А почему вы, собственно, решили... – Мосин откашлялся.

– Ну как «почему»? Как «почему»? – интимно зашептала Тамарка. – Вы сравните.

В руках у Мосина оказался знакомый пакет. На жемчужном фоне сияли загаром изумительные женские ноги, внутри которых были видны контуры костей и суставов.

– Вы сравните! – повторила Тамарка, распахивая плащ, под которым обнаружилась самая хулиганская мини-юбка.

Мосин сравнил. Ноги были такие же, как на пакете, только суставы не просвечивали.

– Действительно, – проговорил припёртый к стене Сергей. – Забыл предупредить. Понимаете, они... экспериментальные.

– Понимаю, – конспиративно понизила голос женщина. – Никто ничего не узнает. С сегодняшнего дня я числюсь в командировке, вечером уезжаю, вернусь недели через три. Что-нибудь придумаю, скажу: гимнастика, платные уроки... – Тамарка замялась. – Скажите, докт... – Она осеклась и испуганно поглядела на Мосина. – Д-дальше они прогибаться не будут?

– То есть как?

– Ну... внутрь.

– Внутрь? – обалдело переспросил Мосин.

Судя по тому, как Тамарка вся подобралась, этот вопрос и был главной целью визита.

– Не должны, – хрипло выговорил Сергей.

Тамарка немедленно начала выпрашивать, не нуждается ли в чём Мосин: может быть, плёнка нужна или химикаты – так она привезёт из командировки. Он наотрез отказался, и вновь родившаяся Тамарка ушла, тщательно застегнув плащ на все пуговицы.

Мосин был оглушён случившимся. С ума сойти: за семь-

десять рублей ноги выпрямил! Это ещё надо было переварить. Ладно хоть выпрямил, а не наоборот. Так и под суд загреметь недолго.

Да, с будущим-то, оказывается, шутки плохи – вон у них вещички что выкидывают. Ему и в голову такое прийти не могло. С виду – колготки как колготки, нервущиеся правда, но это ещё не повод, чтобы ждать от них самостоятельных выходов.

– Ой! – сказал Мосин и болезненно скривился.

Вчера он продал своей бывшей невесте тонкий лиловый ремешок. Если что-нибудь случится, она экс-жениха живьём съест...

Впрочем, паниковать рано. Улучшить что-либо в фигуре бывшей невесты невозможно, фигурка у неё, следует признать, точёная. «Обойдётся», – подумав, решил Мосин.

Он созвонился с заказчиками, раздал выполненные вчера снимки, не запирая лаборатории, забежал к начальнику, забрал вновь поступившие заявки и, вернувшись, застал у себя Лихошерста, который с интересом разглядывал нож, приобретённый вчера Мосиным на той стороне.

– Здравствуй, Мосин, – сказал инженер-конструктор. – Здравствуй, птица. Вот пришёл поблагодарить за службу. Склад у тебя на этот раз как живой получился...

Он снова занялся ножом.

– Импортный, – пояснил Мосин. – Кнопочный.

Клинок со щелчком пропал в рукоятке. Лихошерст морг-

нул:

– Купил, что ли?

– Выменял. На зажигалку.

– Какую зажигалку? – страшным голосом спросил Лихошерст, выпрямляясь. – Твою?

Мосин довольно кивнул.

– Изолировать от общества! – гневно пробормотал инженер-конструктор, последовательно ощупывая рукоять. Вскоре он нашёл нужный выступ, и лезвие послушно выплеснулось.

– Слушай, – сказал он другим голосом, – где у тебя линейка?

Он сорвал с гвоздя металлическую полуметровку и начал прикладывать её то к лезвию, то к рукоятке.

– Ты чего? – любопытствовал Мосин.

– Ты что, слепой? – закричал инженер. – Смотри сюда. Меряю лезвие. Сколько? Одиннадцать с половиной. А теперь рукоятку. Десять ровно. Так как же лезвие может уместиться в рукоятке, если оно на полтора сантиметра длиннее?!

– Умещается же, – возразил Мосин.

Лихошерст ещё раз выгнал лезвие, тронул его и отдёргнул руку.

– Горячее! – пожаловался он.

– Щёлкаешь всю дорогу, вот и разогрелось, – предположил Мосин.

– Идиот! – прошипел Лихошерст, трясая пальцами. – Где

отвёртка?

Он заметался по лаборатории, и Мосин понял, что, если сейчас не вмешаться, ножу – конец.

– А ну положи, где взял! – закричал он, хватая буйного инженера за руки. – Он, между прочим, денег стоит!

Лихошерст с досадой вырвал у Мосина свои загребушие лапы и немного опомнился.

– Сколько? – бросил он.

– Валера! – Мосин истоиво прижал ладонь к сердцу. – Не продаётся. Для себя брал.

– Двадцать, – сказал Лихошерст.

– Ну Валера, ну не продаётся, пойми ты...

– Двадцать пять.

– Валера... – простонал Мосин.

– Тридцать, чёрт тебя дери!

– Да откуда у тебя тридцать рублей? – попытался урезонить его Мосин. – Ты вчера у Баранова трёшку до получки занял.

– Тридцать пять! – Лихошерст был невменяем.

Мосин испугался:

– Тебя жена убьёт! Зачем тебе эта штука?

Лихошерст долго и нехорошо молчал. Наконец процедил:

– Мне бы только принцип понять... – Он уже скорее обнюхивал нож, чем осматривал. – Идиоты! На любую др-рянь лепят фирменные лычки, а тут – даже запрос не пошлешь! Что за фирма? Чьё производство?

– Валера, – проникновенно сказал Мосин, – я пошутил насчёт зажигалки. Это не мой нож. Но я могу достать такой же, – поспешил добавить он, видя, как изменился в лице инженер-конструктор. – Зайди завтра, а?

– Мосин, – сказал Лихошерст, – ты знаешь, что тебя ждёт, если наколешь?

Мосин заверил, что знает, и с большим трудом удалил Лихошерста из лаборатории. Ну и денёк! Теперь – хочешь не хочешь – надо идти к Тохе и добывать ещё один. Или отдавать этот. Конечно, не за тридцать рублей. Мосин ещё не настолько утратил совесть, чтобы наживаться на Лихошерсте... Рублей за пятнадцать, не больше.

7

Перед тем как пролезть в пролом, Мосин тщательно его осмотрел и пришёл к выводу, что дыра выглядит вполне надёжно. Непохоже, чтобы она могла когда-нибудь закрыться.

Киношники толпились возле избы. Тоха стоял на старинной медной пушке и озирали окрестности. Мосин подошёл поближе.

– Где пироскаф? – потрясая растопыренными пальцами, вопрошал Денис Давыдов. – Мы же без него начать не можем!

– Сегодня должны пригнать, – сообщил Мосин, вспомнив ночной разговор.

– Летит! – заорал Тоха.

Послышалось отдалённое тарыхтение, и все обернулись на звук. Низко над пустырём летел аэроплан. Не самолёт, а именно аэроплан, полотняный и перепончатый. Мосин неверно определил границы невежества потомков. Границы эти были гораздо шире. Хотя – аэроплан мог залететь и из другого фильма.

Полотняный птеродактиль подпрыгнул на четырёх велосипедных колёсах и под ликующие вопли киношников, поскрипывая и постанывая, въехал на съёмочную площадку. Уже не было никакого сомнения, что летательный аппарат прибыл по адресу: из сплетения тросов и распорок выглядывала круглая физиономия с бармалейскими усами. Пилот был в кивере.

Этого Мосин вынести не смог и направился к Денису, которого, честно говоря, немного побаивался: уж больно тот был велик – этакий гусар-баскетболист.

– Аэроплан-то здесь при чём?

– Аэроплан? – удивился Денис. – Где?

Странно он всё-таки выглядел. Лихие чёрные усищи в сочетании с нежным юношеским румянцем производили совершенно дикое впечатление.

– Вот эта штука, – отдельно произнёс Сергей, – называется аэроплан.

Денис был озадачен.

– А пироскаф тогда что такое? – туповато спросил он.

Что такое пироскаф, Мосин не знал.

Тем временем круглолицый субъект с бармалейскими усами успел выпутаться из аппарата и прыгнул на землю, придерживая, как планшетку, всё тот же топор на портупее.

– Похож? – торжествующе спросил аэрогусар.

– До ангстрема! – подтвердил Денис.

– На что похож? – возмутился Мосин. – Не было тогда аэропланов!

Гусары переглянулись.

– А почему тогда эскадрон называется летучим? – задал контрвопрос Давыдов.

– Сейчас объясню, – зловеще пообещал Сергей.

Тут он им и выдал! За всё сразу. И за топор, и за портупею. Вытряхнул на них все сведения, почерпнутые вчера из книги Тарле «Наполеон», вплоть до красочного пересказа отрывка из мемуаров настоящего Д. Давыдова о кавалерийской атаке на французское каре.

Гусары пришли в замешательство. Денис оглянулся на окружившую их толпу и понял, что пора спасать авторитет.

– Это ведь не я придумал, – терпеливо, как ребёнку, начал он втолковывать Мосину. – Так компендий говорит.

– А ты его больше слушай! – в запальчивости ответил Мосин и вздрогнул от массового хохота.

На шум из избы выскочили ещё трое. Им объяснили, что секунду назад Сергей блистательно срезал Дениса. Одной фразой.

– Тоха! Григ! – метался униженный Денис. – У кого компендий? Да прекратите же!

Ему передали крохотный – вроде бы стеклянный – кубик и прямоугольную пластину с кнопками. Денис загнал в неё кубик и принялся трогать кнопки. На пластине замелькали рисунки и тексты. Наконец он нашёл, что искал.

– Аэроплан, – упавшим голосом прочёл Денис. – А ты говорил «пироскаф», – упрекнул он гусара-авиатора. – А век не указан, – победно заявил он Мосину.

Началась полемика, смахивающая на рукопашную. Давыдов повёл себя подлю. Вместо того чтобы возражать по существу, он придрался к формальной стороне дела, заявив, что Мосин – неясно кто, непонятно откуда взялся и вообще не имеет права находиться на территории.

– Как это не имеет? – кричал Тоха. – Мы ему допуск дали!

– Кто это «мы»?

– Мы – это я!

– А как это ты мог дать ему допуск?

– А я ему дал допуск условно!

– А условно – недействительно!

– Это почему же недействительно?..

Поначалу Мосин забеспокоился, как бы его в самом деле не выставили, но, заметив, что Денис с аэрогусаром остались в меньшинстве, сделал вид, что спор его совершенно не трогает, и занялся аэропланом.

Этажерка, насколько он мог судить, была скопирована

здорово, только вместо мотора имела тяжеленную на вид болванку, которая на поверку оказалась полой. Внутри металлической скорлупы на вал винта был насажен круглый моторчик. Из вала под прямым углом торчал гибкий стержень, который при вращении должен был ударять по небольшому чурбачку, производя тарахтение, необходимое для полного счастья. А сам моторчик, видимо, работал бесшумно.

Подошёл хмурый Денис и, не глядя на Мосина, предложил принять участие в эксперименте.

– Не понял, – сказал Сергей. – Какой эксперимент? А как же кино?

Денис обрадовался:

– А вот здесь ты не прав. В девятнадцатом веке кино не было. Оно появилось где-то в начале двадцать первого.

– Погоди-погоди... – пробормотал Мосин. – Что за эксперимент?

Денис лихо сдвинул кивер на затылок и заговорил терминами – явно брал реванш за недавнюю мосинскую лекцию по истории. Сергей не понял из его речи и половины, но даже того, что он понял, ему было более чем достаточно.

– Да вы что! С ума сошли? – закричал Мосин. – Вы что, серьёзно собрались туда? В восемьсот двенадцатый?

Похоже, Денис обиделся.

– Это, по-твоему, несерьёзно? – спросил он, указывая почему-то на пушку. Затем лицо его выразило досаду, и он по-

грозил кому-то кулаком.

Мосин оглянулся и вздрогнул. Его лучший друг Тоха, небрежно облокотясь о воздух, развалился в метре над землёй.

– На меня не рассчитывайте, – твёрдо сказал Сергей. – Туда я не полезу.

– «Полезу», – передразнил Денис. – Туда не лезят, а... – Он с наслаждением выговорил жуткий, похожий на заклинание глагол. – Да тебя и не допустят. Или ты хочешь быть Исполнителем?

– Нет! – убеждённо ответил Мосин.

Денис стремительно подался к собеседнику.

– Слушай, давай так, – заговорщицки предложил он. – Я – Исполнитель, Григ – Механик, а ты – Историк. Давай, а?

Мосину захотелось потрясти головой – не в знак отказа, а чтобы прийти в себя.

– Я подумаю, – очень серьёзно сказал он.

Денис посмотрел на него с уважением.

– Подумай, – согласился он. – Если будешь меня искать, то я в срубе...

И зашагал к избе, длинный, как жердь, и нелепый, как пугало.

8

Всё изменилось. От элегантных пластмассовых кожных

и полупрозрачных пультов веяло опасностью. И он смел на *это* облакачиваться! Смел *это* фамильярно похлопывать, не подозревая, что прихлопнет он, допустим, не слишком приметную клавишу – и доказывай потом какому-нибудь Ивану Третьему, что ты не татарский шпион!

Сергей прогулочным шагом двинулся в сторону знакомого многокнопочного автомата. Возле него было как-то спокойнее – механизм понятный и вполне безобидный.

Из окошка избы снова высунулся Денис и в последний раз предупредил Тоху, который в легкомыслии своём дошёл до того, что начал осторожно подпрыгивать прямо в воздухе, как на батуте. Денису он издевательски сделал ручкой. Тогда тот выбрался из избы, с ликующе-злорадным выражением лица подкрался за спиной Тохи к какому-то проволочно-му ежу и отсоединил одну из игл. Тоха с воплем шлёпнулся на траву.

Будь воля Сергея, он бы этих друзей близко не подпустил к такой технике. Непонятно, как им вообще могли всё это разрешить. Без особого интереса он прошёлся пальцами по кнопкам, и автомат выбросил жевательную резинку. Сергей в задумчивости положил её в карман.

Хм... Историк... А соблазнительно звучит, чёрт возьми! «Скажите, кем вы работаете?» – «Я – Историк Эксперимента. Денис – Исполнитель. Этот... как его?... Глюк – Механик. А я – Историк».

Может, правда попробовать? А то они без него такого тут

натворяют!.. Между прочим, к обязанностям он уже приступил – проконсультировал насчёт аэроплана...

Вот и плохо, что проконсультировал. Самое правильное – пойти сейчас к Денису и прямо сказать: нужен тебе Историк? Тогда рассказывай, что вы тут собираетесь учинить. Лицензия есть? Или как это у вас теперь называется? Вот ты её предъяви сначала, а потом поговорим.

...Кстати, а почему он «Давыдов»? Неужели подменить надеются?.. Нелепое желание возникло у Мосина: вылезти в дыру, сбегать в опорный пункт и привести милицию – пусть разбираются... Ладно, бог с ней, с милицией, а вот знают ли в институте, что тут затевается? И Мосин решил взобраться на стену – посмотреть, так ли уж далеко до феерического здания.

Возле сирени его окликнула Эврика. Она была в пеньюаре. Сергей взглянул в её светло-серые сияющие глаза и почувствовал, как стремительно испаряются все его сомнения. Кто он вообще такой, чтобы совать нос в столь высокие материи? Да и не выйдет у них ничего. Если бы вышло, об этом было бы написано в учебниках истории.

Мосин, обаятельно улыбаясь, свернул с намеченного пути и пошёл навстречу девушке, но тут откуда-то вывернулся худенький паренёк в кольчуге не по росту:

– Историк!.. Ты Историк?

Эврика с интересом посмотрела на Мосина. Тот приосанился.

– Да-а, – солидно подтвердил он. – Я Историк.

– Денис спрашивает: а мотоинфантерия тогда была?

– Минутку, – проговорил Мосин. – Сейчас скажу.

И сделал вид, что вспоминает. Ничего подобного ему даже и слышать не приходилось, но по первой части слова вполне можно было сориентироваться.

– Нет, – уверенно сказал он. – Не было. Если «мото» – значит уже двадцатый век.

– Я передам, – пообещал подросток и убежал, погромыхая кольчугой, а Мосин самодовольно покосился на Эврику.

Та решила, что он задаётся.

– Подумаешь! – сказала она. – А меня Денис в Исполнители зовёт.

– Тебя! – ужаснулся Мосин. – Туда?

Он отказывался понимать Дениса. Ну ладно, допустим, ты фанатик, допустим, тебе жить надоело – вот сам и отправляйся. Пускай тебе там настоящий Денис Давыдов в два счёта усы сабелькой смахнёт. Как явному французу и подставному лицу. Но рисковать другими... Тем более такой девушкой, как Эврика!

– А зачем ты хотел туда залезть? – понизив голос, спросила она и поглядела на кирпичный гребень.

Вопрос Мосину не понравился. Значит, он шёл к забору с такой решительной физиономией, что за пятнадцать шагов было видно: человек собрался лезть на стену.

– Проверить, – попробовал отшутиться он, – на месте ли

институт.

Эврика встревожилась:

– А что – собирались перекинуть?

– Кого перекинуть? Институт?

– Ну да, – с досадой ответила она. – Ищи его потом... за магистралью!

Сергей отчётливо представил, как к парящему огромному зданию подкатывает трактор типа «Кировца», цепляют всю эту музыку тросом и буксируют по зелёной степи в поисках приятного пейзажа.

– Н-не слышал, – сразу став осторожным, выговорил он. – При мне не собирались. Я – так, взглянуть... на всякий случай... Мало ли чего...

Несколько секунд Эврика вникала в его слова.

– А ведь правда, – ошеломлённо сказала она. – От самого института можно подойти незаметно. А Денис даже охрану не выставил.

Сбывались худшие опасения Мосина. Эксперимент-то – подпольный! Чужало его сердце.

В странном он находился состоянии. С одной стороны, на его глазах заваривалась авантюра, которую даже сравнить было не с чем. Разве что с испытанием ядерной бомбы частными лицами. С другой стороны, ему очень нравилась Эврика.

– А чего ты ждёшь? – снова понизив голос, спросила она.

Сергей очнулся. Глупо он себя ведёт. Подозрительно.

Объявил, что залезет на стену, а сам стоит столбом.

Мосин разбежался, пружинисто подпрыгнул и ухватился за кирпичный гребень. Мысль о том, что на него смотрит Эврика, сделала из Сергея гимнаста: руки сами вынесли его по пояс над стеной.

Прямо перед ним оказалось огромное человеческое лицо. Живое. Размером оно было с мосинскую грудную клетку, не меньше.

9

Они оторопело смотрели в глаза друг другу. Потом массивные губы шевельнулись, складываясь в насмешливую улыбку, и огромная голова укоризненно покивала Мосину.

Нервы Сергея не выдержали, и он совершил непростительную глупость: спрыгнул со стены, но, вместо того чтобы нырнуть через дыру к себе, во двор родного НИИ, бросился наутёк в сторону избы. Он начисто забыл о свойствах своей лазейки. Здравый смысл подсказывал, что если Сергей нырнёт в пролом, то неминуемо уткнётся в ноги *этого*, за стеной.

Мосин улепётывал, размахивая руками и вопя что-то нечленораздельное. На площадке все в недоумении повернулись к нему, а потом, как по команде, уставились на стену. Сергей влетел в толпу и встал за одним из механизмов. Бежать было некуда – между ним и стеной уже стояли *эти*. Их было двое.

Из избы выглянул Денис и увидел пришельцев:
– Дождались!

Он сорвал с бритой головы кивер и с досадой треснул им об землю. Ситуация была предельно ясна. Никаких поправок к учебникам истории не предвидится – нелегальный эксперимент накрыли. И Мосина вместе с ним. Как соучастника.

Рядом Сергей заметил Тоху. Глаза у того были круглые и виноватые. На матёрого авантюриста, пойманного с поличным, он не походил. Да и остальные тоже. Экспериментаторы сбились в испуганный табунок, и вид у них был как у ребяташек, которых взрослые захватили врасплох за шалостью...

Вселенная Мосина пошатнулась и начала опрокидываться. Ощущение было настолько реальным, что он, теряя равновесие, ухватился за механизм. Сколько им лет? Шестнадцать? Четырнадцать? А может быть, тринадцать? А может быть... И Сергей понял наконец: всё может быть!

Дети! Легкомысленные, непоседливые дети нашли склад списанной техники, сбежали от воспитателей и затеяли игру в Эксперимент, в Дениса Давыдова, роль которого бесцеремонно присвоил самый старший из них – длиннорукий нескладный подросток.

А теперь пришли взрослые!

Мосин боязливо выглянул из-за своего укрытия и замер, зачарованно глядя, как они идут через пустырь. Взрослые были чудовищны. Нет, ни о каком уродстве не могло идти и речи: правильные черты лица, стройные фигуры атлетов, но

рост!.. Не меньше двух метров с лишним! Они шагали легко, неторопливо, и не было в их движениях жирафьей грации баскетболистов. Иные, вот в чём дело! Совсем иные.

– Здравствуйте, отроки, – насмешливо пророкотал тот, что повыше.

Кажется, это с ним Мосин столкнулся над стеной.

Отроки нестройно поздоровались.

– А хорошо придумано, Рогволод, – повернулся он ко второму. – Мы их собираемся искать за магистралью, а они рядом.

Рогволод, хмурясь, оглядел площадку и, не ответив, направился к молочно-белому сплюснутому шару на паучьих ножках.

– Во что играем? – осведомился первый. – Впрочем, не подсказывать, попробую угадать сам. Та-ак. Это, несомненно, должно изображать темп-установку... Что ж, местами даже похоже. Чуть-чуть. А где темп-установка, там десант в иные времена. Денис, я правильно рассуждаю?

Денис со свирепой физиономией отряхивал кивер.

– Денис говорит, что правильно, – невозмутимо объявил гигант. Послышались смешки. – Ну и куда же вы собрались?.. Ничего не понимаю, – после минутного раздумья признался он. – С одной стороны, кулеврина, с другой – самолёт.

Отроки смотрели на него влюблёнными глазами.

– Тогда посмотрим, во что одеты Исполнители. Денис, по-

дойди, пожалуйста.

Мрачный Денис плотно, со скрипом, натянул кивер и вышел вперёд.

Взрослый рассматривал его, посмеиваясь:

– Слушай, Денис, а ты, случайно, не Давыдов?

– Давыдов, – продали Дениса из толпы.

– Серьёзно? – поразился гигант. – Что, в самом деле Давыдов?

– Это условно, – нехотя пояснил Денис. – Имеется в виду: один из отряда Давыдова.

– Ну что ж, отроки, – сказал взрослый. – Мне нравится, как вы проводите каникулы. В историю играть надо. И надо, чтобы у каждого был свой любимый исторический момент. И наверное, надо сожалеть о невозможности принять в нём участие.

– Почему о невозможности? – буркнул «Давыдов».

– Потому что момент этот не твой, Денис. Он принадлежит другим людям. Как твоё время принадлежит тебе. Я знаю, ты сейчас думаешь: «Игра игрой, а гусары бы приняли меня за своего». Мне очень жаль, но в лучшем случае они приняли бы тебя за ненормального. С чего ты взял, что партизаны Давыдова носили топоры на портупеях?

Денис с уважением покосился на Мосина. К ним подошла Эврика и непринуждённо поздоровалась со старшими.

– Смотри-ка, и Эврика здесь? А платье такое где взяла?

– Мне подарили, – насупилась девочка.

– Эврика! – Сказано это было с мягкой укоризной.

– Подарили, – упрямо повторила она.

– Да что ты? И кто б это мог такое подарить?

– Я подарил, – сипло сказал Мосин и вылез из-за механизма. Это не было подвигом. Просто запереться не имело смысла.

– Меня зовут Ольга, – негромко представился гигант. Мосин решил, что ослышался. И кстати, правильно решил. Незнакомца звали Ольгерд. – А как зовут тебя? И почему я тебя не знаю?

– Меня зовут Сергей, – полным предложением, как на уроке, ответил Мосин. – Я тут неподалёку... отдыхаю... у папы с мамой, – поспешно добавил он.

– А как ты сюда попал?

– У меня допуск.

– Какой допуск?

– Условный. – Мосин поспешно предъявил шарик.

Огромный «Ольга» взгляделся и фыркнул. Отроки с любопытством сгрудились вокруг Мосина и тоже засмеялись. Копающийся в одном из приспособлений Рогволод поднял голову.

– Ну и что? – обиженно сказал Тоха. – Почему это не может быть допуском? Условно же!

Мосин поспешно спрятал шарик. «Ольга», прищурясь, рассматривал бледно-желтую мосинскую тенниску, на которой было изображено ограбление почтового поезда.

– А это откуда?

– Из музея, – наудачу ляпнул Сергей.

– Слетай и верни, – сказал «Ольга» и больше на него не смотрел.

Мосину бы сказать: «Хорошо, я сейчас» – и двинуться к дыре, но он ещё не верил, что пронесло.

– Ну а теперь объясните мне вот что... – «Ольга» сделал паузу, и наступила тревожная тишина. – Зачем вы подвели к вашей игрушке энергию?

– Чтобы всё по-настоящему, – невинно объяснил Тоха. – А то как маленькие...

– А вы и есть маленькие, – впервые заговорил Рогволод, причём голос у него оказался, против ожидания, довольно высоким. – Взрослые должны понимать, что с энергией не играют.

– Верно, – согласился «Ольга». – Кто у вас Механик? Григ, конечно?

Толпа зашевелилась и пропустила вперёд высокого мальчугана в серебристой куртке, того, что называл Мосина реликтом.

– Григ, ты же видел: началась утечка. Почему не отключил установку?

Григ опустил голову и беззвучно пошевелил губами.

– Ничего не понял, – сказал «Ольга». – Ты громче можешь?

– Я пробовал отключить, – еле слышно проговорил Григ. –

Она почему-то не отключается.

Кажется, взрослые испугались.

– По всем правилам, – озадаченно сказал Рогволод, – этот лом работать не должен.

– А он работает? – тревожно осведомился «Ольга».

Рогволод подошёл к нему и протянул что-то вроде обрывка прозрачной микроплёнки.

– Цикл! – пробормотал «Ольга», рассматривая ленточку. – Без преобразователя? От него же корпус один!

– Да что преобразователь! Они его для красоты пристроили, – с досадой пояснил Рогволод. – Вот где узел!

Он указал на аппарат, отдалённо напоминающий кефирную бутылку метровой высоты с красивой и сложной крышкой.

– Это что же такое?

Взрослые подошли поближе.

– Я тоже не сразу понял, – признался Рогволод. – Это они напрямую состыковали списанный «Тайгер-три» и серийную «Тету».

– Позволь, что такое «Тета»?

– Игрушка. Для старшего и среднего возраста.

– А последствия? – быстро спросил «Ольга».

– Веер предположений! – раздражённо ответил Рогволод. – Половина связей в «Тайгере» разрушена, и во что он превратился с этой приставкой, я не знаю... Последствия... Микросвёртка, видимо...

– Но отключить-то ты его сможешь?

– Цикл, – напомнил Рогволод. – Пока не вернётся в нулевую точку, не стоит и пробовать.

Отроки и Мосин напряжённо вслушивались в этот малопонятный разговор. Взрослые посовещались, потом Рогволод принялся объяснять ситуацию кому-то на пустыре не присутствующему, а «Ольга» повернулся к ребятам.

– Тебя можно поздравить, Григ, – невесело усмехнулся он. – Не знаю, правда, каким образом, но ты, кажется, собрал действующую модель темп-установки.

У отроков округлились глаза, причём Григ был ошарашен больше всех.

– Мне хочется, чтобы каждый понял, что произошло. Во-первых, это не просто утечка. Это прокол. По счастью, игрушка ваша крайне примитивна, так что диаметр, я полагаю, невелик – микроны, в крайнем случае миллиметры. Но давайте представим на секунду, что всё не так. Представим, что установка работает на неизвестном нам принципе и прокол можно использовать для коммуникации. Скажем, один из вас... – «Ольга» подождал, пока каждый осознает, что речь идёт именно о нём, – ушёл. Ушёл туда. И не вернулся. И не вернётся.

На детских лицах отразилось искреннее раскаяние. Никогда в жизни они не будут больше состыковывать списанный «Тайгер» с серийной «Тетой» и тем более подводить к установке энергию. Однако «Ольга» продолжал, и довольно без-

жалостно:

– Или противоположный вариант: кто-то с той стороны, причём даже неизвестно откуда, проникает сюда...

Он строго оглядел ребят и вдруг встретился глазами с Мосиным.

10

...Ещё ни разу в жизни Сергей не делал такого стремительного спурта, и всё же ему казалось, что он никогда не добежит до сирени, что огромный «Ольга» легко, в два прыжка, догонит его и ухватит за шиворот. Но за ним никто не погнался, только что-то предостерегающе крикнули вслед.

Мосин телом пробил сирень и вылетел во двор учреждения. Сначала он бежал по кратчайшему пути к дверям служебного входа, потом в нём сработал какой-то инстинкт, и Сергей резко изменил направление – видимо, хотел запутать следы. Остановиться он сумел, только свернув за угол. Загнанно дыша, вернулся, выглянул во двор. Сирень уже не шевелилась, но ему ещё несколько раз мерещилось, что вот раздвинут её сейчас огромные лапы и из листвы выглянет суровое лицо «Ольги».

Потом он сообразил, что ни Рогволод, ни «Ольга» в дыру не полезут, а детям тем более не разрешат. Прокол-то, оказывается, опаснейшая штука. «...И не вернётся», – ужаснувшись, вспомнил Мосин слова «Ольги».

И вдруг ему стало нестерпимо стыдно. С кем связался? С кем обмен затеял? С малышами! Мосин был убит, опозорен в собственных глазах.

Сирень не шевелилась, и Сергей, страшно переживая, поплёлся в лабораторию.

Там он достал из кармана «условный допуск». Что же это они ему такое подсунули? Ладно ещё, если какую-нибудь пробку от бутылки... Сергей скрипнул зубами и с силой зашвырнул шарик в угол.

Хорош, нечего сказать! И кино помог снять, и оптикой разжился! А ведь не так уж трудно было убедить Дениса, что гусары без фотокамеры из дому не выходили...

Мосин извлёк из дипломата сиреневый кругляшок, к которому когда-то отнёсся столь пренебрежительно. Вот тебе и вся оптика. Чёрт его знает, что за штукавина.

Посмотрел через кругляшок на свет. На стекло от очков не похоже, да и что толку от одного стекла! Ага, тут ещё какие-то металлические бугорки на ребре. Сергей ухватил ногтями один из них и осторожно сдвинул. То ли ему показалось, то ли кругляшок в самом деле изменил цвет.

Мосин подсел к увеличителю и, держа стекляшку на фоне чистого листа, принялся гонять бугорки по всем направлениям. Наконец отложил кругляшок и выпрямился.

– Спасибо, – сказал он. – Не ожидал.

Ему в руки попал изумительный по простоте и качеству корректирующий светофильтр для цветной печати.

Мосин выдвинул из корпуса увеличителя металлический ящичек, вложил в него кругляшок. Маловат, болтается... Убрал верхнее освещение и включил увеличитель. На белом листе зажёгся интенсивно малиновый прямоугольник. Мосин ввёл в луч растопыренную пятерню, пошевелил пальцами. Вне всякого сомнения – фильтр. Вытащил, передвинул бугорки. Теперь прямоугольник стал бледно-лиловым. Мосин любовался кистью руки в новом освещении и выключил увеличитель. И настроение упало. Хорошо, займётся он «цветом». Добьётся популярности. Посыплются на него заказы. Так ли уж это важно?

А вот интересно, отключили они установку или прокол ещё существует? А что, если пойти посмотреть? Осторожно, а?

«Сиди! – вздрогнув, приказал он себе. – Даже думать не смей! А вдруг они там ждут, когда преступник вернётся на место преступления? Цап – и в дыру!»

Сергей достал жевательную резинку, машинально распечатал и отправил в рот. Вкус у неё оказался довольно неприятным.

Мосин расхаживал из угла в угол в жидком полусвете красных лабораторных фонарей. Да, наверное, не в оптике счастье. Нахватал какого-то барахла, каких-то безделушек... Правда, «Асахи» оплачен почти полностью, но ведь он бы и так его оплатил, без всяких межвременных проколов. Даже и не поговорил ни с кем как следует... А с кем говорить?

К взрослому даже подходить страшно, а на отроков Мосин в обиде – они ему два дня голову морочили.

В таком случае из-за чего он расстраивается? Откуда эта подавленность? Сергей в задумчивости провёл ладонью по лицу и тихо взвыл от ужаса: лица коснулось что-то мягкое и пушистое.

Бросился к выключателю. Лампы дневного света на этот раз верещали особенно долго, словно нарочно изводя Сергея. Вспыхнули наконец. И Мосин отказался узнать кисть правой руки. Она теперь напоминала лапу игрушечного тигрёнка: вся, включая ладонь, обросла густой и мягкой яростно-рыжей шерстью. Имелись также две серовато-фиолетовые подпалины.

– Нет! – глухо сказал Мосин. – Я же... Она же...

Он хотел сказать, что это бред, что десять минут назад рука была чистой. Именно десять минут назад он рассматривал её в луче увеличителя, когда любовался тонами светофильтра. Тут до него дошло, что как раз в светофильтре-то всё и дело – в том дьявольском кругляшке, который он принял за светофильтр.

Сергей остолбенело смотрел на свою волосатую лапу, потом ухватил клочок шерсти и несильно потянул, надеясь, что он легко отделится от кожи. Получилось больно.

Но ведь не бывает же, не бывает такого невезения!

«Не бывает? – с неожиданной едкостью спросил он себя. – Очень даже бывает! Как, например, удалось Денису отрас-

тить на своей розовой физиономии гусарские усы? И каким же надо быть дураком, чтобы до сих пор ничего не понять!...»

Кстати, где резинка? Он её жевал, а потом... Проглотил, что ли? Совсем весело...

Да бог с ней, с резинкой! Ну, проглотил и проглотил – переварится. С шерстью-то что делать?!

И Мосиным овладело бешенство. «Растопчу! – решил он. – Вдребезги! В мелкую крошку!...»

Он двинулся к увеличителю, и, если бы не телефонный звонок, хитроумному изобретению потомков пришёл бы конец.

– Поднимись, – сказал начальник. – Есть разговор.

Более удачного времени он, конечно, выбрать не мог. Мосин попытался натянуть на правую руку резиновую перчатку, но это было слишком мучительно. Может, просто держать руку в кармане? Нет, неприлично. Сергей открыл аптечку и принялся плотно бинтовать кисть.

11

«Зачем вызывает? – тревожно думал он, поднимаясь по лестнице. – Не дай бог, что-нибудь всплыло...»

Нелепая, но грозная картина возникла в его горячем воображении – открывает он дверь, а у начальника сидит огромный «Ольга» и рассказывает: так, мол, и так, ваш сотрудник обманом проник на нашу детскую площадку, выма-

нивал у детишек ценности, дурно на них влиял...

Вадим Петрович был один.

– Что это у тебя с рукой? – спросил он.

– Химикатами обжёг.

– У врача был?

– Что я, псих, что ли? – вырвалось у Сергея. – Я содой присыпал, – поспешил добавить он.

Начальник подумал и счёл тему исчерпанной.

А в организме Мосина тем временем явно шёл какой-то непонятный процесс. В горле побулькивало, потом стали надуваться щёки.

– В общем, добивай, что там у тебя осталось, и настраивайся на командировку...

Начальник оборвал фразу и уставился на Мосина. Тот не выдержал и разомкнул губы. Тотчас изо рта его выдулся красивый радужный пузырь, в считанные секунды достиг размеров футбольного мяча, и Мосин испуганно захлопнул рот. Пузырь отделился от губ и поплыл. В кабинете стало тихо.

Над столом пузырь приостановился, как бы поприветствовав начальство, и направился к форточке.

Вадим Петрович откинулся на спинку стула и перевёл очумелые глаза на Мосина:

– Ты что, мыло съел?

Сергей замотал надувающимися щеками:

– Резинку... жевательную...

Слова прозвучали не совсем разборчиво, так как в этот

момент выдувался уже второй пузырь, краше первого, но начальник расслышал.

– С рук, небось, покупал? – сочувственно осведомился он, и вдруг до него дошёл весь комизм ситуации.

Начальник всхлипнул, повалился грудью на стол и захотел. Остановиться он уже не мог.

Мосин выскочил из кабинета и помчался по коридорам и лестницам, при каждом выдохе производя на свет большой и красивый пузырь.

В лаборатории он бросился к крану и залпом выпил стакан воды, чего, как выяснилось, делать не следовало ни в каком случае. Теперь изо рта Мосина вылетали уже не отдельные пузыри, но целые каскады, гирлянды и грозди великолепных, радужных, переливающихся шаров.

Лаборатория выглядела празднично. Было в ней что-то новогоднее. Просвеченные лампами пузыри плавали, снижались, взмывали, сталкивались, иногда при этом лопаясь, а иногда слипаясь в подобие прозрачной модели сложной органической молекулы.

А выход из этого кошмара был один: сидеть и ждать, пока мнимая резинка не отработается до конца. В ящике стола Мосин нашёл завалявшуюся там с давних времён полупустую пачку «Примы» и долго прикуривал желтоватую, хрустяще-сухую сигарету – мешали вылезающие изо рта пузыри. Наполненные табачным дымом, они напоминали теперь мраморные ядра, к потолку не взлетали – гуляли в метре над

линолеумом.

Глядя на них влажными от переживаний глазами, Мосин надрывно думал о том, что с чувством юмора у потомков дела обстоят неважно. Ну кто же так шутит? В чём юмор?

...А почему он уверен, что резинка изготавливалась специально для того, чтобы кто-то кого-то разыграл? А вдруг Вадим Петрович был близок к истине, когда спросил про мыло? Какое-нибудь особое, детское, для пузырей...

Мраморные ядра колыхались над самым линолеумом. Мосин вскочил и начал их пинать. Шары лопались, оставляя после себя клочки дыма. Сорвав бинт, он молотил их обеими руками, пока не обессилел окончательно.

Потом в мрачной апатии сидел и курил, брезгливо кося глазом на очередной выдувающийся пузырь. Давал ему отплыть на полметра, затем протягивал мохнатую лапу с тлеющей сигаретой и безжалостно протыкал.

Начальник не звонил, – скорее всего, отвлекли дела. Шаров в лаборатории поубавилось – «резинка» выдохлась. Пора было подумать и о руке.

Мосин встал и, задумчиво поджав губы, повернулся к увеличителю. Если с помощью кругляшка можно выращивать волосы, то, наверное, с его же помощью их можно удалять. Череп Дениса был, помнится, слишком уж гладко выбрит... Но не вышло бы хуже...

– А хуже быть не может, – процедил Сергей и убрал верхний свет, но руку от выключателя не отдёргнул – не решился.

Слова его не были искренни: в глубине души он сознавал, что может быть и хуже. Всё может быть.

И тут в лаборатории произошла ослепительно-белая холодная вспышка. Светом брызнуло из увеличителя, из неплотно прикрытого дипломата, а ещё полыхнуло в углу, куда Мосин в бешенстве зашвырнул «условный допуск».

Пальцы судорожно щёлкнули выключателем, Сергей издал невнятный горловой звук, и новорождённый радужный шар затанцевал перед ним в воздухе. Да прекратится это когда-нибудь или нет, в конце-то концов! Сергей отмахнулся от мыльного пузыря и, подбежав к увеличителю, выдвинул рамку для светофильтров. Пусто. Как он и думал. А что могло вспыхнуть в дипломате? «Сигарета»-передатчик! Мосин откинул крышку. «Сигареты» в дипломате не было. Не было там и ножа. Значит, шарик в углу тоже искать не стоит...

И Сергей понял: где-то по ту сторону стены, за сотни лет отсюда, хмурый неразговорчивый Рогволод дождался нулевой точки цикла, отключил установку и ликвидировал прокол. Дыра исчезла, и вместе с ней исчезли предметы, которым по каким-то неизвестным Сергею законам не полагалось существовать в ином времени.

Предметы исчезли, а последствия?

Последствия, судя по рыжей шерсти на руке Мосина, исчезать и не думали.

– Та-ак, – протянул он, присаживаясь. – Ну что ж...

Потом вдруг вскочил и бросился к двери. Через двор бе-

жал, как бегут к электричке, которая вот-вот тронется.

Невероятно: дыра была на месте!

Отчётливо понимая, чем рискует, Мосин просунул в неё голову. Глазам его предстал маленький захламлённый пустырь с островками редкой травы между хребтами мусора. Справа его теснил завод, слева – частный сектор.

– Не успел, – медленно проговорил Сергей, поднимаясь с четверенек. – Ах ты чёрт, не успел...

12

Уронив голову на стол и свесив руки почти до полу, Мосин сидел за увеличителем и тихонько скулил, как от зубной боли.

Что там впереди? Снова белые кафельные стены лаборатории, красноватый полумрак, и маленькие хитрости с левыми фотоснимками, и фирменное барахло, и конспиративный шепоток клиентов – и ни просвета, ни намёка на что-то иное, ненынешнее... Какая несправедливость: приоткрыть эту лазейку всего на два дня!

И Мосин с ужасом увидел себя во всей этой истории со стороны. Он увидел, как неумное суетливое существо с простейшими хватательными рефлексамии проникает не куда-нибудь в будущее и там, даже не пытаясь разобраться, начинает по привычке хапать, хитрить, химичить. А они-то решили, что он валяет дурака. Им и в голову не могло прийти,

что так можно всерьёз...

Мосин поднялся и побрёл по лаборатории. Остановился перед агрегатом для просушки снимков. Из зеркального барабана на него глянуло его лицо – сплюснутое и словно растянутое за щёки. Мосин взвыл и больно ударил себя кулаком по голове.

Ничего уже не исправишь. Дыра закрылась. Хоть кулаком по голове, хоть головой об стену – поздно.

Забыть обо всём и жить по-прежнему? Невозможно. Смотреть в глаза собеседнику и утешаться: «А ведь ты, лапушка, бывшая моя невеста, повела бы там себя ещё хуже... А про тебя, тётка, я вообще молчу...»

Кем же они его там теперь считают?

Ах, если бы Сергей успел вернуться туда до того, как дыра закрылась! Он бы крикнул им: «Это недоразумение! Поймите, я просто не сразу понял, где я!..» И пусть бы он потом превратился в холодную белую вспышку, как «условный допуск» или «светофильтр», но за это хотя бы можно было уважать...

«Я начну новую жизнь, – подумал Мосин. – Я обязан её начать».

Видно, происшествие сильно расшатало ему нервы. Только спустя полтора часа Сергею удалось взять себя в руки и выйти из этого странного и совершенно несвойственного ему состояния.

«Ну-ка, хватит! – приказал он себе. – Расхныкался!.. Всё.

Дыры нет. О настоящем думать надо».

Руку он побреет, а потом обязательно достанет мазь для уничтожения волос. Что ещё? Пузыри? Мосин выдохнул и с удовлетворением отметил, что с пузырями покончено.

Колготки... Вот тут сложнее, если учесть, что все они наверняка исчезли. Со вспышкой! Хотя днём вспышку могли и не заметить. За Тамарку он спокоен – она ему теперь по гроб жизни благодарна. А вот та спекулянтка... А спекулянтке он скажет: «Нечего было рот разевать. Следить надо за своими вещами...» Ну да, а если они прямо на ней пропали? Всё равно пусть рот не разевает. И вообще, какие такие колготки?..

С экс-невестой разговора, конечно, не избежать. Ремешок мог исчезнуть прямо у неё на глазах, да ещё полыхнуть на прощанье. Ладно, в крайнем случае придётся вернуть червонец и извиниться за глупую шутку.

Лихошерст... Ох, этот Лихошерст!.. Только бы не встретиться с ним до конца недели, а там – командировка...

Всё? Нет, не всё! «Асахи» оплачен. Выходит, он на этом кошмаре ещё и заработал? Ну Мосин! Ну делец! Всё-таки незаурядный он человек, что ни говори...

Заверещал дверной звонок.

Сергей наскоро обмотал руку бинтом и открыл. Это была вахтёрша. Не та, с которой он всё время ссорился, а новая. – Фотографа к городскому телефону. Фотограф есть? Мосин подошёл к столу с треснувшим после памятного

случая аппаратом:

– Кого надо?

Грубый и низкий мужской голос потребовал к телефону Мосина.

– Он вышел, – соврал Сергей. – А что передать? Кто звонил?

– Передайте этому мерзавцу, – рявкнул голос, – что звонила та, кому он продал лиловый пояс!

– В смысле, это муж её звонит? – перетрусив, уточнил Мосин.

– Нет, не муж! – гроыхнуло в трубке. – Это я сама звоню! И ещё передайте этому проходимцу, что я сейчас к нему приеду! – В голосе вдруг пробились мечтательные нотки. – Ох, он у меня и попрыгает!..

1980

Для крепких нервов

Чарыев сразу понял, что с аппаратурой ему не выплыть.

Кувыркнувшись в воде через голову, он вывернулся из ремней и в рывке попытался достать серебристые ветвящиеся «поручни». Он не потратил ни единой лишней секунды, да и «поручни»-то мерцали совсем рядом, но, пока он освобождался от сумок, его снесло в опасную зону, к центру этого подлого, словно подстерегавшего здесь водоворота. Выбраться по рекомендуемой в таких случаях пологой спирали не удалось – Чарыева мотало по замкнутому кругу.

Мимо летела янтарная вогнутая стенка с порослью причудливо искривлённых металлических трубок. Устройство тянуло, как исправная водопроводная раковина, урча и причмокивая, что воспринималось ошеломляюще, поскольку видимого притока не было ниоткуда. Вода, проваливающаяся сама в себя! Задача о бассейне, в который ничего не вливается, зато выливается столько, что в считанные секунды он должен был бы опустеть до дна. Если у него вообще есть дно.

Известно, что каждому пилоту, будь он хоть семи пядей во лбу, назначено судьбой определённое количество досаднейших промахов. И все отпущенные ему промахи Чарыев ухитрился совершить разом, не мелочась.

Собственно, поступки его трудно даже назвать промахами. Позже специалисты будут яростно спорить о том, что это

было: единственно верное решение или преступное забвение устава.

После катастрофы на Сатурне-Дельта, когда экспедиция лишилась практически всего оборудования, нечего было и думать о серьёзном и тщательном исследовании системы – дай бог благополучно вернуться домой. Всё, что позволили обстоятельства, – отправить пилота Чарыева в одноместной скорлупке (кстати говоря, совершенно для таких целей не предназначенной) к четвёртой планете, где, судя по наличию в атмосфере кислорода, могла обнаружиться жизнь, хотя бы отдалённо подобная земной.

Ещё там, на орбите, он должен был радировать о своем подозрении, что кристаллоподобные игольчатые формации внизу – искусственного происхождения.

Сам он оправдывался тем, что связь якобы прервалась по техническим причинам. Ни доказать, ни опровергнуть это теперь невозможно. Недоброжелатели утверждали и утверждают до сих пор, что Чарыев просто решил побереечь репутацию. Есть такая старая и, в общем-то, верная примета: если астронавт начинает регулярно наталкиваться на следы инопланетного разума, в космосе он, скорее всего, долго не задержится. Пора в отставку.

Однако следующий поступок пилота напрочь уничтожает это обвинение – именно в силу своей безрассудности. Чарыев пошёл на посадку. Без подготовки. В крохотной одноместной ракете, заведомо не годящейся для высадки. В та-

ких аппаратах даже скафандра не полагалось! Единственная надежда на то, что здешняя атмосфера – копия земной.

Хотя в этом-то как раз пилота можно понять. Возвращение на Землю (если оно вообще возможно после того, что стряслось на Сатурне-Дельта) займёт несколько лет, – стало быть, это его последний и единственный шанс.

Невероятно, но шанс оказался выигрышным. И всё же, когда Чарьев выбрался из-за холма и увидел этот сказочный алькасар, эту странную сквозную готику, – нужно было поворачиваться и со всех ног бежать обратно, к ракете.

Легко сказать! Случившееся потрясло его своей простотой и необратимостью. Только что, минуту назад, начался новый отсчёт времени, новая эра.

Продолжая испытывать судьбу, Чарьев приблизился к строению. Мало того, он ещё и рискнул войти сквозь стрельчатую прорезь внутрь, а через десяток шагов у него под ногами разверзся этот – то ли фонтан (по местным понятиям), то ли узел очистного сооружения.

Вспарывая воду, Чарьев ходил по кругу, словно привязанный к воображаемому колышку, стараясь хотя бы удержаться на прежнем расстоянии от воронки. Но тут – чёрт его знает почему – водоворот ускорил вращение, поверхность воды накренилась, и Чарьева, несмотря на все его усилия, потащило к горловине. Возможно, автомат, следящий за чистотой, почувствовал, что какая-то крупная частица мусора упорно не желает покинуть помещение.

«Глупо! – в отчаянии успел подумать Чарьев. – Глупо! Глупо!...»

Его крутнуло, как на тренировочном стенде, вода сомкнулась над ним, а дальше случилось нечто несуразное.

Прошло несколько минут, больше задерживать дыхание было просто невозможно, кроме того, он уже ясно сознавал, что вокруг не вода, а воздух. Ещё минуту Чарьев потратил на то, чтобы отдышаться и хоть немного прийти в себя.

Он полусидел-полулежал на янтарно-жёлтом полу, и на него со всех сторон дул сухой тёплый ветер. Где водоворот? Что произошло? Он выждал, пока пройдёт головокружение, и осмотрелся. Круглая комната без потолка – что-то вроде поставленной вертикально короткой трубы метров восьми в диаметре. А сам он, что интересно, жив. И как прикажете всё это понимать?

Он вдруг сообразил, как это следует понимать, и поднялся с пола.

– Спасибо, ребята, – растерянно сказал он. – Но, может быть, вы всё-таки представитесь?

Тишина. Вернее, то же едва уловимое ровное жужжание, что и раньше.

Уловив за спиной движение, Чарьев обернулся. В янтарной вогнутой стене мерцал синий прямоугольный экранчик. Несколько раз, рассыпая фиолетовые искры, вспыхнули и погасли какие-то знаки.

Это вполне могло означать: «Не стоит благодарности. Все-

гда к вашим услугам».

Диаметры бассейна с водоворотом и этой комнаты-трубы были одинаковы. Чарыев отметил эту подробность сразу же. А не находится ли он на дне колодца, из которого экстренно откачали воду? Он поднял голову, ожидая увидеть вверху этакий терновый венец из «поручней», до которых так и не дотянулся. Нет, никаких «поручней» там не было – гладкое жёлтое жерло и синий круг неба с краешком перистого облака. И потом, будь это дно колодца, здесь, по идее, валялись бы доблестно утопленные им сумки с аппаратурой и пистолет.

Сухой тёплый ветер, дующий со всех сторон, постепенно стал надоедать.

– Спасибо, хватит, – сдержанно сказал Чарыев в пространство. – Я уже обсох, спасибо.

Секунд через пять сквозняк прекратился. Ровное тихое гудение оборвалось. Ещё один повод для размышлений. Поняли просьбу или просто сработал автомат?

Тут Чарыев подумал, что ломает голову над пустяками, и немедленно ощутил совершенно неприличный ребяческий восторг: контакт, ребята! Контакт!.. А ведь, помнится, был у наших теоретиков разработан такой сценарий: спасение астронавта-землянина представителями ВЦ. И рассматривался он, помнится, как наиболее благоприятный вариант... Ну, это мы скоро проверим...

«И долго они меня собираются здесь держать?» – несколь-

ко уже раздражённо подумал Чарыев и снова запрокинул голову. Как в орудийном стволе.

«Зиндан», – вспомнил он вдруг. Азиатское Средневековье. Земляная тюрьма. Яма, из которой не выбраться... Ни-чего себе ассоциации!

– Могу я отсюда выйти? – осведомился он и, ещё не договорив, увидел, что может.

В янтарной стене, там, где только что мерцал синий экранчик, теперь зиял узкий прямоугольный проём. Удивительно тактичные и ненавязчивые хозяева.

Чарыев шагнул к любезно указанному выходу и обнаружил, что идёт босиком. Вот это, что называется, воля к жизни. Как же надо было барахтаться в водовороте, чтобы выскочить из ботинок! Ни дать ни взять – жертва кораблекрушения.

Он вошёл в тесный туннельчик, который, дважды свернув под прямым углом, вывел его в обширный... не то зал, не то площадь. Потолка опять не было. Или был, но абсолютно прозрачный.

В голове мельтешили какие-то ненужные обломки литературных штампов типа: «Впервые представитель человечества... Встреча, на которую Земля надеялась со времён Джордано...» Потом вся эта путаница исчезла, и голова стала пустой и лёгкой.

Прямо перед Чарыевым сидел... сидело... Словом, сидела совершенно фантазмагорическая тварь. Исчадие ада, как

сказали бы двумя веками раньше. И довольно крупное исчадие – с добрую корову.

Животное по-лягушачьи раздуло зоб, потом отворило вместительную пасть и низко сказало: «Хаа...»

Чарьев стоял неподвижно, преодолевая соблазн броситься обратно, в узкий коридорчик. Пальцы правой руки беспомощно тронули бедро, на котором должна была висеть кобура, утопленная вместе с пистолетом – хорошим надёжным оружием, предназначенным как раз для таких встреч.

Впрочем, зверь нападать не торопился. Странный зверь. Клыки, рога, бивни... Композиция, мягко говоря, бессмысленная. Не допустит естественный отбор столь безобразного сочетания.

Тут чудовище, видно решив добить Чарьева окончательно, неловко переступило с лапы на лапу и с треском растопырило перепончатые крылья. Так оно ещё и летает? Ну нет, это вы бросьте, никак оно не может летать – вес не тот. Тогда почему крылья? Рудимент? Что-то оно, родимое, состоит из одних рудиментов. Гребни, шипы, присоски... Несомненно, весьма нужные приспособления. Каждое в отдельности. Но когда всё это собирается в одну кучу – так... бесполезные украшения.

Украшения? А это уже версия... Биологическая косметика. Человеку ведь не возбраняется изменить оттенок кожи, удлинить ресницы, улучшить фигуру...

Чарьев ошеломлённо посмотрел на бредовое существо.

Ему как-то не приходило в голову, что этот монстр может оказаться братом по разуму. Одиозный какой-то братец, пощёчина общественному вкусу...

Хотя... Если Чарьев имеет дело с местным панком... Да, панком. Кажется, это так называлось. Словом, такую возможность следует учесть. На всякий случай.

Брат по разуму удивлённо по-собачьи наклонил сверхвооружённую голову к шипастому плечу. Дескать, что же ты стоишь как столб? Заходи, раз уж пришёл. Представься хотя бы.

Дурацкое положение! С чего начать? Воздеть сцепленные ладони и провозгласить: «Мир, дружба»? Или просто сказать: «Здравствуйте»?

Нет, до такого варианта теории в своих сценариях точно не додумались: идёт человек по коридору, а ему навстречу – инопланетный маргинал, густо утыканный рогами, клыками и бивнями.

– Мы пришли с миром, – испытывая некоторую неловкость, сообщил Чарьев и шагнул к затрепыхавшему крыльями панку.

Животное вспорхнуло и, заполошно вопя басом, описало низкий неровный круг. Выглядело это так, словно кто-то тащил его по воздуху на тросике, а оно, растопырившись, усиленно делало вид, что летит с помощью своих анекдотических крыльев. При этом у него обнаружился членистый скорпионий хвост. Именно его и не хватало для полного ан-

самбля.

Всё это весьма слабо напоминало разумные действия – и Чарьев, поколебавшись, отказался от предположения, что пернато-членистоного-рогатое существо – хозяин дома. Тогда кто оно и зачем оно здесь? Тут же возникли и скоропостижно скончались ещё несколько гипотез. Забрёл в зверинец? Совы и вороны, поселившиеся в разрушенном замке? Или просто декоративное домашнее животное?

Чарьев попробовал обойти чудище, которое немедленно вскочило, заскребло когтями по полу, угрожающе ошетило все свои шипы и снова сказала: «Хаа...»

Нет, пожалуй, всё-таки не декоративное животное. Скорее сторож. Но тогда напрашивается мысль, что охраняет он именно выход из туннельчика, откуда появился Чарьев. Скверно. И пистолет утопил...

Впрочем, это даже к лучшему. С оружием глупостей здесь можно наделать в два счёта. Пока ясно одно: животное это – либо биоробот, либо продукт долгой селекции. В естественных условиях оно просто не выживет... Тогда опять же: кто его такого сотворил и зачем? Сторож оно скверный, неуклюжий. (Еще бы! При таком обилии архитектурных излишеств!) Или предполагается, что увидевший его должен незамедлительно хлопнуться в обморок?

Чарьев сделал ещё несколько попыток пройти, и везде его встречала всё та же пасть и внятно произнесённое: «Хаа...» Ну вот и славно. Вот и общение помаленьку налаживает-

ся. Можно приступить к составлению краткого разговорника. «Хаа – (*местн.*) пущать не велено».

– Мне бы хотелось пройти, – твёрдо сказал Чарыев, глядя в круглые неумные глаза перепончато-панцирного швейцара.

– Хаа... – тупо ответил тот.

Вот скотина! Чарыев отступил к туннельчику, прикинул расстояние – и побежал, наращивая скорость, как бы намереваясь проскочить по краю, вдоль стены. На первом курсе он неплохо играл в регби, потом решил зря не травмироваться и ушёл из команды. Но навыки остались. Цербер купился и бросился наперерез: крылья трещали, когти, взвизгивая, разъезжались на гладком полу. Чарыев резко сменил направление, сделал рывок – и почувствовал, что успевает. Но тут над головой зашипело, затрещало – и тварь шлёпнулась на пол прямо перед ним, ощеренная и растопырившаяся, как морской чёрт. Словно кто-то ухватил бездарного хавбека за шкурку и ткнул туда, где, по идее, надлежало встречать прорвавшегося форварда.

Чарыев, не растерявшись, повторил манёвр, и противник опять оказался не на высоте. Мелькнула когтистая со шпорой лапа – и Чарыев, не удержавшись от соблазна, рубнул её, пробегая, ребром ладони. Руку отсушил, но и лапа болезненно отдернулась.

Вылетел на середину зала (площади?), чуть не врезался в какой-то столбик, ухватился за него и поглядел, что делает-

ся сзади. Дракон с обиженным и ошарашенным видом сидел на своём скорпионом хвосте и, поджимая ушибленную лапу, укоризненно глядел вслед. Вот дурак, дескать, здоровый, шуток не понимает.

«Ох, что-то я не то делаю, – в тревоге подумал Чарыев. – Что же всё-таки происходит? Ничего не могу понять».

Дракон никак не стыковался с предыдущими событиями. Не вписывался он в них. Спасли, обсушили, поприветствовали с экранчика, указали выход – всё пока ясно, одно вытекает из другого, противоречий не наблюдается. И вдруг дракон! Нелепость какая-то. Почему, к примеру, он начал бросаться на Чарыева и почему не бросается теперь? Только ли потому, что получил по лапе?

Дракон демонстративно повернулся к Чарыеву гребенчатой спиной и устался в дыру туннельчика, складывая многочисленные перепонки. Уникальная безвкусица! Может, за уникальность и держат?

А вот не от этого ли столбика отгонял его дракон? Любопытный столбик. Во-первых, единственный в зале, а во-вторых, установлен точно по центру... Значит, имеется столбик круглого сечения, приблизительно метровой высоты, диаметром сантиметров восемнадцать – восемнадцать с половиной... Что ещё? Представляет монолит с полом, сделан из того же материала. Требуется узнать: на кой чёрт его нужно охранять и от кого?

В этот момент круглый срез столбика мигнул, точнее –

на секунду изменил цвет. Чарьев поднял брови – на столбике лежал кусок сахара. Или что-то очень на него похожее. Так, может быть, дракон защищал свою кормушку? Миску? Чарьев взял хрупкий белый брусочек, осмотрел, осторожно понюхал. Лизнуть? Ни в коем случае! Хорошо, если несъедобно. А вот если съедобно... Дышат-то они, несомненно, кислородом, но кто знает, что у них за обмен веществ.

Дракон по-прежнему обижался. Ну да бог с ним... Чарьев спрятал «сахар» и зашагал в сторону, противоположную той, откуда вышел. Зашагал! Сильно сказано – зашагал! Он сделал ровно три шага, после чего подпрыгнул, получив по босым пяткам несильный, но чувствительный удар тока. Или ожог наподобие крапивного.

Одновременно с этой откровенно враждебной акцией жёлтый пол зала ожил. Оставаясь неподвижным, он как бы распался на шестиугольники – каждый своего цвета – и яростно замигал. После десятка высоких нелепых прыжков Чарьев эмпирическим путём установил, что оранжевые и зелёные шестиугольники «кусаются», жёлтые – нет. Тут уж он запрыгал осмысленно, с жёлтого на жёлтый, который, впрочем, через секунду становился зелёным или оранжевым. Чарьев успел отметить, что всё это происходит в какой-то хитрой последовательности, что, перепрыгивая, он неровно движется в определённом направлении. Иными словами, ведут. Вернее, гонят.

Потом его задача (уберечь пятки) усложнилась – из оран-

жевого мало-помалу начал исчезать красный ингредиент, а из зелёного – синий; скачущие шестиугольники стали жёлтыми, разных оттенков. Вzbесившаяся монохромная мозаика! Чарьев почти уже не отличал по цвету агрессивный шестиугольник от безопасного, он находил их каким-то наитием, пока не обнаружил, что пол снова ровно жёлт, что удары по пяткам прекратились, а сам он ещё прыгает. По инерции.

Он остановился и долго не мог отдышаться. Не от усталости, просто ни разу в жизни его так не унижали. Рядом стоял всё тот же столбик. (Значило ли это, что он, прыгая, описал круг и вернулся на прежнее место?) Сзади всё так же зиял вход в туннель, ведущий к «зиндану», а дракон куда-то исчез.

Итак, его за что-то наказали. Или откровенно и бесцеремонно проверили на быстроту реакции и на различение оттенков. С какой целью? Чарьев поглядел на столбик, уже догадываясь, что сейчас произойдёт. Действительно, срез столбика мигнул и вытолкнул новый кусочек «сахара».

Так что забудь версию с «кормушкой для дракона». Это для тебя кормушка, пилот Чарьев. А это тебе сахарок в поощрение. За то, что хорошо и верно прыгал.

Лабораторная мышь? Чарьев с трудом подавил нарастающий гнев и попытался найти более достойное объяснение. Проверка на разумность? Скорее уж на выживаемость.

Снова он торопится с выводами. Рано делать выводы. Информация нужна, информация, информация. Как можно

больше информации. Чарьев осмотрелся. Хорошо бы определить, например, тот ли это зал или точно такой же.

Осторожно ступая, он направился к туннельчику, все ещё опасаясь, что электробастонада повторится. В «зиндан» возвращаться, пожалуй, не стоило, и Чарьев двинулся вдоль стены, рассчитывая, что где-нибудь да откроется перед ним выход. Обойдя зал, он вернулся к туннельчику, и ничего перед ним не открылось. Что ж, намёк ясен.

Вот только непонятно, куда делся дракон. Не хотелось бы думать, что он там, внутри. А логично. Пол начал кусаться, и цербер с перепугу залез в «зиндан». Вообще-то, коридор для него вроде бы узковат, хотя кто знает... Может, «зиндан» – это его конура, из которой он выскочил, потому что его спугнул Чарьев.

И возникла страшная гипотеза. Собственно, не гипотеза даже, а так – что-то вроде видения. Дракон – не хозяин дома, он его пленник. Огромная мышеловка и сошедший в ней с ума астронавт, защищающий свою кормушку от посягательств пришельца. Если допустить, что есть существа, сумасшествие которых приводит к перерождению организма, то внешность дракона, следует признать, самая что ни на есть шизофреническая.

Видение было слишком ярким, слишком эмоциональным, чтобы оказаться истиной, тем не менее Чарьев долго не мог от него отделаться.

Итак, то, что происходило до появления дракона, он ис-

толковал неправильно, а дракона вообще никак не истолковал. Что же касается ударов по пяткам... Может быть, хотели наказать сторожа и заодно наказали Чарыева, не учтя, что он босой? А два брусочка «сахара»?

Ладно, хватит с нас умозрительных заключений, будем добывать факты. Пригнувшись, он вошёл в туннельчик и сразу же наткнулся на неожиданность. Он хорошо помнил, что, перед тем как вывести его в зал, коридор сворачивал вправо. Значит, теперь он должен был свернуть влево. Так вот, ничего подобного. Снова правый поворот. Следовательно, либо это не тот зал и не тот туннельчик, либо Чарыев имеет дело с подвижной архитектурой.

Собственно, оба варианта его устраивают: и в том и в другом утешает то, что с драконом они разминутся.

Зал, куда он вышел, был копией первого (или второго и первого, так он с ними и не разобрался). Тот же диаметр, тот же столбик в центре. Но в этом зале не было неба. Сверху свешивалась сырая тропическая растительность, уходящая, если верить ощущениям, на десятки метров в высоту. Зеленоватый, пятнистый движущийся полумрак.

И ещё одно отличие: столбик в центре был т-образный. Впрочем, Чарыев ещё на полдороге к нему понял, в чём дело. Столбик от первого (от первых двух?) не отличался ничем. Просто на нём лежал какой-то предмет.

Чарыев подошёл и внимательно осмотрел то, что лежало на столбике. Чертовски похоже на оружие: раструб с одного

конца, с другого – какое-то подобие лежа; это вроде должно означать прицел; ну а клавиша говорит сама за себя – спуск. Лежит на столике свободно, ничем не закреплено... Бери и пользуйся.

Чарыев взял, взвесил на руке, хотел примерить к плечу, но в этот миг потемнело, возле стен за клубился бледно-фиолетовый туман.

Еле слышный шорох за спиной. Чарыев резко обернулся. Всего в нескольких метрах от него припал к земле пятнистый изумрудно-чёрный зверь, не похожий ни на одного из известных ему земных хищников. На инопланетных, кстати, тоже. Но в том, что это был именно хищник, можно было не сомневаться – тварь была слишком грациозна, чтобы питаться травкой.

Взгляды их встретились – и зверь прыгнул. Чарыев, не колеблясь, вскинул незнакомое оружие и надавил клавишу. Ослепительный взрыв. Грохот, в котором исчезли все остальные подозрительные шумы и шорохи.

Тем не менее Чарыев оглянулся снова. Интуиция здесь ни при чём, просто круговая оборона – всякое может быть.

С тыла на него уже летели ещё два чёрно-изумрудных зверя: один только оторвался от пола, второй уже падал на Чарыева, раскинув когтистые лапы. Два разрыва слились в один, лицо опалило, в воздухе надолго установился смрад горелого мяса. Живучие твари – дальнему выдрало полбока, а он, извиваясь, всё полз и полз к Чарыеву, который к тому

времени снял влёт ещё трёх таких же изумрудно-чёрных.

С драконом было легче. С глупым, неуклюжим драконом, только и способным что взять на испуг... А здесь были убийцы. Они и не думали пугать, они не тратили времени на угрозы, они рвались к горлу. И они ни черта не боялись: ни грохота, ни огня, ни смерти. Будь в их плоских черепах хотя бы искра сообразительности, они бы уже смекнули, что перед ними страшный противник. Хорошее оружие плюс глазомер и реакция профессионального астронавта. Чарьев вертелся, бил навскидку, а тот, изувеченный, подползал всё ближе и ближе, и у Чарьева просто не было времени его прикончить.

Наконец он поймал крохотную паузу и вlepил в искалеченную тварь заряд почти в упор. После этого чёрно-изумрудное зверьё бросилось на него сразу со всех сторон. Выстрелы слились в длинную очередь – и вдруг посветлело.

Чарьев не сразу опомнился, продолжая резко оборачиваться на мерещащиеся ему отовсюду шорохи. На полу тleли трупы хищников. Тогда он перевёл взгляд на столбик и оцепенел от бешенства. Там лежала целая стопка «сахара» – три брусочка.

Секунду он неотрывно глядел на них, потом изо всех сил грохнул оружие об пол. Прицел отскочил, ложе покривилось и треснуло. Ладонью смахнул «сахар» со столбика.

– Гладиаторов вам надо? – злобно осведомился он у невидимых хозяев. – Бестиариев?!

На полпути к выходу взял себя в руки, вернулся, подобрал

брусочки, хотел подобрать и оружие, но его на полу не было. Оно снова лежало на столбике, словно он не ломал его минуту назад: прицел на месте, трещина на ложе пропала. Воздух очистился от гари, обугленные трупы исчезли. Как же они это делают, чёрт их побери! Звери были очень реальные и бой был настоящий – за это Чарьев мог поручиться. Во всяком случае, он дрался всерьёз. Гипнотическое внушение? Сомнительно... Повторись этот бой, рискнул бы Чарьев прекратить стрельбу? Из любопытства посмотреть, что будет? Да ни за что! Для этого надо полностью утратить инстинкт самосохранения.

То есть не просто хотят уничтожить, а уничтожить со вкусом, каждый раз давая определённый шанс выжить... Фyty, как мрачно! И подозрительно знакомо. Откуда это? Вор ползком на ощупь пробирается по тёмному лабиринту, протягивает руку – и на неё опускается каменная плита. Пальцы раздроблены, вырваться он не может, понимает это – и отсекает себе руку. И тут же сзади падает ещё одна плита, заживо замуровывая вора в каменном мешке... Ну конечно же, пирамиды Древнего Египта. Ловушки, устроенные по принципу «из огня да в полымя».

Пирамида? С электроникой? С биороботами? Бред! А главное – «сахар», «сахар»! Что это такое? Вознаграждение? Узнать хотя бы, съедобен он или нет. Угораздило же его так по-глупому утопить сумки с аппаратурой!

Он снова вошёл в туннельчик, уверенный, что опять вый-

дет в круглый зал со столбиком в центре. Дойдя до поворота, Чарьев задержался. К тому, что коридор свернет влево, он был уже готов: не это его остановило. В правой стене была ниша глубиной сантиметров пять. Сразу возникла ассоциация с замурованной дверью. Думается, что спешить ему некуда. В круглый зал он выйти успеет. Чарьев осмотрел нишу, провёл пальцем по стыкам, как бы проверяя, нет ли где щели. Ни щелей, ни зазоров, естественно, не обнаружилось, – скорее всего, это была просто ниша, без секретов и без фокусов. Для очистки совести он упёрся в неё ладонями и слегка нажал, зная заранее, что ничего не произойдёт. Однако гладкая стена под его пальцами шевельнулась и скользнула как бы сразу во все стороны, открыв ещё один, совсем короткий, коридорчик, заканчивающийся овальным металлическим люком.

А вот этого, кажется, планом предусмотрено не было. Кажется, Чарьев сильно спутал кому-то карты, обнаружив этот ход. Впрочем, особо радоваться не стоит – хозяева не дураки; если человек не собирается покидать туннеля, то, значит, на что-то он там наткнулся. И кстати, они прекрасно знают, на что именно. А вот он ещё нет.

Чарьев разглядывал металлическую дверцу, прикидывая, что с ним теперь может случиться. В худшем варианте люк ведёт к какому-нибудь техническому узлу, куда без спецскафандра входить не рекомендуется. В лучшем – он просто выводит на поверхность планеты. И в любом случае всё зави-

сит от того, как быстро Чарьев сориентируется в обстановке. Что ж, рискнём...

Он сделал шаг – и дверца сама откинулась ему навстречу. Нет, вряд ли кто будет так радушно приглашать в опасный для жизни отсек.

Чарьев пролез в люк и понял всё с первых секунд. Он находился в кабине летательного аппарата. Четыре обзорных экрана, клавиатура – ошибки быть не могло. Причём независимо от того, сумеет ли он воспользоваться машиной, это была первая его крупная удача. Одно только кресло «выболтало» ему массу сведений, и среди них главное: хозяева – гуманоиды. Сиденье и спинка были явно рассчитаны на человека.

Но притрагиваться к клавишам Чарьев не спешил. Первым делом он осмотрел кабину в поисках ещё одного люка, через который он мог бы попасть в ангар, откуда есть шансы выбраться наружу. Второго люка не было. Ну что ж, тогда придётся идти по более сложному пути. Панель управления довольно проста... Хорошо бы для начала как-нибудь врубить экраны обзора, а там разберёмся помаленьку.

Чарьев опустил в кресло – и сейчас же раздался громкий хлопок, а затем – ноющий свист. В глазах потемнело от перегрузки, экраны ожили. Чёртова машина стартовала сама.

Справа внизу, метрах в двухстах, угрожающе кренилась и проворачивалась зелёная холмистая равнина: неуправляе-

мый аппарат, неуклюже переваливаясь, ещё набирал высоту, но чувствовалось, что через секунду вильнёт какой-нибудь руль и машина, закувыркавшись, сорвётся в беспорядочное падение. О чёрт! Во что же это такое он забрался? Да это перехватчик какой-то: стоит занять место пилота – срабатывает катапульта.

Чарьев вцепился в клавиатуру управления. Аппарат бросило на борт, накренило и косо понесло к земле. Только по счастливой случайности Чарьев вывернулся из пике и после нескольких столь же рискованных фигур начал немного разбираться в системе управления. А разобравшись, взвил машину подальше от земли – главное сейчас иметь запас высоты. И вот тут выявилась какая-то чертовщина: выше трёхсот метров машина не пошла. Он варьировал клавиши, он бросал аппарат вниз и пытался пробить этот невидимый потолок с разгона – бесполезно.

«Взяли под контроль, – понял Чарьев. – Сейчас перехватят управление полностью и поведут обратно. Всё верно. Этого и следовало ожидать».

Догадка его оказалась неправильной: никто и не думал перехватывать управление, просто, видимо, ограничение в высоте было как-то связано с самим принципом движения аппарата.

И ещё – он никак не мог уменьшить скорость. На нижнем экране обзора летели холмы, речушки, редкие рощицы. И ничего, хотя бы отдалённо похожего на готические двор-

цы-кристаллы, которые он видел с орбиты, один из которых его сейчас столь опрометчиво выпустил. Чарьев очерчивал круг радиусом километров двадцать, намереваясь вернуться к исходной точке и попробовать отыскать свою ракету с воздуха.

Скорость и высота. Чепуха, как-то они должны регулироваться, где-то здесь должны найтись соответствующие клавиши, рычаги, тумблеры...

На правом экране появилась металлически посверкивающая точка. Наперерез ему летел аппарат, похожий на морского ската. Вот, значит, как мы выглядим со стороны! Ясно. Переполошились, родимые! Правильно. Давно уже им пора переполошиться. Попробует прижать к земле или сразу даст залп? Такое впечатление, что «скат» шёл на таран. Оригинальный способ ведения воздушного боя... Чарьев бросил машину к самой земле, и «скат» промахнулся. Зато откуда-то сверху налетел второй. Ага, значит, они могут ходить и выше. Учтём. Этого «ската» Чарьев пропустил с левой стороны, резко уйдя вправо. «А перехватчики, надо сказать, у вас так себе... Весьма посредственные перехватчики. У нас в школе за такой пилотаж с первого курса отчислили бы...»

Собственно, его класс, скорее всего, здесь не поможет. Если они и вправду дистанционно заклинили регуляторы скорости и высоты... Словом, сколько бы верёвочке ни виться...

Местность менялась. Как это ни печально, но он, кажется,

ся, потерял ориентировку. Пошли какие-то взгорья, скалы: то и дело приходилось закладывать виражи, обходя каменные клыки высотой с хороший небоскрёб. Потом его занесло в ущелье, непрерывно сужающееся; потом ущелье превратилось на некоторое время в пещеру, и ему пришлось, словно кинотрюкачу, проскочить метров сто под грозящими рухнуть от гула каменными сводами; потом впереди затанцевали сплошные скалы, и это был конец. Но тут Чарьев всё-таки понял, как регулировать скорость, и, очертив невероятную, почти задевающую склоны кривую, повёл аппарат на посадку в единственно пригодную для этого точку – на крохотную лужайку, зелёный пятачок среди вздыбленного и взгорбленного камня.

Ноющий свист оборвался. Экраны погасли. Неужели сел? Молодец... Такой посадкой можно гордиться.

Кажется, он нечаянно сбил погоню со следа. И надёжно сбил. В самом деле – какой ненормальный направит машину в ущелье, на верную смерть? Конечно, им и это придёт в голову. Но – позже.

Чарьев поднялся, откинул крышку люка и поначалу ничего не понял, а когда понял – зажмурясь, застонал. В глубине души он не верил своей удаче и готовился к худшему. Он опасался увидеть несколько «скатов», зависших над местом его посадки, опасался, что снаружи его уже поджидает вооружённая охрана, но то, что он увидел, открыв люк, было куда хуже.

Перед ним лежал тот самый коридорчик, по которому пятнадцатью минутами раньше он проник в кабину. Нокдаун.

Всё было продумано на много ходов вперёд: и то, что он обязательно заинтересуется нишей, и невероятно точная имитация полёта, вплоть до перегрузок и вибрации. Но ради чего? Только ради того, чтобы посмотреть на его физиологию, когда он откинет дверцу и сообразит, что совершал свой беспримерно дерзкий побег, сидя на месте?

Пульт управления был на вид хрупок и изящен. Он словно просил: «Ну вмажь ты по мне кулаком, ну раскроши ты меня – легче станет...» Тонко сработан пульт. Со смыслом...

С брезгливо-сонным выражением лица Чарыев подчёркнуто неторопливо полез в люк, но тут возникло странное ощущение. Как будто что-то он забыл в кабине. А в кабине он ничего забыть не мог хотя бы потому, что у него ничего с собой не было.

«Ах да, – с юмором висельника подумал он, – мне же ещё полагается „сахарок“».

«Сахарок» лежал на пульте. Три брусочка рядом, один к одному.

...А скорее всего, это было популярное объяснение, что бежать отсюда невозможно. Ну, это мы ещё посмотрим... По коридору Чарыев шёл, чуть ли не позёвывая. Пусть убедятся, что земляне приходят в себя после нокдауна очень быстро. Знал, что переигрывает, но поделаться с собой ничего не мог.

Коридор закончился тупиком, из которого под прямым углом разбегались ещё два коридора. Это уже что-то новое. Предоставляют право выбора? Направо пойдёшь, налево пойдёшь... А коридоры, что характерно, одинаковы. Буриданов астронавт?

Чарьев не стал раздумывать и свернул в правый коридор, который через несколько шагов раздвоился точно таким же образом.

Ну вот и лабиринт. Вполне можно было предвидеть. Что ж это за опыты без лабиринта!

А почему бы для разнообразия Чарьеву не провести эксперимент над самими экспериментаторами? Для начала выяснить, как они отреагируют, если он, к примеру, возьмёт и откажется выполнять задание. Не дадут «сахарку»? Ну это мы как-нибудь переживём, и так уже карман топырится, давать некуда.

Чарьев выбрал место, откуда просматривались все три разбегающихся коридора, опустился на пол, подобрал под себя ноги и, положив руки на колени, прислонился к стене спиной и затылком. Вот так. Поза будды, говорят, весьма способствует ясности суждений. Самое время сделать паузу и хорошенько, не торопясь, поразмыслить.

Вопрос первый: где хозяева? Либо они не стремятся к встрече с Чарьевым, либо их просто нет, и вся эта штука работает по программе столетней давности. Хорошо. Допустим, что хозяева существуют. Тогда вопрос второй: их це-

ли? Вот уже который раз ему в голову приходит мысль о том, что это какая-то проверка. И что же их конкретно интересует? Несомненно, реакция, приспособляемость, выносливость, агрессивность... выживаемость. Все это можно выразить короче: боевые качества. Желают знать, что за существа станут за прицелы лазерных установок, когда начнётся генеральная заваруха? Плохо дело. Агрессивная цивилизация при таком уровне техники...

Ну-ка, а что нам за тот же отрезок времени стало известно о них? Гуманоиды – раз. Потолки в коридорах низковаты даже для Чарыева, а он ниже среднего роста. Значит, скорее всего, пигмоиды. Вроде по внешнему облику – всё. Расчетливы. Фантастически предусмотрительны. И либо ценность отдельной личности здесь равна нулю, либо пришельцы из иных миров за личности у них не считаются.

Спрашивается, кто о ком больше собрал информации? Но тут вся штука в том, что свою информацию они употребят в дело, а вот Чарыев, по всей видимости, отсюда не выберется...

А вот и неувязка. Как можно, проверяя потенциального противника, пренебречь сведениями стратегического порядка? Не попытаться даже выяснить координаты Земли, количество боевых единиц, уровень земной техники? Хотя последнее – под вопросом. Может быть, сейчас другое их учреждение разбирает по деталям его ракету...

Всё равно глупая проверка, глупая, глупая. Скорее за-

пугивание, чем проверка. И опять же неизвестно, кто кого больше испугался после показанных им результатов.

Затылком, прислонённым к стене, Чарьев почувствовал лёгкое покалывание. Кажется, о подопытном вспомнили. Вскочил, уставился на стену. Там синел экранчик – копия того, который он видел в «зиндане». Четырежды вспыхнули и погасли те же самые знаки. Замечание в письменном виде?

Что-то изменилось. Чарьев обернулся. Средний коридор уже не заканчивался развилкой, он уже вёл прямым в какое-то сумрачное помещение. Приглашают. Так он ничего и не решил. Либо продолжать забастовку, либо принять вызов и постараться справиться с очередным испытанием не просто хорошо, а с блеском – так, чтобы хозяева этой странной лаборатории призадумались, а стоит ли связываться, если на подступах к Солнечной системе их встретит космофлот, ведомый миллиардом таких Чарьевых.

...Залы, коридоры, «зинданы» сменяли друг друга, падали потолки, проваливались участки пола, из одной ловушки он попадал в другую, стрелял, взрывал, уворачивался, отваливал каменную глыбу, замуровавшую его в очередной нише; потом ему пришлось пронырнуть в зеленоватой, просвеченной белыми светильниками воде метров сорок, отбиваясь от каких-то бледных тварей, тянущих к нему присоски, а потом он снова стоял в «зиндане», и на него со всех сторон дул сухой теплый ветер. И опять коридоры, залы, «зинданы», коридоры, «зинданы», залы. Лёгкие задачи, глупые задачи,

провокационные задачи, почти неразрешимые задачи!

Только один раз ему захотелось взвыть от отчаяния. Это случилось, когда он шёл по туннелю, пытаясь угадать характер предстоящего испытания, и что-то негромко чмокнуло. На всякий случай он отскочил назад, и перед самым его лицом с грохотом сошлись две глыбы. Теперь его собирались расплющить стены. Но перед тем как сомкнуться, они любезно извещали его об этом тем же негромким звуком платонического поцелуя в щёчку – и нужно было просто прислушиваться повнимательнее, чтобы вовремя отскочить.

Он вылетел из-за очередного поворота (самые опасные места – повороты) и оказался с ней лицом к лицу. Это была девушка, одетая во что-то вроде лёгкого светлого комбинезона. Никакой не пигмOID – ростом с самого Чарыева. Но его ошеломило не столько то, что он наконец-то встретил человеческое существо, сколько выражение обиды и растерянности на красивом юном лице незнакомки. В эти считанные секунды он понял, что девушка, как и он сам, – пленник зачарованного алькасара, кибернетический центр которого, может быть, давно уже свихнулся, что она точно так же, как и он, блуждает по залам и коридорам, не видя выхода, теряя надежду.

Зрачки её расширились, она тоже всё поняла.

– Я заблудилась, – умоляюще сказала она. – Помогите мне выбраться отсюда. Мне страшно.

Конечно, девушка произнесла эту фразу на своём языке,

гортанным и певучем, но перевода тут не требовалось, всё было понятно и так.

– Кто вы? – Голос Чарыева сорвался. – Не бойтесь! Всё будет хорошо.

Он шагнул ей навстречу – и в этот момент послышалось отвратительное чмоканье. Чарыев закричал от страха и бросился к ней. Он схватил девушку за руку и швырнул за себя, назад, понимая, что сам отскочить не успеет. Стены с ликующим грохотом сошлись вокруг него, облегли со всех сторон и, подержав его так секунду – скованным, ослеплённым, беспомощным, отпустили. Туннель был пуст. Вдобавок это был уже совсем другой туннель – в этом поворот отстоял на пять шагов дальше.

Наконец-то они его поймали! Вне всякого сомнения, встреча была подстроена. Не предположить же, в самом деле, что ловушка кишит пойманными астронавтами! А раз так – ему просто подбросили навстречу или умело сработанного андроида, или своего агента. Ну что ж! Да будет вам известна эта земная слабость: чужая жизнь у нас ценится дороже, чем своя. А выводы делайте сами.

Стиснув зубы и не обращая внимания на предупреждающее чмоканье, он зашагал по коридору, по чистой случайности миновал все остальные грохочущие ловушки, вышел в «зиндан» и там остановился. На полу лежали его ботинки, обе сумки с приборами и пистолет в кобуре.

Лицо Чарыева снова приняло скучающее сонное выраже-

ние. Нервы же его были на пределе. Возвращают оружие? Чего ради? Дань уважения его последнему благородному поступку? В это Чарыев не верил. Если прошлое испытание подтвердило его гуманность, то почему стены продолжали ловить его до самого «зиндана»?

Они ведь великолепно понимают, что значит пистолет, заряженный разрывными снарядами, в его руках, и тем не менее возвращают ему оружие. Видимо, сейчас и начнётся самое главное. А для него – последнее.

Расслабленной, фланирующей походочкой Чарыев приблизился к своему снаряжению и, присев на пол, принялся не спеша обуваться. Ему казалось, что он ведёт себя ужасно хитро, сбивая с толку наблюдателей, которые, разумеется, ожидали, что первым делом он бросится к пистолету.

Обувшись, он подтянул к себе сумки и без интереса пощёлкал тумблерами, произведя автономную проверку кое-каких приборов. Аппаратура, что удивительно, работала. Тогда он влез в ремни, встал, небрежно подобрал кобуру, вынул пистолет и, как бы от нечего делать, произвёл проверку и ему тоже. Обе обоймы на месте. Полный боевой запас и наркотических, и разрывных снарядов. Якобы невзначай сдвинул указательную планку на «Р» – разрывные – и неторопливо двинулся к выходу, делая вид, что собирается спрятать оружие в кобуру.

Но стоило Чарыеву войти в туннель, как медлительность его бесследно исчезла. Четыре стремительных шага – и он

вылетел на какую-то поляну. Тут же обернулся, вскидывая пистолет, – и дуло уперлось в гладкую блестящую стену. Дверца, через которую его выпустили, успела закрыться.

Осторожно переступая на полусогнутых ногах, озираясь и обводя стволом окрестности, Чарьев двинулся туда, где, по его расчётам, должна была находиться ракета. Сумка с аппаратурой неприятно задевала карман, набитый загадочным «сахаром».

При этом Чарьева не покидало смутное ощущение, что он оставляет позади самую огромную, самую непростительную свою ошибку, исправлять которую придётся многим и многим умным, отважным людям, исправлять, рискуя собой.

Ракету он увидел сразу же за холмом и последние сто метров до неё не шёл, а бежал, хотя настрого приказал себе этого не делать.

От какой всё-таки малости зависят подчас события космического масштаба! Задержись Чарьев на каких-нибудь полчаса – и отпала бы необходимость в дорогостоящих манёврах, срочном перевооружении космофлота, и не были бы столь бездарно потеряны несколько лет на преодоление барьера недоверия...

Словом, если бы Чарьев не поторопился, он увидел бы, как снова возникла в гладкой стене стрельчатая прорезь, откуда шагнула на поляну та самая девушка, с которой он столкнулся в грохочущем сдвигающимися глыбами туннеле.

Девушка достала плоский приборчик. Вновь слыша-

лась гортанная, изобилующая долгими гласными речь.

– Координатор шестого региона, – произнесла девушка, и окошко прибора замигало розовым. Затем вспышки сменились ровным фиолетовым свечением, и низковатый мужской голос осведомился:

– Это ты, Зи? Ну как? Проверила?

– Только что обошла пятый, – сказала девушка. – И последний. Кстати, он – повышенной трудности.

– Сыграть не пробовала? – пошутил координатор.

– Отчего же! – с вызовом сказала Зи. – Один раз даже выиграла.

Она повертела в тонких сильных пальцах искрящийся белый брусочек и, усмехнувшись, добавила:

– Убогое занятие, честно говоря...

– И каково твоё мнение? – Голос мужчины стал серьёзен. – Как ты сама думаешь, что нам делать со всей этой механикой?

– Их давно уже никто не посещает, – сказала Зи. – Атракционы устаревшие, всё как-то примитивно, ненатурально... Хотя...

– Что – хотя? – не понял координатор.

– Видишь ли... – Девушка замялась. – Я только что столкнулась там с посетителем. Если верить контролю, это первое посещение за девять лет. Представляешь, совпадение!

Судя по продолжительному молчанию, координатор был удивлен.

– Да, сюрприз, – сказал он наконец. – Мужчина? Женщина?

– Мужчина. И вот тебе ещё один сюрприз. Я просмотрела его результаты. Он превысил рекорд комплекса. А рекорду, между прочим, около двадцати лет.

Координатор молчал.

– Я глазам своим не поверила! Он проиграл только в «Лабиринте» и в «Водовороте», а «Водоворот» разрегулирован – на нем вообще выиграть невозможно! Ну, «Сдвигающиеся стены» не в счет, это уж он меня выручал...

– Водоворот? – беспомощно переспросил координатор. – Какой водоворот?

– Аттракцион так называется. «Водоворот».

– М-да... – сказал координатор. – Что предлагаешь?

– Четыре комплекса отключить и разобрать. С пятым повременить.

– Из-за одного человека? Да ты что, Зи? А если он забрёл туда случайно? Сама же говоришь: первое посещение за девять лет!.. А данные его на контроле остались?

– Надо полагать.

– Тогда знаешь что? Давай-ка разыщем его и поговорим. Может, в самом деле стоит повременить...

Искали они долго.

Вторжение

1

Лейтенант Акимушкин нервничал. Он сидел неестественно прямо, и рука его, сжимавшая молоточкообразный микрофон, совершала произвольные заколачивающие движения, словно лейтенант осторожно вбивал в пульт невидимый гвоздь.

Наконец Акимушкин не выдержал и, утопив на микрофоне кнопку, поднёс его к губам:

– «Управление», ответьте «Старту»!

– «Управление» слушает, – раздался из динамика раздражённый голос Мамолина.

– Сеня, ну что там? – взмолился Акимушкин. – Сколько ещё ждать?

– «Старт», отключитесь! – закричал Мамолин. – Вы мешаете! Пока ещё ничего не ясно! Разберёмся – сообщим.

Динамик замолчал.

Акимушкин тычком вставил микрофон в зажим и посмотрел на свои руки. Дрожали пальчики, заметно дрожали. Словно не они каких-нибудь пятнадцать минут назад быстро и точно нажимали кнопки, вздымая на дыбы пусковые установки. Пятнадцать минут назад в грохоте пороховых уско-

рителей, проникшем даже сюда, внутрь холма, закончился первый бой лейтенанта Акимушкина.

А теперь вот у него дрожали руки. Эти пятнадцать минут бездействия и ожидания, последовавшие за победным воплем Мамолина: «Уничтожена вторая!» – оказались хуже всякого боя.

Тут Акимушкин вспомнил, что в кабине он не один, и, поспешно сжав пальцы в кулак, покосился на Царапина. Старший сержант, сгорбясь – голова ниже загривка, – сидел перед своим пультом и что-то отрешённо бормотал себе под нос. Вид у него при этом, следует признать, был самый придурковатый.

Умный, толстый, картавый Боря Царапин. Глядя на него, лейтенант занервничал ещё сильнее. Такое бормотание Царапина всегда кончалось одинаково и неприятно. Оно означало, что в суматохе упущено что-то очень важное, о чём сейчас старший сержант вспомнит и доложит.

В динамике негромко зашумело, и рука сама потянулась к микрофону.

– «Кабина», ответьте «Пушкам»! – рявкнул над ухом голос лейтенанта Жоголева.

– Слушаю. – Акимушкин перекинул тумблер.

– Так сколько всего было целей? – заорал Жоголев. – Две или три?

– Ну откуда же я знаю, Валера! Мамолин молчит... Похоже, сам ничего понять не может.

– До трёх считать разучился?

– А это ты у него сам спроси. Могу соединить.

Разговаривать с Мамолиным свирепый стартовик не пожелал.

– Чёрт-те что! – в сердцах охарактеризовал Акимушкин обстановку, отправляя микрофон на место.

– Хорошо... – неожиданно и как бы про себя произнёс Царапин.

– А чего хорошего? – повернулся к нему лейтенант.

– Хорошо, что не война, – спокойно пояснил тот.

В накалённом работающей электроникой фургончике Акимушкина пробрал озноб. Чтоб этого Царапина!.. Лейтенант быстро взглянул на часы. А ведь сержант прав: все вероятные сроки уже прошли. Значит, просто пограничный инцидент. Иначе бы здесь сейчас так тихо не было, их бы уже сейчас утюжили с воздуха... Но каков Царапин! Выходит, всё это время он ждал, когда на его толстый загривок рухнет «минитмен».

– Типун тебе на язык! – пробормотал Акимушкин.

Действительно, тут уже что угодно предположишь, если на тебя со стороны границы нагло, в строю идут три машины. Или всё-таки две?

– Не нравится мне, что прикрытия до сих пор нет, – сказал Царапин.

– Мне тоже, – сквозь зубы ответил Акимушкин.

«Вот это и называется – реальная боевая обстановка, –

мрачно подумал он. – Цели испаряются, прикрытие пропадает без вести, связи ни с кем нет – поступай как знаешь!...»

Он взглянул на Царапина и ощутил что-то вроде испуга. Старший сержант опять горбился и бормотал.

– Ну что ещё у тебя?

– Товарищ лейтенант, – очнувшись, сказал Царапин, – полигон помните?

– Допустим. – Акимушкин насторожился.

– А ведь там легче было...

– Что ты хочешь сказать?

– Помех не поставили, – со странной интонацией произнёс Царапин. – Противоракетного манёвра не применили. Скорость держали постоянную...

– Отставить! – в сильном волнении крикнул Акимушкин. – Отставить, Царапин! – и дальше, понизив голос чуть ли не до шёпота: – Ты что, смеёшься? Лайнер – это всегда одиночная крупная цель! А тут – три машины строим! Да ещё на такой высоте!.. Попробуй-ка лучше ещё раз связаться со штабом.

Царапин, не вставая, дотянулся до телефона, потарахтел диском. Но тут в кабину проник снаружи металлический звук – это отворилась бронированная дверь капонира. Лицо лейтенанта прояснилось.

– Вот они, соколики! – зловеще сказал он.

– Это не из прикрытия, – положив трубку, с тревогой проговорил Царапин, обладавший сверхъестественным чутьём:

бывало, по звуку шагов на спор определял звание идущего.

Кто-то медленно, как бы в нерешительности прошёл по бетонному полу к кабине, споткнулся о кабель и остановился возле трапа. Фургон дрогнул, слегка покачнувшись на рессорах, звякнула о металлическую ступень подковка, и в кабину просунулась защитная панама, из-под которой выглянуло маленькое, почти детское личико с удивлённо-испуганными глазами. Из-за плеча прищельца торчал ствол с откинутым штыком.

Акимушкин ждал, что скажет преданно уставившийся на него рядовой. Но поскольку тот, судя по всему, рта открывать не собирался, то лейтенант решил эту немую сцену прервать.

– Ну? – сказал он. – В чём дело, воин?

– Товариш лейтенант, – с трепетом обратился воин, – а вы их збылы?

– Збылы, – холодно сказал Акимушкин. – Царапин, что это такое?

– Это рядовой Левша, – как бы извиняясь, объяснил Царапин. – Левша, ты там из прикрытия никого не видел?

– Ни, – испуганно сказал Левша и, подумав, пролез в кабину целиком – узкоплечий фитиль под метр девяносто. – Як грохнуло, як грохнуло!.. – в упоении завёл он. – Товариш лейтенант, а вам теперь орден дадут, да?

– Послушайте, воин! – сказал Акимушкин. – Вы что, первый день служите?

Левша заморгал длинными пушистыми ресницами. Затем его озарило.

– Разрешите присутствовать?

– Не разрешаю, – сказал Акимушкин. – Вам где положено быть? Почему вы здесь?

– Як грохнуло... – беспомощно повторил Левша. – А потом усё тихо... Я подумал... може, у вас тут усих вбыло? Може, помочь кому?..

Жалобно улыбаясь, он переминался с ноги на ногу. Ему очень не хотелось уходить из ярко освещённой кабины в неуютную ночь, где возле каждого вверенного ему холма в любую секунду могло ударить в землю грохочущее пламя. Последним трогательным признанием он доконал Акимушкина, и тот растерянно оглянулся на сержанта: что происходит?

Старший сержант Царапин грозно развернулся на вертящемся табурете и упёр кулаки в колени.

– Лев-ша! – зловеще грянул он. – На по-ост... бе-гом... марш!

На лице Левши отразился неподдельный ужас. Он подхватился, метнулся к выходу и, грохоча ботинками, ссыпался по лесенке. Лязгнула бронированная дверца, и всё стихло.

– Дитё дитём... – смущённо сказал Царапин. – Зимой дал я ему совковую лопату без черенка – дорожку расчистить. Пришёл посмотреть – а он сел в лопату и вниз по дорожке катается...

– «Старт», ответьте «Управлению»! – включился динамик.

– Ну наконец-то! – Акимушкин схватил микрофон. – Слушает «Старт»!

– Информировать, – буркнул Мамолин. – Границу пересекали три цели. Повторяю: три. Но в связи с тем, что шли они довольно плотным строем... Видимо, цель-три оказалась в непосредственной близости от зоны разрыва второй ракеты, была повреждена и, следовательно, тоже уничтожена. Пока всё. Готовность прежняя. «Старт», как поняли?

– Понял вас хорошо, – ошеломлённо сказал Акимушкин. С микрофоном в руке он стоял перед пультом, приоткрыв рот от изумления.

– Вот это мы стреляем! – вскричал он и перекинул тумблер. – «Шестая пушка», ответьте «Кабине»!

Жоголев откликнулся не сразу.

– Мамолин утверждает, что мы двумя ракетами поразили три цели, – сообщил Акимушкин. – И как тебе это нравится?

– Два удара – восемь дырок, – мрачно изрёк Жоголев. – Слушай, у тебя там прикрытие прибежало? Люди все на месте?

Царапин оглянулся на Акимушкина.

– У меня, Валера, вообще никто не прибежал, – сдавленно сказал тот. – Что будем делать?

– В штаб сообщил?

– Да нет связи со штабом! И послать мне туда некого! Не

дизелиста же!..

– Ч-чёрт!.. – сказал Жоголев. – Тогда хоть Мамолину доложи. У меня нет двоих...

– Царапин, – позвал Акимушкин, закончив разговор, – когда в штаб звонил – какие гудки были? Короткие? Длинные?

– Никаких не было, товарищ лейтенант. На обрыв провода похоже... – Царапин не договорил, встрепенулся, поднял палец. – Тише!..

Грохнула дверца капонира, по бетону гулко прогремели тяжёлые подкованные ботинки, фургон снова вздрогнул на рессорах, и в кабину ворвался ефрейтор Петров – бледный, без головного убора. В кулаках его были зажаты стволы двух карабинов. Качнулся вперёд, но тут же выпрямился, пытаясь принять стойку смирно.

– Рядовой Петров... – задыхаясь, проговорил он, забыв, что неделю назад нашёл на погоны первую лычку, – по готовности... прибыл.

Белые сумасшедшие глаза на запрокинутом лице, прыгающий кадык...

Акимушкин стремительно шагнул к ефрейтору:

– За какое время положено прибегать по готовности?

Казалось, Петров не понимает, о чём его спрашивают:

– Я... – Он странно дёрнул шеей – то ли судорога, то ли хотел на что-то кивнуть. – Я через «Управление» бежал.

– Через «Управление»? – восхищённо ахнул Царапин. –

А через Ташкент ты бежать не додумался?

– Почему вы бежали через «Управление», Петров?

– Фаланги, – хрипло сказал ефрейтор. – Вот...

И он не то потряс карабинами, не то протянул их лейтенанту. Акимушкин вопросительно посмотрел на протянутое ему оружие.

– Вот такие? – зло и насмешливо переспросил у него за спиной Царапин, и Акимушкин понял, что Петров пытается показать, какими огромными были эти фаланги.

– Ефрейтор Петров! – страшным уставным голосом отчеканил лейтенант. – Вы хоть сами сознаёте, что натворили? Вы знаете, что вас теперь ждёт?

Петров неожиданно всхлипнул.

– Да? – дико скривив лицо, крикнул он. – Агаев напрямую побежал, а где он теперь?.. Я хоть добежал!..

И Акимушкину стало вдруг жутковато.

– Где Агаев?

– Я ему говорю: «Нельзя туда, ты погляди, какие они...»

А он говорит: «Плевать, проскочим...»

– Где Агаев? – повторил Акимушкин.

– Они его убили, – с трудом выговорил ефрейтор.

– Кто?

– Фаланги.

Акимушкин и Царапин переглянулись.

– Чёрт знает что в голову лезет, – признался лейтенант. –

Я уже думаю: а может, эта третья цель перед тем, как разва-

литься, какую-нибудь химию на нас выбросила? Опиумный бред какой-то...

– Противогазы бы надеть на всякий случай... – в тоскливом раздумье пробормотал Царапин, потом вдруг вскинул голову, и зрачки его расширились.

– Там же ещё Левша! – вспомнил он. – Петров! Когда подбегал, Левшу не встретил?

– Возле курилки ходит... – глухо отозвался Петров.

– Царапин, – приказал лейтенант, – иди посмотри. Предупреди, чтобы не удалялся от капонира, и... наверное, ты прав. Захвати противогазы. Петров, за пульт!

Царапин сбежал по лязгающей лесенке на бетонный пол. Плечом отвалив дверцу в огромных металлических воротах (руки были заняты сумками), он выбрался наружу. После пекла кабины душная ночь показалась ему прохладной. Над позициями дивизиона стояла круглая голубоватая азиатская луна. Песок был светло-сер, каждая песчинка – ясно различима. Справа и слева чернели густые и высокие – где по колено, где по пояс – заросли янтака. Сзади зудел и ныл работающим дизелем холм – мохнатый и грузный, как мамонт.

Ночь пахла порохом. В прямом смысле. Старт двух боевых ракет – дело нешуточное.

Озираясь, Царапин миновал курилку – две скамьи под тентом из маскировочной сети – и остановился. Чёрные дебри янтака здесь расступались, образуя что-то вроде песчаной извилистой бухточки. А впереди, метрах в пятнадцати

от Царапина, на светлом от луны песке лежал мёртвый рядовой Левша.

2

Некоторое время Царапин стоял неподвижно, потом пальцы его сами собой разжались, и сумки мягко упали в песок. Внезапно оглохнув или, точнее, перестав слышать зудение дизеля за спиной, он приблизился к лежащему, наклонился и осторожно тронул за плечо. Луна осветила детское лицо с остановившимися удивлённо-испуганными глазами. Нигде ни ножевой раны, ни пулевого отверстия. Просто мёртв.

И Царапин понял, что сейчас произойдёт то же самое, от чего погиб Левша, но мишенью уже будет он сам. Ровный волнистый песок и луна – промахнуться невозможно. По логике следовало забрать оружие, документы – и перебежками, не теряя ни секунды, попробовать вернуться к холму. Вместо этого он совершил нечто, казалось бы, абсолютно нелепое и бессмысленное. Старший сержант Царапин и сейчас не смог бы толком объяснить, что его заставило тогда лечь рядом с телом Левши и притвориться мёртвым. Потому что шаги он слышал лишь несколько секунд спустя.

Тихие, неторопливые, они не могли принадлежать ни офицеру, ни рядовому. Так вообще никто не ходит – что-то жуткое было в математически равных паузах между шагами. Ближе, ближе... Остановился.

Царапин перестал дышать. Кто-то стоял над ним, словно размышляя, откуда здесь взялись два мёртвых тела, когда должно быть одно. Всё стало вдруг чужим, враждебным, даже песок, на котором лежал Царапин, и возникло нестерпимое желание прижаться к мёртвому Левше.

Время оцепенело. Казалось, эти секунды никогда не истекут. Наконец песок скрипнул раз-другой, и шаги мерно зазвучали, удаляясь в сторону холма, мимо курилки. «В капонир пошёл», – со страхом понял Царапин, и пальцы сами собой сомкнулись на стволе карабина, лежащего между ним и Левшой. А тот снова остановился. Сейчас он откроет дверцу, войдёт в капонир – и...

Царапин рывком встал на колени, вскидывая карабин. Сдвоенное металлическое клацанье затвора показалось нестерпимо громким. А тот действительно стоял уже перед массивными железными воротами – высокий, чёрный, страшный, и луна бликовала на его голом черепе.

Оглушительно хлопнул выстрел, приклад наспех вскинутого карабина ударил в плечо. Царапин целил между лопатками, но ствол дёрнуло, пуля ушла выше – в голову. Чёрного бросило к воротам. Падая, он нелепо извернулся всем телом, словно пытался ещё оглянуться.

Царапин тяжело поднялся с колен и, держа карабин наперевес, двинулся к лежащему. Но, сделав несколько шагов, он вспомнил, что тот – только что – точно так же шёл к капониру, шёл спокойно, уверенный в собственной безопасности,

не зная, что сзади человек, которого он счёл мёртвым, уже послал карабин к плечу. Царапин ощутил позвоночником чей-то снайперский – поверх прицела – взгляд и, вскрикнув, метнулся в сторону. Вздывая песок, упал за курилкой, замер. Выждав, снова поднялся на колени и без стука положил ствол на доску скамейки.

Прошло пять секунд, десять, потом раздалось негромкое «пафф...» – и там, где недавно лежал Царапин, вспыхнул и опал бледно-фиолетовый пузырь света. Голова и плечи Левши исчезли, как откушенные, ноги почернели, по ним забежали синеватые язычки пламени.

Царапин ждал. Он не чувствовал уже ни волнения, ни боязни – ничего, кроме ненависти к тем, кто творил на его глазах страшное и непонятное. И наконец – вот оно! Из зарослей янтака бесшумно, как привидение, поднялся и выпрямился в лунном свете второй – такой же высокий и чёрный. Царапин ошибся. То, что он принимал за лысый череп, оказалось плотно облегающей голову противогазной маской, непривычной на вид – без хобота, с уродливым респиратором и линзообразными круглыми окошками.

Царапин задержал дыхание и, как в тире, аккуратно, с упора, вдолбил ему заряд точно в середину груди. Тот ещё падал, медленно сламываясь в поясе, когда у ворот сухо, один за другим, треснули два пистолетных выстрела. Это палил из «макарова» выбежавший на звуки стрельбы лейтенант Акимушкин.

Царапин перепрыгнул через скамейку, пистолет в руке Акимушкина дёрнулся в его сторону, но, к счастью, лейтенант вовремя узнал своего оператора.

И вот тут она выскочила из зарослей. Петров не соврал – тварь действительно была очень похожа на огромную фалангу – мохнатый отвратительный паук с полуметровым размахом лап. Царапин успел выставить ногу, и металлически поблёскивающие челюсти со скрипом вонзились в каблук. Царапин в ужасе топтал её, пинал свободной ногой, бил прикладом, но хватка была мёртвой. Наконец он изловчился и, уперев ей в прочную гладкую спину штык, нажал на спусковой крючок. Грохот, визг, в лицо ударило песком – хорошо, что хоть зажмуриться догадался... Возле ног выбило хорошую яму, а фалангу разнесло на две части, большая из которых конвульсивно ползла по кругу, упираясь тремя уцелевшими лапами.

Сзади раздался предупреждающий крик лейтенанта. Сержант обернулся и увидел, что прямо в лицо ему летит вторая такая же тварь. Он отбил её на песок штыком и расстрелял в упор.

Выставив перед собой карабин и не сводя глаз с чёрных спутанных джунглей янтака, Царапин пятился до тех пор, пока не поравнялся с Акимушкиным. Теперь они стояли спиной к спине.

– Где Левша? – отрывисто спросил лейтенант.

Царапин молча ткнул подбородком туда, где догорало то,

что осталось от рядового Левши.

Акимушкин взглянул – и, вытянув шею, подался вперёд:
– Кто это? – Голос лейтенанта упал до сдавленного шёпота. Глаза выкатились и остекленели. – Царапин, что они с ним сделали?..

– Жоголева предупредить надо, – хрипло сказал Царапин. – И «Управление» тоже...

Вместо ответа лейтенант, скрипнув зубами, вскинул пистолет. Третья «фаланга», подброшенная пулей, в туче песка метнулась в заросли. И сейчас же в отдалении послышался ещё один выстрел, затем второй, третий. Это вступила в бой шестая пусковая установка, расчёт лейтенанта Жоголева.

– Предупредили!.. – Акимушкин злобно выругался и тут только заметил лежащего. – Он что, сюда шёл?.. В капонир?

Царапин молча кивнул. «Сейчас я подойду к нему, – угрюмо думал он. – Подойду и сорву с него эту идиотскую маску. Просто посмотреть, какое лицо должно быть у сволочи, которая могла убить Левшу...»

Лейтенант опередил его:

– Кто они хоть такие? – И, не дожидаясь ответа, шагнул к тёмному распростёртому навзничь телу.

Царапин видел, как Акимушкин наклонился, всмотрелся и вдруг, издав нечленораздельный вскрик, отпрянул.

«Здорово же я его изуродовал, – мелькнуло у Царапина. – Полчерепа точно снёс...»

Он подошёл к лежащему, присел на корточки, положив

карабин на колени, взялся за респиратор – и тут же отдёргнул руку. За какие-нибудь доли секунды он понял всё.

Он ошибся дважды. Это была не маска. Это было лицо. Страшное. Нечеловеческое.

На Царапина смотрели мёртвые линзообразные глаза с вертикальными кошачьими зрачками, а то, что он принял за причудливый респиратор, оказалось уродливыми челюстями, вернее – жвалами, потому что они, судя по всему, двигались не в вертикальной плоскости, а как у насекомых – в горизонтальной.

– Ты видишь?.. Ты видишь?.. – захлёбывался Акимушкин, тыча стволом пистолета в лежащего. – Царапин, ты видишь?..

Они чуть было не прозевали незаметно подкрадшуюся «фалангу» – скорее всего, ту самую, третью, потому что у неё не доставало двух лап, видимо отхваченных пулей из лейтенантского «макарова». Они расстреляли её в клочья, потратив в два раза больше патронов, чем требовалось.

На шестой пусковой прозвучали два выстрела подряд.

– До-ло-жить!.. – низким чужим голосом выговорил Акимушкин. – Немедленно обо всём до-ло-жить!..

Его сотрясала дрожь. Он боком пошёл к воротам, словно опасаясь повернуться к лежащему спиной.

– До-ло-жить... – лихорадочно повторял и повторял он. – Доложить немедленно...

В проёме белело искажённое лицо Петрова. Ефрейтор

смотрел на растерзанную выстрелами «фалангу», и карабин в руках у него прыгал. Встретясь с Петровым взглядом, лейтенант немного опомнился.

– Петров! – бросил он. – Всё отставить... Будем считать, что ты действовал по обстановке. Иди поохраняй. Только за-твор сразу передёрни и... ради бога, осторожнее! Царапин, ты – со мной, в кабину!

В фургончике давно уже гремел и бушевал голос Жоголева. Акимушкин схватил микрофон:

– Слушает «Кабина»!

– Ты!.. – Жоголев задохнулся. – Ты где ходишь? Что у вас там творится?

– То же, что и у вас!

Они поняли друг друга с полуслова.

– «Фаланги»? – быстро спросил Жоголев.

– Если бы только «фаланги»!

– А что ещё?

– Валера! Слушай меня внимательно. Если появятся такие долговязые, чёрные... скажи своим, чтобы немедленно открывали огонь! Как понял?

– Чёрные? – ошалело переспросил Жоголев. – В смысле – негры?..

– Какие, к чёрту, негры?.. Как увидишь – сам всё поймёшь! Отключись пока!

Акимушкин перекинул тумблер:

– «Управление», ответьте «Старту»!

– Слушает «Управление», – послышался в динамике откуда-то из другого мира ясный, спокойный голос старшего лейтенанта Мамолина.

– Докладывает «Старт»! Сеня, нас только что атаковали!

Судя по тишине в динамике, все в «Управлении» замерли после этих слов. Слышно было, как кто-то метрах в трёх от микрофона переспрашивает: «Что? Что он сказал?»

– Атаковали? – с безмерным удивлением вымолвил Мамолин. – Как атаковали? Кто?

– Не знаю! Если ещё не прервана связь с бригадой, сообщи немедленно – уже есть потери. У меня убит Левша и, предположительно, Агаев. У Жоголева двое пропали без вести. И самое главное... Самое главное... Ты вот о чём предупреди...

Он замолчал, решаясь.

– В общем так, Сеня, – с усилием выговорил он. – Это не люди.

Мамолин переваривал услышанное.

– Не люди? – озадаченно переспросил он. – А кто?

– Не знаю... – вздрогнув, сказал Акимушкин. – Монстры, дьяволы, пришельцы из космоса!.. И вот ещё что доложи: у них огромные «фаланги»...

– Фаланги пальцев? – туповато уточнил Мамолин.

– Пауки! – рявкнул Акимушкин. – Три года в Средней Азии служишь – фаланг не знаешь? Огромные пауки, здоровые, как собаки!

– Акимушкин! – взвизгнул Мамолин. – Ты... ты что, пьяный? Я сейчас в бригаду сообщу!..

В динамике что-то негромко, но отчётливо хлопнуло, затем он взорвался неразборчивым бормотанием и умолк. Это Мамолин отпустил кнопку на своём микрофоне.

– Ну вот и до них добрались, – очень спокойно, почти безразлично заметил Царапин.

Перед капониром дважды ударил карабин Петрова.

– Иди помоги ему! – бросил Акимушкин, и Царапин, спрыгнув на бетонный пол, побежал к воротам.

Ночь оглушила его. Лунное серое небо свистело и выло реактивными двигателями. «Неужели всё-таки война? – беспомощно подумал Царапин. – Но с кем? Не с этими же...» Где-то севернее возник жуткий повышающийся вой – что-то большое и тяжёлое падало с огромной высоты. Петров и Царапин ждали. «Ддумм...» – донеслось из-за третьей пусковой, словно чугунная болванка врезалась в землю.

– Не взорвалось, – с удивлением сказал Петров.

В песке были выбиты две новые воронки, рядом дёргались мохнатые суставчатые лапы очередной «фаланги».

– А эти не появлялись? – спросил Царапин, кивнув на лежащего и невольно задержав на нём взгляд.

Насекомое, просто огромное насекомое... Немудрено, что он принял эту личину за противогазную маску.

– Ну и морда у тебя, Петров... – с нервным смешком пробормотал он.

– Я! – встревоженно откликнулся ефрейтор.

– Нет, это я так... анекдот вспомнил...

Реактивный многоголосый рёв, затихая, смещался к северу.

– Я думал, бомбить будут, – признался Петров и, помолчав, тихо спросил: – А чем они так... Левшу?

Словно в ответ ему за капонирами, ближе к солдатскому городку, беззвучно вздулся и опал бледно-фиолетовый пучок света.

– А вот тем же самым, только поменьше, – не разжимая зубов, проговорил Царапин и вдруг умолк. – Машина, что ли? – недоверчиво всматриваясь, спросил он.

Да, над капонирами дрожал светлый скачущий нимб – там, по песчаной лунной дороге, меж зарослей янтака, кишаших огромными пауками и чёрными дьяволами, на большой скорости шла машина с включёнными фарами – кто-то пробивался к ним со стороны городка.

– Может, они ещё ничего не знают? – неуверенно предположил Петров.

Царапин, не сводя глаз с тонкого лучистого зарева, отрицательно мотнул головой. Он не мог перепутать ни с чем бледно-фиолетовую вспышку – увеличенную копию той, что сожгла Левшу. Даже если люди в машине минуту назад не знали, что их здесь ждёт, то теперь они уже несомненно были в курсе.

Ночь к тому времени снова стала тихой, явственно слы-

шался нарастающий шум мотора. Отчаянно сигналив, машина вылетела из-за капонира, осветив холм, ворота, курилку. Это был тяжёлый самосвал, и он шёл напрямик к ним, гнал по зарослям, рискуя шинами.

Жуткая из-за непонятности своей подробность: над кабиной, словно корона, тлело вишнёво-розовым что-то причудливое и совершенно незнакомое.

Над верблюжьей колючкой в вертикальном высоком прыжке взлетела ополоумевшая «фаланга». Два карабина грянули одновременно, но, кажется, дали промах – стрелять пришлось влёт и против света.

Царапин и Петров молча смотрели на подъезжающий самосвал. Кузов его был поднят. Козырёк кузова и вся его верхняя часть потеряли привычные очертания, свесились вправо кружевным застывшим всплеском. Сквозь чёрную в лунном свете окалину розовел раскалённый металл. На переднем колесе моталась какая-то тряпка. Лишь когда самосвал остановился перед воротами, стало ясно, что это – многократно раздавленная «фаланга», вцепившаяся жвалами в край протектора.

Дверца открылась, и из кабины полез командир стартовой батареи майор Костыкин – невысокий, плотный, плечи приподняты, под низко надвинутым козырьком в ночном освещении виден лишь крупный бугристый нос.

Мельком глянув на охраняющих, комбат повернулся к машине.

– Ну! – бросил он шофёру в белой от частых стирок панапе, который к тому времени выключил свет и, не решаясь открыть вторую дверцу, вылез тем же путем, что и Костыкин. – Кто был прав? Я ж тебе не зря сказал: подними кузов...

Внимание комбата привлекла вцепившаяся в покрывало разломанная «фаланга».

– Соображают... – чуть ли не с уважением буркнул он и лишь после этого повернулся к Царапину. – Кто есть из офицеров?

– Лейтенант Акимушкин, лейтенант Жоголев на шестой пусковой, старший лейтенант Мамолин в «Управлении»...

Комбат неторопливо взялся за козырёк и сдвинул его ещё ниже на глаза.

– А ну пошли, – вполголоса приказал он Царапину и, подняв плечи выше обычного, шагнул к воротам. Проходя мимо чёрного мертвеца, искоса глянул на него, но шага не замедлил. Следовательно, имел уже счастье встретиться с ему подобными.

Комбата в казарме звали за глаза Дед Костыкин. Прозвище ёмкое, понятное любому военнослужащему и говорящее об огромном уважении.

Увидев майора, Акимушкин издал радостное восклицание и вскочил, собираясь приветствовать по уставу, но комбат жестом приказал ему не тратить времени зря:

– Какие потери?

Акимушкин доложил.

– В бригаде знают? – Майор уже сидел на вертящемся та-
бурете в обычной своей позе – уперев кулаки в колени.

– Так точно!

– А кто докладывал?

– Мамолин.

– Хреново... – Майор схватил микрофон, щёлкнул тум-
блером. – «Управление» – «Старту»! Мамолин? Майор Ко-
стыкин с тобой говорит. Что доложил в бригаду?

– Докладил, что атаковали нас, товарищ майор. Но они
требуют подробно!

– Подробно?.. – Дед Костыкин снова взялся за козырёк
и сдвинул его ещё на миллиметр ниже. – Значит, пока я бу-
ду к вам добираться, передашь в бригаду от моего имени:
«Атакованы неизвестными лицами. Национальность напада-
ющих, а также принадлежность их к вооружённым силам ка-
кой-либо державы установить не можем. Противник приме-
нил неизвестное нам оружие массового поражения. Несём
значительные потери. За командира дивизиона – майор Ко-
стыкин». Всё.

– Как – всё? – противу всех уставов вырвалось у Мамоли-
на.

Царапин с Акимушкиным тревожно переглянулись.

– Товарищ майор! – Мамолин был совершенно сбит с тол-
ку. – Но ведь это же... Ведь они же...

– Я слушаю, – хмурясь, бросил комбат.

– Судя по всему, они... пришельцы из космоса, – запнувшись, выговорил Мамолин.

Дед Костыкин стремительно подался к пульту:

– А вот об этом – упаси тебя боже! А то пришлют тебе сейчас подкрепление... Грузовик с санитарами тебе пришлют! Не теряй времени, Мамолин! Без нас потом разберутся, что они за пришельцы.

3

Самосвал с поднятым кузовом канул в ночь.

– Ну теперь дело пойдёт! – возбуждённо приговаривал Акимушкин. – Теперь дело пойдёт!

Куда пойдёт и о каком деле речь, он не уточнял, но на строение у личного состава после наезда Деда Костыкина заметно улучшилось. Только бы комбат благополучно добрался до «Управления», а там уж он разберётся, как кому действовать.

Вдобавок «фаланги», словно напуганные таким поворотом событий, больше не показывались, прекратилась и стрельба на шестой пусковой. Такое впечатление, что вся эта ночная нечисть вновь отступила на обширный пустырь между огневыми позициями и солдатским городком.

Снаружи в дверцу капонира заглянул Петров.

– У меня патроны кончаются, – предупредил он.

Царапин достал из подсумка обойму и спустился из фур-

гончика. Петров, оставив дверь открытой, вошёл в капонир и принялся дозаряжать карабин.

– Самосвалом их распугало, что ли? – заметил он, перегоняя патроны в магазин.

Царапин вспомнил раскалённый оплавленный кузов самосвала.

– Левшу я из кабины выгнал... – сказал он вдруг с тоской. – Потом выхожу, а он лежит...

У Петрова сразу заклинило патрон. Ефрейтор заторопился и, чертыхаясь, попробовал вогнать его дурной силой.

– Дай сюда «саксаул», – буркнул Царапин, имея в виду карабин. – А ты пока с моим выгляни...

Но тут снаружи донесся короткий шум, словно кто-то с маху бросился на песок. Потом что-то легонько стукнуло в металлические ворота.

Царапин и Петров метнулись в стороны от открытой дверцы. Только теперь они поняли, какой непростительной ошибкой было оставить хоть на одну минуту подходы к капониру без охраны. Патроны в пальцах Петрова моментально перестали капризничать, и последний – десятый – туго вошёл в магазин. Теперь оба карабина были готовы к стрельбе. Но что толку, если те, снаружи, ударят по воротам вспышкой, которой они изуродовали кузов самосвала!

– Стой, кто идёт? – уставным окриком попытался вернуть себе уверенность Царапин.

Никто не отозвался. Но никакого сомнения: там, снаружи,

кто-то был, кто-то стоял перед металлическими воротами.

– Стой, стрелять буду! – повысил голос Царапин и выразительно посмотрел на Петрова.

Тот как можно громче и отчётливее передёрнул затвор.

– Я тебе постреляю! – неожиданно раздался звонкий и злой мальчишеский голос. – Я тебе сейчас туда гранату катну – ты у меня враз отстреляешься! Подними пушку, я входить буду!

В дверцу просунулись автомат и часть пятнистого маскировочного комбинезона. Потом высокий порог бесшумно переступил среднего роста круглолицый румяный парень с возбуждёнными глазами. Быстро оглядел капонир, таким же кошачьим движением перенёс через порог другую ногу. На поясе у него в самом деле располагалась пара гранат, а в правой руке, которой десантник придерживал автомат, поблёскивал клинок со следами отвратительной синей слизи.

– Офицеры есть?

Из кабины выглянул Акимушкин.

– Младший сержант Попов, – как-то небрежно растягивая слова, представился десантник. – Товарищ лейтенант, ракетчиков из зоны военных действий приказано эвакуировать.

– Позвольте, позвольте, сержант! – ошеломлённо запротестовал Акимушкин, не на шутку обиженный тоном и особенно словечком «эвакуировать». – Никакого приказа я не получал...

– «Старт» – «Управлению», – проворчал в кабине ди-

намик голосом Деда Костыкина, и Акимушкин скрылся. – Акимушкин!.. – Слова комбата были хорошо слышны в гулком капони́ре. – Там к тебе сейчас придут парашютисты... Ах, уже прибыли?..

Десантник неодобрительно оглядывал Петрова с Царапиным.

– Артиллеристы! – выговорил он. – Что ж вы снаружи-то никого не выставили? К ним тут, понимаешь, диверсанты подползают...

Он заметил синюю слизь на лезвии и осёкся.

– Это что? – туповато спросил он.

– Это кровь, – тихо объяснил Царапин.

– Да пошёл ты!.. – испуганным шёпотом отозвался десантник.

Из фургончика по лесенке сбежал Акимушкин.

– Отступаем к «Управлению», – бодро оповестил он.

– Непонятно... – озадаченно пробормотал Царапин. – Со всем непонятно...

Последние события в цепочку никак не складывались. Сообщение Мамолина поступило в бригаду от силы десять минут назад. Можно ли сбросить десант за десять минут?.. Да какие там десять минут! Судя по всему, десант был сброшен в то самое время, когда Царапин выскочил на помощь Петрову, а над позициями выли самолётные двигатели. Сумасшедшая ночь!

Царапин ожидал, что, выйдя из капонира, он увидит на

земле двух мёртвых монстров, но не увидел ни одного. Парашютисты успели их с какой-то целью припрятать. Вдвойне странно! Такое впечатление, что десантники были хорошо информированы, – во всяком случае, действовали они толково и быстро, словно по наигранному плану.

Первым делом ракетчики извлекли из дизельной Бердыклычева, который долго не понимал, почему он должен, не выключая движка, покинуть свой фургончик и с карабином в руках отходить к «Управлению».

Откуда-то возник ещё один пятнистый десантник, откомендовавшийся прапорщиком Файзулиным.

– Отступать будете через пустырь, – бросил он Акимушкину. – Правее не забирайте – там сейчас пойдут танки.

Услышав про танки, Акимушкин и вовсе оторопел. Похоже, на них выбросили целый десантный корпус.

– Толпой идти не советую, – торопливо продолжал прапорщик. – Но и рассыпаться особенно не стоит. В общем, держитесь пореже, но так, чтобы поплотнее. Ясна задача?

К нему подбежал парашютист с округлившимися глазами и принялся что-то тихо и сбивчиво докладывать.

– Что-о?! – шёпотом взревел прапорщик Файзулин, тоже округляя глаза.

Ага... Значит, десантники всё-таки не подозревали, с кем им предстоит иметь дело.

По ту сторону холма раздался взрыв. К кабине он явно никакого отношения не имел – рвануло где-то за курилкой.

Из-под ног поползли короткие тени – это над позициями дивизиона закачались осветительные ракеты.

Царапин видел, как совсем рядом выдохнул дрожащее бьющееся пламя автомат прапорщика. Грохота он почти не слышал – очередь прозвучала тихо и глухо, как сквозь подушку. Уши заложило, но не тишиной и не звоном – это был неприятный и совершенно неестественный звук. Шорох, если шорох может быть оглушительным. Словно бархоткой повели по барабанным перепонкам.

Пятнистые комбинезоны метнулись в пятнистый сумрак и исчезли. Акимушкин, беззвучно разевая рот, махал пистолетом в сторону «Управления» – видимо, приказывал отходить.

Они побежали к песчаному пустырю, где их чуть было не вмял в грунт разворачивающийся на скорости лёгкий танк, которому, по словам прапорщика Файзулина, надлежало в этот момент находиться несколько правее.

Потом онемевшая ночь словно очнулась и яростно загрохотала порохом и металлом.

– Дизэл!.. – прорыдал в ухо голос Бердыклычева, а дальше воздух, став упругим, почти твёрдым, ударил в спину, бросил лицом в песок.

Когда Царапину удалось подняться, вокруг уже шёл бой. Чёрный сон, таившийся в ночных зарослях, накопил силы и пошёл в наступление.

Дерзко, не прячась, перебегали «фаланги», на которых те-

перь никто не обращал внимания, потому что со стороны городка надвигалось кое-что посерьёзнее.

В метре над песком, все в лунных бликах, распространяя вокруг себя всё тот же оглушительный шорох, плыли невиданные жуткие машины – гладкие, панцирные, до омерзения живые, шевелящие массой гибких, как водоросли, антенн, с которых слетали зыбкие бледно-фиолетовые луны, и от прикосновения этих лун горел янтак и плавился песок.

Одна из машин, увлекая за собой другую, вырвалась далеко вперёд и шла прямо на Царапина, а он стоял в рост и заворожённо смотрел на неё, уронив бесполезные руки, в которых не было теперь ни карабина, ни даже камня. Невероятно, но Царапин уже пережил когда-то этот миг, уже надвигались на него чужие, испепеляющие всё на своём пути механизмы, и знакомо было это чувство беспомощности муравья перед нависающим цилиндром асфальтового катка.

Уэллс! Вот оно что! Конечно же Уэллс!.. Боевые треножники, тепловой луч, развалины опустевшего Лондона...

Царапин словно наклонился над пропастью.

«Это безнадёжно, – подумал он. – Мы ничем их не оставим...»

«Мы». Не Царапин с Акимушкиным, Петровым, прапорщиком Файзулиным... «Мы» – это вся Земля.

Но тут слева из-за спины Царапина вывернулся десантник. Пригибаясь, он в несколько прыжков покрыл половину расстояния до чужой машины и распластался по песку.

Машина прошла над ним, и ясно было, что припавший к земле человек больше не пошевелится. Но вот она прошла над ним, и десантник приподнялся. С поворотом, за себя, как тысячи раз на тренировках, махнула рука; граната, кувыркаясь, взлетела в навесном броске и, очертив полукруг, опустилась точно в центр чёрного, не отражающего лунных бликов овала на глянцевой броне, который и в самом деле оказался дырой, а не просто пятном.

Секунда-другая – и из овального люка с воем выплеснулось пламя. Воздух вокруг механизма остекленел и раскололся – его как бы пронизала сеть мелких трещин, а в следующий миг он детонировал вокруг второй машины – поменьше, и её понесло вперёд с нарастающей скоростью, пока она – ослеплённая, неуправляемая – не въехала боком в кусты.

Царапин прыгал, потрясал кулаками, кричал:
– Словили?! Словили?..

Из овальной дыры соскользнула на землю знакомая злобущая фигура. Красные зайчики от горящего поблизости янтাকা лизнули неподвижную гладкую маску и тяжёлые жвалы. Монстр остановился, не зная, куда бежать, и в ту же секунду вокруг, взламывая траурный шорох чужой техники, зачастили автоматы десантников. На глазах Царапина дьявола изорвало пулями.

Мимо, к чернеющей подобно огромному валуну машине, пробежали двое парашютистов. Ещё не понимая, чего они хотят, Царапин бросился за ними. Втроём они навалились

на холодный панцирный борт и, запустив пальцы под днище, попробовали качнуть. Откуда-то взялись ещё двое: один – десантник, другой – кто-то из ракетчиков. Машина шевельнулась и под чей-то натужный вопль «Три-пятнадцать!» оторвалась от земли, после чего снова осела в обдирающий руки янтак. Справа, закидывая за спину автоматы, набегали ещё четверо.

Царапин по-прежнему не понимал, зачем они это делают, но он самозабвенно упирался вместе со всеми в упоении от собственной дерзости и бесстрашия.

Рядом налегал на борт лейтенант Жоголев – на секунду пламя, всё ещё пляшущее над первой – подорванной – машиной, осветило его оскаленное лицо и растрёпанные вихры. Лейтенант был без фуражки.

Из хаоса звуков выделилось непрерывное низкое мычанье автомобильного сигнала. Это задним ходом к ним подбирался тягач, толкая перед собой низкий открытый прицеп.

Новый сдавленный вопль «Взяли!», чёрная машина всплыла ещё на полметра и, развернувшись, вползла на платформу.

Тягач рванул с места и погнал, не разбирая дороги. Царапин сначала бежал рядом, держась ладонью за ледяную броню трофейного механизма, но скоро сбился с ноги, отстал и, споткнувшись о лежащего ничком десантника, на котором сидела «фаланга», вспахал метра три песчаного пустыря. Извернувшись, как кошка, сел и застал «фалангу» в прыжке.

Опрокинулся на спину и почти уже заученным движением выставил ей навстречу каблук. Ключула, дура! Отчаянно отбрыкиваясь, дотянулся до автомата убитого и, чудом не отстрелив себе ногу, разнёс «фалангу» короткой очередью.

И что-то изменилось. Он уже не был лишним на этом пустыре. Причина? Оружие. Словно не Царапин нашёл его, а оно само нашло Царапина и, дав ощутить свой вес и своё назначение, подсказало, что делать.

Он перевернулся на живот, выбрал цель и открыл огонь – осмысленно, экономно, стараясь поразить верхнюю треть панциря. Расстреляв весь рожок, забрал у убитого десантника второй и перезарядил автомат.

Тут он почувствовал сзади что-то неладное и обернулся. Горел тягач. Ему удалось отъехать метров на сто, не больше. В жёлто-красном коптящем пламени сквозь струи пара чернел купол так и не доставленной в тыл вражеской машины.

Царапин поглядел назад, и последняя осветительная ракета, догорая, словно предъявила ему пологие склоны, мёртвые тела, отразилась в панцирях чужих механизмов.

Погасла... Вокруг снова была серая, насыщенная лунным светом ночь. Траурный шорох стал нестерпим, и не потому, что усилился, – просто смолкли грохот и лязг земной техники.

И Царапин вдруг осознал, что он – последний живой человек на этом пустыре, а ещё через секунду ему показалось, что он – последний живой человек на всей Земле.

Что ему оставалось делать? Прикрывать отход? Чей?

Царапин закинул оружие за спину и побежал туда, где по-
лыхал тягач. Он был уверен, что отбежать ему дадут самое
большее шагов на двадцать, после чего уничтожат, – и уди-
вился, когда этого не произошло.

Ночь словно вымерла. Никого не встретив, он миновал
опустевшее «Управление» (по всему видно было, что ракет-
чиков эвакуировали в крайней спешке), добрёл до колючей
проводаки, обозначавшей восточную границу дивизиона, и
чуть не провалился в какую-то яму, которой здесь раньше
не было.

Царапин заглянул в неё и отшатнулся – снова померещи-
лись блики на гладком панцире чужого механизма. Слава бо-
гу, это был всего лишь танк – старая добрая земная маши-
на...

Когда это было: только что или сто лет назад – жуткий по-
вышающийся вой и тяжкий удар за капонирами, после кото-
рого Петров сказал с удивлением: «Не взорвалось...»

Жив ли теперь Петров? А от Левши, наверное, уже ничего
не осталось, даже пуговиц... Как же это так вышло, что сам
Царапин до сих пор жив?

Он спрыгнул на броню и осторожно выглянул из ямы. Пе-
ред ним в ночи лежала чужая планета. Внешне пейзаж не из-
менился (разве что кое-где горел янтак), но это уже была не
Земля, эта территория не принадлежала больше людям.

О чём он думал тогда, сидя на шершавой броне зарывшегося в песчаный грунт танка? В это трудно поверить, но старший сержант Царапин мучительно, до головной боли, вспоминал, чем кончилось дело у Уэллса в «Войне миров». Книгу эту он читал и перечитывал с детства и всё-таки каждый раз забывал, почему марсиане не завоевали Землю. Что им помешало? Они же всё сожгли своим тепловым лучом!.. Какая-то мелочь, какая-то случайность... В книгах всегда выручает случайность.

Дожить бы до утра...

«А оно наступит, утро?..»

Царапин давно уже слышал, как по ту сторону проволочного ограждения кто-то шуршит, перебегает, прячется. Звуки были свои, земные, слушать их было приятно.

Потом зашуршало совсем рядом, и кто-то за спиной негромко предупредил:

– Не двигаться! Буду стрелять!

Тишина и человеческий голос. Царапин никогда не думал, что это так много – тишина и человеческий голос. Люди... А ведь они пробираются туда, к пустырю. Всё живое бежит с пустыря, а они, как всегда, – наоборот, наперекор...

– Кто такой?

– Старший сержант Царапин, – апатично отозвался он.

Сзади опять зашуршало, и новый голос (Царапин машинально определил его как офицерский, но не выше трёх звёздочек) скомандовал:

– Встать! Выходи!

– Автомат брать? – спросил он, поднимаясь.

– Что? – Офицер опешил.

– Это не мой, – устало пояснил Царапин. – Я его у десантника взял... у мёртвого...

– Сдать оружие!

Царапин отдал автомат и вылез. Втроём они отошли, пригибаясь, подальше от ямы, в колючие заросли.

– Товарищ лейтенант, – обессиленно попросил Царапин, – не ходите на пустырь... Туда людям нельзя... Туда не десант – туда бомбу надо было сбросить... Бомбу, – ошеломлённо повторил он и ещё раз – словно проверяя, не ослышался ли: – Бомбу... – Вскочил с криком: – Бомбой их, гадов!..

Его ухватили за ногу и за ремень, рывком положили на песок, прижали.

– Я тебе поору! – прошипел лейтенант. – Я тебе повскакиваю!.. Ефрейтор Фонвизий! Проводишь сержанта до шоссе. Доложишься капитану Осадчему.

– Пошли. – Фонвизий подтолкнул притихшего Царапина, который после краткого буйства снова успел вернуться в состояние горестной апатии. Поднялся и пошёл, послушно сворачивая, куда прикажут.

Впереди замерцал лунный асфальт. Разлив асфальта.

Шоссе. Артерия стратегического значения. Рядом с обочиной, как бы припав к земле, чернел бронетранспортёр. Чуть поодаль – ещё один.

Их окликнули. Навстречу из кустов янтака поднялись трое с автоматами и приказали остановиться. Появился капитан (видимо, тот самый Осадчий), которому Царапин немедленно попытался доложить обстановку. Капитан не дослушал и велел проводить старшего сержанта в санчасть.

Никто ничего не хотел понять!

Фонвизий привёл слабо сопротивляющегося Царапина к покрытому маскировочной сетью молочно-белому автобусу, на каких обычно разъезжают рентгенологи, и сдал с рук на руки медикам – морщинистому сухому старичку в капитанской форме и слоноподобному верзиле с лычками младшего сержанта.

Царапин заволновался, стал рваться в какой-то штаб, где даже не подозревают о настоящих размерах опасности, а он, Царапин, знает, видел и обязан обо всём рассказать... В конце концов верзиле пришлось его бережно придержать, пока капитан делал укол.

Царапин был настолько измотан, что успокаивающее сработало как снотворное. Старшего сержанта усадили на жесткую обтянутую кожмитом скамейку у стеночки, а когда оглянулись спустя минуту, то он уже спал, пристроив голову на тумбочку.

Короткое глубокое забытье, чёрное, без сновидений.

А потом за ним пришли и разбудили.

– Царапин, – позвала явь голосом Деда Костыкина, – хватит спать. Пошли.

– Товарищ майор... – пробормотал он, – старший сержант Царапин...

– Ладно-ладно, – сказал майор. – Пошли.

Одурев от несостоявшегося сна и насильственного пробуждения, Царапин вылез из автофургона, недоумевая, откуда мог взяться комбат, которого он мысленно похоронил вместе со всем дивизионом. Луна торчала почти в той же самой точке, что и раньше, когда они с ефрейтором Фонвизием подходили к санчасти. Следовательно, вздремнуть ему не удалось вообще.

И Царапину – в который раз! – почудилось, что время остановилось, что хитинноликие чудовища каким-то образом растягивают ночь до бесконечности.

Они пересекли шоссе и принялись перешагивать через какие-то кабели и огибать неизвестно когда появившиеся в этих местах палатки. Возле дороги стоял вертолёт размером с железнодорожный вагон. Человек двадцать военнослужащих и гражданских лиц в серых халатах при свете прожекторов спешно разгружали и распаковывали продолговатые ящики. Потом по шоссе прошла колонна мощных, закутанных в брезент грузовиков. За ней потянулась вторая.

Дед Костыкин остановился и, запрокинув голову, долго смотрел на дорогу из-под козырька.

– Ну вот, – не совсем понятно заметил он. – Так-то оно вернее...

И тут же принялся расспрашивать, где, когда, при каких обстоятельствах Царапин видел в последний раз Петрова, Жоголева, прочих. Монстров он при этом называл весьма уклончиво и неопределённо – «противник».

Возмущаясь до забвения устава, Царапин спросил, неужели майор не понимает, что это за «противник», неужели ему не ясно, что решается судьба человечества?

Дед Костыкин хмуро на него покосился и, ничего не ответив, указал на пролом в белёном дувале, сделанный, судя по отпечаткам траков, неловко развернувшейся тяжёлой гусеничной машиной. Они прошли в одноэтажный домик с типичными для Средней Азии низкими – почти вровень с землёй – полами, где в ярко освещённой комнате Царапину предложили сменить стойку смирно на вольно и внятно, последовательно, по возможности без эмоций изложить всё, что с ним произошло с момента объявления боевой готовности.

Кажется, он наконец-то встретился с людьми, от которых в какой-то степени зависел исход сегодняшней ночи. Здесь были два полковника, подполковник, капитан – всего человек семь офицеров и среди них один штатский, именно штатский, а не военный в штатской одежде – это чувствовалось сразу...

Ради одной этой встречи стоило выжить.

Он собрался с мыслями и заговорил. И очень быстро – к удивлению своему – заметил, что слушают его невнимательно. Уточняющих вопросов почти не было. Полковник вроде бы глядел на Царапина в упор – на самом деле он, наверное, вряд ли даже признавал, что перед ним кто-то стоит.

Потом все насторожились, и Царапин в растерянности замолчал.

– Слушаю! – кричал кто-то за стеной. – Слушаю вас!

Неразборчиво забормотала рация. Звонкая напряжённая тишина возникла в комнате.

– Понял, – сказал тот же голос с меньшим энтузиазмом.

И ещё раз – уже с явным разочарованием:

– Понял вас...

– Вы продолжайте, продолжайте, – напомнил штатский Царапину.

Царапин продолжил, но теперь всё, что с ним произошло, казалось ему случайным набором никому не нужных подробностей: ужас хитиновой маски, отступление через пустьрь, поединки с «фалангами», пальба из автомата, захват чужой машины... А от него требовалось одно – вовремя нажать кнопку на операторском пульте. И он нажал её вовремя. Дальнейшие его поступки уже ничего не решали. Их просто могло не быть.

Царапин закончил. И, словно подтверждая его мысли, полковник коротко и дробно ударил пальцами по столу, повернулся к штатскому:

– Ну что, Аркадий Кириллович, ничего нового...

Штатский с сомнением поглядывал на Царапина.

– Да как сказать... – в раздумье проговорил он. – Насколько я понимаю, товарищ старший сержант был чуть ли не первый, кто схватился с ними... мм... врукопашную... Послушайте, Боря... Вот вы самый информированный среди нас человек: всё видели, во всём участвовали... Что вы сами о них думаете?

Царапин сглотнул. Перед глазами возник чёрный обрубок, ещё секунду назад бывший пусть мёртвым, но Левшой, забегали синеватые язычки пламени...

– Бомбой... – хрипло сказал Царапин. – Отступить по-дальше – и бомбой их...

Широкоплечий мрачного вида майор, до этого безучастно смотревший в низкое чёрное окно, обернулся в раздражении, но тут за стеной снова замурлыкала и забубнила рация.

– Что? – выкрикнул прежний голос. – Две? Каким образом?

Все, кто сидел, вскочили, стоящие сделали шаг к двери, ведущей в соседнюю комнату.

Спустя секунду она распахнулась. В проёме, схватившись раскинутыми руками за косяки, стоял невысокий плотный капитан.

– Есть! – выдохнул он. – Две единицы. Это возле развилки арыка.

Мрачный широкоплечий майор рванулся к выходу. Оста-

новился. Штатскому:

– Аркадий Кириллович, так что мы решим со старшим сержантом?

– Со старшим сержантом? – Аркадий Кириллович оглянулся на Царапина, задумался на секунду. – Старший сержант пойдёт с нами.

Выходя за ним из комнаты, Царапин слышал, как за стеной полковник-артиллерист кричит в микрофон:

– «Таблетка»? «Таблетка», приступайте! У нас всё готово...

Майор быстро, едва не переходя на бег, шагал в сторону колхозных виноградников, чернеющих впереди под луной, как грозовое облако.

– Боря! – негромко окликнул штатский. – А этот ваш Левша... Он по ним выстрелить так и не успел?

– Нет, – сказал Царапин. – Он даже затвор передёрнуть не успел.

– А вы уверены, что он был мёртв? Может быть, просто обморок? Всё-таки ночь, луна – могли ошибиться...

– Н-не знаю, – несколько растерявшись, ответил Царапин. – Мне показалось...

Но штатский так и не узнал, что там показалось Царапину. Неслышанный плотный грохот упал на пустыри и виноградники с тяжестью парового молота. Луна исчезла. По внезапно чёрному небу косо полетели сгустки белого воющего пламени. Грохот сдавливал голову, требовал броситься наземь.

Освещаемый пульсирующими вспышками штатский выразительно указывал Царапину на свой открытый рот. Царапин понял и тоже глотнул тугой содрогающийся воздух. Стало немного полегче. Тогда он чуть повернул голову вправо, где лежала территория его части и куда летели грохочущие клочья огня. Там вздымалось, росло ослепительно-белое пламя. Словно снаряды проломили дыру в земной коре и адской смертельной магмой плеснуло из недр.

Майор тоже остановился и прикрыл щеку ладонью. Грохот раскатывался над окрестностями, на территорию дивизиона было уже невозможно смотреть – так, наверное, должна выглядеть поверхность Солнца.

«Да куда же они ещё садят! – в смятении подумал Царапин. – Там же уже ничего не осталось!»

Но тем, кто отдавал приказ, было видней, они работали профессионально, наверняка, и залпы шли и шли волнами в одну точку, и не верилось, что происходящее – дело рук человеческих.

Бомбардировка прекратилась в тот самый момент, когда Царапин решил уже, что она не кончится никогда.

Все трое временно оглохли. Майор, злобно смеясь, вытрясал мизинцем из уха воображаемую воду. Штатский с болезненной улыбкой повернулся к Царапину, и лишь по движению губ тот разобрал слова:

– Ну вот и исполнилось ваше желание, Боря...

Временная глухота чуть было не подвела их – они среаги-

ровали лишь в второй оклик ошавевшего часового: «Стой! Стрелять буду!» Бедный парень не знал, куда смотреть: то ли на них, то ли на бушующий справа пожар.

То, что Царапин увидел впереди, заставило его вздрогнуть. Шагах в двадцати от него, там, где большой, как канал, арык распадался на две оросительные ветви, плясали извилистые огненные блики на гладких панцирях. Там, на песке, стояли две чужие машины с зияющими овальными люками, а рядом – хитиновой маской к луне – лежало длинное чёрное тело. Там же – кто на корточках, кто привалясь спиной к броне – расположились несколько мрачных парней в пятнистых комбинезонах. Вокруг стояли и бродили военнослужащие из охраны.

Майор и Аркадий Кириллович подошли к неторопливо поднявшимся десантникам и о чём-то с ними заговорили. Потом Аркадий Кириллович начал озираться, заметил Царапина и поманил его к себе. Царапин приблизился, не сводя глаз с поникших гибких антенн, которые теперь лежали на песке, как верёвки.

– Эти самые? – спросил штатский.

– Да, – сказал Царапин. В горле у него запершило. – Вот по такой я стрелял из автомата. А такую при мне подорвали...

– Они разные, – заметил штатский, кивая на механизмы.

– Да они у них все разные... – хмуро сказал Царапин.

– Вы не ошиблись? – Штатский был взволнован.

Царапин подтвердил, что не ошибся.

Штатский с майором задавали и задавали вопросы. Царапин механически отвечал, а сам не сводил глаз с десантника, стоявшего неподалёку. Это был младший сержант Попов. Или очень похожий на него парень. Он затягивался давно погасшей сигаретой, и в опустевших, остановившихся глазах его была вся нынешняя ночь: лунные блики на чёрных панцирях, бледно-фиолетовые вспышки, горящий янтак.

Потом подкатило сразу несколько машин, и в их числе тягач – вроде того, что был сожжён на пустыре. Стало шумно: гудки, всхрапывания моторов, обрывки команд. Из «уазика» выскочили трое офицеров и бегом припустились к тягачу. О Царапине забыли.

Он подошёл к десантнику, взгляделся. Нет, это был не Попов. Но когда парень, почувствовав, что на него смотрят, повернул к Царапину осунувшееся чумазое лицо, тому показалось, что этот совершенно незнакомый человек узнал его. Тоже, наверное, с кем-нибудь перепутал.

– А я думал, убили тебя, – неожиданно сказал парень. – Кто ж в таких случаях вскакивает! Смотрю: бежи-ит, чуть ли не в рост, тягач его освещает... Как они тебя тогда не примочили – удивляюсь...

Мимо как раз пронесли длинное чёрное тело.

– Живым хотели доставить... – как-то странно, судорожно усмехнувшись, снова сказал десантник, но уже не Царапину, а так – неизвестно кому. – Троиш из-за него потеряли. А он с собой покончил, скотина...

Ничего больше не добавил, бросил сигарету и, чуть ссутулясь, пошёл к своим.

– Земляк! – тихонько позвали сзади. – Земеля!.. Зёма!..

Царапин оглянулся. Это были двое из оцепления.

– Слышь, зёма... – Шёпотом, глаза бегают. – А эти... ну, диверсанты в противогазах... откуда они взялись вообще?

– С Марса, – отрывисто сказал Царапин.

– Тц! Ара! А я тебе что говорил? – негромко, но с яростью гортанно вскричал второй.

– Да нет, правда, – обиделся первый. – Откуда, зём? Гля, машины у них...

В следующий миг лица у обоих стали суровыми, глаза – зоркими, а про Царапина они словно и думать забыли. Люди бодро и бдительно несли караульную службу.

Это их спугнул возвратившийся зачем-то Аркадий Кириллович. Кажется, он был чем-то расстроен.

– Боря, – позвал он, – у вас сигареты не найдётся?

– Я не курю, – сказал Царапин.

– Я тоже... – уныло отозвался штатский.

Отсвет гаснущего пожара тронул его обрезавшееся лицо.

– Не могу отделаться от одного ощущения, Боря...

«Ощущения... – тоскливо подумал Царапин. – Тут поспать бы хоть немного...»

– А ощущение такое... – Аркадий Кириллович судорожно вздохнул. – Никакая это, к чёрту, не военная техника...

Встретив непонимающий взгляд Царапина, он усмехнулся.

ся и, отвернувшись, прищурился на огромное розовое зарево.

– Ну не дай бог, если я прав!.. – еле расслышал Царапин.

– Аркадий Кириллович, пора! – окликнул кто-то из «уа-зика». Видимо, всё тот же широкоплечий майор.

– Сейчас-сейчас! – совсем другим энергичным, деловым голосом отозвался штатский. – Тут у меня ещё одно уточнение... Вы же умный парень, Боря, – чуть ли не с жалостью глядя на Царапина, проговорил он. – Вы поставьте себя на их место... Откуда вам знать, что там внизу – граница? Что посадка ваша совпадает с одним из сценариев начала войны! Что нет времени разбираться, кто вы и откуда, – все удары просчитаны заранее!.. Вы хотите приземлиться, а вас сбивают! И взлететь вы уже не можете... Что бы вы стали делать на их месте? Да отбиваться, Боря! Отбиваться до последнего и чем попало!

– Вы что же... – еле ворочая языком от усталости, злобно выговорил Царапин, – считаете, что они к нам – с мирными целями?

– Не знаю, Боря... – сдавленно ответил штатский. – В том-то и дело, что не знаю...

5

Старшему сержанту Царапину снились сугробы, похожие на барханы. Он брёл, проваливаясь в них по колено, и но-

гам почему-то было жарко. Бело-серые хлопья, падающие с неба, тоже были тёплыми, почти горячими. И Царапин понял вдруг, что это не снег, а пепел.

Потом с вершины самого большого сугроба на совковой лопате без черенка съехал вниз рядовой Левша. Увидев Царапина, вскочил и, испуганно хлопая длинными пушистыми ресницами, вытянулся по стойке смирно.

– Усих вбыло... – оправдываясь, проговорил он.

Нагнулся и, опасливо поглядывая на сержанта, принялся разгребать пепел. Вскоре под рукой его блеснуло что-то глянцевое, чёрное...

– Отставить! – в ужасе закричал Царапин. – Рядовой Левша!..

Но Левша будто не слышал – он только виновато улыбался и продолжал разгребать бело-серые хлопья, пока мёртвый монстр не показался из пепла целиком.

– Усих... – беспомощно повторил Левша, выпрямляясь. Потом снова нагнулся, помогая чёрному мертвецу подняться.

– Лев-ша-а!..

Но они уже удалялись, брели, поддерживая друг друга и проваливаясь по колено в пепел при каждом шаге...

Царапин проснулся в холодном поту и, спотыкаясь о спящих, выбрался из палатки.

Шагах в пятнадцати от входа уже симпровизировали курилку – там копошились розовые огоньки сигарет. И по то-

му, как мирно, как неторопливо переползали они с места на место, Царапин понял: с вторжением – покончено. Уэллс... Война миров... А потом подошли по шоссе двумя колоннами тяжёлые, закутанные в брезент грузовики, раздалась команда – и пришельцев не стало...

– Разрешите присутствовать? – на всякий случай спросил Царапин. Среди курящих могли оказаться офицеры.

– Присутствуй-присутствуй... – хмыкнул кто-то, подвигаясь и освобождая место на длинной, положенной на кирпичи доске.

Царапин присел. Вдали, за чёрным пригорком, слабо светились розовые лужицы медленно остывающей раскалённой земли.

– «Фаланги»... – недовольно сказали с дальнего края доски, видимо продолжая разговор. – Чё там «фаланги»? У нас вон старшину Маранова «фаланга» хватанула...

– И что?

– И ничего. Через полчаса очухался, ещё и аппаратуру нам помогал тащить... А что морды как противогаз – вон Гурген подтвердить может...

– Чёрт вас поймёт! – с досадой сказал кто-то. – Пока сам не увижу – не поверю.

– Много ты там теперь увидишь! – прозвучал неподалёку от Царапина мрачный бас. – Видал, как артиллеристы поработали?..

Все замолчали, прислушиваясь к приближающемуся рёву

авиационных двигателей. Потом на курилку, разметая песок и срывая искры с сигарет, упал плотный ветер, заныло, загрохотало, и над ними потянулось, заслоняя звёзды, длинное сигарообразное тело.

– Это тот, с дороги, – заметил сосед Царапина, когда вертолёт прошёл. – Загрузился...

– Кишка ты слепая, – незлобиво возразили ему. – Это пожарники патрулируют. Земля-то раскалена – янтак то и дело вспыхивает...

– На что ж они рассчитывали, не пойму, – сказал кто-то, до сей поры молчавший. – С тремя кораблями...

В курилке притихли, подумали.

– А чёрт их теперь разберёт, что они там рассчитывали, – нехотя отозвался бас. – Может, это только разведка была... А вот как шарахнут всем космофлотом...

Царапин встал.

– Не знаете, на бугор выйти можно? – спросил он. – Не задержат?

– Вообще-то, был приказ от палаток не удаляться, – уклончиво ответили ему. – Ты только к вертолёту не подходи.

– А что там?

– А чёрт его знает! Сначала распаковывали какие-то ящики, теперь запаковывают...

Оставив вертолёт справа, Царапин без приключений добрался до бугра.

Он не узнал местности.

То, что лежало перед ним внизу, за чёрной полосой стогревшего в пепел янтака, было похоже на дымящееся поле лавы после недавнего извержения. Разломанная земля, спёкшаяся земля, полопавшаяся на неправильные шестиугольники, прокалённая на метр в глубину, тлеющая тут и там розовыми пятнами. И ни следа, ни обломочка от танковых машин пришельцев. Вдали оплывший остов локатора – всё, что осталось от «Управления». «Старт» напоминал розовое озерцо с чёрными островками-глыбами.

«Левша», – вспомнил Царапин и больше в сторону «Старта» не смотрел. Не мог.

Ночь кончалась. Небо над горами уже тлело синим – вполутра. Изувеченная земля еле слышно потрескивала, шипела, изредка раздавались непонятные шумы и резкие, как выстрелы, щелчки.

– Нет!.. – зажмурившись, как от сильной боли, проговорил Царапин. – Нет!..

Здесь, над изломанной, умертвлённой землёй, мысль о том, что Аркадий Кириллович может оказаться прав, была особенно страшна...

Он хотел уже вернуться к палатке, когда почудилось, что там, внизу, кто-то ходит. Всматриваясь в серый полумрак, Царапин осторожно спустился с бугра, и звук его шагов изменился. Под ногами был чёрный мягкий пепел.

Видимо, всё-таки почудилось. Утомлённые глаза вполне

могли подвести. Но вот – теперь уже точно – за пригорком шевельнулась и выпрямилась серая тень. Человек.

«Какого чёрта он там делает?» – испугался Царапин и вдруг сообразил: кто-то оказался слишком близко к обстреливаемому участку и вот, очнувшись, пытается выбраться – обожжённый, беспомощный...

Царапин, не раздумывая, бросился вперёд. Взяв на пригорок, оступился, сухой чёрный прах полетел из-под ног, лицо обдало жаром. И надо бы притормозить, всмотреться, но Царапину это и в голову не пришло – он остановился, когда уже ничего изменить было невозможно. Теперь их разделяло всего пять шагов.

Перед Царапиным стоял чёрный монстр – может быть, последний монстр на всей планете. Как сумел он выскользнуть из-под огненного молота, гвоздившего эту землю наотмашь, насмерть? Скорее всего, заблудился в общей неразберихе, вышел из обречённой зоны до обстрела и вот теперь то ли прятался, то ли, уже не прячась, бессмысленно бродил по широкой полосе травяного пепла.

«Ну вот и всё...» – беспомощно подумал Царапин, глядя в немигающие – с кошачьими зрачками – глаза.

Нужно было израсходовать до конца весь мыслимый запас счастливых случайностей и влезть в неоплатный долг, чтобы так по-глупому, перед самым рассветом, когда уже всё позади, самому найти своё последнее приключение.

Успеть... Успеть сказать, пока не полыхнула смертельная

бледно-фиолетовая вспышка...

– Но мы же не знали!.. – срывающимся голосом в лицо ему, в неподвижную хитиновую маску, выговорил Царапин. – Что нам ещё оставалось?.. Вы же через границу шли! Через границу!..

Чёрный дьявол, казалось, был загипнотизирован внезапной речью. Или напротив – не слышал ни слова.

– Куда вы сунулись? – Голос Царапина чуть не сорвался в рыдание. – Тут же заживо жгут, тут...

А вспышки всё не было. Может быть, он просто потерял оружие? Царапин замолчал и вдруг, шагнув навстречу, провёл в воздухе рукой перед жёлтыми немигающими глазами. Вертикальные зрачки не шевельнулись. Монстр по-прежнему неподвижно глядел куда-то мимо Царапина. Он был слеп.

Рассвет наступал стремительно. Чёрная хитиновая маска стала серой, на ней обозначились смутные изломанные тени, придавшие ей выражение обречённости и невероятной усталости. А за спиной прищельца всё слабей и слабей светили розовые пятна прокалённой на метр в глубину, медленно остывающей земли...

Строительный

Члены комиссии заподозрили неладное лишь на втором часу блужданий по стройке, когда непонятным образом вышли опять на залитый летним солнцем пятый, и пока что последний, этаж. Внизу, на холме вынутого грунта, поросшего зелёной травкой, стоял и задумчиво смотрел на них сторож Петрович. У ног его, задрав встревоженные морды, сидели дворняжки Верный и Рубин.

– Вы там не заблудились? – подозрительно спросил сторож.

Субподрядчик весело блеснул золотыми зубами:

– А что, бывает?

– Да случается, – вполне серьёзно отозвался Петрович.

– С юмором старичок, – заметил проектировщик, пощипывая чёрную бородку.

Они направились к лестнице.

– А вот охраняется строительство, между прочим, образцово, – отдуваясь, сказал тучный генподрядчик. – Вы заметили: ничего не расхищено, не растащено... Уж, казалось бы, плитка лежит нераспакованная, бери – не хочу! Нет, лежит...

Заказчик, глава комиссии, резко повернул к нему узкое бледное лицо. Очки его гневно сверкнули.

– Я вообще не понимаю, о чём мы говорим, – раздражён-

но бросил он. – Вы собираетесь размораживать стройку или нет?

Широкие бетонные ступени оборвались, в лестнице не хватало пролёта. Глава комиссии тихо зашипел, как разъярённый кот, и принялся нервно счищать какую-то строительную дрянь с лацкана светлого пиджака. Проектировщик с опаской заглянул вниз:

– Без парашюта не обойтись. Как у вас тут рабочие ходят?

– Три года, как не ходят, – уточнил субподрядчик. – По-моему, нужно идти по коридору до конца. Там должен быть трап.

Они прошли по коридору до конца и остановились перед пустым проёмом, разглядывая двухметровой глубины ров с бетонными руинами на дне. Никакого трапа там не было.

– Ага, – сообразил субподрядчик. – Значит, это с другой стороны.

Комиссия последовала за ним и некоторое время плутала по каким-то сообщающимся бетонным чуланам, один из которых был с окном. В окне они опять увидели зеленеющий склон и сторожа Петровича с собаками.

– Всё в порядке, Петрович, – воссиял золотым оscalом субподрядчик и помахал сторожу. – Скоро закончим... Со мной не пропадёшь, – заверил он, ведя комиссию по мрачному туннелю, издырявленному дверными проёмами. – Я ведь почему эти коридоры перепутал: одинаковые они, симметричные... Ну вот и пришли.

Они выглянули наружу и отшатнулись. Коридор, как и первый, обрывался в пустоту, а вот внизу...

– Это как же надо строить, – визгливо осведомился заказчик, – чтобы с одной стороны этаж был вторым, а с другой – четвёртым?

Он поискал глазами генподрядчика и нашёл его сидящим на бетонном блоке. Генподрядчик был бледен и вытирал платком взмокшую лысину.

– Я дальше не пойду, – с хрипотцой проговорил он. – Водит...

Сначала его не поняли, а потом всем стало очень неловко. Проектировщик – тот был просто шокирован.

– Как вам не стыдно! – еле вымолвил он. – Взрослый человек!..

Генподрядчик, приоткрыв рот, глядел на него робкими старушечьими глазами.

– Может, сторожа покричать? – жалобно предложил он.

– Что? – вскинулся проектировщик. – Да про нас потом анекдоты ходить по городу будут!

Довод был настолько силён, что комиссия немедленно двинулась в обратный путь. Тесный бетонный лабиринт кончился, и они снова оказались на лестничной площадке.

– Странно, – пробормотал субподрядчик. – Тут не было нижнего пролёта...

Теперь не было верхнего. Ступени вели вниз, и только вниз. Члены комиссии дошли до промежуточной площадки

и остановились. Собственно, можно было спускаться и дальше, но дальше был подвал.

— А то ещё в шахтах бывает... — хрипло начал генподрядчик. — У меня зять в шахте работает. Они там однажды с инженером сутки плутали. К ним аж на угольном комбайне прорубаться пришлось. А старики потом говорили: «Хозяин завёл...»

— Так то шахта, — ошарашенно возразил субподрядчик, — а то стройка... — И неожиданно добавил, понизив голос: — Мне про эту стройку тоже много странного рассказывали...

Вдалеке завывали собаки. Генподрядчик вздрогнул. Остальные тоже.

— Ну что, товарищи, — с преувеличенной бодростью сказал проектировщик. — Подвал мы ещё не осматривали...

* * *

В подвальном помещении было сухо, пыльно, просторно и довольно светло — в потолке не хватало двух плит. Справа и слева чернели дверные проёмы. Разбросанные кирпичи, перевёрнутая бадья из-под раствора, у стены — козлы в нащёпках цемента. Запустение.

— Ну спустились, — проворчал субподрядчик. — А дальше что делать будем?

— Загадки отгадывать, — задумчиво сообщил кто-то.

— А на вашем месте я бы помолчал! — обрезал заказчик. —

Спроектировали бог знает что, а теперь шуточками отделываетесь!

– Это вы мне? – вытаращил глаза проектировщик. – Да я вообще рта не открывал.

– А кто же тогда открывал?

– Я, – застенчиво сказал тот же голос.

Члены комиссии тревожно переглянулись.

– Тут кто-то есть, – озираясь, прошептал генподрядчик.

– Ага, – подтвердили из самого дальнего угла, где были свалены спутанная проволока и куски арматуры.

– Что вы там прячетесь? – Проектировщик, всматриваясь, шагнул вперёд. – Кто вы такой?

– Строительный, – с достоинством ответили из-за арматуры.

– Да что он голову морочит! – возмутился субподрядчик. – Какие строители? Ворюга, наверное. А ну выходи!

– Ага, – с готовностью отозвался голос, и арматура зашевелилась.

Шевелилась она как-то странно – вроде бы распрямляясь. Затем над полом в полутьме всплыл здоровенный обломок бетона.

– Э! Э! – попятился субподрядчик. – Ты что хулиганишь! Брось камень!

В ответ послышалось хихиканье. Теперь уже все ясно видели, что за вставшей дыбом конструкцией никого нет, угол пуст. Хихикало то, что стояло.

Обломок бетона служил существу туловищем, а две толстые арматурины ногами. Полутораметровые руки завершались сложными узлами, откуда, наподобие пальцев, торчали концы арматуры диаметром поменьше. Длинную, опять же арматурную, шею венчало что-то вроде проволочного ежа, из которого на членов комиссии смотрели два круглых блестящих глаза размером с шарики для пинг-понга.

– Да это механизм какой-то, – обескураженно проговорил проектировщик.

– Сам ты... – обиделось существо.

Определённо, звук шёл из проволочного ежа, хотя рта в нём видно не было. Как, впрочем, и носа.

– Это он, – прохрипел сзади генподрядчик. – Водил который...

– Я, – польщённо призналось странное создание и, мелодично позвякивая, продефилировало к кóзлам, на которых и угнездилось, свернувшись клубком.

Теперь оно напоминало аккуратную горку металлолома, из которой вертикально торчал штырь шеи с проволочным ежом. Круглые смышлёные глаза светились живым интересом.

– Потрясающе!.. – ахнул проектировщик.

Он сделал шаг вперёд, но был пойман за руку субподрядчиком.

– Вы уж нас извините... – заторопился субподрядчик, расшаркиваясь перед существом, – Очень приятно было позна-

комиться, но... Работа, сами понимаете... Как-нибудь в другой раз...

Пятясь и кланяясь, он оттеснял комиссию к лестнице.

– Да погодите вы, – слабо запротестовал проектировщик. – Надо же разобраться...

Но субподрядчик только глянул на него огромными круглыми глазами – точь-в-точь как у того, на козлах.

– До свидания, до свидания... – кивал он как заведённый. – Всего хорошего, всего доброго, всего самого-самого наилучшего...

– До скорого свиданьица, – приветливо откликнулось создание.

Услышав про скорое свиданьице, субподрядчик обмяк. Беспомощно оглядел остальных и поразился: лицо генподрядчика было мудрым и спокойным.

– Брось, Виталь Степаныч, – со сдержанной грустью сказал тот. – Куда теперь идти? Пришли уже.

Тем временем из шока вышел заказчик, глава комиссии.

– Как водил?! – заикаясь, закричал он. – Что значит водил? По какому праву? Кто вы такой? Что вы тут делаете?

– Загадки загадываю, – охотно ответило оно. – Проходим.

Заказчик начал задыхаться и некоторое время не мог выговорить ни слова.

– По загадке на каждого или одну на всех? – озабоченно поинтересовался генподрядчик.

– Откуда ж я на каждого напасусь? – удивилось оно. – Од-

ну на всех.

– Ну это ещё ничего, – с облегчением пробормотал генподрядчик и оглянулся на членов комиссии. – А, товарищи?

Странное дело: пока блуждали по стройке, он трясся от страха, а теперь, когда действительно стоило бы испугаться, успокоился, вроде бы даже повеселел. Видимо, воображение рисовало ему куда более жуткие картины.

– И если отгадаем?

– Идите на все четыре стороны.

– Это как же понимать? – взвился заказчик. – Значит, если не отгадаем?..

– Ага, – подтвердило создание.

– Это наглость! Произвол! Вы на что намекаете? Идёмте, товарищи, ничего он нам не сделает!

Никто не двинулся с места.

– Я ухожу! – отчаянно крикнул заказчик и посмотрел на существо.

Проволочные дебри вокруг глаз весело задвигались. Возможно, это означало улыбку.

Глава комиссии стремглав бросился вверх по лестнице. Остальные так и впились глазами в то, что разлеглось на козлах, – как отреагирует.

– Вернётся, – успокоило оно.

На лестнице раздался грохот. Это сверху на промежуточную площадку сбежал заказчик. Он, оказывается, расслышал.

– Я вернусь! – прокричал он в подвал, пригнувшись и грозя сорванными с носа очками. – Только вы учтите: я не один вернусь!

Выкрикнул и снова пропал. Некоторое время было слышно, как он там, наверху, карабкается, оступаясь и опрокидывая что-то по дороге. На промежуточную площадку просыпалась горсть битого кирпича и щепы.

* * *

– А что это вы стоите? – любопытствовало существо. – Пришли и стоят.

Члены комиссии зашевелились, задышали, огляделись и начали один за другим присаживаться на перевёрнутую бадью из-под раствора. Пока они устраивались, существо успело со звоном расплестись и усесться на козлах совсем по-человечьи – свесив ноги и положив арматурные пятерни на колени. Кажется, оно ожидало града вопросов. Долго ожидало. Наконец – первая робкая градина.

– Слышь, браток... – заискивающе начал субподрядчик. – А ты, я извиняюсь... кто?

– Строительные мы. – Оно подбоченилось.

Члены комиссии встревоженно завертели головой.

– А что... много вас тут?

– Стройка одна, и я один, – застенчиво объяснило существо.

– Домовой, значит? – почтительно осведомился генподрядчик.

– Домовой в доме, – оскорбилось оно. – А я – строительный.

Проектировщик вскочил, испугав товарищей по несчастью.

– Леший? – отрывисто спросил он.

– Нет, – с сожалением призналось существо. – Леший – в лесу. – И, подумав, добавило: – А водяной – в воде.

Надо понимать, отношения его с лешими были самыми тёплыми, с домовыми же, напротив, весьма натянутыми.

– С ума сойти! – жалобно сказал проектировщик и сел на бадью.

– Давайте не отвлекаться, товарищи, – забеспокоился генподрядчик. – Время-то идёт...

– А если не отгадаем? – шёпотом возразил субподрядчик. – Слышь, земляк, – позвал он, – а ведь мы не прохожие, мы люди казённые – комиссия.

– А нам всё едино: комиссия не комиссия... – душевно ответил строительный. – Загадывать, что ли?

У всех троих непроизвольно напряглась шея. Шутки кончились.

– А загадка такая... – Строительный поёрзал, предвкушая, и со вкусом выговорил: – Летит – свистит. Что такое?

– Муха с фиксой, – выпалил генподрядчик.

– Не-а, – радостно отозвался строительный.

– То есть как это «не-а»? – возмутился тот. – Я ж эту загадку знаю. Мне её в тресте загадывали.

– Там было «летит – блеснит», – напомнил субподрядчик.

– Ну всё равно – значит, муха с этим... Ну, без зуба там, раз свистит.

– У мух зубов не бывает, – сказал строительный.

Троица задумалась.

– Милиционер? – с надеждой спросил субподрядчик.

– Не-а, – лукаво ответил строительный. – Милиционеры не летают.

– Почему не летают? – заартачился было субподрядчик. – У них сейчас вертолёты есть.

– Всё равно не милиционер, – победно заявил строительный.

Проектировщик в затруднении поскрёб бородку.

– Совещаться можно? – спросил он.

– Ага, – закивал строительный в полном восторге.

Проектировщик поднял товарищей и утащил под лестницу, где конспиративно зашептал:

– Давайте логически. Он – строительный, так? Леший – в лесу, домовый – в доме...

– Водяной – в воде, – без юмора дополнил генподрядчик.

– Вот именно. А он – строительный. Он – на стройке. Значит, и загадка его...

Субподрядчик ахнул и вылетел из-под лестницы.

– Кирпич? – крикнул он и замер в ожидании.

– А он свистит? – с сомнением спросили с козел.

– Так ведь летит же... – растерялся субподрядчик. – Если облегчённый, с дырками... И с шестнадцатого этажа...

– Не кирпич, – с загадочным видом произнёс строительный.

Расстроенный субподрядчик вернулся под лестницу.

– Слушайте, – сказал он, – а в самом деле, что вообще на стройке может свистеть? Ну, «летит» – понятно: план летит, сроки летят...

– А по-моему, – перебил генподрядчик, – нужно просто отвечать что попало. Пока не угадаем.

Он выглянул и спросил:

– Чижик?

– Не-а.

– Ну вот, видите, не чижик...

Мнения разделились. После пяти минут тихих и яростных препирательств был выработан следующий план: двое бомбардируют строительного отгадками, а третий (проектировщик) заводит непринуждённую беседу личного характера. Строительный простоват, может, и проговорится. Комиссия снова расположилась на перевёрнутой бадье.

– И давно вы здесь обитаете? – с любезной улыбкой начал проектировщик.

– Обитаю-то? – Строительный прикинул.

– Пуля? – крикнул субподрядчик.

– Нет, не пуля, – отмахнулся строительный. – Да года три,

почитай... обитаю, – прибавил он.

– Но наверное, есть и другие строительные?

– Есть, – согласился строительный. – Только они на других стройках... обитают.

Нравилось ему это слово.

Генподрядчик начал приподниматься.

– Баба-яга? – с трепетом спросил он.

– Так это же из сказки, – удивился строительный.

Члены комиссии ошеломлённо переглянулись. Кто бы мог подумать! Однако в чём-то строительный всё же проболтался: отгадку следовало искать в реальной жизни.

– Ветер на замороженной стройке, – сказал проектировщик.

– Ветер на замороженной стройке... – мечтательно повторил строительный. – С умными людьми и поговорить приятно.

– Угадал? – Субподрядчик вскочил.

– Нет, – с сожалением сказал строительный. – Но всё равно красиво...

Проектировщик поскрёб бородку.

– Скучно вам здесь, небось? – очень натурально посочувствовал он.

– Да как когда бывает, – пригорюнился строительный. – Иной раз обитаешь-обитаешь – загадку некому загадать.

– Так уж и некому?

– Да приходил тут один намедни... за плиткой.

– И что же? – небрежно спросил хитроумный проектировщик. – Отгадал он?

Вопрос восхитил строительного – проволочные дебри весело встопорщились.

– Не скажу! – ликуяще объявил он.

* * *

В соседнем помещении что-то гроыхнуло. Все, включая строительного, усталились в проём, откуда доносились чьи-то шаги и сердитое бормотание. Наконец в подвал, отряхиваясь от паутины и ржавчины, ввалился заказчик и одичалыми глазами обвёл присутствующих. Встретившись с ласковым взглядом строительного, вздрогнул, сорвал очки и принялся протирать их полкой пиджака.

– Ладно, – с ненавистью буркнул глава комиссии. – Давайте вашу загадку.

– Летит – свистит, – с удовольствием повторил строительный. – Что такое?

– Этот... – заказчик пощёлкал пальцами. – Воробей?

Субподрядчик хмыкнул:

– Воробьи чирикают, а не свистят.

Заказчик вяло пожал плечами и сел на бадью.

– Это всё из-за вас, – сварливо заметил ему генподрядчик. – Комиссия, комиссия... Силком ведь на стройку тащили!

– А не надо было строительство замораживать! – огрызнулся заказчик.

– Так а если нам чертежи выдали только до пятого этажа!

– Простите, – вмешался проектировщик. – А как же мы их выдадим, если до сих пор не знаем, какие конструкции закладывать? Что вы, понимаете, с больной головы на здоровую?..

– Да хватит вам! – забеспокоился субподрядчик. – Нашли время!

Спорщики опомнились.

– Так, значит, говорите, редко заходят? – заулыбавшись, продолжил беседу проектировщик.

– Редко, – подтвердил строительный. – Поймал это я одного ночью на третьем этаже. Батарею он там свинчивал. Ну, свинтил, тащит. А я стою в дверях и говорю: отгадаешь загадку – твоя батарея. Помню, грохоту было...

– Я представляю, – заметил проектировщик. – Ну а батарею-то он потом забрал?

– Да нет, – развёл арматуринами строительный. – Я говорю: забирай батарею-то, а он её на место привинчивает...

– То есть отгадал он? – подсёк проектировщик.

Проволочная башка чуть не сорвалась со штыря. Такого коварства строительный не ожидал. Испепелив проектировщика глазами, он с негодующим бряцанием повернулся к комиссии спиной и ноги на ту сторону перекинул.

– Хитрый какой... – пробубнил он обиженно.

Лёгкий ветерок свободы коснулся узников. В одиночку, оказывается, люди выбирались, а их-то четверо.

– Строительный, – отчётливо проговорил генподрядчик.

– Ась? – недружелюбно отозвался тот, не оборачиваясь. Круглые глаза слабо просвечивали сквозь проволоочный за-
тылок.

– Отгадка такая, – пояснил генподрядчик. – Летит – сви-
стит. Ответ: строительный.

– Нет, – буркнул тот, не меняя позы. – Свистеть не умею.

– Этого сторожа уволить надо, – сказал вдруг заказчик. –
У него на стройке комиссия пропала, а он никаких мер не
принимает.

– А правда, как же Петрович-то уберётся? – подскочил
субподрядчик. – Что ж он, за три года ни разу в здание не
зашёл?

– Ничего удивительного, – скривился глава комиссии. –
Принимаете на работу кого попало, вот и заводится тут...
всякое.

* * *

– Если я только отсюда выберусь!.. – рыдающе начал ген-
подрядчик.

Повеяло средневековым ужасом.

– Я сниму людей с гостиницы!.. – надрывно продолжал
он. – Я сниму людей с микрорайона!.. Я... я сдам эту стройку

за месяц, будь она проклята!..

Слушать его было страшно. Строительный беспокойно заёрзал и закрутил своим проволочным ежом – даже его проняло. И тут кто-то тихонько заскулил по-собачьи. Волосы у пленников зашевелились. Все посмотрели вверх и увидели на краю прямоугольной дыры в потолке чёрную, похожую на таксу дворняжку. Затем донеслись неторопливые шаркающие шаги, и рядом с Верным возник сторож Петрович. Постариковски уперев руки в колени, он осторожно наклонился и заглянул в подвал.

– А, вот вы где... – сказал он. – Колька, ты, что ли, опять хулиганишь? Опять про ласточек про своих? И не стыдно, а?

Строительный со звоном и лязгом соскочил с козел.

– Так нечестно! – обиженно заорал он.

– А так честно? – возразил сторож. – Шкодишь-то ты, а отвечать-то мне. Эгоист ты, Колька. Только о себе и думаешь.

Строительный, не желая больше разговаривать, в два длинных шага очутился у стены. Мгновение – и он уже шёл по ней вверх на четвереньках, всей спиной демонстрируя оскорблённое достоинство. На глазах присутствующих он добрался до потолка и заполз в широкую вытяжную трубу. Затем оттуда выскочила его голова на штыре и, сердито буркнув: «Всё равно нечестно!» – втянулась обратно.

– Вот непутёвый, – вздохнул сторож.

Субподрядчик, бесшумно ступая, приблизился к проёму

в потолке и запрокинул голову.

— Петрович! — зашептал он, мерцая золотом зубов и опасно косясь на трубу. — Скинь верёвку!

— Так вон же лестница, — сказал сторож.

* * *

И члены комиссии, солидные люди, толкаясь, как школьники, отпущенные на перемену, устремились к ступенькам. И на этот раз лестница не оборвалась, не завела в тупик — честно выпустила на первом этаже, родимая.

Давненько не слыхала замороженная стройка такого шума. Сторожа измяли в объятиях. Заказчик растроганно тряс ему одну руку, проектировщик другую, генподрядчик, всхлипывая, облапил сзади, субподрядчик — спереди.

— Петрович!.. — разносилось окрест. — Дорогой ты мой старик!.. Век я тебя помнить буду!.. Вы же спасли нас, понимаете, спасли!.. Я тебе премию выпишу, Петрович!..

Потом заказчик выпустил сторожа и принялся встревоженно хватать всех за рукава и плечи.

— Пойдите, пойдите!.. — бормотал он. — А что же делать с этим... со строительным? Надо же сообщить!.. Изловить! Возгласы смолкли.

— Ну да! — сказал сторож, освобождаясь от объятий. — Изловишь его! Он теперь где-нибудь в стене сидит. Обидчивый...

Члены комиссии отодвинулись и долго, странно на него смотрели.

– Так ты, значит... знал про него? – спросил субподрядчик.

– А то как же, – согласился Петрович. – Три года, чай, охраняю.

– Знал и молчал?

– Да что ж я, враг себе про такое говорить? – удивился сторож. – Вы меня тут же на лечение бы и отправили. Да он и не мешает, Колька-то. Даже польза от него: посторонние на стройку не заходят...

В неловком молчании они подошли к вагонке, возле которой приткнулась серая «Волга».

– Слушай, Петрович, – спросил субподрядчик, – а почему ты его Колькой зовёшь?

Старик опешил. Кажется, он над этим никогда не задумывался.

– Надо же как-то называть, – сказал он наконец. – И потом, внук у меня – Колька. В точности такой же обормот: из бороды глаза торчат да нос...

– Что-то я никак не соображу, – раздражённо перебил его проектировщик, который с момента избавления не проронил ещё ни слова. – Почему он нас отпустил? Загадку-то мы не отгадали.

– Так Петрович же отгадку сказал, – напомнил из кабины субподрядчик. – Ласточка.

– Ласточка? – ошарашенно переспросил проектировщик. – Почему ласточка?

– Уважает, – пояснил сторож. – Вон их сколько тут развелось!

Все оглянулись на серый массив стройки. Действительно, под бетонными козырьками там и сям темнели глиняные круглые гнезда.

– Ну это же некорректная загадка! – взревел проектировщик. – Её можно всю жизнь отгадывать и не отгадать!.. Да он что, издевался над нами?!

Разбушевавшегося проектировщика попытались затолкать в машину, но он отбился.

– Нет уж, позвольте! – Он подскочил к Петровичу. – А вам он её тоже загадывал?

– А то как же, – ухмыльнулся старик. – Летит – свистит. Я спрашиваю: «Ласточка, что ли?» Он говорит: «Ласточка...»

Проектировщик пришибленно посмотрел на сторожа и молча полез в кабину.

* * *

– Но Петрович-то, а? – сказал субподрядчик, выводя «Волгу» на широкую асфальтовую магистраль. – Ох, стари-и-ик! От кого от кого, но от него я такого не ожидал...

– Да, непростой старичок, непростой, – деревянно поддакнул с заднего сиденья проектировщик.

– Кто-то собирался снять людей с микрорайона, – напомнил заказчик. – И сдать стройку за месяц.

Генподрядчик закричал:

– Легко сказать... Что ж вы думаете, это так просто? Микрорайон – это сейчас сплошь объекты номер один... И потом, ну что вы в самом деле! Ну строительный, ну и что? Это же бесплатный сторож... О-ох!.. – выдохнул он вдруг, наклоняясь вперёд и закладывая руку за левый борт пиджака.

– Что? Сердце? – испуганно спросил субподрядчик, поспешно тормозя.

Генподрядчик молчал, упёршись головой в ветровое стекло.

– Нет, не сердце, – сдавленно ответил он. – Просто вспомнил: у меня же завтра ещё одна комиссия...

– На какой объект?

– Библиотека...

– Ох ты... – сказал субподрядчик, глядя на него с жалостью.

– Тоже замороженная стройка? – поинтересовался проектировщик.

– Семь лет, как замороженная. – Субподрядчик сокрушённо качал головой. – Я вот думаю: если здесь за три года такое завелось, то там-то что же, а?

Аналогичный случай

В чисто научных целях Биолог отхватил лазером крупный мясистый побег, и тут появилось чудовище. Лохматое от многочисленных щупалец, оно стремительно выкатилось из зарослей и, пронзительно заверещав, схватило Биолога.

Командор и Кибернетик бросились к танку. Чудовище их не преследовало. Оно шмякнуло Биолога о мягкую податливую почву и прикрепило за ногу к верхушке так и не обследованного растения.

Когда Командор выскочил с бластером из танка, животное уже скрылось. Биолог покачивался вниз головой на десятиметровой высоте.

Его сняли, втащили в танк и привели в чувство.

– Что оно со мной делало? – слабым голосом спросил Биолог.

– Подвесило на веточку, – сухо ответил Кибернетик. – На зиму запасалось.

Танк с грохотом ломился сквозь джунгли, расчищая дорогу манипуляторами.

– Может, мы заехали в заповедник? – предположил пришедший в себя Биолог.

– Они обязаны были предупредить нас о заповедниках! – прорычал Командор.

Ситуация складывалась в некотором роде уникальная.

Объективно говоря, контакт с аборигенами уже состоялся. Была установлена двусторонняя телепатическая связь, и даже наметились какие-то дружеские отношения. Однако туземная система координат была настолько необычной, что астронавты никак не могли понять, где искать аборигенов, а те, в свою очередь, не могли уразуметь, где находится корабль.

В числе прочих сведений местные жители сообщили, что крупных животных на планете нет.

– А так ли уж они к нам расположены? – угрюмо сказал Командор. – Что, если они нарочно морочат нам голову с координатами? Умолчали же насчет хищников?

Танк впоролся в совершенно непроходимую чащу. Они взяли лазер и выжгли в ней просеку.

– Есть идея, – сказал Биолог.

– Слушаю вас, – заинтересовался Командор.

– Это было маленькое животное.

– То есть?!

– Для них маленькое.

– О господи!... – содрогнулся Командор.

Путь танку преградил глубокий ров. Они взяли бластер и направленным взрывом сбросили в этот ров кусок холма.

– Если на то пошло, – вмешался Кибернетик, – у меня тоже есть идея. В достаточной мере безумная.

– Давайте, – устало сказал Командор.

– Никаких аборигенов на этой планете нет.

Астронавты тревожно заглянули в глаза Кибернетику.

– Позвольте... А где же они?

– Они на той планете, с которой мы установили телепатическую связь.

Выход из ущелья затыкала огромная каменная глыба. Они взяли деструктор и распылили ее.

– Любим мы безумные идеи, – проворчал Командор. – А почему не предположить самое вероятное? Просто наш Связист не так их понял. Ладно! Доберемся – выясним.

Танк налетел на земляной вал неизвестного происхождения и, прошибив его насквозь, подкатил к кораблю...

– Ну вы меня удивили, старики! – Связист отлепил прищипки от бритого черепа и озадаченно помассировал темя. – Я абсолютно уверен в их искренности. Я же не с передатчиком, а с личностью общаюсь. Кстати, он, оказывается, тоже сельский житель. Вам, горожанам, этого не понять. Знаете, о чём мы с ним говорили? О высоких материях? Черта с два! О самом насущном. Например, он пожаловался, что на его делянке завелись какие-то вредные зверьки... ну, вроде наших грызунов. Портят посевы, проедают дырки в изгороди... А я рассказал ему аналогичную историю: у моего деда был сад, и, когда к нему повадились воробьи, он подстрелил одного и повесил на дереве. И остальных как ветром сдуло! Представляете, эта мысль моему аборигену очень понравилась. Он поблагодарил за совет и сказал, что сейчас же пойдёт и попробует... А что это вы на меня так странно смот-

рите?

1981

Тупапау, или Сказка о злой жене

Светлой памяти Жени Фёдорова

1

Мглистая туча наваливалась на Волгу с запада, и намерения у неё, судя по всему, были самые серьёзные. Дюралевый катерок сбросил скорость и зарылся носом в нарзанно зашипевшую волну.

– Толик, – жалобно позвал толстячок, что сидел справа, – по-моему, она что-то против нас имеет...

Хмурый Толик оценил исподлобья тучу и, побарабанив пальцами по рогатому штурвальчику, обернулся – посмотреть, далеко ли яхта.

Второе судно прогулочной флотилии выглядело куда эффективнее: сияюще-белый корпус, хромированные поручни, самодовольно выпяченные паруса. За кормой яхты бодро стучал подвесной мотор, но в скорости с дюралькой она, конечно, тягаться не могла.

– Это всё из-за меня, ребята... – слышался виноватый голос с заднего сиденья. Там в окружении термосов, спиннингов и рюкзаков горбился крупный молодой человек с глазами великомученика. Правой рукой он придерживал моток

толстой – с палец – медной проволоки, венчающей собой всю эту грудку добра.

– Толик, ты слышал? – сказал толстячок. – Раскололся Валентин! Оказывается, туча тоже из-за него.

– Не надо, Лёва, – с болью в голосе попросил тот, кого звали Валентином. – Не опоздай мы с Натой на пристань...

– «Мы с Натой»... – сказал толстячок, возводя глаза к мглистому небу. – Ты когда кончишь выгораживать свою Наталью, непротивленец? Ясно же как божий день, что она два часа макияж наводила!

Но тут в глазах Валентина возникло выражение такого ужаса, что Лёва, поглядев на него, осёкся. Оба обернулись.

Белоснежный нос яхты украшала грациозная фигура в бикини. Она так вписывалась в стройный облик судна, что, казалось, её специально выточили и установили там для вящей эстетики.

Это была Наталья – жена Валентина.

Впереди полыхнуло. Извилистая молния, расщепившись натрое, отвесно оборвалась за тёмный прибрежный лесок.

– Ого... – упавшим голосом протянул Лёва. – Дамы нам этого не простят.

На заднем сиденье что-то брякнуло.

– Ты мне там чужую проволоку не утопи, – не оборачиваясь, предупредил Толик. – Нырять заставляю...

А на яхте молнии вроде бы вообще не заметили. Значит, по-прежнему парили в эмпиреях. Наталья наверняка из би-

кини вылезала, чтобы произвести достойное впечатление на Фёдора Сидорова, а Фёдор Сидоров, член Союза художников, авангардист и владелец яхты, блаженно жмурился, покачиваясь у резного штурвала размером с тележное колесо. Время от времени, чувствуя, что Наталья выдыхается, он открывал рот и переключал её на новую тему, упомянув Босха или, скажем, Кранаха.

На секунду глаза Натальи стекленели, затем она мелодично взывала: «О-о-о, Босх!» или «О-о-о, Кранах!».

Причём это «о-о-о» звучало у неё почти как «у-у-у» («У-у-у, Босх!», «У-у-у, Кранах!»).

И начинала распинаться относительно Босха или Кранаха. Можно себе представить, как на это реагировала Галка. Скорее всего, слушала, откровенно изумляясь своему терпению, и, лишь когда становилось совсем уже неважно, отпускала с невинным видом провокационные реплики, от которых Наталья запинаясь, а Фёдор жмурился ещё блаженнее...

На дюральке же тем временем вызревала паника.

– Что ж мы торчим на фарватере! – причитал Лёва. – Толик, давай к берегу, в конце-то концов...

– Лезь за брезентом, – распорядился Толик. – Сейчас здесь будет мокро. Ну куда ты полез? Он у меня в люке.

– В люке? – возмутился Лёва. – Додумался! Нарочно, чтобы меня сгонять?

Он взобрался на сиденье и неловко перенёс ногу через

ветровое стекло. При этом взгляд его упал на яхту.

– Эй, на «Пенелопе»! – завопил Лёва. – Паруса уберите! На борт положит!

Он выбрался на нос дюральки и по-лягушачьи присел над люком.

Тут-то их и накрыла гроза. Дождь ударил крупный, отборный. Брезент изворачивался, цеплялся за всё, что мог, и норовил уползти обратно, в треугольную дыру. Лёва высказывался. Сзади сквозь ливень маячил смутный силуэт яхты с убранными парусами. Валентин на заднем сиденье старался не утопить чужую проволоку и прикидывал, что с ним сделает промокшая жена на берегу за эту бог весть откуда приползшую тучу.

Но когда ни на ком сухой нитки не осталось, выяснилось вдруг, что гроза не такая уж страшная штука.

– Ну что, мокрая команда? – весело заорал Толик. – Терять нечего? Тогда отдыхаем дальше!..

Совпадение, конечно, но всё-таки странно, что молния ударила в аккурат после этих самых слов.

2

Всё стало ослепительно-белым, потом – негативно-чёрным. Волосы на голове Толика, треща, поднялись дыбом (не от страха – испугаться он не успел). Предметы, люди, сама лодка – всё обросло игольчато-лучистым ореолом. Пря-

мо перед Толиком жутко чернело перекошенное лицо Лёвы в слепящем нимбе.

Это длилось доли секунды. А потом мир словно очнулся – зашумел, пришёл в движение. Лодка тяжело ухнула вниз с полутораметровой высоты, оглушительно хлопнув по воде плоским днищем, затем угрожающе накренилась, встав при этом на корму, и какое-то время казалось, что она неминуемо перевернётся. Лёва кувыркнулся через ветровое стекло и, ободрав плечо о худую наждачную щёку Толика, шлёпнулся за борт.

Этот незначительный толчок, видимо, и решил исход дела – дюралька выровнялась. Толик, опомнившись, схватил за хвост убегающую за борт брезентовую змею и рванул на себя. На помощь ему пришёл Валентин. Вдвоём они втащили в лодку полузахлебнувшегося Лёву и принялись разжимать ему пальцы. Вскоре он затряс головой, закашлялся и сам отпустил брезент.

– Все целы? – крикнул Толик. – У кого что сломано, выбито? А ну подвигайтесь, подвигайтесь, проверьте!

– Вот... плечо обо что-то оцарапал, – неуверенно пожаловался Лёва.

– И всё? – не поверил Толик.

Он перевёл глаза на Валентина. Тот смущённо пожимал плечами – должно быть, не пострадал вообще.

И тогда Толик начал хохотать.

– Плечо... – стонал он. – Чуть не сожгло, на фиг, а он

говорит: плечо...

Мокрый Лёва ошарашенно смотрел на него. Потом тоже захихикал, нервно облизывая с губ горько-солёную воду. Через минуту со смеху покатывались все трое, да так, что лодка раскачивалась.

Но это им только казалось – дюралька танцевала совсем по другой причине. Истина открылась в тот момент, когда друзья перевели наконец дыхание.

Большая пологая волна выносила судёнышко всё выше и выше, пока оно не очутилось на вершине водяного холма, откуда во все стороны очень хорошо просматривался сверкающий под тропическим солнцем океан. Приблизительно в километре от лодки зеленел и топорщился пальмами гористый остров. Ничего другого, напоминающего сушу, рассмотреть не удалось.

Дюралька плавно соскользнула с волны. Теперь она находилась как бы на дне водяной котловины. Остров исчез.

Трудно сказать, сколько ещё раз поднималась и опускалась лодка, прежде чем к друзьям вернулся дар речи. Первым из шока вышел Толик.

– Так... – сипло проговорил он. – Попробуем завестись...

3

Да, это вам была не река! Дюралька штурмовала каждую волну, как гусеничный вездеход штурмует бархан. Сначала

остров приближался медленно, словно бы нехотя, а потом вдруг сразу надвинулся, угрожающе зашумел прибоем.

Лодка удачно проскочила горловину бухточки, радостно взвыла и, задрав нос, понеслась по зеркальной воде к берегу. Толик поздно заглушил мотор, и дюралька на полкорпуса выехала на чистый скрипучий песок.

Роскошный подковообразный пляж был пугающе опрятен: ни обрывков бумаги, ни жестянок из-под консервов. У самой воды, где обычно торчат остроконечные замки из сырого песка, рассыпаны были редкие птичьи следы. Амфитеатром громоздились вечнозелёные заросли. С живописной скалы сыпался прозрачный водопадик.

– Ребята... – послышался потрясённый голос с заднего сиденья. – Но ведь это не укладывается в рамки общепринятой теории...

– Да помолчи ты хоть сейчас! – взвыл Лёва. – Какая, к чертям, теория? Толик, скажи ему!..

Толик, вытянув шею, смотрел поверх ветрового стекла куда-то вдаль.

– Баньян¹, – тихо, но отчётливо произнёс он.

– Где? – испугался Лёва.

– Вон то дерево называется баньян, – зачарованно проговорил Толик. – Я про него читал.

Дерево было то ещё. Стволов шесть, не меньше. То ли крохотная рощица срослась кронами, то ли каждая ветвь ре-

¹ Баньян (баниан) – тропический фикус огромных размеров.

шила запустить в землю персональный корень.

– Где? Г-где?.. – Лёва вдруг стал заикаться.

– Вон, правей водопада...

– Да нет! Где растёт?

– В Полинезии, – глухо сказал Толик.

– В Поли... – Лёва не договорил и начал понимающе кивать, глядя на баньян.

– Перестань, – сказал Толик.

Лёва кивал.

– Может, воды ему? – испуганным шёпотом спросил Валентин.

Толик нашарил под сиденьем вскрытую пачку «Опала», кое-как извлёк из неё сигарету и, не глядя, ткнул фильтром сначала в глаз Лёве, потом в подбородок. Лёва машинально щёлкнул зубами и чуть не отхватил Толику палец. Со второй попытки он прокусил сигарету насквозь.

Так же не глядя, Толик сунул пачку Валентину, но тот отпрянул и замотал головой – месяц назад Наталья, прочитав статью о наркомании, настрого запретила ему курить.

Лёва перестал кивать. Потом, напугав обоих, с шумом выплюнул откушенный фильтр.

– А чего, спрашивается, сидим? – вскинулся он вдруг.

Так и не дав никому прикурить, Толик сделал над собой усилие и вылез из дюральки. Постоял немного, затем поднял глаза на заросли и неловко сел на борт.

– Ребята... – снова подал голос Валентин.

– Знаю! – оборвал Толик. – Не укладывается. Слышали.

Он вскочил, выгнал из лодки Валентина и Лёву, столкнул её поглубже в воду, пристегнул карабин тросика и, отнеся якорь шага на три, прочно вогнал его лапами в песок. Спасался человек трудотерапией.

Сзади послышались не совсем понятные звуки. Толик обернулся и увидел, что Лёва сидит на песке и бессмысленно посмеивается, указывая сломанной сигаретой то на бухту, то на баньян, то на водопадик.

– Послушайте... – смеялся Лёва. – Этого не может быть...

Он встретился глазами с Толиком, поскуцнел и умолк.

– Оч-чень мило... – бормотал между тем Валентин, очумело озираясь. – Позвольте, а где же?.. Я же сам видел, как...

Он кинулся к лодке и бережно вынес на песок чудом не оброненный за борт моток толстой медной проволоки. Собственно, мотком это уже не являлось. Теперь это напоминало исковерканную пружину от гигантского матраса, причём исковерканную вдохновенно.

И ещё одно: раньше проволока была тусклой, с прозеленью, теперь же сверкала, как бляха на параде.

– Оч-чень мило... – озадаченно повторял Валентин, обходя её кругом. – То есть в момент разряда моток принял такую вот форму...

Услышав слово «разряд», Толик встрепенулся.

– Валька! – умоляюще сказал он. – Ну ты же физик! Теоретик! Что же это, Валька, а?

Лицо у Валентина мгновенно сделалось несчастным, и он виновато развёл руками.

– Давайте хоть костёр разожжём! – от большого отчаяния выкрикнул Лёва. Он всё ещё сидел на песке.

Толик немедленно повернулся к нему:

– Зачем?

– Может, корабль какой заметит...

Лицо Валентина выразило беспокойство.

– Лёва, – с немыслимой в такой обстановке деликатностью начал он, – боюсь, что тебе долго придётся жечь костёр...

– То есть?

– Видишь ли... Насколько я понимаю, перенос в пространстве должен сопровождаться переносом во времени... Боюсь, что мы в иной эпохе, Лёва. И если это действительно Полинезия, то, похоже, европейцы здесь ещё не появлялись...

Лёва обезумел.

Он вскочил с песка. Он метался по пляжу, он кричал, чтобы Валентин взял свои слова обратно. Потом, полагая, видимо, что одним криком не убедишь, попытался применить силу – и его пришлось дважды оттащить от большого и удивлённого Валентина. Наконец Толику надоела неблагодарная роль миротворца, что немедленно выразилось в коротком тычке по Лёвиным рёбрам.

– Кончай! – внятно произнёс Толик.

Будучи в прошлом одноклассниками, инженер Лёва, сле-

сарь Толик и физик-теоретик Валентин знали друг друга до тонкостей. И если у Толика вот так на глазах менялось лицо, это означало, что робкого Валентина опять обижают и что в следующее мгновение маленький худой Толик пулей влетит в потасовку, как бультерьер Снап из известного рассказа Сетон-Томпсона.

Лёва мигом припомнил золотые школьные деньки и при-тих.

– Слушай, сейчас хлебнуть бы... – берясь за горло, обес-силенно сказал он. – Достань, а?

– Водка на яхте, – напомнил Толик.

– Слу-шай... – выдохнул Лёва. – А яхта где? Где «Пене-лопа»?

Оба почему-то посмотрели на горловину бухты. Там хо-дили белые, как закипающее молоко, буруны.

– Эх, не послушал я Фёдора, дурак, – с сожалением мол-вил Лёва. – Он же предлагал: идём на яхте... Нет, надо было мне влезть в твою жестянку! Был бы уже в городе... прото-кол бы составляли...

– Как дам сейчас в торец! – озлился Толик. – Без прото-кола.

– Ребята...

...И так неожиданно, так умиротворённо прозвучало это «ребята», что оба с сумасшедшей надеждой повернулись к Валентину. Всё-таки физик... теоретик...

Теоретик стоял возле сверкающей медной спирали и с жи-

вым интересом оглядывал пейзаж.

– Ребята, я всё-таки с вашего позволения возьму одну «опалину»?..

И, получив в ответ обалделый кивок, направился к берегу, мурлыча что-то из классики.

– Что это с ним? – тихо спросил Лёва.

Толик неопределённо повёл плечом.

Валентин уже возвращался, с наслаждением попыхивая сигаретой.

– Ребята, а знаете, здесь неплохо, – сообщил он. – Вообще не понимаю, чем вы недовольны... Могли попасть в жерло вулкана, в открытый космос – куда угодно! А здесь – смотрите: солнце, море, пальмы...

Видно, никотин с отвычки крепко ударил ему в голову.

– Я, конечно, постараюсь разобраться в том, что произошло, – небрежно заверил он, – но вернуться мы, сами понимаете, уже не сможем. Ну и давайте исходить из того, что есть...

– Т-ты... ты оглянись вокруг! – Лёва вновь обнаружил тенденцию к заиканию.

– Отстань от него, – хмуро сказал Толик. – От Натальи человек избавился – неужели не понимаешь?

4

Завтрак протекал в сложном молчании – каждый мол-

чал по-своему. Валентин улыбался каким-то приятным мыслям и вообще вёл себя раскованно. Лёва с остановившимся взглядом уничтожал кильку в томате. Толик что-то прикидывал и обмозговывал. Грохотали отдалённые буруны, и кричали чайки.

– Слушайте! – побледнев, сказал Лёва. – Кажется, мотор стучит.

Они перестали жевать.

– Ага... Жди! – проворчал наконец Толик.

Лёва расстроенно отшвырнул пустую консервную банку.

– И чайки какие-то ненормальные... – пожаловался он ни с того ни с сего. – Почему у них хвосты раздвоены? Не ласточки, не чайки – так... чёрт знает что... В гробу я видел такую робинзонаду!

– А ну принеси обратно банку! – взвился вдруг Толик. – Я тебе побросаю! И целлофан тоже не выбрасывать. Вообще ничего не выбрасывать. Всё пригодится...

Лёва смотрел на него вытаращенными глазами.

– Мотор! – ахнул он. – Ей-богу, мотор!

Толик и Лёва оглянулись на бухту и вскочили. «Пенелопа» уже миновала буруны и, тарахтя, шла к берегу. В горловине ей досталось крепко – в белоснежном борту повыше ватерлинии зияла пробоина, уничтожившая последнюю букву надписи, отчего название судна перешло в мужской род: «Пенелоп...»

Лёва забежал по колено в воду. Он размахивал майкой,

прыгал и ликующе орал: «Сюда! Сюда!» А на носу яхты скакала Галка и пронзительно визжала: «Мы здесь! Мы здесь!» – хотя их уже разделяло не более десятка метров.

Глубокий киль не позволил яхте причалить прямо к берегу, и её пришвартовали к корме дюральки.

И вот на горячий песок доисторического пляжа ступила точёная нога цивилизованной женщины. Первым делом Наталья направилась к мужу. Заплаканные глаза её стремительно просыхали, и в них уже проскакивали знакомые сухие молнии. Что до Валентина, то он окостенел в той самой позе, в какой его застало появление «Пенелопа». Пальцы его правой руки были сложены так, словно ещё держали сигарету, которую у него вовремя сообразил выхватить Толик.

– Как это на тебя похоже! – с невыносимым презрением выговорила Наталья.

Валентин съёжился. Он даже не спросил, что именно на него похоже. Собственно, это было несущественно.

Второй переправили Галку. Вела она себя так, словно перекупалась до озноба: дрожа, села на песок и обхватила колени. Глаза у неё были очень круглые.

И наконец на берег сбежал сам Фёдор Сидоров. Задрав бородёнку, он ошалело оглядел окрестности, после чего во всеуслышание объявил:

– Мужики! Это Гоген!

– О-о-о (у-у-у), Гоген!.. – встрепенулась было Наталья и осеклась.

– Нет, но какие вы молодцы, – приговаривал Лёва со слезами на глазах. – Какие вы молодцы, что приплыли! Вот молодцы!

Как будто у них был выбор!

– А эт-то ещё что такое? – послышался ясный, изумлённо-угрожающий голос Натальи. Её изящно вырезанные ноздри трепетали.

Валентин перестал дышать, но было поздно.

– Наркоман! – на неожиданных низах произнесла она.

Лицо Толика приняло странное выражение. Казалось, он сейчас не выдержит и скажет: «Да дай ты ей в лоб, наконец! Ну нельзя же до такой степени бабу распускать!»

Ничего не сказал, вздохнул и, вытащив из дюральки охотничий топорик, направился к зарослям.

Впрочем, Наталью в чём-то можно было понять. В конце концов, ведь и сам Толик в первые минуты пребывания на острове с ненужным усердием хлопотал вокруг дюральки, боясь поднять глаза на окружающую действительность. Видно, такова уж защитная реакция человека на невероятное: сосредоточиться на чём-то привычном и хотя бы временно не замечать остального.

Поэтому выволочка была долгой и обстоятельной, с надрывом и со слезой. Валентину влетело за курение в трагический момент, за друга-слесаря, за нечуткость и чёрствость и, наконец, за то, что с Натальей не стряслось бы такого несчастья, выйди она замуж за другого.

Наталью тупо слушали и, не решаясь отойти от лодок, с завистью следили за мелькающим вдалеке Фёдором Сидоровым. Как очумелый, он бегал по берегу, прищуривался, отшатывался и закрывал ладонью отдельные фрагменты пейзажа. Потом и вовсе исчез.

Наталья вот-вот должна была остановиться, пластинка явно доскрипывала последние обороты, но тут, как нарочно, начала оживать Галка.

– Ну что? – высоким дрожащим голосом спросила она. – С кем в бадминтон?

После этих слов с Натальей приключилась истерика, и вдвоём с Лёвой они наговорили Галке такого, что хватило бы на трёх Галок. Но провокаторше только этого было и надо: поогрызавшись с минуту, она перестала дрожать и ожила окончательно.

– Один, понимаешь, на Гогене шизанул, – шипел и злобствовал Лёва, – этой – бадминтон!.. А вот, полюбуйтесь, ещё один сидит! Ему здесь, видите ли, неплохо! А? Неплохо ему!..

– Это кому здесь неплохо? – вскинулась Наталья.

Лёва сгоряча объяснил, а когда спохватился – над пляжем уже висела пауза.

– Негодяй! – тихо и страшно произнесла Наталья, уставив на мужа прекрасные заплаканные глаза. – Так тебе, значит, без меня неплохо? Ты хотел этого, да? Ты этого добивался? Ты... *Ты подстроил это!*

Обвинение было настолько чудовищным, что даже сама Наталья застыла на секунду с приоткрытым ртом, как бы сомневаясь, не слишком ли она того... Потом решила, что не слишком, – и началось!

Погребённый под оползнем гневных и, видимо, искренних слов, Валентин даже не пытался барахтаться. Злодеяние его было очевидно. Он заманил супругу на яхту с подлым умыслом бежать на слесаревой дюральке. Но он просчитался! Он думал, что яхта останется там, на Волге. Не вышло. Негодяй, о негодяй! И он думает, что она, Наталья, согласится похоронить свою молодость на необитаемом острове? Ну нет!..

– Наташенька, – попробовал исправить положение Лёва, – мы уже всё обсудили. Тут, видишь ли, какое дело... Оказывается, перенос в пространстве...

– Ты что, физик? – резко повернулась к нему Наталья.

– Я не физик. Он физик...

– Какой он физик! – Она смерила мужа взглядом. – До сих пор диссертацию закончить не может! Даю тебе неделю сроку, слышишь, Валентин?

– Ната...

– Неделю!

Неделю сроку – на что? Честно говоря, Наталья об этом как-то не очень задумывалась. Но Валентин понял её по-своему и ужаснулся.

– А куда это кузен пропал? – всполошилась Галка, имея в

виду своего дальнего родственника Фёдора Сидорова.

Лёва осмотрелся.

– Возле баньяна торчит, – с досадой бросил он. – Девиц каких-то привёл...

– Опять... – застонала Галка. – Что?!

Они уставились друг на друга, потом на баньян.

Фёдор оживлённо беседовал с двумя очень загорелыми девушками в скромных юбочках из чего-то растительного. Не переставая болтать, обнял обеих за роскошные плечи и повёл к лодкам.

Это была минута вытаращенных глаз и разинутых ртов.

Подошёл Толик с охапкой свежесрубленных жердей.

– А остров-то, оказывается, обитаемый! – огорошила его Галка.

Толик спокойно бросил жерди и посмотрел на приближающуюся троицу.

– Нет, – сказал он. – Это с соседнего острова. Здесь им селиться нельзя.

– Откуда знаешь? – быстро спросил Лёва. – Это они тебе сами сказали? Ты что, уже общался? А почему нельзя?

– Табу, – коротко пояснил Толик и добавил: – Вождь у них – ничего, хороший мужик...

– Знакомьтесь, – торжественно провозгласил Фёдор. – Моана. Ивоа. Галка, моя кузина. Наталья. Лёва...

Девушки, похоже, различались только именами. Одежды они были совершенно одинаково: короткие шуршащие

юбочки, и ничего больше. Незнакомые белые цветы в распущенных волосах. Смуглые свежие мордашки с живыми тёмными глазами.

– И часто они здесь бывают? – с интересом спросил Лёва, кажется приходя в хорошее настроение.

– Да ритуал здесь у них какой-то...

Ответ Толика Лёве не понравился. Вспомнился Робинзон Крузо, танцы с дубиной вокруг связанного кандидата на скорородку, черепа на пляже и прочие людоедские штучки. А тут ещё Моана (а может, Ивоа), покачивая бёдрами, плотную подошла к Лёве и, хихикнув, потрогала указательным пальцем его белый итээровский животик.

Лёва попятился и испуганно обвёл глазами заросли. Заросли шевелились. От ветра, разумеется. А может быть, и нет. Может быть, они шевелились совсем по другой причине.

– Что за ритуал? Ты их хоть расспросил?

– Я тебе что, переводчик? – огрызнулся Толик. – Я полинезийски знаю только «табу» да «иа-ора-на».

– Иа-орана!² – обрадованно откликнулась Ивоа (а может, Моана).

Наталья была вне себя. Вы подумайте: все мужчины, включая Фёдора Сидорова, смотрели не на неё, а на юных туземок! В такой ситуации ей оставалось одно – держаться с достоинством. Наталья сделала надменное лицо и изящным жестом нацепила радужные очки.

² Иа-орана – форма приветствия (полинез.).

Лучше бы она этого не делала.

– Тупапау!³ – взвизгнули девушки и в ужасе кинулись наутёк.

– Ну вот... – обречённо промолвил Лёва, глядя им вслед. – Сейчас приведут кого-нибудь...

Все содрогнулись.

– Валентин... – начала Наталья.

– Я помню, Ната, помню... – торопливо сказал несчастный теоретик. – Правда, неделя – это, конечно, маловато... но я попробую во всём разобраться и...

5

Прошёл месяц.

6

«Пенелоп» беспомощно лежал на боку, чем-то напоминая выброшенного на берег китёнка. Памятная пробоина чуть выше ватерлинии была грубо залатана куском лакированной фанеры. Заплата, которую в данный момент накладывали на вторую такую же пробоину, смотрелась куда аккуратнее.

Сидя на корточках, Толик не спеша затягивал последний болт. По периметру латки блестели капли клея (толчёный кокос плюс сок хлебного дерева). Внутри яхты кто-то громко

³ *Тупапау* – злой дух, привидение (*полинез.*).

сопел, лязгал железом и выражался. Из-под носовой части палубы, упираясь пятками в раскулаченную каюту, торчали чьи-то крепкие загорелые ноги.

– Сойдёт, – сказал Толик и хлопнул ладонью по обшивке.

– Всё, что ли? – гулко спросили из чрева яхты.

Ноги задвигались, показалась выпуклая смуглая спина, и наконец над бортом появилась потная тёмная физиономия то ли работорговца, то ли джентльмена удачи. Выгоревшие космы были перехвачены каким-то вервием, а ниже подбородка, наподобие шейного платка, располагалась рыжая клочковатая борода.

Эта совершенно пиратская физиономия принадлежала Лёве.

Бывший инженер-метролог отдал гаечный ключ Толику, и они присели на борт передохнуть. Толик тоже изменился: почернел, подсох, лицо до глаз заросло проволочным волосом.

Европейцем остался, пожалуй, один Фёдор Сидоров. Светлокожесть его объяснялась тем, что работал он всегда под зонтиком, а вот чем он подбривал щёки и подравнивал бородку, было неизвестно даже Галке. Сейчас он бродил вокруг «Пенелопа» и, моргая белёсыми ресницами, оглядывал его со всех сторон.

– Слушай, вождь, – сказал Лёва (Толик чуть повернул к нему голову). – А зачем вообще нужна эта палуба? Снять её к чёртовой матери...

– Можно, – кивнул Толик.

– Мужики, – задумчиво поинтересовался Фёдор, – а вам не кажется, что вы обращаетесь с моей собственностью несколько вольно?

«Мужики» дружно ухмыльнулись в две бороды.

– Твоя собственность, – насмешливо объяснил Лёва, – месяц как национализирована.

– А-а-а, – спокойно отозвался Фёдор. – Тогда конечно.

– И вообще, – сказал Лёва. – Я не понимаю. Почему мы с вождём трудимся в поте лица? Почему ты стоишь и ничего не делаешь?

Фёдор, задрав брови, наблюдал морских ласточек.

– Мужики, какого рожна? – рассеянно осведомился он. – Я фирма, работающая на экспорт. Золотой, в некотором роде, фонд.

– Ты, фирма! – сказал Толик. – Ты портрет Таароа закончил? За ним, между прочим, сегодня делегация прибудет, не забыл?

– Сохнет, – с достоинством обронил Фёдор. – После обеда приглашаю на смотрины.

– А вот интересно, – ехидно начал Лёва. – Всё хотел спросить: а что ты будешь делать, когда у тебя кончатся краски?

Фёдор одарил его высокомерным взглядом голубеньких глаз.

– Лёвушка, – кротко промолвил он, – талантливый человек в любом месте и в любую эпоху найдёт точку приложе-

ния сил.

– А ты не виляй, – подначил Лёва.

– Хорошо. Пожалуйста. В данный момент я, например, осваиваю технику татуировки акульим зубом. Если это тебя так интересует.

Лёва перестал улыбаться:

– Ты что, серьёзно?

– Лёвушка, это искусство. Кстати, кое-кто уже сейчас набивается ко мне в клиенты...

Его перебил Толик.

– Нет, кому я завидую, так это Таароа, – признался он с горечью. – Полсотни человек под началом, а? И каких! Все здоровые, умелые, дисциплинированные... А тут послал бог трёх обормотов! Этого из-под зонтика не вытащишь, другой целыми днями на Сыром пляже формулы рисует...

– А я? – обиженно напомнил Лёва.

– А ты яхту на рифы посадил!

Последовало неловкое молчание.

– Мужики! – сказал Фёдор Сидоров, откровенно меняя тему. – А знаете, почему племя Таароа не селится на нашем острове? Из-за тупапау.

– Из-за Натальи? – поразился Лёва.

– Да нет! Из-за настоящих тупапау. Мужики, это феноменально! Оказывается, наш остров кишмя кишит тупапау. Таароа и тот, пока мне позировал, весь извертелся. Вы, говорит, сами скоро отсюда сбежите. Тупапау человека в покое

не оставят. Вон, говорит, видишь, заросли шевельнулись? Так это они.

— Не знаю, не встречал, — буркнул Толик, поднимаясь. — Не иначе их Наталья распугала...

7

В деревне было пусто. Проходя мимо своей крытой пальмовыми листьями резиденции, Толик раздражённо покосился на установленную перед входом медную проволоку. Её петли и вывихи успели изрядно потускнеть за месяц, но в целом выглядели всё так же дико.

Сколько бы вышло полезных в хозяйстве вещей, распили он её на части... Нельзя. И не потому, что Валентин заклинал не трогать этот «слепок с события», изучив который якобы можно обосновать теоретически то, что стряслось с ними на практике месяц назад. И не потому, что Фёдор Сидоров узрел в ней гениальную композицию («Это Хосе Ривера, мужики! Хосе де Ривера!»). И уж тем более не из-за Натальи, ляпнувшей однажды, что «скульптура» придаёт побережью некий шарм.

Нет, причина была гораздо глубже и серьёзнее. Племя Тароа приняло перекошенную медную спираль за божество пришельцев, и отпилить теперь кусок от проволоки-хранильницы было бы весьма рискованным поступком.

Толик вздохнул и, поправив одну из жёлтеньких тря-

почек, означающих, что прикосновение к святыне грозит немедленной гибелью, двинулся в сторону баньяна, откуда давно уже плыл тёплый ароматный дымок.

Сосредоточенная Галка, шелестя местной юбочкой из коры пандануса, надетой поверх купальника, колдовала над очажной ямой.

– А где Тупапау? – спросил Толик.

Галка сердито махнула обугленным на конце колышком в сторону пальмовой рощи:

– Пасёт...

– Чего-чего делает? – не понял Толик.

– Теоретика своего пасёт! – раздражённо бросила Галка. – Вдруг он не формулы там рисует! Вдруг у него там свидание назначено! С голой туземкой!

– Вот дурёха-то! – в сердцах сказал Толик. – Ну ничего-ничего... Найду – за шкуру приволоку!

– Слушай, вождь! – Опасно покачивая колышком, Галка подступила к Толику вплотную. – Мне таких помощниц не надо! Сто лет мне снились такие помощницы! Я тебе серьёзно говорю: если она ещё раз начнёт про свои страдания – я ей по голове дам этой вот кочерёжкой!

– Да ладно, ладно тебе, – хмурясь и отводя глаза, буркнул Толик. – Сказал же: найду и приведу...

И, круто повернувшись, размашистой петровской походкой устремился к Сырому пляжу.

Полукруг влажного песка размером с волейбольную площадку играл для Валентина роль грифельной доски. А роль фанатичной уборщицы с мокрой тряпкой играл прилив, дважды в сутки аккуратно смывающий Валентиновы выкладки.

Иными словами, вся эта каббалистика, покрывающая Сырой пляж, была нарисована сегодня.

Толик спрыгнул с обрывчика и, осторожно переступая через формулы, подошёл к другу:

– Ну, как диссертация?

Шутка была недельной давности. Придумал ее, конечно, Лёва.

При звуках человеческого голоса Валентин вздрогнул:

– А, это ты...

А вот ему борода шла. Если у Лёвы она выросла слишком низко, а у Толика слишком высоко, то Валентину она пришлась тютелька в тютельку. Наконец-то в его внешности действительно появилось что-то от учёного, правда от учёного античности.

На нём была «рура» – этакая простыня из тапы⁴ с прорезью для головы, а в руке он держал тростинку. Вылитый Архимед, если бы не головной убор из носового платка, завязанного по углам на узелки.

⁴ *Tapa* – материя, получаемая путём выколачивания коры.

– На обед пора, – заметил Толик, разглядывая сложную до паукообразности формулу. – Слушай, где я это мог видеть?

– Такого бреда ты нигде не мог видеть! – И раздосадованный Валентин крест-накрест перечеркнул формулу тростинкой.

Тупапау, то бишь Натальи, нигде не наблюдалось. Толик зорко оглядел окрестности и снова повернулся к Валентину.

– Да нет, точно где-то видел, – сказал он. – А почему бред?

– Да вот попробовал описать то, что с нами произошло, одним уравнением... Ну и конечно, потребовался минус в подкоренном выражении.

Толик с уважением посмотрел на формулу:

– А что, минус нельзя... в подкоренном?

– Нельзя, – безжалостно сказал Валентин. – Теория относительности не позволяет.

– Вспомнил! – обрадовался вдруг Толик. – На празднике в деревне – вот где я это видел! Там у них жертвенный столб, поросят под ним душат... Так вот колдун под этим самым столбом нарисовал в точности такую штуковину.

– Какой колдун? – встревожился Валентин. – Как выглядит? В перьях?

– Ну да... Маска у него, татуировка...

– Он за мной шпионит, – пожаловался Валентин. – Вчера прихожу после ужина, а он уравнение на дощечку перецарапывает...

Определённо, Вальку пора было спасать. Переправить

его, что ли, на пару недель к Таароа? Поживёт, придёт в себя... Гостей там любят... А Наталье сказать: сбежал. Построил плот и сбежал.

– Эйнштейн здесь нужен, – ни с того ни с сего уныло признался Валентин. – Ландау здесь нужен. А я – ну что я могу?..

– Слушай, – не выдержал Толик, – да пошли ты её к чёрту!

– Да я уж и сам так думал...

– А что тут думать? У тебя просто выхода другого нет!

– Знаешь, а ты прав. – Голос Валентина внезапно окреп, налился отвагой. – Она же меня, подлая, по рукам и по ногам связала!

– Валька! – закричал Толик. – Я целый месяц ждал, когда ты так скажешь!

– А что? – храбрился Валентин. – Да на неё теперь вообще можно внимания не обращать!

– Ну наконец-то! – Толик звучно двинул его раскрытой ладонью в плечо. – А то ведь смотреть страшно, как ты тут горбатишься!

Однако порыв уже миновал.

– Да, но другой-то нет... – тоскливо пробормотал Валентин, озираясь и видя вокруг лишь песок да формулы.

– Как это нет? – возмутился Толик. – Вон их сколько ходит: весёлые все, послушные...

– Ходит? – опешил Валентин. – Кто ходит? Ты о чём?

– Да девчонки местные! В сто раз лучше твоей Натальи!.. – Толик запнулся. – Постой-постой... А ты о чём?

– Я – о теории относительности... – с недоумением сказал Валентин, и тут до него наконец дошло. – Наталью – к чёрту? – недоверчиво переспросил он и быстро-быстро оглянулся. – Да ты что! Как это Наталью... туда?..

И Толику вдруг нестерпимо захотелось отлупить его. В педагогических целях.

– Поговорили... – вздохнул он. – Ладно. Пошли обедать.

9

– А вот и вождь! – с лучезарной улыбкой приветствовала их Наталья.

Раньше она старалась Толика не замечать, а за глаза именovala его не иначе как «слесарь». Историческое собрание у водопада, избравшее «слесаря» вождём, она обозвала «недостойным фарсом», и в первые дни дело доходило до прямого саботажа с её стороны.

И только когда в горловину бухты вдвинулись высокие резные носы флагманского катамарана «Пуа Ту Тахи Море Ареа» («Одинокaя Коралловая Скала в Золотом Тумане»), когда в воздухе заколыхались пальмовые ветви – символ власти, когда огромный, густо татуированный Таароа и слесарь Толик как равные торжественно соприкоснулись носами, потрясённая Наталья вдруг поняла, что всё это всерьёз, и её отношение к Толику волшебнo изменилось.

Под баньяном был уже сервирован врытый в землю стол,

собственноручно срубленный и собранный вождём без единого гвоздя. Наталья разливала уху в разнокалиберные миски. На широких листьях пуру дымились пересыпанные зеленью куски рыбы.

– Кузиночка! – сказал Фёдор, шевеля ноздрями и жмурясь. – Что бы мы без тебя делали!

– С голоду бы перемёрли! – истово добавил Лёва.

Расселись. Приступили к трапезе.

– Валентин, ты запустил бороду, – сухо заметила Наталья. – Если уж решил отпускать, то подбривай хотя бы.

– Так ведь нечем, Ната... – с мягкой улыбкой отвечал Валентин.

– А чем подбривает Фёдор?

– Акульным зубом, – не без ехидства сообщил Лёва. – Он у нас, оказывается, крупный специалист по акульным зубам.

После извлечения из углей поросёнка стало совершенно ясно, что национальную полинезийскую кухню Галка освоила в совершенстве. Валентин уже нацеливался стащить пару «булочек» (т. е. печёных плодов таро) и улизнуть на Сырой пляж без традиционного выговора, но...

– Интересно, – сказал Лёва, прихлёбывая кокосовое молоко из консервной банки, – далеко мы от острова Пасхи?

Все повернулись к нему.

– А к чему это ты? – спросил Толик.

– По Хейердалу, – глубокомысленно изрёк Лёва, – на Пасхе обитали какие-то ненормальные туземцы. Рыжие и голу-

боглазые.

И, поглядев в голубенькие глаза Фёдора Сидорова, Лёва задумчиво поскрёб свою рыжую клочковатую бороду.

Наталья, вся задрожав, уронила вилку.

– Валентин! – каким-то вибрирующим голосом начала она. – Я желаю знать, до каких пор я буду находиться в этой дикости!

Не ожидавший нападения Валентин залепетал что-то на-счёт минуса в подкоренном выражении и об открывшихся слабых местах теории относительности.

– Меня не интересуют твои минусы! Меня интересует, до каких пор...

– У, Тупапау!... – с ненавистью пробормотала Галка.

– Ита маитаи вахина!⁵ – в сердцах сказал Толик Фёдору.

– Ита маитаи нуи нуи!⁶ – с чувством подтвердил тот. – Кошмар какой-то!

– Между прочим, – хрустальным голоском заметила Наталья, – разговаривать в присутствии дам на иностранных языках – неприлично.

Толик искоса глянул на неё, и ему вдруг пришло в голову, что заговори какая-нибудь туземка в подобном тоне с Тароа, старый вождь немедленно приказал бы бросить её акулам.

⁵ Скверная женщина! (*искаж. полинез.*)

⁶ Хуже не бывает! (*искаж. полинез.*)

После обеда двинулись всей компанией в пальмовую рощу – смотреть портрет.

Фёдор вынес мольберт из-под обширного, как парашют, зонтика и снял циновку. Медленно скатывая её в трубочку, отступил шага на четыре и зорко прищурился. Потом вдруг встревоженно подался вперёд. Посмотрел под одним углом, под другим. Успокоился. Удовлетворённо покивал. И наконец заинтересовался: а что это все молчат?

– Ну и что теперь с нами будет? – раздался звонкий и злой голос Галки.

Фёдор немедленно задрал бородёнку и повернулся к родственнице:

– В каком смысле?

– В гастрономическом, – зловеще пояснил Лёва.

Фёдор, мигая, оглядел присутствующих.

– Мужики, – удивлённо сказал он, – вам не нравится портрет?

– Мне не нравится его пузо, – честно ответила Галка.

– Выразительное пузо, – спокойно сказал Фёдор. – Не понимаю, что тебя смущает.

– Пузо и смущает! И то, что ты ему нос изуродовал.

– Мужики, какого рожна? – с достоинством возразил Фёдор. – Нос ему проломили в позапрошлой войне заговорён-

ной дубиной «Рапапарапа те уира»⁷. Об этом даже песня сложена.

– Ну я не знаю, какая там «Рапара... папа», – раздражённо сказала Галка, – но неужели нельзя было его... облагородить, что ли?..

– Не стоит эпатировать аборигенов, – негромко изронила Наталья. Велик был соблазн встать на сторону Фёдора, но авангардист в самом деле играл с огнём.

Фёдор посмотрел на сияющий яркими красками холст.

– Мужики, это хороший портрет, – сообщил он. – Это сильный портрет.

– Модернизм, – сказал Лёва, как клеймо поставил.

Фёдор призадумался:

– Полагаешь, Таароа не воспримет?

– Ещё как воспримет! – обнадёжил его Лёва. – Сначала он тебя выпотрошит...

– Нет, – перебила Галка. – Сначала он его кокнет этой... «Папарапой»!

– Необязательно. Выпотрошит и испечёт в углях.

– Почему? – в искреннем недоумении спросил Фёдор.

– Да потому, что кастрюль здесь ещё не изобрели! – заорал выведенный из терпения Лёва. – Ну нельзя же быть таким тупым! Никакого инстинкта самосохранения! Ты бы хоть о нас подумал!

– Мужики, – с жалостью глядя на них, сказал Фёдор, – а

⁷ «Блеск молнии» (полинез.).

вы, оказывается, ни черта не понимаете в искусстве.

– Это не страшно, – жёлчно отвечал ему Лёва. – Страшно будет, если Таароа тоже ни черта в нём не понимает.

Толик и Валентин не в пример прочей публике вели себя вполне благопристойно и тихо. Оба выглядели скорее обескураженными, чем возмущёнными.

Пузо и впрямь было выразительное. Выписанное с большим искусством и тщанием, оно, видимо, несло какую-то глубокую смысловую нагрузку, а может быть, даже что-то символизировало. Сложнейшая татуировка на нём поражала картографической точностью, в то время как на других частях могучей фигуры Таароа она была передана нарочито условно.

Фёдору наконец-то удалось сломать плоскость и добиться ощущения объёма: пузо как бы вздувалось с холста, в нём мерещилось нечто глобальное.

Композиционным центром картины был, естественно, пуп. На него-то и глядели Толик с Валентином. Дело в том, что справа от пупа Таароа бесстыдно красовалась та самая формула, которую сегодня утром Валентин в присутствии Толика перечеркнул тростинкой на Сыром пляже. К формуле был пририсован также какой-то крючок наподобие клювика. Видимо, для красоты.

Около четырёх часов пополудни в бухту на вёслах ворвался двухкорпусный красавец «Пуа Ту Тахи Море Ареа», ведя на буксире гружённый циновками гонорар. Смуглые воины, вскинув сверкающие гребные лопасти, прокричали что-то грозно-торжественное. На правом носу катамарана высился Таароа, опираясь на трофейную резную дубину «Рапапа-рапа те уира».

На берегу к тому времени всё уже было готово к приёму гостей. Наталью и Галку с обычным в таких случаях скандалом загнали в хижину. Толика обернули куском жёлтой тапы. Валентин держал пальмовую ветку. Закрытый циновкой портрет был установлен Фёдором на бамбуковом треножнике. Лёва изображал стечение народа.

Гребцы развернули катамаран и погнали его кормой вперёд, ибо только богам дано причаливать носом к берегу. Трое атлетически сложенных молодых воинов бережно перенесли Таароа на песок, и вожди двинулись навстречу друг другу.

Вблизи Таароа вызывал оторопь: если взять Толика, Фёдора, Валентина и Лёву, то из них четверых как раз получился бы он один. Когда-то славный вождь был покрыт татуировкой сплошь, однако с накоплением дородности отдельные фрагменты на его животе разъехались, как материки по земному шару, открыв свободные участки кожи, на которые

точили акульи зубы местные татуировщики.

Так что Фёдор ничего не придумал: Таароа действительно щеголял в новой наколке. Справа от пупа втиснулась известная формула с клювиком. Колдун (он же придворный татуировщик), по всему виду, был человек практичный и использовал украденное уравнение везде, где только мог. Забавная подробность: пальмовую ветку за Таароа нёс именно он, опасливо поглядывая на Валентина, который следовал с такой же веткой за Толиком. Впрочем, простите. Толика теперь полагалось именовать не иначе как Таура Ракау Ха'а Мана-а. Это громоздкое пышное имя Лёва переводил следующим образом: Плотник Высокой Квалификации С Колдовским Уклоном. Под колдовским уклоном подразумевалось использование металлических инструментов.

После торжественной церемонии соприкосновения носами вожди воздали должные почести мотку медной проволоки и повернулись к портрету. Дисциплинированные воины с копьевёслами стали за ними тесным полукругом в позах гипсовых статуй, какими одно время любили украшать парки культуры и отдыха.

Лёва нервничал. В глаза ему назойливо лезла тяжёлая «Рапапарапа те уира» на плече Таароа. Оглянувшись, он заметил, что одна из циновок в стене хижины подозрительно колышется. Тупапау?

– Давай, – сказал Толик, и Фёдор со скучающим видом открыл портрет.

По толпе прошёл вздох. Воины вытянули шею и, словно боясь потерять равновесие, крепче ухватились за копье-вёсла.

– А!! – изумлённо закричал Таароа и оглушительно шлёпнул себя пятернёй по животу.

Лёва присел от ужаса. Циновка, ёрзавшая в стене хижины, оторвалась и упала. К счастью, Наталья успела подхватить её и водворить на место, оставшись таким образом незамеченной.

– А!! – снова закричал Таароа, тыча в пузо на портрете толстым, как рукоятка молотка, указательным пальцем.

– А-а-а... – почтительным эхом отозвались воины и, забыв о субординации, полезли к холсту.

Оперативнее всех оказался колдун: он просунул голову между двумя вождями – живым и нарисованным. Округлившиеся глаза его метались от копии к оригиналу и обратно. Ему ли было не знать эту татуировку, если он год за годом с любовью и трепетом ударял молоточком по акульему зубу, доводя облик Таароа до совершенства! Да, он украл у Валентина формулу, но не механически же, в конце-то концов! Формуле явно недоставало клювика, и он этот клювик дорисовал... А теперь он был обворован сам. И как обворован! Линия в линию, завиток в завиток!..

До такой степени мог быть ошарашен лишь криминалист, встретивший двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев.

Что до Таароа, то он, растерянно вскрикивая, ощупывал свой расплющенный доблестный нос, словно проверяя, на месте ли он. Пока ещё было непонятно, угодил ли Фёдор старому вождю или же, напротив, нанёс ему тяжкое оскорбление, но что потряс он его — это уж точно.

А события между тем развивались. Оплетёнными татуировкой ручищами Таароа отодвинул толпу от портрета и, одним взглядом погасив гомон, заговорил.

О, это был оратор! Таароа гремел во всю силу своих могучих лёгких, перекладывая периоды великолепными паузами. Жесты его были плавны и выразительны, а в самых патетических местах он взмахивал грозной «Рапапарапой», рискуя снести головы близстоящим.

Вождь что-то собирался сделать с Фёдором. Причём он даже не угрожал и не призывал к этому, он говорил об этом как об уже случившемся событии. Но вот что именно собирался он сделать? Глагол был совершенно незнаком и поэтому жутко. В голову лезло чёрт знает что.

Толик уже клял себя за то, что пустил дело на самотёк, полностью доверившись художественному чутью Фёдора, а Лёва всерьёз прикидывал, куда бежать. Странно было видеть, что сам Фёдор Сидоров несколько не обеспокоен, напротив, он выглядел ужасно польщённым. У Толика внезапно забрезжила догадка, что Фёдор понимает, о чём идёт речь, — не зря же он в конце концов интересовался разными там легендами и ритуалами.

– Чего он хочет? – шёпотом спросил Толик Фёдора.

– Да усыновить собирается, – ответил авангардист как можно более небрежно.

– Усыновить?!

По местным понятиям это было нечто вроде Нобелевской премии.

То ли Таароа стал излагать мысли в более доступной форме, то ли, зная общее направление речи, друзьям было легче ориентироваться, но теперь они понимали почти всё.

Вождь вдохновенно перечислял предков, отсчитывая их по хвостикам и завиткам татуировки, оказавшейся вдобавок генеалогическим древом. Указывая на проломленный нос, он цитировал балладу о «Рапапараве» и утверждал, что искусника, равного Фёдору, не было даже в Гавайике. Видимо, имелись в виду Гавайские острова⁸.

Затем он дипломатически тонко перешёл на другую тему, заявив, что Таура Ракау тоже великий человек, ибо никто не способен столь быстро делать прочные вещи из дерева. Жаль, конечно, что ему – свыше – запрещено покрывать их резьбой (выразительный взгляд в сторону медной проволоки), но можно себе представить, какие бы запустил Толик узоры, не лежи на нём это табу.

Кроме того, Таура Ракау отважен. Другой вождь давно бы уже сбежал с этого острова, где – по слухам – обитает жут-

⁸ *Гавайика* – легендарная прародина полинезийцев. К Гавайским островам никакого отношения не имеет.

кий тупапау в облике свирепой женщины с глазами, как у насекомого.

В общем, он, Таароа, намерен забрать Фёдора с собой на предмет официального усыновления. Если, конечно, августейший собрат не возражает.

Толик не возражал.

Такого с Фёдором Сидоровым ещё не было – в катамаран его перенесли на руках. Воины заняли свои места и в три гребка одолели добрый десяток метров. Фёдор сидел на корме, и на лице его, обращённом к берегу, было написано: «Мужики, какого рожна? Я же говорил, что вы ничего не понимаете в искусстве!»

12

Валентин из приличия выждал, пока «Пуа Ту Тахи Мо-ре Ареа» минует буруны, и присел на корточки. Извлёк из-под руры тростинку, быстро набросал на песке уравнение – с клювиком, в том виде, в каком оно было вытутаировано, – и оцепенел над ним. Но тут на формулу упала чья-то тень, и Валентин испуганно вскинул руку, нечаянно приняв классическую позу «Не тронь мои чертежи!».

– Нашёл место и время!.. – прошипела свирепая женщина с глазами, как у насекомого (Наталья была в светофильтрах).

– Ната, – заискивающе сказал Валентин, – но ты же сама настаивала, чтобы я разобрался и...

– Настаивала! Но ведь нужно соображать, где находишь-ся! Я чуть со стыда не сгорела! Ты же всё время пилился на его живот!...

– Видишь ли, Ната, у него там уравнение...

– Какое уравнение? Тебе для этого целый пляж отвели!...

Толик тем временем изучал заработанное Фёдором каноэ. Это было не совсем то, на что он рассчитывал. Ему требовался всего лишь образец рыболовного судна – небольшого по размерам, простого в управлении, которое можно было бы разобрать по досточкам и скопировать.

Стало ясно, почему Таароа тянул с оплатой. Старый вождь не хотел ударить в грязь лицом, и теперь за произведение искусства он платил произведением искусства. Каноэ – от кончика наклонённой вперёд мачты до «ама», поплавка балансира, – было изукрашено уникальной резьбой. Не то что разбирать – рыбачить на нём и то казалось кощунством.

Сзади подошёл Лёва и стал рядом с вождём.

– Мужики, это хороший челнок, – заметил он, явно пародируя Фёдора. – Это сильный челнок. На нём, наверное, и плавать можно...

– Посмотрим, – проворчал Толик. – Давай выгружай цинки, а я пока перемёт подготовлю. Схожу к Большому рифу.

– Один?

– А что? – Толик посмотрел на синеющий за белыми бу-

рунами океан. — Моана⁹ сегодня вроде спокойная...

13

Лёва сидел на пороге хижины и сортировал старые циновки. Четыре из них подлежали списанию.

— Ну прямо горят... — сварливо бормотал он. — Танцуют они на них, что ли?

Неизвестно, какой он там был инженер-метролог, но завскладом из него получился хороший.

Галка всё ещё не выходила из своей хижины — обижалась. Наталья по непонятному капризу не отпустила Валентина на Сырой пляж и успела закатить ему три скандала: два — за то, что она до сих пор находится здесь, среди дикарей, и один — за то, что усыновили не его, а Фёдора. Потрясающая женщина!

«Она, конечно, дура, — размышлял Лёва, разглядывая очередную циновку. — Но не до такой же степени! Какого ей чёрта, например, нужно от Вальки? Да будь он трижды теоретик — угрю понятно, что нам из этого ботанического сада не выбраться!»

И — в который уже раз — странное чувство овладело Лёвой. Он усомнился: а была ли она, прежняя жизнь? Может быть, он с самого рождения только и делал, что ходил с вождём за

⁹ Моана — море (полинез.).

бананами, ловил кокосовых крабов и пехе ли ли?..¹⁰

– Где вождь? – раздался совсем рядом хрипловатый голос.

Перед Лёвой стоял неизвестно откуда взявшийся Фёдор Сидоров. Это уже было что-то удивительное – его ждали дня через два, не раньше. Когда и на чём он прибыл?

Среди бурунов золотился косой латинский парус уходящего в море каноя.

– Где вождь? – нетерпеливо повторил Фёдор.

– Ушёл на «Гонораре» к Большому рифу. А что случилось?

– Банкет отменили, – слышался из хижины язвительный голос Галки.

– Мужики, катастрофа, – сказал Фёдор Сидоров и обессиленно опустился на кипу циновок.

– Не усыновил? – сочувственно спросил Лёва.

Фёдор не ответил. Похоже, ему было не до шуток. Вокруг него один за другим собрались, почуяв неладное, все островитяне.

– Да что случилось-то?

– Война, мужики, – тоскливо проговорил Фёдор.

Галка неуверенно засмеялась:

– Ты что, рехнулся? Какая война? С кем?

– С Пехе-Нуи¹¹.

– А это где такое?

¹⁰ *Пехе ли ли* – мелкая рыба (*полинез.*).

¹¹ *Пехе-Нуи* – по-видимому, название острова.

– Там... – Он слабо махнул рукой в непонятном направлении. – Съели кого-то не того... И лодки носом причаливают, а надо кормой...

– Да он бредит! – сказала Галка. – Кто кого съел?

– Какая тебе разница! – вспылil Фёдор. – Главное, что не нас... пока...

– Погоди-погоди, – вмешался Лёва. – Я что-то тоже не пойму. А мы здесь при чём?

– А мы – союзники Таароа, – меланхолично пояснил Фёдор и, подумав, добавил: – Выступаем завтра ночью.

– Да вы что там, с Таароа авы¹² опились? – накинулась на него Галка. – Он чем вообще думает, Таароа ваш? Союзников нашёл! Армия из четырех мужиков!

– Не в этом дело... – Фёдор судорожно вздохнул. – Просто мы обязаны присоединиться. Так положено, понимаешь? И усыновил он меня...

– А если откажемся?

– Если откажемся... – Горестно мигая, Фёдор обвёл глазами напряжённые лица островитян. – А если откажемся, то, значит, никакие мы не союзники. Тепарахи¹³ по затылку, если откажемся...

Напуганные загадочным «тепарахи», островитяне притихли.

– Валентин! – иступлённо проговорила Наталья. – Я те-

¹² Ава – напиток с наркотическими свойствами (полинез.).

¹³ Тепарахи – смертельный удар в затылок (полинез., ритуальн.).

бе никогда этого не прощу! Ведь говорила же, говорила мне мама: хлебнёшь ты с ним...

– Паникёры! – опомнившись, сказала Галка. – Ничего пока не известно. Может, он вас хочет использовать при штабе... или что там у него?

– В общем, так... – с трудом выговорил Фёдор. – По замыслу Таароа это будет ночной десант. Пойдём, как он выразился, «на тихих вёслах». А нас четверых из уважения поставят в первую цепь на самом почётном месте.

Слово «почётном» в пояснении не нуждалось – Фёдор произнёс его с заметным содроганием.

– Да нет, это просто смешно! – взорвалась Галка. – Ну ладно, Толика я ещё могу представить с копьём, но вам-то куда?! Интеллигенты несчастные! Вам же первый туземец кишки выпустит!...

Она замолчала.

– Ребята, – воспользовался паузой Валентин, – как-то странно всё получается. Вспомните: они ведь к нам хорошо отнеслись... А теперь нас просят о помощи. На них напали... В конце концов, мужчины мы или нет?

Никто не перебил Валентина – слишком уж были ошарашены островитяне его речью.

– И потом, я думаю, всем на войну идти не надо. У них же, наверное, тоже кто-то остаётся по хозяйству... Но представителя-то для этого дела мы выделить можем! Ну хорошо, давайте я пойду в десант...

Он увидел глаза жены и умолк.

– Сядь! – проскрежетала Наталья – и Валентин опустился на циновку рядом с Фёдором Сидоровым.

14

Примерно через час вернулся Толик, довольный уловом и «Гонораром». Кое-как утихомирив женщин, он коротко допросил Фёдора и, уяснив суть дела, присел на резную корму каноэ.

Вождь мыслил.

Племя смотрело на него с надеждой.

– Так, – подвёл он итог раздумьям. – Воевать мы, конечно, не можем.

– Угрю понятно, – пробормотал Лёва.

– Ты это Таароа объясни, – развил его мысль Фёдор.

– А ты почему не объяснил?

– Мужики, бесполезно! – в отчаянии вскричал Фёдор. – Это скала! Коралловый риф! Пуа Ту Тахи Море Ареа! Я просто разбился об него. Я ему битый час вкручивал, что от войн одни убытки. Про экономику плёл, хотя сам в ней ни черта не разбираюсь...

– Интересно, – сказал Толик. – А что ты ему ещё плёл?

– Всё плёл, – устало признался Фёдор. – Я ему даже доказал, что война безнравственна...

– Ну?

– Ну и без толку! Да, говорит, нехорошо, конечно, но богам было видней, когда они всё так устраивали.

Толик рывком перенёс ноги в каноэ, встал и принялся выбрасывать рыбу на берег.

– Может, не надо, а? – робко сказала Галка. – На ночь глядя...

– Ну ни на кого ни в чём нельзя положиться! – в сердцах бросил Толик. – Корму спихните.

Корму спихнули, и он погрёб к выходу из бухты.

И всё опротивело Фёдору Сидорову. Он ушёл в хижину, лёг там на циновку и отвернулся лицом к стене. Самоуверенность Толика объяснялась тем, что он ещё не беседовал с Таароа. Ничего. Побеседует. Всё было бессмысленно и черно.

Фёдор представил, как молодой статный туземец умело наносит ему удар копьём в живот, – и почувствовал себя плохо. Тогда он попытался представить, что удар копьём в живот туземцу наносит он сам, – и почувствовал себя ещё хуже.

Прошло уже довольно много времени, а Фёдор всё лежал, горестно уставясь на золотистое плетение циновки.

Затем он услышал снаружи лёгкие стремительные шаги, оборвавшиеся неподалёку от хижины.

– Это что такое? – раздался прерывистый голос Натальи. – Ты что это сделал? А ну дай сюда!

Неразборчиво забубнил Валентин. Странно. Когда это он подошёл? И почему так тихо? Крался, что ли?

– Сломай это немедленно! – взвизгнула Наталья. – Ты же

видишь, у меня сил не хватает это сломать!

Послышался треск дерева, и вскоре Наталья проволокла Валентина мимо стенки, за которой лежал Фёдор. Циновки всколыхнулись.

– Я тебе покажу копьё! – вне себя приговаривала Наталья. – Я тебе покажу войну!

Фёдор выглянул из хижины. У порога валялся сломанный пополам дрын со следами грубой обработки каким-то тупым орудием. Судя по прикрученному кокосовой верёвкой нако-
нечнику из заострённого штыря, дрын действительно должен был изображать копьё.

15

Наступила ночь, а Толика всё не было. В деревне жгли костры и сходили с ума от беспокойства. Галка уже грозилась подпалить для ориентира пальмовую рощу, когда в бухте, наполненной подвижными лунными бликами, возник чёрный силуэт каноэ.

Вождя встретили у самой воды с факелами. Их неровный красноватый свет сделал бородатое лицо Толика первобытно свирепым.

– Всё! – жёстко сказал он.

– Я же говорил... – вырвалось у Фёдора.

– Дурак ты, – тоном ниже заметил Толик. – Объявляй демобилизацию. Хорош, повоевали.

– Не воюем? – ахнула Галка.

– Не воюем, – подтвердил Толик и был немедленно атакован племенем.

Измятый, исцелованный, оглушённый, он с трудом отбил-ся и потребовал ужин.

Мужчины остались на берегу одни.

– Толик, ты, конечно, гений... – запинаясь, начал Фёдор. – Чёрт возьми! Так мы не воюем?

– Нет.

– Мужики, это феноменально! – Бородёнка Фёдора прыгнула вверх, а плечи подпрыгнули до ушей. – Слушай, поделись, чем ты его прикончил! Я же выложил ему все мыслимые доводы! Что война – аморальна! Что война – невыгодна! Что война – не занятие для умного человека!.. Чёрт возьми, что ты ему сказал?

– Я сказал ему, что война для нас – табу.

16

Когда уже все спали, кто-то взял Валентина за пятку и осторожно потряс. Это был Толик.

– Вставай, пошли...

Валентин, не спрашивая зачем, нашарил руру и крадучись, чтобы – упаси боже! – не разбудить Наталью, выбрался из хижины.

Они отошли подальше от деревни, к лежащему на боку

«Пенелопу». В роще кто-то скрежетал и мяукал – видимо, те самые тупапау, из-за которых сбежало прежнее население острова.

– Мне сказали, ты тут на войну собрался? Копьё сделал...
Валентин вздохнул.

– Из-за Натальи?

Валентин расстроено махнул рукой.

Они помолчали, глядя на высокие кривые пальмы в лунном свете.

– Слушай, – решительно повернулся к другу Толик, – хочешь, я вас разведу?

– Как? – Валентин даже рассмеялся от неожиданности, чем смертельно обидел Толика.

– А вот так! – взвился тот. – Вождь я или не вождь?

– Вождь, конечно... – поспешил успокоить его Валентин, всё ещё борясь с нервным смехом.

– Р-разведу к чёртовой матери! – упрямо повторил Толик. – Нашли, понимаешь, куклу для церемоний! Я войну предотвратил! Почему я не могу унять одну-единственную бабу, если от неё никому житья нет? Тупапау вахина!...¹⁴

– Да, но разводить...

– И разводить тоже! – Толик был не на шутку взбешён. – Всё могу! Разводить, сводить, убивать, воскрешать!.. Если вождь до чего-нибудь головой дотронется – всё! Табу. Мне это Таароа сказал!

¹⁴ Злой дух, а не женщина (*искаж. полинез.*).

– Всё-таки как-то... незаконно, – с сомнением заметил Валентин.

– Закон – это я! Таура Ракау Ха'а Мана-а!

Это чудовищное заявление произвело странное воздействие на Валентина. Жилистый бородатый Толик выглядел в лунном свете так внушительно, что ему верилось.

– Да-а... – как-то по-детски обиженно протянул Валентин. – Это здесь... А там?

– Где «там»? – оборвал его Толик. – Нет никакого «там»!

– Ну, там... Когда вернёмся.

Таура Ракау почувствовал слабость в ногах. Пальмы качнулись и выпрямились. Он нашарил рукой борт «Пенелопа» и сел.

– Как вернёмся? – проговорил он. – А разве мы... Ты... ты, наверное, не то хотел сказать... Ты хотел сказать, что это возможно теоретически?... Теоретически, да?

– Нет, – удручённо признался Валентин. – Теоретически это как раз невозможно. Пока невозможно.

Толик сморщился от мыслительного напряжения.

– А как же тогда... – жалобно начал он и замолчал. Затем вскочил и с треском ухватил Валентина за руру на груди. – Ты что ж, гад, творишь? – прохрипел он. – Ты чем шутишь?

– Да не шучу я!.. – делая слабые попытки освободиться, оправдывался Валентин. – Правда невозможно.

– Ничего не понимаю... – Толик отпустил его. – Ну ты же сам только что сказал, что мы вернёмся!

– А куда я денусь! – с тоской проговорил Валентин. – Она ж с меня с живого не слезет!..

Тихо, как сомнамбула, подошёл Фёдор Сидоров с закрытыми глазами – духота доняла. Не просыпаясь, он проволоком мимо них циновку и рухнул на неё по ту сторону «Пенелопа». Затем над бортом появилась его сонная физиономия.

– А вы чего не спите, мужики? – спросил усыновлённый авангардист, по-прежнему не открывая глаз.

– Да вот тут Валька нас домой отправлять собирается...

– А-а-а... – Физиономия качнулась и исчезла, но тут же вынырнула снова, на этот раз с широко открытыми глазами. – Что?!

– Вот только теорию относительности опровергнет – и отправит, – сердито пояснил Толик.

С невыразимым упреком Фёдор посмотрел сначала на него, потом на Валентина.

– Мужики, не пейте кровь! – с горечью попросил он.

17

Прошла неделя.

18

Толик сбросил связки бананов перед хижинкой и вдруг к удивлению своему заметил Валентина. Днём? Посреди по-

сёлка? В опасной близости от Тупапау? Странно...

Голый до пояса конкурент колдуна сидел на корточках перед божественной медной проволокой и, упёршись ладонями в колени, пристально рассматривал один из её тусклых витков.

– Молишься, что ли? – хмуро поинтересовался Толик, подойдя.

Валентин вздрогнул:

– А, это ты... – Он снова вперил взгляд в проволоку. – Слушай, подскажи, а? Вот этот виток нужно вывихнуть на сто восемьдесят два градуса, оставив всё остальное без изменений. Такое технически возможно? Я имею в виду: в наших условиях...

Таура Ракау остолбенел.

– А ну пошёл отсюда! – грозно приказал он вполголоса. – И чтобы больше к проволоке близко не подходил!

Валентин вытаращил глаза.

– Какой виток? Куда вывихнуть? Ты что, не видишь? – В гневе Таура Ракау щёлкнул по одной из жёлтеньких священных тряпочек. – Табу! К ней даже прикасаться нельзя!

Валентин моргал.

– Толик, – растерянно сказал он, – но... я нашёл решение, Толик!

Таура Ракау покосился сердито, однако лицо Валентина сияло такой радостью, что вождь, поколебавшись, сменил гнев на милость. В конце концов, почему бы и нет? Почему

в самом деле не допустить, что, изрисовав очередной гектар влажного песка, Валентин выразил наконец в формулах постигшую их драму?

– Опроверг, что ли? – спросил Таура Ракау ворчливо, хотя и вполне дружелюбно.

– Да как тебе сказать... – замялся Валентин. – В общем... интересующее нас явление вполне укладывается в рамки...

– Ага, – сказал Толик. – Понятно. Ну а проволоку зачем гнуть собирался?

– А проволока, Толик, – в восторге отвечал ему Валентин, – это почти готовая установка! У нас есть шанс вернуться, Толик!

Вне всякого сомнения, Валентин говорил искренне. Другой вопрос: был ли он вменяем? Если вдуматься, Тупапау кого хочешь с ума сведёт...

– Валька, – проникновенно сказал вождь, присаживаясь рядом на корточки, – кому ты голову морочишь? Какая ещё, к чёрту, установка? Ну не станешь ты для Натальи хорошим – хоть пополам разорвись! Ты думаешь, она ничего не понимает? Всё она прекрасно понимает. И что не виноват ты ни в чём, и что не выбраться нам отсюда... Просто ей повод нужен, чтобы пса на тебя спускать. Ну зачем ты всё это затеял, Валька?..

Валентин смотрел на него, приоткрыв рот.

– Ты... не хочешь домой? – потрясённо вымолвил он, и тут его наконец осенило. – Слушай... Так тебе, наверное, по-

правилось быть вождём? А я, значит...

Толик вскочил, и минуты две речь его была совершенно нецензурной. Валентин оторопело смотрел на него снизу вверх.

– Ты мне скажи такое ещё раз! – выходил из себя уязвлённый Толик. – Вождь! Хвост собачий, а не вождь! Хуже снабженца!..

– Тогда почему же ты?..

«Разгоню! – державно подумал Таура Ракау. – Вальку – к общественно полезному труду, а Тупапау – на атолл! Поживёт одна с недельку – вернётся шёлковая!»

– Ты кому голову морочишь? – повторил он, недобро щурясь. – Ну, допустим, выгнул ты проволоку. На сто восемьдесят два градуса. И что будет?

– Да-да, – озабоченно сказал Валентин. – Самое главное... Здесь грозы бывают?

Таура Ракау сбился с мысли. Грозы? Таароа что-то говорил о сезоне дождей... А при чём тут грозы?

– Громоотвод? – спросил он с запинкой.

– Изящно, правда? – просиял конкурент колдуна. – Молния нас сюда забросила, она же нас и обратно отправит. По всем расчётам должна сложиться аналогичная ситуация...

Замысел Валентина предстал перед Толиком во всей его преступной наготе. Нагнать страху. На всех. И в первую очередь – на Тупапау. Да в самом деле, кто же это в здравом уме согласится второй раз лезть под молнию!.. Понятно... Он ду-

мает, Наталья испугается и притихнет... Ой, притихнет ли?

Тут Толик заметил, что Валентин умолк и как-то странно на него смотрит:

– Ну? Что там ещё у тебя?

– Толик, – сказал Валентин, – можно я останусь здесь?

– Где здесь?

– Ты не сомневайся, – преувеличенно бодро заверил Валентин. – Вы прибудете куда надо. В целости и сохранности.

Таура Ракау Ха'а Мана-а остолбенел вторично.

– Стоп! – рявкнул он. – Ты хочешь нас отправить, а сам остаться?

– Но если мне здесь нравится! – неумело попытался скапризничать Валентин. – Климат хороший, море... и вообще... Люди приветливые...

Может, он в самом деле – того?.. А как проверишь? Все сведения Толика по психиатрии, как правило, начинались словами: «Приходит комиссия в сумасшедший дом...»

– Валька! Слушай сюда. Раз уж вы меня выбрали, то я за вас, за обормотов, отвечаю. Или мы все возвращаемся, или мы все остаёмся. Понял?

Всю фразу Толик произнёс очень тихо, а последнее слово проорал так, что Валентин отшатнулся.

«А чего это я ору? – с неудовольствием подумал Толик. – Будто и впрямь поверил...»

– Валька! – почти что жалобно сказал он. – Ну объяснил бы, что ли, я не знаю...

– Конечно-конечно, – заторопился Валентин. – Видишь ли, минус в подкоренном выражении...

– Стоп! – решительно прервал его Толик. – Будем считать, что я уже всё понял. Давай говори, что куда гнуть...

19

– Нет! Ни за что! – вскрикнула Наталья. – Вы меня не заставите!

Бесспорно, медная проволока с вывихнутым на сто семьдесят два градуса витком, установленная на заякоренном плотике, напоминала авангардистскую скульптуру из вторсырья и доверия не внушала ни малейшего. Другое дело, что над ней возились вот уже около недели, а Наталья вела себя так, словно видит её впервые.

– Вы меня не заставите! – выкрикнула эта удивительная женщина в лицо растерявшемуся Лёве, как будто тот силком собирался тащить её в каноэ.

Мглистая туча уже наваливалась на остров. Гроза не торопилась, у неё всё было впереди. Как-то профессионально, одним порывом, она растрепала пальмы и сделала паузу.

– Фанатик! Самоубийца! – летело с берега в адрес Валентина. – Ради своих формул ты готов жертвовать даже мной!

Возможно, этот скандал под занавес был продуман заранее, хотя не исключено, что вдохновение снизошло на Наталью в последний миг. Но так или иначе, а с этим пора было

кончать. Толик встал, покачнув дюральку.

– Дура! – гаркнул он изо всех сил.

Наталя удивилась и замолчала. С одной стороны, услышать она не могла. С другой стороны, ещё ни один мужчина на такое не осмеливался. Оставалось предположить, что вождь приказал ей что-то по-полинезийски. А что? «Рура», «таро», «дура»... Очень даже похоже.

– Никто тебя не заставляет, – сказал Толик. – Не хочешь – не надо. Лёва, отчаливай.

Чувствуя себя крайне неловко, Лёва оттолкнулся веслом от берега, и узкий «Гонорар» заскользил по сумрачной предгрозовой воде, неохотно теряя скорость, пока не клюнул носом в борт яхты.

В полном молчании все смотрели на оставшуюся на берегу Наталью.

– Это подло! – хрипло выговорила она, и губы её дрогнули.

Толик хладнокровно пожал плечами.

– Валентин! – взвыла Наталья. – Неужели ты допустишь?..

– Сидеть! – тихо и грозно сказал Толик дёрнувшемуся Валентину.

А пустой «Гонорар» уже скользил в обратном направлении. Его оттолкнул Лёва – просто так, без всякой задней мысли, но Наталья почему-то восприняла этот поступок как пощёчину:

– Мне не нужны ваши подачки! – И порожнее каноэ снова

устремилось к яхте. Лёва поймал его за нос и вопросительно поглядел на Толика.

– А не нужны – так не нужны, – всё так же невозмутимо проговорил вождь. – Счастливо оставаться.

Но тут потемнело, заворчало, пальмы на склонах зашевелились, как бы приседая, и Наталья поняла, что шутки кончились.

– Это подло! – беспомощно повторила она.

– Лёва... – сжалился Толик, и Лёва опять послал каноэ к берегу.

На этот раз Наталья не ломалась. Неумело орудуя веслом, она подгрребла к латаному борту «Пенелопа» – и в этот миг вода в бухте шумно вскипела от первого удара тропического ливня.

Толик мельком глянул на Валентина и поразился, прочтя в его глазах огромное облегчение.

«Всё-таки, наверное, Валька очень хороший человек, – подумал Толик. – Я бы на его месте расстроился».

20

На втором часу ожидания Фёдор Сидоров прокричал с борта «Пенелопа», что, если хоть ещё одна капля упадёт на его полотна, он немедленно высаживается на берег. Но в этот момент брезентовый тент захлопал так громко, что Фёдора на дюральке не поняли.

– Сиди уж, – буркнул Лёва. – Вплавь, что ли, будешь высаживаться?

Гроза бесчинствовала и мародёрствовала. В роще трещали, отламываясь, пальмовые ветви. Объякоренный по корме и по носу «Пенелоп» то и дело норовил лечь бортом на истоптанную ветром воду. Вдобавок он был перегружен и протекал немилосердно.

Страх или какого-нибудь там особенного замирания давно уже ни в ком не было. Была досада. На Валентина, на Толика, на самих себя. «Господи! – отчётливо читалось на лицах. – Сколько ещё будет продолжаться гроза? Когда же наконец этот идиотизм кончится?»

Не защищённый от ливня «Гонорар» наполнился водой и, притонув, плавал поблизости. Толик хмуро наблюдал за ним из дюральки.

– Зря мы его так бросили, – заметил он наконец. – И берег за собой не убрали. Чёрт его знает, что теперь Таароа о нас подумает, – пришли, намусорили...

Пожалуй, если не считать Валентина, вождь был единственным, кто ещё делал вид, что верит в успех предприятия.

– Ну, каноэ-то мы так или иначе прихватим, – сказал Валентин. – Оно в радиусе действия установки.

Толик мысленно очертил полукруг, взяв плотик с проволокой за центр, а «Гонорар» – за дальнюю точку радиуса, и получилось, что они прихватят не только каноэ, но и часть

берега.

В роще что-то оглушительно выстрелило. Гроза, окончательно распоясавшись, выломала целую пальму.

– Вот-вот! – прокричал Толик, приподнимаясь. – Не хватало нам ещё, чтобы громоотвод разнесло!

Последовал хлёсткий и точный удар мокрого ветра, и вождь, потеряв равновесие, сел. На «Пенелопе» взвизгнули.

– Валька, – позвал Толик.

– Да.

– А ты заметил, в прошлый раз, ну, когда нас сюда забросило, молния-то была без грома...

– Гром был, – сказал Валентин.

– Как же был? Я не слышал, Лёва не слышал...

– А мы и не могли его слышать. Гром остался там, на реке. Мы как раз попали в промежуток между светом и звуком...

За последнюю неделю вождь задал Валентину массу подобных вопросов – пытался поймать на противоречии. Но конкурент колдуна ни разу не сбился, всё у него объяснялось, на всё у него был ответ, и эта гладкость беспокоила Толика сильнее всего.

– Валька.

– Да.

– Слушай, а мы там, на той стороне, в берег не врежемся?

– Нет, Толик, исключено. Я же объяснял: грубо говоря, произойдёт обмен масс...

– А если по времени промахнёмся? Выскочим, да не ту-

да...

– Ну знаешь! – с достоинством сказал Валентин. – Если такое случится, можешь считать меня круглым идиотом!

Толика посетила хмурая мысль, что если такое случится, то идиотом, скорее всего, считать будет некого, да и некому.

Ну, допустим, что Валентинова самоделка не расплавится, не взорвётся, а именно сработает. Что тогда? В берег они, допустим, не врежутся. А уровень океана? В прошлый раз он был ниже уровня реки метра на полтора. Не оказаться бы под водой... Хотя в это время плотина обычно приостанавливает сброс воды, река мелеет. А прилив? Ах, чёрт, надо же ещё учесть прилив!.. И в который раз Толик пришёл в ужас от огромного количества мелочей, каждая из которых грозила обернуться катастрофой.

Многое не нравилось Толику. Вчера он собственноручно свалил четыре пальмы, и та, крайняя, на которой был установлен штырь громоотвода, стала самой высокой в роще. Но что толку, если ещё ни одна молния не ударила в эту часть острова! Вот если бы вынести штырь на вершину горы... А где взять металл?

А ещё не нравилось Толику, что он давно уже не слышит голоса Тупапау. Наталья молчала второй час. Молчала и накапливала отрицательные эмоции. Как лейденская банка. Бедный Валька. Что его ждёт после грозы!

«Ну нет! – свирепея, подумал Таура Ракау. – Пусть только попробует!»

– Мужики, это хороший пейзаж, – доносилось из-под тента яхты. – Это сильный пейзаж. Кроме шуток, он сделан по большому счёту...

Толик прислушался. Да, стало заметно тише. Дождь почти перестал, а ветер как бы колебался: хлестнуть напоследок этих ненормальных в лодках или же всё-таки не стоит? Гроза явно шла на убыль.

Валентин пригорюнился. Он лучше кого бы то ни было понимал, что означает молчание Тупапау и чем оно кончится.

– Эй, на «Пенелопе»! – громко позвал Толик. – Ну что? Я думаю, всё на сегодня?

И словно в подтверждение его слов тучи на юго-западе разомкнулись и солнце осветило остров – мокрый, сверкающий и удивительно красивый.

– Ну и кто мне теперь ответит, – немедленно раздался злобный голос, – ради чего мы здесь мокли?

«Началось!» – подумал Толик.

– Наташка, имей совесть! – крикнул он. – В конце концов, это всё из-за тебя было затеяно. По твоему же требованию! Это её не смутило.

– Насколько я помню, – великолепно парировала она, – устраивать мне воспаление лёгких я не требовала.

– Ну что делать, – хладнокровно отозвался Толик. – Первый блин, сама понимаешь...

– Иными словами, – страшным прокурорским голосом

произнесла Наталья, – предполагается, что будет ещё и второй?

На «Пенелопе» взвыли от возмущения. Первого блина было всем более чем достаточно.

Толик, не реагируя на обидные замечания в свой адрес, стал выбирать носовой якорь. Якоря были полинезийские – каменные, на кокосовых верёвках. Тросы, как и щегольские поручни яхты, пошли на протянутый до первой пальмы громоотвод.

Невозмутимость вождя произвела должное впечатление. На «Пенелопе» поворчали немного и тоже принялись выбирать якоря и снимать тент. Не унималась одна Наталья.

– Валентин! – мрачно декламировала она, держась за мачту и поджимая то одну, то другую мокрую ногу. – Запомни: я тебе этого никогда не прощу! Так и знай! Ни-ко-гда!

Толик швырнул свёрнутый брезент на дно дюральной и в бешенстве шагнул на корму.

«Ох, и выскажу я ей сейчас!» – сладострастно подумал он, но высказать ничего не успел, потому что в следующий миг вода вокруг словно взорвалась. Всё стало ослепительно-белым, потом – негативно-чёрным. Корма дюральной и яхта ошетинились лучистым игольчатым сиянием.

«Ну, твое счастье!» – успел ещё подумать Толик.

Дальше мыслей не было. Дальше был страх.

Никто не заметил, когда подкралась эта запоздалая и, видимо, последняя молния, – все следили за развитием конфликта.

Дюралька вырвалась из беззвучного мира чёрных, обведённых ореолами предметов и, получив крепкий толчок в дно, подпрыгнула, как пробковый поплавок. Толик удачно повалился на брезент. Но, ещё падая, он успел сообразить главное: «Жив!... Живы!»

Толик и Валентин вскочили, и кто-то напротив, как в зеркале, повторил их движение. Там покачивалась лёгкая лодка с мощным подвесным мотором, а в ней, чуть присев, смотрели на них во все глаза двое серых от загара молодых людей, одетые странно и одинаково: просторные трусы до колен и вязаные шапочки с помпонами. Оба, несомненно, были потрясены появлением несуразного судна, судя по всему выскочившего прямо из-под воды.

– Кол! Скурмы!¹⁵ – ахнул кто-то из них, и молодые люди осмысленно метнулись в разные стороны: один уже рвал тротик стартера, другой перепиливал ножом капроновый шнур уходящей в воду снасти.

Лодка взревела, встала на корму и с неправдоподобной скоростью покрыла в несколько секунд расстояние, на кото-

¹⁵ Кол – по-видимому, имя собственное. Скурмы – рыбоохрана (браконьерск.).

рое «Пуа Ту Тахи Море Ареа» при попутном ветре потратил бы не менее получаса.

– Стой! – опомнившись, закричал Толик. – Мы не рыбнадзор! У нас авария!

Лодка вильнула и скрылась в какой-то протоке.

– Могли ведь на буксир взять! – крикнул он, поворачиваясь к Валентину. – Или бензина отлить!..

Тут он вспомнил, что мотора у него нет, что за два месяца мотор целиком разошёлся на мелкие хозяйские нужды, вспомнил – и захохотал. Потом кинулся к Валентину, свалил его на брезент и начал колошматить от избытка чувств.

– Валька! – ликующе ревел вождь. – Умница! Лопух! Вернулись, Валька!..

Потом снова вскочил:

– А где «Пенелоп»? Где яхта? Опять потеряли?.. Ах, вон он где, чёрт латаный! Вон он, глянь, возле косы...

Толик бросался от одного борта к другому – никак не мог наглядеться. Вдоль обрывистого берега зеленели пыльные тополя. Мелкая зыбь шевелила клок мыльной пены, сброшенный, видать, в реку химзаводом. А над металлургическим комбинатом вдали вставало отвратительное рыжее облако. Да, это был их мир.

Валентин всё ещё сидел на брезенте, бледный и растерянный.

– Этого не может быть, – слабо проговорил он.

– Может! – изо всех сил рявкнул счастливый Толик. – Мо-

жет, Валька!

– Не может быть... – запинаясь, повторил Валентин. – Тростинкой! На песке! А потом взял кусок обыкновенной проволоки...

Он ужаснулся и умолк.

– Что же это выходит... я гений? – выговорил он, покрываясь холодным потом. – Толик!!!

Толик не слушал.

– Мы дома! – орал Толик. – Эй, на «Пенелопе»! Дома!..

«Пенелоп» шёл к ним под парусом. Судя по счастливой физиономии Фёдора Сидорова, картины не пострадали, и мировая известность была ему таким образом обеспечена.

Справедливости ради следует заметить, что мировую известность, которой Фёдор в итоге достиг, принесли ему вовсе не полотна, а небольшая книга мемуарного характера «Как это было», хотя читатель, наверное, не раз уже имел возможность убедиться, что было-то оно было, да не совсем так.

На носу яхты стояла Наталья и всем своим видом извещала заранее, что ничего из случившегося она прощать не намерена. Её большие прекрасные глаза напоминали лазерную установку в действии.

И вот тут произошло самое невероятное во всей этой истории. Валентин, на которого столь неожиданно свалилось сознание собственной гениальности, вскинул голову и ответил супруге твёрдым, исполненным достоинства взглядом.

Наталья удивилась и приподняла бровь, что должно было бросить Валентина в трепет. Вместо этого Валентин нахмурился, отчего взгляд его стал несколько угрожающим.

Определённо в мире творилось что-то неслыханное. Наталья нацепила очки и уставилась на мужа выпуклыми радужными зыркалами тупапау.

Полинезийцы бы, конечно, бросились врассыпную, но гениальный Валентин только усмехнулся – и Наталья растерялась окончательно.

Впрочем, дальнейшая судьба этой удивительной четы интересовать нас не должна. Открытие было сделано, и как бы теперь они там ни переглядывались – на дальнейший ход истории человечества это уже никак повлиять не могло.

Во избежание

– Так вы, значит, и есть автор научно-фантастического романа «Изгородь вокруг Земли»? – Редактор с доброжелательным любопытством разглядывал посетителя. – Вот вы какой...

– Да, – засмутился тот. – Такой я...

– Прочёл я ваш роман. Оригинально. Кажется, ничего подобного у других фантастов не встречалось.

– Не встречалось, – сдавленно подтвердил автор. – У меня у первого.

– Ну что вам сказать... Читается роман залпом. Так и видишь эту титаническую Изгородь, уходящую за горизонт... Да... А тот эпизод, когда на строителей Изгороди нападают коллапсары, а те отбиваются от них искривителями пространства, – это, знаете ли, находка! Потом – разоблачение Аверса, который на поверку оказывается матёрым агентом Реверсом...

Автор зарделся.

– И название удачное, – продолжал редактор. – Есть в нём этакий элемент неожиданности. Изгородь – и вдруг вокруг Земли. Читатель это любит...

– Любит, – убеждённо подхватил автор. – Я знаю нашего читателя.

Редактор покивал:

– Собственно, у меня только один вопрос. Эта Изгородь...
Для чего она? С какой целью её возводят?

Автор вскинул на него изумлённые глаза.

– Как для чего? – опешив, переспросил он. – Так ведь ежели её не будет, непременно кто-нибудь с края Земли вниз сорвётся!..

1981

Ты, и никто другой

Светлой памяти Серёжи Пчёлкина

1

Монтировщики посмотрели, как уходит по коридору Андрей, и понимающе переглянулись.

– Она ему, наверное, сказала: бросишь пить – вернусь, – поделился догадкой Вася-Миша.

– Слушай, – встрепенулся Виталик, – а что это он в театре ночует? Она ж квартиру ещё не отсудила.

– Отсу-удит, – уверенно отозвался два года как разведённый Вася-Миша. – Все они...

* * *

Андрею показалось, что левая фурка просматривается из зала, и он толчком ноги загнал её поглубже за кулисы. Низкий дощатый помост, несущий на себе кусок дачной местности, отъехал на метр; шатнулся на нём тополёк с листьями из клеёнки, закивало гнутой спинкой кресло-качалка.

До начала вечернего спектакля оставалось около трёх часов. Андрей вышел на середину сцены, присел на край пьес-

менного стола и стал слушать, как пустеет театр.

Некоторое время по коридорам бродили голоса, потом всё стихло. Убедившись, что остался один, Андрей поднялся, и тут его негромко окликнули.

Вздрогнул, обернулся с напряжённой улыбкой.

Возле трапа, прислонясь плечом к portalу, стояла Лена Щабина. Красиво стояла. Видимо, всё это время она, не меняя позы, терпеливо ждала, когда Андрей обратит на неё внимание.

Тоскливо морщась, он глянул зачем-то вверх, на чёрные софиты, и снова устроился на краешке.

Лена смотрела на него долго. Уяснив, что со стола он теперь не слезет, оторвала плечо от портала и замедленной, немного развинченной походкой вышла на сцену. Обогнула Андрея, задумчиво провела пальчиком по кромке столешницы и лишь после этого повернулась к нему, слегка склонив голову к плечу и вздёрнув подбородок.

– Говорят, разводишься? – Негромкая, подчёркнуто безразличная фраза гулко отдалась в пустом зале.

Андрей мог поклясться, что уже сидел вот так посреди сцены и подходила к нему Лена Щабина и задавала именно этот вопрос.

– Ты-то тут при чём?..

– Хм... При чём... – задумчиво повторила она. – При чём?

Словно подбирала вслух нужную интонацию.

– При чём!.. – выговорила она в третий раз. – Так ведь я же разлучница! Змея подколотная. А ты разве ещё не слышал? Оказывается, я разбила твою семью!

Голос Лены был чист, звонок и ядовит.

«Ну вот... – обречённо подумал Андрей. – Сейчас она за всё со мной расквитается... За всё, в чём был и не был виноват. Прямо обязанность какая-то – расквитаться за всё. Главное, что она от этого выиграет? Зачем ей это надо?..»

– Ну и зачем мне это надо? – словно подхватив его мысль, продолжала тем временем Лена. – Почему я должна впутываться в чьи-то семейные дразги? Твоя история уже дошла до директора, и, вот посмотришь, он обязательно воспользуется случаем сделать мелкую гадость Михал Михалычу!..

– Михал Михалычу? – не понял Андрей. – Он что, тоже разлучник?

– Но я же его сторон-ница! – негодуяще воскликнула она.

Тут только Андрей обратил внимание, что Лена ведёт разговор, почти отвернувшись. Обычно она стояла вполоборота или в три четверти к собеседнику, помня, что у неё тонкий овал лица. Сейчас она занимала самую невыгодную позицию – в профиль к Андрею. Внезапно его осенило: Лена Щабина стояла вполоборота к пустому зрительному залу.

– Так чем я могу помочь тебе, Лена? – И Андрей понял, что тоже подал реплику в зал.

«Сейчас сорвём аплодисменты...»

– Ты должен вернуться к семье, – твёрдо сказала она.

– Что я ещё должен?

Лена наконец обернулась.

– Что ты делаешь? – прошептала она, и глаза её стали проникновенными до бессмысленности. – Зачем тебе всё это нужно? У тебя жена, ребёнок...

Андрей опустил голову и незаметно повернул левую руку так, чтобы виден был циферблат. До начала спектакля оставалось чуть больше двух часов.

– ...цветы ей купи, скажи, что пить бросил. Ну что мне тебя, учить, что ли?

– Ты не в курсе, Лена, – хмуро сказал он. – Это не я, это она от меня ушла. Забрала Дениса и ушла.

Лена опечалилась.

– Тогда... – Она замялась, опасливо посмотрела на Андрея и вдруг выпалила: – Скажи, что во всём виновата тёща!

– Кому? – удивился он.

– Н-ну, я не знаю... Всем. К слову придётся – ну и скажи. Сам ведь жаловался, что тёща...

Андрей молча смотрел на неё.

– Я нехорошая, – вызывающе подтвердила Лена. – Я скверная. Но если ты решил красиво пропадать, компании я тебе не составлю. Нравится быть ничтожеством – будь им! Будь бездарностью, вкалывай до конца жизни монтировщиком!.. А моя карьера только начинается. Ты же мне завидуешь, ты... Ты нарочно всё это затеял!

– Развод – нарочно?

Лена и сама почувствовала, что зарвалась, но остановить-ся не могла. Не думая уже о выгодных и невыгодных ракурсах, она упёрла кулаки в бёдра и повернулась к Андрею искажённым от ненависти лицом.

– Спасибо! Сделал ты мне репутацию! Нет, но как вам это нравится: я разбила его семью! Да между нами, можно сказать, ничего и не было!..

– Да, – не удержался Андрей. – Недели две уже.

* * *

Здание театра было выстроено в доисторические, чуть ли не дореволюционные времена по проекту местного архитектора-любителя и планировку имело нестандартную. Неизвестно, на какой репертуар рассчитывал доисторический архитектор, но только сразу же за сценической коробкой начинался несуразно огромный и запутанный лабиринт переходов и «карманов». В наиболее отдалённых его тупиках десятилетиями пылились обломки старых спектаклей.

Пьющий Вася-Миша божился, что там можно неделями скрываться от начальства. Насчёт недели он, положим, преувеличивал, но были случаи, когда администратор Банзай, имевший заветную мечту поймать Васю-Мишу с поличным, в течение дня нигде не мог его обнаружить.

Острый на язык Андрей пытался прилепить за это Васе-Мише прозвище Минотавр, но народу кличка показалась

заумной, и неуловимый монтировщик продолжал привычно отзываться и на Мишу, и на Васю.

* * *

Шаги разгневанной Лены Щабиной сухими щелчками разносились в пустых коридорах театра.

Андрей достал сигарету, заметил, что пальцы у него дрожат, и, не закурив, отшвырнул. Полчаса! Если и ненавидеть за что-либо Лену Щабину, то именно за эти отнятые полчаса.

Он прислушался. Ушла, что ли? Ушла...

Андрей миновал пульт помрежа и неспешно двинулся вдоль туго натянутого полотна «радиуса», пока слева в сером полумраке не возникло огромное тёмное пятно – вход на склад декораций. Не замедляя шага, он вступил в крошечную черноту и пошёл по центральному коридору, который монтировщики окрестили на шахтёрский манер «стволом». Потом протянул руку, и пальцы коснулись кирпичной стены.

Оглянулся на серый прямоугольник входа. Разумеется, никто за ним не шёл, никто его не выслеживал, никому это не было нужно.

Крайнее правое ответвление «ствола» – тёмное, заброшенное – издавна служило свалкой отыгравших декораций. Андрей свернул именно туда.

В углу «кармана» он ощупью нашёл кипу старых до трухлявости щитов, за которыми скрывался вход ещё в один

«карман», ни на одном плане не обозначенный. Андрей протиснулся между щитами и стеной. Остановился – переждать сердцебиение. Потом поднырнул под горбатый фанерный мостик.

...На полу и на стенах каменной коробки лежал ровный зеленоватый полусвет. По углам громоздились мохнатые от пыли развалины деревянных конструкций. А в середине, в метре над каменным полом, парил в воздухе цветной шар света, огромный одуванчик, округлое окно с нечёткими и как бы размытыми краями. Словно капнули на серую пыльную действительность концентрированной кислотой и прожгли насквозь, открыв за ней иную – яркую, ясную.

И окно это не было плоским; если обойти его кругом, оно почти не менялось, оставаясь овалом неправильной формы. Окно во все стороны: наклонишься над ним – увидишь траву, мурашей, заглянешь снизу – увидишь небо.

Со стороны фанерного мостика просматривался кусок степи и – совсем близко, рукой подать, – пластмассовый, словно игрушечный коттеджик, избушка на курьих ножках. Строеньице и впрямь стояло на мощном металлическом стержне, распадающемся внизу на три мощных корня. Или когтя.

Ветер наклонял траву, и она мела снизу ступеньку висячего крылечка-трапа.

Девушка сидела, склонив голову, поэтому Андрей не видел её лица – только массу светлых пепельных волос.

Не отводя глаз от этого воздушного окошка, он протянул руку и нащупал полуразвалившийся трон, выдранный им вчера из общей груды хлама и установленный в точке, откуда видно коттеджик, крыльцо, а когда повезёт – девушку.

Она подняла голову и посмотрела на Андрея. И он опять замер, хотя ещё в первый раз понял, что увидеть его она не может.

2

Однажды вечером после спектакля они разбирали павильон, и мимо Андрея пронесли круглый проволочный куст, усаженный бумажными розами. В непонятной тревоге он проследил, как уплывает за кулисы этот шуршащий ворох причудливо измятой грязновато-розовой тонкой бумаги, – и вдруг понял, что всё кончено.

Это было необъяснимо – ничего ведь не произошло... Правда, эпизодическую роль передали другому – недавно принятому в труппу молодому актёру... Правда, висел вторую неделю возле курилки последний выговор за появление на работе в нетрезвом виде... Правда, жена после долгих колебаний решила-таки подать на развод... Неприятности. Просто неприятности, и только. Поправимые, во всяком случае не смертельные.

Но вот мимо пронесли этот проклятый куст, и что-то случилось с Андреем. Вся несложившаяся жизнь – по его вине

не сложившаяся! – разом напомнила о себе, и спастись от этого было уже невозможно.

...Рисовал оригинальные акварельки, писал дерзкие, благозвучные, вполне грамотные стихи, почти профессионально владел гитарой, пел верным тенорком свои и чужие песни... С ума сойти! Столько талантов – и всё одному человеку!..

– Андрей, ну ты что стоишь? Помоги Серёге откосы снять...

...Как же это он не сумел сориентироваться после первых неудач, не сообразил выбрать занятие попроще и понадежнее? Ах, эта детская вера в свою исключительность! Ну конечно! Когда он завоюет провинцию, столица вспомнит, от кого отказалась!.. Отслужил в армии, устроился монтировщиком в городской Театр драмы, где при возможности совершал вылазки на сцену в эпизодах и массовках... Это ненадолго. На полгода, не больше. Потом его заметят, и начнётся восхождение...

– Ты что всё роняешь, Андрей? После вчерашнего, что ли?

...Первой от иллюзий излечилась жена. «Ой, да брось ты, Лара! Тоже нашла звезду театра! Вбегает в бескозырке: „Товарищ командир, третий не отвечает!“ Вот и вся роль. Ты лучшие спроси, сколько эта звезда денег домой приносит...»

...Менялась репутация, менялся характер. Андрей и

раньше слыл остряком, но теперь он хохмил усиленно, хохмил так, словно хотел утвердить себя хотя бы в этом. Шутки его, однако, из года в год утрачивали остроту и становились всё более сальными...

...Машинально завяз в монтировщиках. Машинально начал выпивать. Машинально сошёлся с Леной Щабиной. Два года жизни – машинально...

– Нет, мужики, что ни говорите, а Грузинов ваш – редкого ума идиот! Я в оперетте работал, в ТЮЗе работал – нигде больше щиты на ножки не ставят, только у вас...

Сегодня утром он нашёл на столе записку жены, трясясь с похмелья, прочёл – и остался почти спокоен. Он знал, что разрыв неизбежен. Случилось то, что должно было случиться...

Но вот пронесли этот безобразный венок, и память предъявила счёт за всё. Она словно решила убить своего хозяина...

Монтировщики разбирали павильон, профессионально, без суеты раскрепляли части станка, перевёртывали щиты, выбивали из гнезд трубчатые ножки. Громоздкие декорации к удивительной печальной сказке со счастливым, неожиданным, как подарок, концом; сказке, в которой Андрей когда-то мечтал сыграть хотя бы маленькую, в несколько реплик, роль...

Всё! Нет больше Андрея Склярова! Нету! Истратился! Это не павильон – это разбирали его жизнь, нелепую, непо-

лучившуюся.

Андрей уронил молоток и побрёл со сцены с единственным желанием – уйти, забиться в какую-нибудь щель, закрыть глаза и ничего не знать...

Он пришёл в себя в неосвещённом заброшенном «кармане» среди пыльных фанерных развалин, а прямо над ним, лежащим на каменном полу, парил огромный синий одуванчик, слегка размытый по краям овал неба, проталина в иной мир.

* * *

Девушка вскинула голову и чуть подалась вперёд, всматриваясь во что-то невидимое Андрею, и он в который раз поймал себя на том, что невольно повторяет её движения.

Наверное, что-нибудь слышала. Звук оттуда не проникал – кино было в цвете, но немое.

Девушка спрыгнула с крылечка, и ему пришлось подняться с трона и отступить вправо, чтобы не потерять её из виду. Теперь в окошке появилась синяя излучина реки на горизонте, а над ней – крохотные отсюда (а на самом деле, наверное, колоссальные) полупрозрачные спирали: то ли дом, то ли чёрт знает что такое. Населённый пункт, скорее всего.

Прямо перед Андреем лежала очищенная от травы площадка, издырявленная норами, какие роют суслики. Он-то знал, что там за суслики, и поэтому не удивился, когда из

одной такой дыры выскочили и спрятались в соседней два взъерошенных существа – этакие бильярдные шары, из которых во все стороны торчат проволочки, стерженьки, стеклянные трубочки.

Когда они так побежали в первый раз – прямо из-под ног девушки, он даже испугался (не за себя, конечно, – за неё), а потом пригляделся – ничего, симпатичные зверушки, металлические только...

Земля возле одной из норок зашевелилась, начала проваливаться воронкой, и три «ёжика» вынесли на поверхность второй красный обломок. Девушка схватила его, взбежав на крыльцо, наскоро обмела и попробовала приложить к первому. Обломки не совпадали.

Он вдруг понял, что у неё получится, когда она подгонит один к другому все осколки, и беззвучно засмеялся. Современный Андрею красный кирпич, ни больше ни меньше. С дырками.

«Ах, чёрт! – развеселившись, подумал он. – Этак они и мой череп ненароком выроют... Йорик задрипанный!»

Всё шло как обычно. Каждый занимался своим делом и не мешал другому: девушка, склонив голову, старательно отслаивала от обломка зёрнышки грунта, Андрей – смотрел.

Странное лицо. И даже не определишь сразу, чем именно странное. Может, всё дело в выражении? Но выражение лица меняется, а тут что-то постоянное, всегда присущее...

Андрей попробовал представить, что встречает эту де-

вушку на проспекте, неподалёку от театра, – и ничего не вышло.

Тогда он решил схитрить. Как в этюде. Допустим, что перед ним никакое не будущее, а самое что ни на есть настоящее. Наше время. Допустим, стоит где-нибудь в степи экспериментальный коттеджик и девушка-программист испытывает автоматические устройства для нужд археологии. За контрольный образец взяли красный облегчённый кирпич, раздробили...

Андрей почувствовал, что бледнеет. Мысль о том, что девушка может оказаться его современницей, почему-то сильно испугала.

* * *

В каменном мешке время убывало стремительно. Хорошо, что он взглянул на часы. Пора было возвращаться. Там, за кипой старых щитов, его ждал мир, в котором он потерпел поражение, в котором у него ничего не вышло...

«Ствол» был уже освещён. Андрей дошёл до развилки, услышал голоса и на всякий случай спрятался ещё в один тёмный «карман», где чуть было не наступил на лицо спящему Васе-Мише.

Те, что привели и положили здесь Васю-Мишу, заботливо набросили на него из соображений маскировки тюль, который теперь равномерно вздувался и опадал над его небритой

физиономией.

Всё это Андрею очень не понравилось. Бесшумно они тащить Васю-Мишу не могли, значит были и шарканье, и смешки, и приглушённая ругань, а Андрей ни на что внимания не обратил.

«Глухарь! – в сердцах обругал он себя. – Так вот и сгорают...»

Голоса смолкли. Андрей осторожно перешагнул через Васю-Мишу, выглянул в «ствол» и, никого не увидев, направился к выходу на сцену.

«Плохо дело... – думал он. – Если я случайно наткнулся, то и другой может. А там – третий, четвёртый...»

Чудо исключало компанию. В каменной коробке мог находиться только один человек – наедине с собой и с этим. Андрей представил на секунду, как четверо, пятеро, шестеро теснятся словно перед телевизором, слышал возможные реплики – и стиснул зубы.

«Нет, – решил он. – Только я, и больше никто. Для других это станет развлечением, в лучшем случае – объектом исследования, а у меня просто нет в жизни ничего другого...»

3

– Ага!!! – раздался рядом злорадный вопль. – Попался?! Все сюда!

Андрей метнулся было обратно, но, слава богу, вовремя

сообразил, что кричат не ему.

– У-тю-тю-тю-тю! – дурашливо вопил Виталик. – Как сам на сцене курит – так ничего, а меня на пять рублей оштрафовал!

Прижатый к голой кирпичной стене пожарный ошалело озирался. Он нацеливался проскочить в свою каморку, не гася сигареты, но был, как видим, перехвачен.

– На пять рублей! – с наслаждением рыдал Виталик. – Кровных, а? И потных!

При этом он невольно – интонациями и оборотами – подражал Андрею – не сегодняшнему, что бледный стоял возле входа на склад декораций, а тому, недавнему – цинику, анекдотчику и хохмачу.

Затравленный пожарный наконец рассвирепел, и некоторое время они орали друг на друга. Потом дискредитированный страж порядка ухватил Виталика за плечо и потащил к узкой железной двери. Свидетели повалили за ними, набили каморку до отказа да ещё и ухитрились захлопнуть дверь. Гам отрезало.

Пора было подниматься на колосники, но тут навстречу Андрею выкатился, озираясь, похожий на утёнка администратор Банзай.

– Миша! – аукал он. – Ми-ша! Андрей, Мишу не видел?

– Только что мимо меня по коридору прошёл, – устало соврал Андрей.

Администратор востолбенел и с надеждой ухватил его за

лацкан:

– А ты не заметил, он сильно... того?

– По-моему, трезвый...

Администратор глянул на Андрея с откровенным недоверием:

– А куда шёл?

– На сцену, кажется...

Администратор отпустил лацкан и хищно огляделся.

– Его тут нет, – сухо возразил он.

Андрей пожал плечами, а Банзай уже семенил к распахнувшейся двери пожарного, откуда с хохотом высыпала толпа свидетелей. Потом появился и сам пожарный. Он рубил кулаком воздух и запальчиво выкрикивал:

– Только так! Невзирая на лица! Потому что порядок должен быть!

К Андрею подскочил Виталик:

– Ну где ты был? Представляешь, брандмауэр сам себя на пятёрку оштрафовал! Ты понял? Сам! Себя!..

– Виталик, где Миша? – Это опять был Банзай.

– Миша? – удивился Виталик. – Какой Миша? Ах, Вася...

Так мы же с ним только что груз на четырнадцатом штанкете утяжеляли. А он вас разве не встретил?

– Где он? – закричал администратор.

– Вас пошёл искать, – нахально сказал Виталик, глядя на него круглыми честными глазами. – Зачем-то вы ему понадобились.

Вот и окунулся в действительность. До чего ж хорошо – слов нет!

На колосники вела железная винтовая лестница. Белёные стены шахты были покрыты автографами «верховых» – как местных, так и гастролёров. «Монтировщики – фанаты искусства». «Снимите шляпу, здесь работал Вова Сметана». Эпиграмма Андрея на главного художника Грузинова:

Ты на выезды,
Грузин, декораций не грузил.
Если б ты их потаскал,
ты б художником не стал.

«Наверное, это в самом деле очень смешно, – думал Андрей, поднимаясь по гулким, отшлифованным подошвами ступеням. – Оштрафовал сам себя...»

Он замедлил шаг, припоминая, и оказалось, что с того самого дня, когда Андрей открыл на складе декораций свой миражик, он ещё не засмеялся ни разу.

Мысль эта пришла впервые – и встревожила. Пригнувшись, Андрей вылез на узкий дощатый настил, идущий вдоль нескончаемого двойного ряда вертикально натянутых канатов.

– Андрей, ты на месте? – негромко позвали из динамика. – Выгляни.

Он наклонился через перила площадки и махнул запрокинувшей голову помрежу.

«Просто я смотрю теперь на всё как с другой планеты. Как будто вижу всё в первый раз. Какой уж тут смех!..»

Он пошёл вдоль этой огромной – во всю стену – канатной арфы, принёс с того конца стул и сел, ожидая сигнала снизу.

– Андрей, Миша не у тебя?

Он выглянул. Внизу рядом с помрежем стоял, запрокинув голову, Банзай. Андрей отрицательно покачал головой и вернулся на место.

Долго же им придётся искать Васю-Мишу...

«О чём я думаю?! – спохватился он вдруг. – Там же Вася-Миша каждую минуту может проснуться! И где гарантия, что он с пьяных глаз не пойдёт в противоположную сторону?...»

Второй звонок. Андрей вскочил, двинулся к выходу, возвратился, сжимая и разжимая кулаки.

«Да не полезет он за щиты! – убеждал он себя. – С какой радости ему туда лезть?.. А проснётся, услышит голоса, решит спрятаться понадежнее?.. Какие голоса?! Кто сейчас может туда зайти!..»

Третий звонок.

– Андрей, готов? Выгляни.

Чёрт бы их драл, совсем задёржали!..

– Андрей, давай! Пошёл «супер»...

Музыка.

Андрей взялся обеими руками за канат и плавно послал его вниз. Сзади с лёгким шорохом взмыл второй штанкет, унося суперзанавес под невероятно высокий потолок сценической коробки.

* * *

Слушай, Андрей, а ведь всё, оказывается, просто. Ты искал в её лице какие-то особенные черты, а нужно было спросить себя: чего в нём нет?

Обыденность, будь она проклята! Она вылепляет наши лица заново, по-своему, сводит их в гримасы, и не на секунду – на всю жизнь. Она искажает нас: угодливо приподнимает нам брови, складывает нам рты – безвольно или жестоко.

И оглядываешься в толпе на мелькнувшее незнакомое лицо, и недоумеваешь, что заставило тебя оглянуться. Это ведь такая редкость – лицо, на котором быт не успел поставить клейма! Или ещё более драгоценный случай – не сумел поставить.

Красиво они там у себя живут, если так...

Свет на сцене померк, и Андрей оказался в кромешной черноте. Четыре ничего не освещающие красные лампочки на ограждении канатов делали её ещё чернее.

– Ушла третья фурка...

Автоматически взялся за канат, приподнял «город» метра на три, пропуская фурку через арьерсцену. Опустил не сразу – попридержал, помня, что внизу на монтировщика меньше, да ещё на такого, как Вася-Миша... (Не должен он сейчас проснуться, не должен! Если уж свалился, то часа на два – на три, не меньше...)

Дали свет. Андрей подошёл к перилам – посмотреть, что там на сцене. На сцене разыгрывалась остросюжетная психологическая трагикомедия на производственную тему с элементами детектива (так было сказано в рецензии).

Ему несказанно повезло – нарвался на выход Щабиной. Лена, как всегда, норовила повернуться к залу в три четверти, и зритель, вероятно, гадал, с чего это посетительница воротится от предцехкома, который к ней со всей душой...

Он перестал смотреть и отошёл от поручней.

«А у меня там, в окошке, вообще нет сюжета. Человек занимается своим делом, собирает кирпич. А я смотрю. И не надоедает. Почему?»

И Андрей почувствовал, как губы его складываются в двусмысленную улыбочку.

«Слушай, а ты не влюбился в неё, случаем?»

...Самому себе по морде дать, что ли?

* * *

– Иди-от!.. – тихонько простонал невдалеке Виталик.

Андрей (он спустился помочь ребятам в антракте) оглянулся. Возле входа на склад декораций стоял Вася-Миша и с недоумением разглядывал присутствующих. Тюль свисал с его правого плеча наподобие римской тоги.

– П-почему не работаем? – строго спросил Вася-Миша у невольно остановившихся монтировщиков.

На него уже, распушась, летел с победным клёкотом Банзай:

– Ну всё, Миша! Я тебя, Миша, уволю! Ты думал, ты хитрее всех?..

И Банзай поволок нарушителя к выходу со сцены. Вася-Миша не сопротивлялся, он бы только хотел выпутаться из тюля, который тащился за ним из «ствола» подобно шлейфу. Забавная парочка налетела на Андрея.

– Андрей! – мгновенно переключился Банзай. – Я тебя накажу! Ты зачем сказал, что Миша трезвый?

– Вася! – изумился опомнившийся Виталик. – Ты когда успел? Ведь только что был как стёклышко! – обратился он к окружающим, как бы приглашая их в свидетели, причём получилось, что в свидетели он приглашает именно Банзая.

– Чего тащить? – хрипло осведомился Вася-Миша.

– Как «чего», как «чего»? – вскинулся Виталик. – «Кабинет» – на сцену! Совесть иметь надо, пять минут уже тебя ищем!..

Вася-Миша опёрся обеими руками на письменный стол, постоял так немного, потом неуловимым движением под-

нырнул под него и, пошатнувшись, понёс куда было сказано.

Андрей смотрел ему вслед и понимал главное: Вася-Миша там не был. Оттуда так просто не уйдёшь. Оно так быстро от себя не отпустит...

Но вместо облегчения пришла давящая усталость. Только сейчас Андрей почувствовал, как вымотала его за две недели постоянная боязнь, что на миражик набредёт кто-нибудь ещё.

Банзай сиял. Триумфатор. Интересно, что он будет делать, если Васю-Мишу и впрямь уволят? За кем ему тогда охотиться, кого выслеживать? И вообще, по ком звонит колокол? Банзай, увольняя Васю-Мишу, ты увольняешь часть самого себя...

И вдруг Андрей вспомнил, что всё это уже было. Банзай уже ловил Васю-Мишу с поличным год или полтора назад. Выходит, поймал, простил и начал ловить по новой?..

Одно воспоминание потянуло за собой другое: не зря показалось Андрею, что сегодняшний разговор с Леной он уже пережил когда-то. Было – он действительно сидел однажды посреди пустой сцены, и подходила к нему разъярённая Лена Щабина и задавала очень похожий вопрос.

Обыденность... Бессмысленная путаница замкнутых кругов, и не сойти с них, не вырваться...

«Хочу туда, – подумал он, словно переступил некую грань, разом отсёкшую его от остальных. – Вот в чём, оказывается, дело... Я не могу больше здесь. Я хочу туда».

А больше ты ничего не хочешь? Кто тебе сказал, что там легче? Что ты вообще там видел? Коттеджик, девушку, металлических ёжиков. Всё? Ах да, ещё спиральные сооружения на горизонте. Масса информации! Где гарантии, что через неделю ты не взвоешь: «Хочу обратно!»

Не взвою. Плевать мне, лучше там или хуже. Там по-другому. И всё. И ничего мне больше знать не надо. Я же здесь не живу, я только смотрю в это «окошко», остальное меня не касается. Может быть, я и ожил бы, может, и вернулся бы на свои замкнутые круги, но теперь не могу. Потому что видел...

Всё зачеркнуть и начать с чистого листа? Красиво. Молодец. Только, пожалуйста, не надо называть листом то, что тебя окружает. Ты сам и есть лист. Но какой же ты, к дьяволу, чистый? Одну свою жизнь проиграл здесь, другую проиграешь – там...

Возможно, и проиграю. А возможно, и нет. А здесь я уже проиграл. Что ж я, не знаю цену этого шанса?..

Ну допустим. Попал ты туда. В будущее. Если это в самом деле будущее. А дальше? Пойми, дурак: твоё место в витрине, рядом со склеенным кирпичом. Ты посмотри на себя! Был ты когда-то чем-то. А теперь ты алкаш... Ну ладно. Положим, уже не алкаш. Положим, трезвенник. Всё равно ведь

ни гроша за душой: ни доброты, ни дара Божьего – ни черта!..

– «Супер» вниз! – испуганно ахнул динамик. – Андрей! Заснул? «Супер» вниз давай!

Вскочил, метнулся к канатам. Суперзанавес спикировал из-под потолка и с шелестом отсёк от зрительного зала актёров, не решивших ещё: держать ли им паузу до победного конца или же начинать плести отсебятину, пока наверху разберутся с «супером».

Динамик некоторое время продолжал ругаться, а Андрей стоял, ухватившись обеими руками за канаты, и заходился тихим, лишающим сил смехом.

Дурак! Господи, какой дурак! Раскопал себя чуть ли не до подкорки, до истерики довёл, а подумал о том, как туда попасть? Это тебе что, калитка? Вспомни: оттуда даже звук не проникает!

...И терминология дивная: «калитка», «окошко»!.. Собственно, над физической стороной явления Андрей не задумывался, да и не имел к этому данных. Дыра представлялась ему чем-то вроде прозрачного пятнышка на старом детском надувном шарике, когда уставшая резина истончается, образуя бесцветную округлую точку, мутную по краям и ясную в центре.

Андрей, зябко горбясь, сидел в комнате монтировщиков и думал о том, что сегодня обязательно надо пройти мимо вахтёра. Вчерашняя ночёвка в театре успела стать темой для сплетен.

Бедная Ленка! Положение у неё, прямо скажем, дурацкое. Ну, я понимаю, разбить семью главного режиссёра – это престижно, это даже в некоторой степени реклама, карьера, наконец! Но разбить семью рабочего сцены... Фи!

Андрей обратил внимание, что пальцы его правой руки в кармане лёгкого пальто ощупывают какой-то маленький округлый предмет, видимо завалившийся там с весны. Вроде бы галька. Откуда?

Вынул и посмотрел. Да, это был гладкий коричневый камушек. Четырёхлетний Денис находил их на прогулках десятками и набивал ими карманы Андрея, каждый раз серьёзно сообщая, что это «золотой камушек». Чем они отличаются от простых камней, Андрей так и не постиг.

Да-да, именно «золотой камушек».

Всё, что осталось у него от Дениса.

Ну что ж, жёны мудры. Жёнам надо верить. Сказала: «Не выйдет из тебя актёра» – и не вышло. Сказала: «Никакой ты отец» – значит, никакой.

– Андрей!

В дверях стояли Виталик и Серёга, оба в пальто.

– Может, хватит, а? Кому ты что так докажешь!

– Да. – Андрей очнулся и спрятал камушек. – Пошли.

На первом этаже он свернул в туалет, подождал, пока ребята отойдут подальше, и сдвинул на окне оба шпингалета.

* * *

– Вась, ты, когда на складе спал, что во сне видел? Не премию, нет?

– Да, Вася, премию ты проспал...

Они обогнули театр и вышли на ночной проспект. Дождя не было, но асфальты просыхать и не думали. Действительно, стоит ли? Всё равно мокнуть...

Андрей шёл молча, слушал.

– А говорил-то, говорил! «Банзай меня до пенсии ловить будет!» «У Банзая нюха нет!..»

– Не, Банзая не проведёшь. Банзай кого хочешь сосчитает. Верно, Вась?

– Да поддался я ему, – хрипловато отвечал трезвый и печальный Вася-Миша. – Что ж я, изверг – администратора до кондрашки доводить...

– Ну ладно, мужики, – сказал Андрей. – Мне налево.

Остановились, замолчали.

– Ты меня, конечно, извини, Андрей, – заявил вдруг Серёга, – но дура она у тебя. Какого чёрта ей ещё надо? Пить

из-за неё человек бросил... Это я вообще не знаю, что такое!

– Если домой идти не хочешь – давай к нам, в общежитие, – предложил Виталик.

– Спокойно, мужики, – сказал Андрей. – Всё в норме.

Он действительно пошёл влево и, обогнув театр с другой стороны, остановился возле низкого окна с матовыми стёклами. Впереди по мокрым асфальтам брела поздняя парочка.

«В самом деле сочувствуют... – думал Андрей. – Они мне сочувствуют – а я им?.. Ладно. Как это сегодня сказала Ленка?.. „Я нехорошая. Я скверная...“ Так вот: я – нехороший, я – скверный... Но если только догадка моя правильна, – простите, ребята, я устал. От вас ли, от себя – не знаю. Надеюсь, что от вас...»

Парочка свернула в переулок, и Андрей открыл окно.

* * *

Девушки нигде видно не было. Летательный аппарат – ни на что не похожая металлическая тварь – тоже куда-то исчез. В прошлый раз из-за коттеджика, поблёскивая суставами, выглядывала его посадочная нога.

Значит, улетела хозяйка на день – на два. Или на неделю. Или навсегда. И будет стоять посреди степи брошенный коттеджик с настежь распахнутыми стенами, и на полу будет оседать пыль, а может, и не будет – если какой-нибудь пы-

леотталкивающий слой...

Андрею понравилось, как спокойно он подумал о том, что девушка, возможно, улетела навсегда. Иными словами, опасение, что он в неё влюбился, отпадало на корню. Всё было куда серьёзнее... И слава богу.

На лысой, издырявленной норами площадке сидели, растопырясь, металлические зверьки – то ли грелись, то ли отдыхали. Солнце там ещё только собиралось идти к закату.

– Перекур с дремотой? – усмехнувшись, сказал Андрей «ёжикам». – Сачкуем без прораба?

Он медленно обошёл этот всё время поворачивающийся к тебе овал, внимательно его изучая. Впервые. Раньше он интересовался только тем, что лежало по ту сторону.

Закончив обход, нахмурился. Ничего, кроме ассоциации с прозрачной точкой на старом надувном шарике, в голову по-прежнему не приходило.

«Окошко»... Теоретик! Эйнштейн с колосников! Да разве он когда-нибудь в этом разберётся!

...Между прочим, если шарик очень старый, в середине прозрачной точки иногда образуется крохотная дырочка, через которую можно без последствий опустить внутрь иголку и вытянуть её потом за нитку обратно.

Он заворожённо смотрел в самый центр воздушного окошка и не мог отделаться от ощущения, что между ним и вон той длинной суставчатой травинкой, по которой ползёт самая обыкновенная божья коровка, ничего нет. Хотя что-

то там, конечно, было, что-то не пропускало звук.

Андрей опасно увлёкся. Он совершенно перестал себя контролировать и слишком поздно заметил, что правая его рука – сама, не дожидаясь приказа, – поднялась над молочном-мутной верхней границей миражика. Он посмотрел на неё с удивлением и вдруг понял, что сейчас произойдёт. Но пальцы уже разжались, выпуская округлый коричневый камушек.

Рука опомнилась, дёрнулась вслед, но, конечно, опоздала. И за те доли секунды, пока камушек падал в прозрачную пустоту центра, Андрей успел пережить две собственные смерти.

...сейчас этот пузырь с грохотом лопнет, разнося на молекулы «карман», его самого, театр, город, вселенную...

...сейчас «окошко» подёрнется рябью и начнёт медленно гаснуть, а он останется один, в темноте, среди пыльных обломков декораций...

Камушек пролетел центр и беззвучно упал в траву.

«Ну и как же я его теперь достану? – Приблизительно так сложилась первая мысль обомлевшего Андрея. – Хотя... на нём же не написано, что он отсюда...»

И вдруг Андрею стало жарко. Не сводя глаз с камушка, он попятился, судорожно расстёгивая пальто.

Камушек лежал в траве.

Андрей не глядя сбросил пальто на трон, шагнул к миражику и осторожно протянул руку. И кончики пальцев косну-

лись невидимой тончайшей плёнки, точнее – они сразу же проткнули её, и теперь каждый палец был охвачен нежным, как паутина, колечком.

Андрей стиснул зубы и потянулся к камушку. Кольцо из невидимых паутинок сдвинулось и, каким-то образом проникнув сквозь одежду, охватило руку у локтя.

И тут он почувствовал ветер. Обычный лёгкий степной ветерок тронул его ладонь. Не здесь – там.

Андрей отдёрнул руку, ошеломлённо коснулся дрожащими пальцами лица.

– Та-ак... – внезапно охрипнув, выговорил он. – Ладно... Пусть пока полежит...

5

«Знаешь что, – сказал он себе наконец. – Иди-ка ты домой, выпишь как следует, а потом уже думай. Ты же ни на что сейчас не годен. Руки вон до сих пор трясутся...»

Однако Андрей прекрасно знал, что никуда отсюда не уйдёт, пока не дождётся ночи, когда «окошко» затянет чернотой и будут светиться лишь спирали на горизонте – с каждой минутой всё тусклее и тусклее. Потом они погаснут совсем, и останутся одни звёзды... Интересно, что они там сделали с луной? Андрей ещё не видел её ни разу... Впрочем, это не важно.

Во-первых, если он исчезнет, то будет розыск, и обяза-

тельно какой-нибудь умник предложит обшарить склад декораций. Значит, прежде всего – сбить со следа. Скажем, оставить часть одежды на берегу. Продумать прощальную записку, чтобы потом ни один порфирий не усомнился... И врать почти не придётся: вместо «Ухожу из жизни» написать «Ухожу из этой жизни». Этакый нюансик...

Теперь второе. На планах «карман» не обозначен, стены на складе декораций кирпичные, неоштукатуренные... Замуровать вход изнутри – и полная гарантия, что в пределах ближайших десяти лет никто сюда не сунется. Что-то вроде «Амонтильядо» навыворот. «Счастливо оставаться, Мон-трезор!» И последний кирпич – в последнюю нишу... Каждый день приносить в портфеле по кирпичику, по два. Кладку вести ночью, аккуратно. Ну вот, кажется, и всё. Остальное – детали...

Андрей вознамерился было облегчённо вздохнуть, но спохватился.

Это раньше он мог позволить себе такую роскошь – повторять горестно, а то и с надрывом, что терять ему здесь больше нечего. Теперь, когда «золотой камушек» лежал в пяти метрах от металлических «ёжиков», а правая рука ещё хранила ощущение порыва сухого тёплого ветра, подобные фразы всеуе употреблять не стоило.

Так что же ему предстоит здесь оставить такое, о чём он ещё пожалеет?

Любимую работу? Она не любимая, она просто доско-

нально изученная. А с любимой работой у него ни черта не вышло...

Друзей? Нет их у него – остались одни сослуживцы да собутыльники. Впрочем, здесь торопиться не стоит. И Андрей вспоминал, стараясь никого не пропустить...

Матери сообщат обязательно. Ну ничего, отчим ей особенно горевать не позволит...

Денис? Его у меня отняли. Ладно-ладно... Сам у себя отнял. Знаю. Всё отнял у себя сам: и семью, и друзей, и работу... Что от этого меняется? Нет, ничего я не потеряю, да и другие мало что потеряют, если меня не станет...

...А ребята будут жалеть, а у Ленки уже всерьёз начнутся неприятности, а у жены угрызения совести, а мать всё равно приедет... Да, пожалуй, инсценировка самоубийства не пройдёт. Начинать с подлости нельзя... Тогда такой вариант: всё подготовить, уволиться, квартиру и барахло официально передать жене и якобы уехать в другой город...

Внезапно лицо Андрея приняло удивлённое выражение. Казалось, что он сейчас оскорблённо рассмеётся.

Оказывается, его побег можно было рассматривать ещё с одной точки зрения. Раньше это как-то не приходило в голову: мелкий подонок, бежавший от алиментов в иное время...

Андрей не рассмеялся – ему стало слишком скверно.

«Чистеньким тебе туда всё равно не попасть, – угрюмо думал он, глядя, как на висячее крылечко карабкается один из

„ёжиков“. – Что же ты, не знал этого раньше? Что оставляешь здесь одни долги – не знал? Или что обкрадывал не только себя, но и других? Виталик, сопляк, молился на тебя. Вот ты и оставил заместителя в его лице, вылепил по образу и подобию своему...»

«Ёжик» покрутился на верхней ступеньке, в комнату войти не решился, упал в траву и сгинул. Закопался, наверное.

Андрей поднялся и подошёл к «окошку».

А что, если наведаться туда прямо сейчас? Пока никого нет. Страшновато? Кажется, да.

«В конце концов, должен же я убедиться... – подхлестнул он себя. – А то сложу стенку, и выяснится, что туда можно только руку просовывать да камушки кидать... Кстати, камушек надо вынуть. Нашёл что бросить, идиот!»

Андрей присел на корточки и некоторое время рассматривал овал синего неба. Потом осторожно приблизил к нему лицо, и волосы коснулись невидимой плёнки.

Он отодвинулся и тревожно осмотрел руку. Вроде без последствий... Хотя одно дело рука, а другое – мозг. Где-то он что-то похожее читал: кто-то куда-то сунулся головой, в какое-то там мощное магнитное поле, – и готово дело: вся информация в мозгу стёрта. И отпрянешь ты от этой дыры уже не Андреем Скляровым, а пускающим пузыри идиотом...

Сердце билось всё сильнее и сильнее. Андрей не стал дожидаться, когда придёт настоящий страх, и рывком подался вперёд и вверх. Щекотное кольцо скользнуло по черепу и со-

мкнулось на шее, но это уже была ерунда, уже ясно было, что оно безвредно. Андрей выпрямился, прорываясь навстречу звукам, солнцу, навстречу тёплому степному ветру.

* * *

И возник звук. Он был страшен.

– А-а-а!.. – на одной ноте отчаянно и тоскливо кричало что-то. Именно что-то. Человек не смог бы с таким одинаковым невыносимым отчаянием, не переводя дыхания, тянуть и тянуть крик.

Глаза у Андрея были плотно зажмурены, как у неопытного пловца под водой, и ему пришлось сделать усилие, чтобы открыть их. Он увидел жуткое серое небо – не мглистое, а просто серое, с тусклым белым солнцем.

В лицо ударил ветер, насыщенный песком. Песок был везде, тоже серый; он лежал до самого горизонта, до изгиба пересохшего русла реки. А посередине этой невозможной, словно выдуманной злобным ипохондриком пустыни торчало огромное, оплавленное и расколотое трещиной почти до фундамента здание, похожее на мрачную абстрактную скульптуру.

Наверху из трещины клубилась варварски вывернутая арматура. И какая-то одна проволока в ней звучала – тянула это односложное высокое «а-а-а!..», и крик не прекращался, потому что ветер шёл со стороны пересохшего русла ровно

и мощно.

Наконец Андрей почувствовал ужас: показалось, что мягкая невидимая горловина, охватывающая плечи, сначала незаметно, а потом всё явственней начала засасывать его, стремясь вытолкнуть туда – на серый, обструганный ветром песок.

Он рванулся, как из капкана, с треском влетел спиной в фанерные обломки, расшиб плечо.

...А там, среди летней жёлто-серебристо-зелёной степи, снова стоял игрушечный коттеджик на металлической лапе и высокая трава мела по нижней ступеньке висячего крылечка-трапа, а на горизонте сверкала излучина реки, не совпадающая по форме с только что виденным изгибом сухого русла.

«Вот это я грохнулся!..»

Шумно барахтаясь в обломках, встал. Держась за плечо, подобрался поближе к миражику, заглянул сверху. Камушек лежал на месте. Серого песка и бесконечного вопля проволоки, после которого каменная коробка звенела тишиной, просто не могло быть.

– Значит, плёночка, – медленно проговорил Андрей. – Ах ты, плёночка-плёночка...

А он-то считал её безвредной! Что же это она сделала такое с его мозгом, если все его смутные опасения, которые он и сам-то едва осознавал, вылепились вдруг в такой реальный пугающий бред!.. Самое обидное: выпрямись он до конца –

пустыня наверняка бы исчезла, снова появились бы коттеджик, река, полупрозрачные спирали на том берегу...

Андрей машинально провёл ладонью по лицу и не закончил движения. Между щекой и ладонью был песок. Жёсткие серые песчинки.

* * *

Тяжёлое алое солнце ушло за горизонт. На тёплом синем небе сияли розовые перистые облака. Полупрозрачные спирали за рекой тоже тлели розовым. Но всё это было неправдой: и облака, и спирали, и речка. На самом деле там лежала серая беспощадная пустыня с мутно-белым солнцем над изуродованным ощерившимся зданием.

И можно было уже не решать сложных моральных проблем, не прикидывать, сколько потребуется времени на возведение кирпичной стенки, потому что возводить её теперь было незачем. Издевательская подробность: камушек всё-таки лежал там, в траве.

– Ах ты, с-сволочь!.. – изумлённо и угрожающе выговорил Андрей.

Ему померещилось, что всё это подстроено, что кто-то играет с ним, как с котёнком: покажет игрушку – отдёрнет, покажет – отдёрнет...

В руках откуда-то взялся тяжёлый брус. Лицо сводила медленная судорога.

Андрей уже размахнулся, скрипнув зубами, когда в голову пришло, что за ним наблюдают и только того и ждут, хихикая и предвкушая, что он сорвётся в истерику и позабавит их избиением ни в чём не повинного миражика, пока не сообразит, что бьёт воздух, что брус пролетает насквозь.

– Всё! – злобно осклабясь, объявил Андрей невидимым зрителям. – Спектакль отменяется. Больше вам здесь ничего не покажут...

Он бросил брус и, дрожа, побрёл к трону. Не было никаких невидимых зрителей. Никто не станет буравить туннель между двумя (или даже тремя) эпохами, чтобы поиздеваться над монтировщиком сцены А. Складовым.

Какие-нибудь штучки с параллельными пространствами, ветвящимся временем и прочей научно-фантастической хреновиной. Видишь одно время, а пытаешься пролезть – попадаешь в другое.

– И всё. И незачем голову ломать... – испуганно бормотал Андрей.

А ветерок? Тот лёгкий летний ветерок, который почувствовала его рука? Он был.

Но тогда получается что-то страшное: Андрей ещё здесь – и будущее существует. Он попадает туда – и будущего нет. Вернее, оно есть, но мёртвое.

«А-а-а!...» – снова заныла в мозгу проклятая проволока из руин ещё не построенного здания.

Андрей плутал в тесном пространстве между загромождёнными углами, тронem и миражиком. Иногда останавливался перед синим вечереющим овалом, и тогда губы его кривились, словно он хотел бросить какой-то обидный горький упрёк. Но, так ничего и не сказав, снова принимался кружить, бормоча и оглядываясь на «окошко».

...Туда падает камень, и ничего не происходит. Туда проникает человек... Стоп. Вот тут нужно поточнее. Какой именно человек туда проникает?

Во-первых, ты не Трумэн и не Чингисхан. Твой потолок – машинист сцены. Бомбу ты не сбросишь, полмира не завоюешь...

Итак, туда проникает случайный, ничем не выдающийся человек. И его исчезновение здесь, в настоящем, немедленно отзывается катастрофой... Но нас – миллиарды. Что способна изменить одна миллиардная? Это почти ноль! Каждый день на земном шаре десятки людей гибнут, пропадают без вести, и что характерно – без малейшего ущерба для истории и прогресса...

А откуда ты знаешь, что без ущерба?

Знаю. Потому что вон они – светящиеся спирали вдалеке, и коттеджик ещё можно рассмотреть в сумерках...

Ах, проверить бы... Только как? «Вася, помнишь, я тебе

неделю назад трояк занял и до сих пор молчу? Так вот, Вася, я тебе о нём вообще не заикнусь, только ты, пожалуйста, окажи мне одну маленькую услугу. Просунь вон туда голову и, будь любезен, скажи, что ты там видишь: степь или пустыню?» Глупо...

Вот если бы дыра вела в прошлое – тогда понятно. Личность, знающая наперёд ход истории, – сама по себе опаснейшее оружие. А здесь? Ну станет меньше одним монтировщиком сцены...

Так-так-так... Становится меньше одним монтировщиком сцены, вокруг его исчезновения поднимается небольшой шум, кто-то обращает внимание на то, что часть стены в одном из «карманов» новенькая, свежесложенная, стенку взламывают, приезжают учёные, а там – публикации, огласка, новое направление в исследованиях, изобретают какую-нибудь дьявольщину – и серая пустыня в перспективе... Ну вот и распутал...

Нет, не распутал. В том-то и дело, что не сложена ещё эта стенка и никто не поднимал ещё никакого шума. Единственное событие: А. Склярлов перелез отсюда туда.

«Не надо было дотрагиваться. – Андрей с ненавистью смотрел на тёмно-синий овал. – Наблюдал бы и наблюдал себе... Нет, захотелось дураку чего-то большего! Потрогал руками? Прикоснулся? Вот и расплачивайся теперь! Был ты его хозяином, а теперь оно твой хозяин».

Так что же от него зависит? Андрею нет и тридцати.

Неужели что-то изменится, неужели какой-то небывалый случай поставит его перед выбором: быть этому миру или не быть?..

Но нет ведь такого случая, не бывает! Хотя... в наше время...

Скажем, группа террористов угоняет стратегический бомбардировщик с целью спровоцировать третью мировую... Точно! И надо же такому случиться: на борту бомбардировщика оказывается Андрей Складов. Он, знаете ли, постоянно околачивается там после работы. Производственная трагикомедия с элементами детектива. Фанатики-террористы и отважный монтировщик с разводным ключом...

Андрей подошёл к гаснущему миражику. То ли пощады просить подошёл, то ли помощи.

– Что я должен сделать? – тихо спросил он. И замолчал.

А должен ли он вообще что-то делать? Может быть, ему как раз надо не сделать чего-то, может быть, где-то впереди его подстерегает поступок, который ни в коем случае нельзя совершать?

Но тогда самый простой вариант – это надёжно замуровать «карман», только уже не изнутри, а снаружи; разослать, как и предполагалось, прощальные письма и в тихом уголке сделать с собой что-нибудь тоже очень надёжное.

Несколько секунд Андрей всерьёз рассматривал такую возможность, но потом представил, что вот он перестаёт существовать и в тот же миг в замурованном «кармане» мира-

жик подёргивается рябью, а когда снова проясняется, то там уже пустыня.

– Господи... – тихонько проскулил Андрей. – За что? Я же не этого хотел, не этого... Ну что я могу? Я хотел уйти, начать всё сначала и... и всё. Почему я? Почему опять всё приходится на меня?..

Он плакал. А в чёрно-синем «окошке», далеко за рекой, медленно, как бы остывая, гасли бледно-голубые спирали.

* * *

Было около четырёх часов утра, когда Андрей вылез через окно на мокрый пустой тротуар. Постоял, беспомощно поёживаясь, совсем забыв, что можно поднять воротник. Отойдя шагов на пятнадцать, догадался вернуться и прикрыть окно.

Сапер вынесет бомбу на руках, бережно уложит её в наполненный песком кузов и взорвёт где-нибудь за городом... Ходячая бомба. Бомба, которая неизвестно когда взорвётся, да и взорвётся ли?..

Не было сил уже ломать голову, строить предположения, даже прибавить шагу и то не было сил. И тогда, словно сжалившись над Андреем, истина открылась ему сама собой, незаметно, без всяких там «неожиданно», «внезапно», «вдруг»...

Он не удивился и не обрадовался ей, он подумал только,

что всё, оказывается, просто. И что странно, как это он сразу не сообразил, в чём дело.

Монтировщик сцены А. Скляр — далеко не обыкновенный человек. Мало того, он единственный, кто нашёл «окошко» и видел в нём будущее.

Мир был заведомо обречён, и в миражике, возникшем однажды в заброшенном «кармане» захолустного драмтеатра, месяцы, а может быть, и годы отражалась серая мёртвая пустыня... Пока не пришёл человек. Требовался ли здесь именно Андрей Скляр? Видимо, этого уже никто никогда не узнает — случай неповторим...

Андрей лежал тогда на каменном полу, жалкий, проигравший дотла всю свою прежнюю жизнь, никому ничем не обязанный; он не видел ещё «окошка», а оно уже менялось: в нём таяло, пропадало исковерканное здание и проступали цветные пятна неба, травы, проступали очертания коттеджика и спиралей на том берегу...

Город спал. Город был огромен. И казалось невероятным, что на судьбу его может как-то повлиять человек, одиноко бредущий по светлым от влаги и белых ламп асфальтам.

Он должен был что-то сделать. Какой-то его не совершённый ещё поступок мог спасти летнюю жёлто-серебристо-зелёную степь и хозяйку забавных металлических зверьков...

...И никто не поможет, не посочувствует, потому что придётся обо всём молчать, хотя бы из боязни: не убьёшь ли ты миражик тем, что расскажешь о нём ещё кому-ни-

будь...

...И пробираться время от времени к своему «окошку» со страхом и надеждой: не пропустил ли ты решающее мгновение, жива ли ещё степь, светятся ли ещё спирали на том берегу?..

Андрей остановился посреди пустой площади и поднял голову.

– Дурак ты, братец, – с наслаждением выговорил он в проясняющееся со смутными звёздами небо. – Нашёл, кого выбрать для такого дела!

В Бога он не верил, стало быть имел в виду весь этот запутанный клубок случайностей, привязавший к одному концу нити человека, к другому – целую планету.

– Я попробую, – с угрозой пообещал он. – Но если ни черта не получится!..

Короткими злыми тычками он заправил поплотнее шарф, вздёрнул воротник пальто и, снова запрокинув к небу бледное измученное лицо, повторил, как поклялся:

– Я попробую.

1981

Щёлк!

В психиатрической клинике меня встретили как-то странно.

– Ну наконец-то! – выбежал мне навстречу молодой интеллигентный человек в белом халате. – Как бога вас ждём!

– Зачем вызывали? – прямо спросил я.

Он отобрал у меня чемоданчик и распахнул дверь.

– Я вообще противник подобных методов лечения, – возбуждённо говорил он. – Но разве нашему главврачу что-нибудь докажешь! Пошёл на принцип... И вот вам результат: третьи сутки без света.

Из его слов я не понял ничего.

– Что у вас, своего электрика нет? – спросил я. – Зачем аварийку-то вызывать?

– Электрик со вчерашнего дня на больничном, – объяснил доктор, отворяя передо мной очередную дверь. – А вообще он подал заявление по собственному желанию...

Та-ак... В моём воображении возникла сизая похмельная физиономия.

– Запойный, что ли?

– Кто?

– Электрик.

– Что вы!..

Из глубины коридора на нас стремительно надвигалась

группа людей в белых халатах. Впереди шёл главврач. Гипнотизёр, наверное. Глаза выпуклые, пронизывающие. Скажет тебе такой: «Спать!» – и заснёшь ведь, никуда не денешься.

– Здравствуйте, здравствуйте, – зарокотал он ещё издали, приветственно протягивая руки, – последняя надежда вы наша...

Его сопровождали два огромных медбрата и женщина с ласковым лицом.

– Что у вас случилось?

– Невозможно, голубчик, работать, – развёл руками главврач. – Света нет.

– По всему зданию?

– Да-да, по всему зданию.

– Понятно, – сказал я. – Где у вас тут распределительный щит?

При этих моих словах люди в белых халатах как-то разочарованно переглянулись. Словно упал я сразу в их глазах. (Потом уже мне рассказали, что местный электрик тоже первым делом бросился к распределительному щиту.)

– Святослав Игоревич, – робко начал встретивший меня доктор, – а может быть, всё-таки...

– Нет, только не это! – оборвал главврач. – Молодой человек – специалист. Он разберётся.

В этот миг стоящий у стены холодильник замурлыкал и затрясся. Удивившись, я подошёл к нему и открыл дверцу.

В морозильной камере вспыхнула белая лампочка.

– В чём дело? – спросил я. – Работает же.

– А вы свет включите, – посоветовали мне.

Я захлопнул дверцу и щёлкнул выключателем. Никакого эффекта. Тогда я достал из чемоданчика отвёртку, влез на стул и, свинтив плафон, заменил перегоревшую лампу.

– Всего-то делов, – сказал я. – Ну-ка включите.

К моему удивлению, лампа не зажглась.

В коридор тем временем осторожно стали проникать тихие люди в пижамах.

– Святослав Игоревич, – печально спросил один из них, – а сегодня опять света не будет, да?

– Будет, будет, – нервно сказал главврач. – Вот специалист уже занимается.

Я разобрал выключатель и убедился, что он исправен. Это уже становилось интересным.

Справа бесшумно подобрался человек в пижаме и, склонив голову набок, стал внимательно смотреть, что я делаю.

– Всё равно у вас ничего не получится, – грустно заметил он.

– Это почему же?

Он опасливо покосился на белые халаты и, подсунувшись поближе, прошептал:

– А у нас главврач со Снуровым поссорился...

– Михаил Юрьевич, – сказала ему ласковая врачиха, – не мешали бы вы, а? Видите, человек делом занят. Шли бы луч-

ше поэму обдумывали...

И вдруг я понял, почему они вызвали аварийную и почему увольняется электрик. Главврач ведь ясно сказал, что света нет во всём здании. Ни слова не говоря, я направился к следующему выключателю.

Я обошёл весь этаж, и везде меня ждала одна и та же картина: проводка – исправна, лампочки – исправны, выключатели – исправны, напряжение – есть, света – нет.

Вид у меня, наверное, был тот ещё, потому что ко мне побежали со стаканом и с какими-то пилюлями. Машинально отпихивая стакан, я подумал, что всё, в общем-то, логично. Раз это сумасшедший дом, то и авария должна быть сумасшедшей. «А коли так, – сама собой продолжилась мысль, – то тут нужен сумасшедший электрик. И он сейчас, кажется, будет. В моём лице».

– Святослав Игоревич! – взмолилась ласковая врачиха. – Да разрешите вы ему! Скоро темнеть начнёт...

Главврач выкатил на неё и без того выпуклые глаза:

– Как вы не понимаете! Это же будет не уступка, а самая настоящая капитуляция! Если мы поддадимся сегодня, то завтра Снурову уже ничего не поможет...

– Посмотрите на молодого человека! – потребовал вдруг интеллигентный доктор. – Посмотрите на него, Святослав Игоревич!

Главврач посмотрел на меня и, по-моему, испугался:

– Так вы предлагаете...

– Позвать Снурова, – решительно сказал интеллигентный доктор. – Другого выхода я не вижу.

Тягостное молчание длилось минуты две.

– Боюсь, что вы правы, – сокрушённо проговорил главврач. Лицо его было очень усталым, и он совсем не походил на гипнотизёра. – Елизавета Петровна, голубушка, приглашайте сюда Снурова.

Ласковая врачиха скоро вернулась с маленьким человеком в пижаме. Он вежливо поздоровался с персоналом и направился ко мне. Я слабо пожал протянутую руку.

– Петров, – сказал я. – Электрик.

– Снуров, – сказал он. – Выключатель.

Несомненно, передо мной стоял виновник аварии.

– Ты что сделал с проводкой, выключатель?! – Меня трясло.

Снуров хотел ответить, но им уже завладел Святослав Игоревич.

– Ну вот что, голубчик, – мирно зарокотал он, поправляя пациенту пижамные лацканы. – В чём-то мы были не правы. Вы можете снова включать и выключать свет...

– Не по инструкции? – изумился Снуров.

– Как вам удобнее, так и включайте, – суховато ответил главврач и, массируя виски, удалился по коридору.

– Он на меня не обиделся? – забеспокоился Снуров.

– Что вы! – успокоили его. – Он вас любит.

– Так, значит, можно?

– Ну конечно!..

Я глядел на него во все глаза. Снуров одёрнул пижаму, посмущался немного, потом старательно установил ступни в положение «пятки – вместе, носки – врозь» и, держа руки по швам, запрокинул голову. Плафон находился как раз над ним.

Лицо Снурова стало вдохновенным, и он отчётливо, с чувством сказал:

– Щёлк!

Плафон вспыхнул. Человек в пижаме счастливо улыбнулся и неспешно направился к следующему светильнику.

1982

Не верь глазам своим

За мгновение до того, как вскочить и заорать дурным голосом, Николай Перстков успел разглядеть многое. То, что трепыхалось в его кулаке, никоим образом не могло сойти за обыкновенного горбатого окунишку. Во-первых, оно было двугорбое, но это ладно, бог с ним... Трагические нерыбьи глаза снабжены ресницами, на месте брюшных плавников шевелили полупрозрачными пальчиками крохотные ручонки, а там, где у нормального честного окунька располагаются жабры, вздрагивали миниатюрные нежно-розовые, вполне человеческие уши. Правое варварски разорвано рыболовным крючком – вот где ужас-то!

Николай выронил страшный улов, вскочил и заорал дурным голосом.

В следующий миг ему показалось, что мостки круто выгнулись с явной целью стряхнуть его в озеро, и Николай упал на доски плашмя, едва не угодив физиономией в банку с червями.

Ненатурально красный червяк приподнялся на хвосте, как кобра. Раздув шею, он отважно уставил на Персткова сияние микроскопические *глаза*, и Николай как-то вдруг очутился на берегу – без удочки, без тапочек и частично без памяти.

Забыв моргать, он смотрел на вздыбленные перекошен-

ные мостки, на которых под невероятным углом стояла и не соскальзывала банка с ополоумевшим червяком. Поперек мостков белело брошенное удилище – минуту назад прямой и лёгкий бамбуковый хлыст, а теперь неясно чей, но, скорее всего, змеиный позвоночник с леской на кончике хвоста.

Николай, дрожа, огляделся.

Розоватая берёза качнула перламутровыми листьями на длинных, как нити, стеблях. Небо... Небо сменило цвет – над прудом расплывалась крошечная чернота с фиолетовым отливом. А пруд был светел. В неимоверной прозрачной глубине его просматривались очертания типовых многоквартирных зданий.

Николай охнул и мягко осел на лиловатый песок.

Мир сошёл с ума...

Мир?

«Это я сошёл с ума...» Грозная истина встала перед Николаем во весь рост – и лишила сознания.

* * *

Снять в июле домик на турбазе «Тишина» считалось среди представителей культуры и искусства делом непростым. Но художнику Фёдору Сидорову (коттедж № 9) свойственно было сверхъестественное везение, актёру ТЮЗа Григорию Чускому (коттедж № 4) – сокрушительное обаяние, а поэту Николаю Персткову (коттедж № 5) – тонкий расчёт и

умение вовремя занять место в очереди.

Молодой Николай Перстков шёл в гору. О первом его сборнике «Окоёмы» хорошо отозвалась центральная критика. Николай находился в творческом отпуске: работал над второй книгой стихов «Другорядь», поставленной в план местным издательством. Работал серьёзно, целыми днями, только и позволяя себе, что посидеть с удочкой у озера на утренней и вечерней зорьке.

Кроме того, вечерами творить всё равно было невозможно: где-то около шести раздавался первый аккорд гитары и над турбазой «Тишина» раскатывался рыдающий баритон Чуского. А куплет спустя многочисленные гости Григория совсем уже пропащими голосами заводили припев: «Ай, нэ, нэ-нэ...»

К полуночи хоровое пение выплёскивалось из коттеджа № 4 и медленно удалялось в сторону пристани...

* * *

Беспмятство Николая было недолгим. Очнувшись, он некоторое время лежал с закрытыми глазами и наслаждался звуками. Шелестели берёзы. В девятом домике (у Сидорова) работал радиоприёмник – передавали утреннюю гимнастику.

Потом над поэтом зашумели крылья, и на берёзу тяжело опустилась птица. Каркнула.

«Ворона... – с умилением подумал Перстков. – Что же это со мной такое было?»

Надо полагать, временное помрачение рассудка. Николай открыл глаза и чуть не потерял сознание вторично. На вершине розоватой берёзы разевала зубастый клюв какая-то перепончатая мерзость.

Теперь уже не было никакой надежды – он действительно сошёл с ума. И полетели, полетели обрывки страшных мыслей о будущем.

Книгу стихов «Другорядь» вычеркнул из плана, потому что творчеством умалишённых занимается совсем другое издательство. На работе скажут: дописался, вот они, стихи, до чего доводят... Тесть... О господи!..

Перстков медленно поднялся с песка.

– Не выйдет! – хрипло сказал он яркому подробному кошмару. – Не полу-чит-ся!

Да, он прекрасно понимает, что сошёл с ума. Но остальные об этом не узнают! Никогда! Он им просто не скажет. Какого цвета берёза? Белая. Кто это там каркает? А вы что, сами не видите? Ворона!

Безумие каким-то образом овладело только зрением поэта, слуху вполне можно было доверять.

И Перстков ринулся к своему коттеджу, где с минуты на минуту должна была проснуться жена.

Два десятка метров пути доставили ему массу неприятных ощущений. Ровная утоптанная тропинка теперь горби-

лась, проваливалась, шла по синусоиде.

«Это мне кажется, – успокаивал себя Перстков. – Для других я иду прямо».

Пока боролся с тропинкой, не заметил, как добрался до домика. Синий деревянный коттеджик был искажён до неузнаваемости. Дырки в стене от выпавших сучков – исчезли. И чёрт бы с ними, с дырками, но теперь на их месте были глаза! Прозревшие доски с любопытством следили за приближающимся Николаем и как-то нехорошо перемигивались.

– Коля! – раздался испуганный крик жены. – Что это такое?

Из-за угла перекошенного коттеджа, держась тонкой лапкой за стену, выбралось кривобокое существо с лиловым лицом. Оно озиралось и что-то боязливо причитало.

Николай замер. Жена (а это, несомненно, была жена), увидев его, взвизгнула и опрометью бросилась за угол.

«Черт возьми! – в смятении подумал Николай. – Что ж у меня, на лбу написано, что я не в себе?»

Вбежав в коттедж, он застал жену лежащей ничком на полуопрокинутой, словно бы криво присевшей кровати.

– Вера... – сдавленно позвал он.

Существо глянуло на него, ойкнуло и снова зарылось носом в постель.

– Вера... Понимаешь, какое дело... Я... Со мной...

С каждым его словом лиловое лицо изумлённо припод-

нималось над подушкой. Потом оно повернулось к Николаю и широко раскрыло выразительные, хотя и неодинаковые по размеру глаза.

– Перстков, ты, что ли?

Растерявшись, Николай поглядел почему-то на свои пятнистые ладони. Сначала ему показалось, что вдоль каждого пальца идёт ряд белых пуговок. Присмотревшись, он понял, что это присоски. Как на щупальцах у кальмара.

– Господи, ну и рожа! – вырвалось у жены.

– На себя посмотри! – огрызнулся Николай – и существо, ахнув, бросилось к висящему между двумя окнами зеркалу.

Николай нечаянно занял хорошую позицию – ему удалось одновременно увидеть и лиловое лицо, и малиновое его отражение. Резанул душераздирающий высокий вопль – и лиловая асимметричная жена кинулась на поэта. Тот отпрыгнул, сразу не сообразив, что кидаются вовсе не на него, а в дверной проём...

Так кто из них двоих сумасшедший?

На отнимающихся ногах Николай пошёл по волнистому полу – к зеркалу. Что он ожидал там увидеть? Привычное свое отражение? Нет, конечно. Но чтобы такое!..

Глаза слиплись в подобие лежащей восьмёрки. Рот ороговел – безгубый рот рептилии. На месте худого кадыка висел кожистый дряблый зоб, сильно оттянутый книзу, потому что в нём что-то было – судя по очертаниям, половинка кирпича. Господи, ну и рожа!..

Николай схватился за кирпич и не обнаружил ни кирпича, ни зоба. Тонкая жилистая шея, прыгающий кадык... Вот оно что! Значит, осязанию тоже можно верить. Как и слуху...

Кое-как попав в дверь, Николай вывалился на природу. Небо над головой золотилось и зеленело. Жены видно не было. Откуда-то издали донесся её очередной взвизг. Надо понимать, ещё на что-то наткнулась...

* * *

Машинально перешагивая через мнимые пригорки и жестоко спотыкаясь о настоящие, Перстков одолел метров десять и, обессилев, прилёг под ивой, которая тут же принялась с ним заигрывать – норовила обнять длинными гибкими ветвями. На ветвях росли опять-таки глаза – томные, загадочные, восточные. Реяли также среди них алые листья странной формы. Эти, складываясь попарно, образовывали подобия полуоткрытых чувственных ртов. Николай был мгновенно ими испятнан.

– Ты, дура!.. – заверещал Перстков, вырываясь из нежных объятий. – Ты что делаешь!..

В соседнем домике кто-то всхрапнул, заворочался, низко пробормотал: «А ну, прекратить немедленно!..» – перевернулся, видно, с боку на бок, и над исковерканной турбазой «Тишина» раскатился раздольный баритональный храп.

Рискуя расшибиться, Николай побежал к коттеджу № 4.

Комната была перекошена, как от зубной боли. На койке, упираясь огромными ступнями в стену, спал человек с двумя профилями.

– Гриша, Гриш!..

Спящий замычал.

– Гриша, проснись! – крикнул Николай.

Человек с двумя профилями спустил ноги на пол и сел на койке, не открывая глаз.

– Гриша!

Ведущий актёр ТЮЗа Григорий Чуский разлепил веки и непонимающе уставился на Персткова.

– Никола, – хрипловато спросил он, – кто это тебя так?

Затем глаза его раскрылись шире и обежали перекошенную комнату. Он посмотрел на хлебный нож, лезвие которого пустило в стол гранёные металлические отростки, на странный предмет, представляющий собой помесь пивной кружки с песочными часами, – и затряс профилями.

Потом вскочил и с грохотом устремился к выходу. Двери как не бывало – в стене зиял пролом, что тоже, несомненно, было обманом зрения, и Николай в этом очень быстро убедился, бросившись следом и налетев на косяк.

– Н-ни себе чего!.. – выдохнул где-то рядом Чуский. – И это что же, везде так?

– Везде! – крикнул Николай, отрывая руку с присосками от ушибленного лба.

– Н-ни себе чего!.. – повторил Чуский, озираясь.

Часть лица, примыкающая к его правому профилю, выглядела испуганной. Часть лица, примыкающая к его левому профилю, выражала изумление и даже любопытство.

— А как все вышло-то?

— Рыбу я ловил! — закричал Перстков. — Пока клевало — все нормально было. А подсёк...

* * *

Турбаза напоминала кунсткамеру. Мало того, через каждые несколько шагов это нагромождение нелепостей преобразалось. Наклонённый, подобно шлагбауму, шест со скворечником над коттеджем № 8 внезапно выпрямился; но зато сам скворечник превратился в розовую витую раковину, насквозь просаженную мощным шипом. От раковины во все стороны мгновенно и беззвучно прокатилась волна изменений, перекашивая небо и деревья, разворачивая домики, заново искажая перспективу.

Как ни странно, актёр спотыкался мало. Причина была проста: он почти не глядел под ноги. Николай предпочитал держаться справа, потому что левый профиль Григория доверия не внушал — это был профиль авантюриста.

— Ну что ты всё суетишься, Никола! — скрывая растерянность, актёр говорил на пугающих низах. — Ну странное что-то стряслось... Но не смертельное же!..

По левую руку его золотился штaketник, местами перехо-

дя в узорную чугунную решётку.

– Да как же не смертельное! – задохнулся Перстков. – А книга моя «Другорядь» теперь не выйдет – это как? А чего мне стоило пробить первый сборник – знаешь?.. Не смертельное... Ты посмотри, что с миром делается! Может, теперь вообще ничего не будет – ни литературы, ни театра!..

Чуский с интересом озирает открывающийся с пригорка вид.

– Театр исчезнуть не может, – машинально изрёк он, видимо уловив лишь последние слова Николая. – Театр – вечен.

– Ну, значит, изменится так, что не узнаешь!

– Эва! Огорчил! – всхрипнул внезапно Григорий. – Там не менять – там ломать пора. Особенно в нашем ТЮЗе...

И Перстков усомнился: верить ли слуху.

– Я знаю, почему ты так говоришь! – закричал он. – У тебя с дирекцией трения! А я?.. А мне?..

Острая жалость к себе пронзила Персткова, и он замолчал. Мысль о погибшем сборнике терзала его. Ах, «Другорядь», «Другорядь»... «Моих берёз лебяжьи груди...» Какие, к чёрту, лебяжьи! Где вы видели розовых лебедей?.. Да и не в лебедях дело! Будь они хоть в клеточку – кто теперь станет заниматься сборником стихов Николая Персткова?! Сколько потрачено времени, сил, обаяния!.. Пять лет налаживал знакомства, два года Верку охмурял, одних денег на поездки в Москву ухнул... положительная рецензия аж от

самого Михаила-архангела!..

Всё прахом, всё!

* * *

Ива при виде их затрепетала и словно приподнялась на цыпочки. Даже с двумя профилями Григорий Чуский был неотразим. Узкие загадочные глаза на гибких ветвях влажно мерцали, алые уста змеились в стыдливых улыбках.

– Эх, сколько вас! – оторопело проговорил актёр, останавливаясь.

– Ну чего ты, пошли... – занял Перстков. – Ну её к чёрту! Она ко всем пристаёт...

– А ничего-о... – вместо ответа молвил Григорий. – А, Никола?

И он дерзко подмигнул иве.

– У тебя на роже – два профиля! – с ненавистью процедил Перстков.

– Серьёзно? – Чуский встревожился и, забыв про иву, принялся ощупывать своё лицо. Подержался за один нос, за другой. – Почему же два? – возразил он. – Один.

– Это на ощупь! – проскрежетал Перстков. – На ощупь-то и я тоже прилично выгляжу!..

Актёр поглядел на него и вздрогнул, – видно, очень уж нехороша была внешность поэта.

– Да, братец, – с подкупающей прямоотой согласился он. –

Морда у тебя, конечно... Особенно поначалу... Но знаешь, — поколебавшись, добавил Григорий, — мне вот уже кажется, что ты всегда такой был...

Перстков отшатнулся, но тут в соседнем домике, который, честно говоря, и на домик-то не походил, забулькал электро-орган, и кто-то задушевно, по складам запел:

...са-лавь-и жи-вут на све-те
и-и прасты-ые си-за-ри-и...

— Это у Фёдора! — вскричал Чуский.

* * *

Актёр и поэт ворвались в жилище художника. Оно было пусто и почти не искажено. Неубранная постель, скомканные простыни из гипса, в подушке глубокий подробный оттиск круглой сидоровской физиономии с открытыми глазами. На перекошенном столе стояла прозрачная запаянная банка, в которой неприятно шевелились какие-то фосфоресцирующие клешни.

...как пре-кра-аа-сен этот ми-ир, па-сма-три-и... —

глумилась банка. Судя по всему, это и был транзистор.
— Передачи... — со слезами на глазах шепнул Перстков. —

Передачи продолжают... Значит, в городе всё по-прежнему...

– Или кассеты крутятся, а операторы поразбежались, – негромко добавил Григорий.

– Мы передавали эстрадные песни, – сообщила банка голосом Вали Потапова, диктора местного радио, и замолчала. Опять, видно, что-то там внутри расконтачилось...

Николай зачем-то перевернул лежащий на столе кусок картона.

На картоне был изображён человек с двумя профилями.

– Это он меня вчера, – пояснил Григорий, увидев рисунок.

– И портрет тоже... – с тоской проговорил Николай.

– А что портрет? – не понял Чуский.

– Портрет, говорю, тоже изменился...

Актёр отобрал у поэта картон, всмотрелся.

– Да нет, – с досадой бросил он. – Портрет как раз не изменился.

– Он что, и раньше такой был?

Они уставились друг на друга. Затем Чуский стремительно шагнул к задрапированной картине в углу и сорвал простынку.

У Персткова вырвался нечленораздельный вскрик. На холсте над распластанным коттеджем № 8 розовел скворечник, похожий на витую раковину.

И Николай вспомнил: на городской выставке молодых художников – вот где он видел уже и произрастающие в изоби-

лии глаза, и развёртки домов, и лиловые асимметричные лица на портретах... Мир изменился по Сидорову? Что за чушь!

– Не понимаю... – слабо проговорил Чуский. – Да что он, Господь Бог, чёрт его дерит?..

– Записка, Гриша! – закричал Перстков. – Смотри, записка!

Они осторожно вытянули из-под банки с фосфоресцирующими клешнями белоснежный обрезок ватмана, на котором фломастером было начертано: «Гриша! Я на пленэре. Если проснёшься и будешь меня искать, ищи за территорией».

Ниже привольно раскинулась иероглифически сложная подпись Фёдора Сидорова.

* * *

Штакетник выродился в плетень и оборвался в полутора метрах от воды. Поэт и актёр спрыгнули на лиловый бережок и выбрались за территорию турбазы.

Взбежав на первый пригорок, Чуский оглянулся. Из обмелевшего пруда пыталась вылезти на песок маленькая трёхголовая рептилия.

– Ну конечно, Федька, с-сукин сын! – взревел актёр, выбросив массивную длань в сторону озера. – Авангардист доморощенный! Его манера... – Он ещё раз посмотрел на бес-

помощно барахтающуюся рептилию и ворчливо заметил: – А ящерицу он у Босха спёр...

Честно говоря, Персткова ни в малейшей степени не занимало, кто там что у кого спёр – Сидоров у какого-то Босха или Босх у Сидорова. Несомненно, они приближались к эпицентру. Окрестность обновлялась с каждым шагом, пейзажи так и листались. Вскоре путники почувствовали головокружение, вынуждены были замедлить шаг, а затем и вообще остановиться.

– Может, вернёмся? – сипло спросил Николай. – Заблудимся ведь...

– Я тебе вернусь! – пригрозил Чуский, темнея на глазах. – Ты у меня заблудишься! Ну-ка!..

И они пошли напролом. Мир словно взбурлил: линии прыгали, краски вспыхивали и меркли, предметы гримасничали. Перстков не выдержал и зажмурился. Шагов пять Григорий тащил его за руку, потом бросил. Николай открыл глаза. Пейзаж был устойчив. Они находились в эпицентре.

* * *

Посреди идиллической, в меру искажённой полянки за мольбертом стоял вполне узнаваемый Фёдор Сидоров. Хищное пронзительное око художника стремилось то к изображаемому объекту, то к холсту, увлекая за собой скулу и надбровье. Другое око – голубенькое, наивное – было едва на-

мечено и как бы необязательно.

Поражала также рука, держащая кисть, – сухая, мощная, похожая на крепкий старый корень.

В остальном же Фёдор почти не изменился, разве что полнота его слегка увеличилась, а рост слегка уменьшился. Пожалуй, это было эффектно: нечто мягкое, округлое, из чего грубо и властно проросли Рука и Глаз.

Сидоров вдохновенно переносил на холст часть тропинки, скрупулёзно заменяя камушки глазами и не замечая даже, что в траве и впрямь рассыпаны не камушки, а глаза и что сам он, наверное, впервые в жизни не творит, но рабски копирует натуру.

Актёр и поэт подошли, храня угрожающее молчание. Фёдор – весь в работе – рассеянно глянул на них:

– Привет, мужики! Меня ищете?

– Тебя! – многообещающе пробасил Григорий.

Художник удивился, опустил кисть и уставился на соседей по турбазе. Пауза тянулась и тянулась. Линзообразно поблёскивающее синее око Фёдора отражало то сдвоенный профиль Чуского, то зоб Персткова.

– Мужики! – обретя дар речи, проговорил художник. – Что это с вами?

– Он спрашивает! – загремел Григорий, но Фёдор уже ничего не слышал.

Незначительный левый глаз его увеличился до размеров правого. Художник заворожённо оглядывался: розовый бе-

резняк, тысячеокий, словно Аргус, кустарник, чёрное небо над светлым прудом...

– Не прикидывайся! – закричал Перстков. – Твоя работа, твоя!

Рука с кисточкой, взмыв на уровень синего ока, заслонила сначала верхнюю часть лица Персткова, затем нижнюю.

– Ай, как найдено!.. – еле слышно выдохнул художник. – Характер-то как схвачен, а?.. Гриша, ты не поверишь, но именно так я его и видел!

– Так?! – страшно вскрикнул Перстков, тыча себя пальцем в кадык. – Вот так, да?!

Угодил в яремную ямку, закашлялся.

Григорий, не тратя больше слов, двинулся на Фёдора, и тонкое чутьё художника подсказало тому, что сейчас его будут бить.

– Мужики, вы сошли с ума! – вскричал он, прячась за мольберт. – Вы что же, думаете, что это я? Что мне такое под силу?

Григорий остановился. Стало слышно, как Перстков сидит:

– ...плевать мне, как ты там меня видел!.. Мне главное, чтобы другие меня так не видели!..

Григорий задумался. Они стояли на поляне, подобной огромному солнечному зайчику, над ними прозрачно зеленел зенит, а с тропинки на них с интересом смотрел праздно лежащий глаз, из-за обилия ресниц похожий на ёжика.

Так что был резон в словах Сидорова, был.

* * *

– Хотя... – ошеломлённо сказал художник. – Почему, собственно, не под силу?..

– Ты что с турбазой сделал, шизофреник?.. – просипел Перстков, держась за горло.

Синее око Фёдора мистически вспыхнуло.

– Мужики, – сказал он, – есть гипотеза. – И далее с трепетом: – Что, если видение мира – условность? А, мужики? Простая условность! Принято видеть мир таким, и только таким. Принято, понимаете? Но художник... Художник всё видит по-своему! И он влияет на людское восприятие своими картинами. Мало-помалу, капля по капле...

Праздно лежащий посреди тропинки глаз давно уже усиленно подмигивал Чускому и Персткову: слушайте, мол, слушайте – мудрые вещи мужик говорит.

– ...И вот в один прекрасный миг, мужики, происходит качественный скачок! Все начинают видеть мир таким, каким его раньше видел один лишь художник!.. Творец!..

Перстков растерянно оглянулся на Чуского и оробел. Григорий Чуский стоял рядом – чугунный, зеленоватый. Земля под ним высыхала и трескалась от неимоверной тяжести. Таким, надо полагать, видел Фёдор Сидоров своего друга в данный момент. Наконец актёр шевельнулся, вновь обретая

более или менее человеческую окраску.

– Да вы кто такой будете, Феденька? – бурно дыша, проговорил он. – Врубель – не повлиял! Сикейрос – не повлиял! Фёдор повлиял! Сидоров!

– А это? – Рука с кисточкой, похожая на крепкий старый корень, очертила широкий полукруг, и Чуский оцепенел вторично, пофрагментно зеленея и превращаясь в чугуны.

– Да здесь же ничего на месте не стоит! – К Персткову вернулся голос. – Шаг шагнёшь – всё другим делается!

– Но ведь и раньше так было! Иной угол зрения – иная картина!

– Неправда!

– Было-было, уверяю тебя! Как художник говорю!

– А ну, тихо вы! – дьяконски гаркнул Чуский. – Подумать дайте!..

Минуты две он думал. Потом спросил отрывисто:

– Ты полагаешь, это надолго?

Сидоров развел неодинаковыми руками. Он был счастлив:

– Боюсь, что надолго, Гриша. Предыдущий-то мир, сам знаешь, сколько существовал...

* * *

В перламутрово-розовом березняке раздалось карканье, и слипшиеся на переносице глаза Персткова радостно вытаращились.

– Гри-ша! – приплясывая, завопил он. – Кому ты поверил? На слух-то мир – прежний! На ощупь – прежний.

Похожий на ёжика глаз встревоженно уставился с тропинки на Фёдора. Тот задумался, но лишь на секунду.

– Не всё же сразу, – резонно возразил он. – Сначала, видимо, должно приспособиться зрение...

Перстков отступал от него, слабо отмахиваясь, как от призрака.

– ...потом – слух, ну и в последнюю очередь – осяза...

– Врёшь!! – исступлённо закричал Перстков.

Он прыгнул вперёд, и его лёгкий кулачок, описав дугу, непрофессионально ударился в округлую скулу художника.

Небо шарахнулось от земли и стало насыщенно-синим. Берёзы побледнели. Линия штaketника распрямилась.

– У-у-у!.. – с ненавистью взвыл Перстков, опуская пятку на праздно лежащий посреди тропинки глаз.

* * *

В следующий миг поэт уже прыгал на одной ножке. Осязание говорило, что в босую подошву вонзился крепкий, прокалённый на солнце заволжский репей. Николай вырвал его, хотел отшвырнуть...

Репей! Это был именно репей, а никакой не глаз! Николай стремительно обернулся и увидел, что у Григория Чуского снова всего один профиль. Синие домики за оградой выстро-

ились по ранжиру, как прежде. Чары развеялись! Колдовство кончилось!.. Или нет? Или ещё один шаг – и всё опять исказится?

Шаг... другой... третий...

– А-а-а! – демонски возопил Перстков. – Получил по морде? Ну и где он теперь, твой мир, а?!

Выражение лица Чуского непрерывно менялось, и Григорий делался похож то на левую, то на правую свою ипостась. Сидоров все ещё держался за скулу.

– Что? Ушибли, да? – пяясь, выкрикивал Перстков. – Синак будет, да?.. Будет-будет, не сомневайся!.. Ты меня так видел? А я тебя так вижу!..

«Да ведь это же я! – холодея, осознал он вдруг. – Я ударил, и все кончилось! Нет-нет, совпадения быть не может... Это мой удар всё изменил!..»

После таких мыслей Перстков уже не имел права пятиться. Он выпрямился, повернулся к Сидорову с Чуским спиной и твёрдым шагом двинулся вдоль штaketника. Но непривычно плоская земля подворачивалась под ноги – и Николай дважды споткнулся на ровном месте.

Тем не менее сквозь ворота под фанерным щитом с надписью «Турбаза „Тишина“» он прошёл, как сквозь триумфальную арку.

Возле коттеджа № 9 пришлось прислониться к деревянной стенке домика и попридержать ладонью прыгающие рёбра. Он смотрел на пыльную зелёную траву, на серый скво-

речник над коттеджем № 8, на прямые рейки штакетника, и, право, слеза навёртывалась.

«Гипноз, – сообразил он. – Вот что это такое было! Просто массовый гипноз. Этот проходимец всех нас загипнотизировал... и себя за компанию...»

Да, но где гарантия, что всё это не повторится?

«Пусть только попробует! – с отвагой подумал Перстков, оттолкнувшись плечом от коттеджа. – Ещё раз получит!..»

Опасения его оказались напрасны. Хотя Николай и ссылался неоднократно в стихах на нечеловеческую мощь своих предков («Мой прадед ветряки ворочал, что не под силу пятерым...»), сложения он был весьма хрупкого. Но, как видим, хватило даже его воробыиного удара, чтобы какой-то рычажок в мозгу Фёдора Сидорова раз и навсегда стал на свое место. Отныне с миром Фёдора можно будет познакомиться, лишь посетив очередную выставку молодых художников. Там, на картоне и холстах, он будет смиренный, ручной, никому не грозящий помешательством или, скажем, крушением карьеры.

* * *

Из-за штакетника слышались голоса – и воинственность Персткова мгновенно испарилась.

– Куда он делся? – рычал издали Григорий. – Ива... Перспектива... Башку сверну!..

Фёдор неразборчиво отвечал ему дребезжащим тенорком.

– Ох и дурак ты, Федька! – гневно гудел Чуский, надо полагать, целиком принявший теперь сторону Сидорова. – Ох дура-ак!.. Ты кого оправдываешь? Это ж всё равно что картину изрезать!..

Николай неосторожно выглянул из-за домика, и Григорий вмиг оказался у штакетника, явно намереваясь перемахнуть ограду и заняться Перстковым вплотную.

Спасение явилось неожиданно в лице двух верхоконных милиционеров, осадивших золотисто-рыжих своих дончаков перед самым мольбертом.

– Что у вас тут происходит?

– Пока ничего... – нехотя отозвался Чуский.

– А кто Перстков?

Николай наострил уши.

– Да есть тут один... – Григорий с видимым сожалением смотрел на домик, за которым прятался поэт, и легонько пошатывал одной рукой штакетник, словно примеривался выломить из него хорошую, увесистую рейку.

– Супруга его в опорный пункт прибежала, на пристань, – пояснил сержант. – Слушайте, ребята, а она как... нормальная?

– С придурью, – хмуро сказал Григорий. – Что он – что она.

– Понятно... – Сержант засмеялся. – Турбаза, говорит, заколдована!..

Второй милиционер присматривался к Фёдору:

– А что это у вас, вроде синяк?

– Да на мольберт наткнулся... – ни на кого не глядя, расстроенно отвечал Фёдор. Он собирал свои причиндалы. Даже издали было заметно, как у него дрожат руки.

Судя по диалогу, до пристани Фёдор «не достал». Видимо, поражённая зона включала только турбазу и окрестности.

– С колдовством вроде разобрались, – сказал весёлый сержант. – Так и доложим... А то там дамочка эта назад идти боится.

* * *

Нет, к чёрту эту турбазу, к чёрту оставшуюся неделю... Вот только Вера с пристани вернётся – и срочно сматывать удочки!

Кстати, об удочке... Он её бросил на мостках.

«Надо забрать, – спохватился Перстков. – А то штакетник до воды не достаёт, проходи кто угодно по берегу да бери...»

И Николай торопливо зашагал по тропинке к пруду, вновь и вновь упиваясь сознанием того, что всё в порядке, что мир – прежний, что книга стихов «Другорядь» обязательно будет издана, что жена у него – никакая не лиловая, хотя на это-то как раз наплевать, потому что полюбил он её не за цвет лица: Вера была дочерью крупного местного писателя... что сам он пусть не красавец, но вполне приличный че-

ловек, что берёза...

Николай остановился. Ствол берёзы был слегка розоват. Опять?! Огляделся опасливо. Нет-нет, вокруг был его мир – мир Николая Персткова: синие домики, за ними – ещё домики, за домиками – штaketник... А ствол берёзы – белый, и только белый! Лебяжий! Николай всмотрелся. На стволе по-прежнему лежал тонкий розоватый оттенок.

Перстков перевёл взгляд на суставчатое удище, брошенное поперёк мостков. Оно было очень похоже на змеиный позвоночник.

– Чертовщина... – пробормотал поэт, отступая.

Последствия гипноза? Только этого ему ещё не хватало!

Николай повернулся и побежал к своему коттеджу. Дом глазел на него всеми сучками и дырками от сучков.

«Да это зараза какая-то! – в панике подумал Николай. – Так раньше не было!..»

Мир Фёдора не исчез! Он прятался в привычном, выглядывал из листвы, подстерегал на каждом шагу. Он гнезвился теперь в самом Персткове.

* * *

Григорий Чуский поджидал поэта на крыльце с недобрыми намерениями, но, увидев его, растерялся и отступил, потому что в глазах Персткова был ужас.

Тяжело дыша, Николай остановился перед зеркалом.

Из зеркала на него глянуло нечто смешное и страшноватое. Он увидел торчащий кадык, словно у него в горле полкирпича углом застряло, растянутый в бессмысленной злобной гримаске тонкогубый рот, близко посаженные напряжённые глаза. Он увидел лицо человека, способного ради благополучия своего – ударить, убить, растоптать...

Будь ты проклят, Фёдор Сидоров!

1983

Право голоса

Полковник лишь казался моложавым. На самом деле он был просто молод. В мирное время ходить бы ему в капитанах.

– Парни! – Будучи уроженцем Старого Порта, полковник слегка растягивал гласные. – Как только вы уничтожите их ракетные комплексы, в долину Чара при поддержке с воздуха двинутся танки. От вас зависит успех всего наступления...

Лёгкий ветер со стороны моря покачивал маскировочную сеть, и казалось, что испятнанный тенями бетон колышется под ногами.

Полковник опирался на трость. Он прихрамывал – последствия недавнего катапультирования, когда какой-то фанатик пытался таранить его на сверхзвуковых скоростях. Трость была именная – чёрного дерева с серебряной пластиной: «Спасителю Отечества – от министра обороны».

– Через час противник приступит к утренней молитве и этим облегчит нашу задачу. Нам же с вами не до молитв. Сегодня за всех помолится полковой священник...

Лётчики – от горла до пят астронавты, кинопришельцы – стояли, приподняв подбородок, и лёгкий ветер шевелил им волосы.

Они были не против: конечно же, священник за них помолится и, кстати, сделает это куда профессиональнее.

– Мне, как видите, не повезло. – Полковник непочтительно ткнул именной тростью в бетон. – Я вам завидую, парни, и многое бы отдал, чтобы лететь с вами...

– ТЫ ЧТО ДЕЛАЕШЬ, СВОЛОЧЬ?!

Визгливый штатский голос.

Полковник резко обернулся. Никого. Священник и майор. А за ними бетон. Бетон почти до самого горизонта.

– ЭТО Я ТЕБЕ, ТЕБЕ! МОЖЕШЬ НЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ!

– Продолжайте инструктаж! – разом охрипнув, приказал полковник.

Майор, удивившись, шагнул вперёд:

– Офицеры!..

– МОЛЧАТЬ! – взвизгнул тот же голос. – БАНДИТ! ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО РОТ РАСКРОЙ – Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО С ТОБОЙ СДЕЛАЮ!

Майор даже присел. Кепи его съехало на затылок. Священник, округлив глаза, схватился за наперсный крест.

Строй лётчиков дрогнул. Парни ясно видели, что с их начальством происходит нечто странное.

И тогда, отстранив майора, полковник крикнул:

– Приказываю приступить...

– НЕ СМЕТЬ!

На этот раз окрик обрушился на всех. Строй распался. Кое-кто бросился на бетон плашмя, прикрыв голову руками. Остальные ошалело уставились вверх. Вверху были желто-зелёная маскировочная сеть и утреннее чистое небо.

– ВЫ ЧТО ДЕЛАЕТЕ! ВЫ ЧТО ДЕЛАЕТЕ! – злобно, плачуще выкрикивал голос. – ГАЗЕТУ ЖЕ СТРАШНО РАЗВЕРНУТЬ!

Упавшие один за другим поднимались с бетона. Не бомбёжка. Тогда что?

– Господи, Твоя власть... – бормотал бледный священник.

– А ТЫ! – Голос стал ещё пронзительнее. – СЛУГА БОЖИЙ! ТЫ! «НЕ УБИЙ»! КАК ТЫ СРЕДИ НИХ ОКАЗАЛСЯ?

Полковник в бешенстве стиснул рукоять трости и, заглушая этот гнусный визг, скомандовал:

– Разойтись! Построиться через десять минут!.. И вы тоже! – крикнул он священнику и майору. – Вы тоже идите!

Лётчики неуверенно двинулись кто куда.

– А вы будьте любезны говорить со мной, и только со мной! – вне себя потребовал полковник, запрокинув лицо к пустому небу. – Не смейте обращаться к моим подчинённым! Здесь пока что командую я!

– СВОЛОЧЬ! – сказал голос.

– Извольте представиться! – прорычал полковник. – Кто вы такой?

– НАШЕЛ ДУРАКА! – злорадно, с хрипотцой сказал голос. – МОЖЕТ, ТЕБЕ ЕЩЁ И АДРЕС ДАТЬ?

– Вы террорист?

С неба – или чёрт его знает откуда – на полковника пролился поток хриплой отборной брани. Ни на службе, ни в

быту столь изощрённых оборотов слышать ему ещё не доводилось.

– Я – ТЕРРОРИСТ? А ТЫ ТОГДА КТО? ГОЛОВОРЕЗ! СОЛДАФОН!

Полковник быстро переложил трость из правой руки в левую и схватился за кобуру.

– Я тебя сейчас пристрелю, штафирка поганый! – пообещал он, озираясь.

– ПРИСТРЕЛИЛ ОДИН ТАКОЙ! – последовал презрительный ответ.

Лётчики опасливо наблюдали за происходящим издали. Известно, был ли им слышен голос незримого террориста, но крики полковника разносились над бетоном весьма отчетливо.

Опомнясь, он снял руку с кобуры.

– За что? – сказал он. – Меня дважды сбивали, меня таранили... Какое вы имеете право...

– ДА КТО ЖЕ ВАС ПРОСИЛ? – с тоской проговорил голос. Он не был уже ни хриплым, ни визгливым. – ВЫ ХРАБРЫЙ ЧЕЛОВЕК, ВЫ ЖЕРТВУЕТЕ СОБОЙ, НО РАДИ ЧЕГО? ИСКОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ? БРОСЬТЕ. ОНИ БЫЛИ ИСКОННЫМИ СТО ЛЕТ НАЗАД...

Террорист умолк.

– Вы совершаете тяжкое преступление против государства! – сказал полковник, обескураженный такой странной сменой интонаций. – Вы срываете операцию, от которой...

– ДА У ВАС ДЕТИ ЕСТЬ ИЛИ НЕТ? – Голос снова сорвался на визг. – ХВАТИТ! К ЧЁРТУ! СКОЛЬКО МОЖНО!

– Но почему так? – заорал полковник, заведомо зная, что не переорёшь, – бесполезно. – Почему – так? Вы хотите прекратить войну? Прекращайте! Но не таким же способом! В конце концов, вам предоставлено право голоса!

– А У НАС ЕСТЬ ТАКОЕ ПРАВО? – поразился голос. – ДЛЯ МЕНЯ ЭТО НОВОСТЬ. КОРОЧЕ, НИ ОДИН САМОЛЁТ СЕГОДНЯ НЕ ВЗЛЕТАЕТ! Я ЗАПРЕЩАЮ!

И, точно в подтверждение его слов, за ангарами смолк свист реактивного двигателя. Полковник сорвал кепи и вытер им взмокший лоб.

– Операцию разрабатывал генералитет, – отрывисто сказал он. – При участии министра обороны... И за срыв её мои ребята пойдут под трибунал! Со мной во главе.

– НЕ ТРУХАЙ, БРАТАН! – почему-то перейдя на лихой портовый жаргон, утешил голос. – Я И МИНИСТРУ ТВОЕ-МУ СПИЧКУ ВСТАВЛЮ!

– Да послушайте же! – взмолился полковник, но голос больше не отзывался. Видимо, вставлял спичку министру обороны.

Полковник поднёс к глазам циферблат наручных часов. Операция срывалась... Нет, она уже была сорвана. Он подозвал майора:

– Никого ни под каким предлогом не выпускать с аэродрома! Лётному составу пока отдыхать.

Гладкий слепой телефон без диска.

Нужно было подойти к столу, снять трубку и доложить министру обороны, что операция «Фимиам», от которой зависела судьба всего наступления, не состоялась.

Подойти к столу, снять трубку...

Телефон зазвонил сам.

– Полковник! – Министр был не на шутку взволнован. – Вы начали операцию?

– Никак нет.

– Не начинайте! Вы слышите? Операция отменяется! Вы слышите меня?

– Так точно, – ещё не веря, проговорил полковник.

– Не вздумайте начинать! Вообще никаких вылетов сегодня! Я отменяю... Перестаньте на меня орать!.. Это я не вам, полковник!.. Что вы себе позволяете! Вы же слышали: я отменил...

Звонкий щелчок – и тишина.

Полковник медленно опустил трубку на рычажки.

Кто бы это мог орать на министра обороны?

«А он, кажется, неплохой парень, – подумал вдруг полковник. – Вышел на министра – зачем? Наступление и так провалилось... Неужели только для того, чтобы выручить меня?»

Необычная тишина стояла над аэродромом. Многократные попытки запустить хотя бы один двигатель ни к чему не привели. У механиков были серые лица – дело слишком напоминало саботаж.

Поэтому, когда через четверть часа поступило распоряжение отменить все вылеты, его восприняли как указ о помиловании.

Полковник мрачно изучал настенную карту. Его страна выглядела на ней небольшим изумрудным пятном, но за ближайшие несколько дней это пятно должно было увеличиться почти на треть.

«Не трухай, братан...» Так мог сказать только житель Старого Порта. Вот именно так – хрипловато, нараспев...

Губы полковника покривились.

– Ну спасибо, земляк!..

Слабое жужжание авиационного мотора заставило его выглянуть в окно. Зрелище небывалое и неприличное: на посадку заходил двухместный «лемминг». Сельскохозяйственная авиация на военном аэродроме? Полковник взял микрофон внутренней связи:

– Кто дал разрешение на посадку гражданскому самолету? Чья машина?

– Это контрразведка, господин полковник.

Как? Уже? Невероятно!..

Яркий самолётик коснулся колёсами бетона и побежал мимо радарной установки, мимо гнезда зенитных пулемё-

тов, мимо тягача, ведущего к ангарам горбатый истребитель-бомбардировщик.

Что за дьявольщина! Почему они на «лемминге»? Почему не на помеле, чёрт их подери! Неужели нельзя было воспользоваться армейским самолётом?

Полковник в тихой ярости отвернулся от окна.

О голосе эта публика ещё не пронюхала. Видимо, пожаловали по какому-то другому поводу. Как не вовремя их принесло!..

* * *

Послышался вежливый стук в дверь, и в кабинет вошёл довольно молодой, склонный к полноте мужчина с приветливым взглядом:

– Доброе утро, полковник!

Штатская одежда на вошедшем сидела неловко, но чувствовалось, что форма на нём сидела бы не лучше.

Мягкая улыбка, негромкий приятный голос – типичный кабинетный работник.

И тем не менее – свалившийся с неба на «лемминге».

Полковник поздоровался, бегло проглядев, вернул документы и предложил сесть.

– А вы неплохо выглядите, – добродушно заметил гость, опускаясь в кресло.

– Простите?..

– Я говорю: после того, что случилось, вы неплохо выглядите.

Фраза прозвучала совершенно естественно. Неестественно было другое: о том, что случилось, этот человек не мог знать ничего.

– Вы, собственно, о чём? – подчёркнуто сухо осведомился полковник. Он вообще не жаловал контрразведку.

– Я о голосе, – негромко произнёс гость, глядя ему в глаза. – О голосе, полковник. Мы занимаемся им уже вторую неделю.

Несколько секунд полковник сидел неподвижно.

– Что это было? – хрипло спросил он.

– Вы, главное, не волнуйтесь, – попросил гость. – Вас никто ни в чём не подозревает.

Вот это оплеуха!

– Я, конечно, благодарен за такое доверие, – в бешенстве проговорил полковник, – но о каких подозрениях речь? Операция отменена приказом министра обороны.

– Приказом министра?.. – жалобно морщась, переспросил контрразведчик. – Но позвольте... – У него вдруг стал заплетаться язык. – Ведь в газетах... о министре... ничего...

Минуту назад в кабинет вошёл спокойный до благодушия, уверенный в себе мужчина. Теперь же в кресле перед полковником горбился совершенно больной человек.

– Послушайте. – Полковник растерялся. – Сами-то вы как себя чувствуете? Вам... плохо?

Гость поднял на него глаза, не выражающие ничего, кроме неимоверной усталости.

– Кого голос посетил первым? – с видимым усилием спросил он. – Министра или вас?

– Меня. Точнее – наш аэродром.

– А из ваших людей в разговоре с голосом никто не мог сослаться на министра?

– На министра сослался я, – сказал полковник. – А что, вы подозревали меня именно в этом?

Контрразведчик не ответил. Кажется, он понемногу приходил в себя: откинулся на спинку кресла, глаза его ожили, полные губы сложились в полуулыбку.

– Ну так это совсем другое дело, – произнёс он почти весело. – Тогда давайте по порядку. Что же произошло на аэродроме?

«Ну уж нет, – подумал полковник, разглядывая гостя. – Помогать тебе в поимке этого парня я не намерен. Это было бы слишком большим свинством с моей стороны...»

– Разрешите вопрос? – сказал он.

– Да-да, пожалуйста.

– Вы что, заранее знали о том, что операция сорвётся?

Гость ответил не сразу:

– Видите ли... Голос обычно возникает ранним утром и принимается осыпать упрёками персонал какой-нибудь военной базы. Мы долго не могли понять, откуда он берёт информацию...

– И откуда же?

– Представьте, из утренних столичных газет.

– Не морочьте голову! – резко сказал полковник. – Вы хотите меня убедить, что он развернул сегодня утром газету и прочёл там об операции «Фимиам»?

Гость молчал, улыбаясь не то скорбно, не то иронически.

– Министру обороны это будет стоить карьеры, – сообщил он наконец. – Старичок почувствовал, что кресло под ним закачалось, и, конечно, наделал глупостей... Вообразите: передал газетчикам победные религии в ночь, то есть до начала наступления.

– Сукин сын! – изумлённо выдохнул полковник.

– Совершенно с вами согласен. Так вот, газеты сообщили, что первый удар наносят новейшие, недавно закупленные истребители-бомбардировщики. Где они базируются и кто на них летает, публика уже знала, потому что недавно о вас, полковник, была большая восторженная статья. Как, кстати, ваша нога?

– Да ладно вам! – отмахнулся полковник. – Дальше!

– А собственно, всё. Я рассуждал так: если голос действительно берёт информацию из официальной прессы, то сегодня его жертвой станете вы. Вообще-то, я надеялся успеть сюда до поступления газет в продажу... Гнусная машина этот «лемминг», но на военной я лететь не решился – голос их приземляет.

– Вы вели самолёт сами?

– Что вы! – сказал гость. – Летел с пилотом. Но вы не беспокойтесь – это мой сотрудник. Сейчас он опрашивает лётчиков...

«Скверно... – подумал полковник. – Вечно нам, из Старого Порта, не везёт...»

– Так я слушаю вас, – напомнил контрразведчик.

Пришлось рассказывать. Поначалу гость понимающе кивал, потом вдруг насторожился и бросил на полковника быстрый оценивающий взгляд. Дальше он уже слушал с откровенным недоумением. Дождавшись конца истории, усмехнулся:

– Негусто...

– У меня создаётся впечатление, – холодно сказал полковник, – что вы сомневаетесь в моих словах.

– Правильное у вас впечатление, – нимало не смутясь, отозвался гость. – Именно сомневаюсь.

– И, позвольте узнать, почему?

Контрразведчик снова взглянул в глаза и тихо, ясно произнёс:

– Говор Старого Порта ни с каким другим не спутаешь. А ведь вы даже словом не обмолвились, что он ваш земляк.

«Ну вот и влип, – подумал полковник. – Конечно же, им всё это известно...»

– Да... – в затруднении проговорил он. – Да, разумеется, мне показалось, что... но, знаете, это, в общем-то, мои домыслы... А я старался излагать факты...

В эти мгновения полковник был противен сам себе.

* * *

Полковой священник вошёл в кабинет без стука и сразу поднял руку для благословения. Полковнику и контрразведчику пришлось встать.

– Дети мои... – прочувствованно начал священник, что, как всегда, прозвучало несколько комично. Уж больно он был молод – моложе полковника.

Забавный малый – он, наверное, в детстве мечтал стать военным. Сутана слегка перешита, отчего в ней появилось нечто щеголевато-офицерское, держался он всегда подчёркнуто прямо, проповеди читал, как командовал, и рассказывали, что однажды, повздорив с приходским священником, обозвал того шпаком.

– Дети мои, – в тяжком недоумении вымолвил он. – Как могло случиться, что я среди вас оказался?

Его качнуло вперёд, и в три вынужденных шага он очутился перед столом.

– Свидетельствую! – с отчаянием объявил он. – Слышал глас Божий и свидетельствую!..

– Вы где взяли спирт, святой отец?

Юноша в сутане смерил полковника презрительным взглядом.

– Екиспок, – с достоинством изронил он. Озадаченно на-

хмурился.

– Что? – брезгливо переспросил полковник.

Лицо священника прояснилось.

– Епи-скоп... меня сюда поставил... А не вы, сын мой.

– Как вы смели напиться! – процедил полковник. – Вы! Пастырь! Что вы там себе напридумывали! Какой глас Божий? Это террорист! Против него ведётся следствие!

Священник вскинул голову.

– Опять? – с ужасом спросил он. Полковник понял, что сболтнул лишнее, но тут вовремя вмешался гость.

– Святой отец, – смиренно, чуть ли не с трепетом, обратился он к священнику, – вы слышали глас Божий?

– Слышал, – глухо подтвердил тот.

– И что он вам сказал?

– Он сказал... – Священник задумался. – Он сказал: истребители-бомбардировщики – дьявольское наущение...

– Да не говорил же он этого! – перебил полковник, но гость жестом попросил его умолкнуть.

– А вы не помните, святой отец, кто закупил эти истребители-бомбардировщики?

– Дьявол, – твердо сказал священник.

– Нет, не дьявол, – ласково поправил его гость. – Их закупил Президент. Кесарь, святой отец, кесарь.

Юноша в сутане недоверчиво уставился на контрразведчика.

– Голос... – пробормотал он.

– Да! – с неистовой страстью проповедника возгласил гость. Полковник вздрогнул. – Голос! Чей голос может учить: «Не отдавайте кесарю кесарево»? Чей, если Господь учил нас совсем другому?

Полковнику показалось, что ещё секунда – и священник потеряет сознание.

– Не вы первый, – проникновенно, тихо произнёс гость. – Вспомните Антония, святой отец! Сатана многолик, и он всегда искушает лучших.

– Что-то плохо мне... – совершенно мальчишеским голосом пожаловался священник, поднося ладонь к глазам.

– Вызовите кого-нибудь! – шепнул гость полковнику. – Пусть уложат спать и проследят, чтобы глупостей не натворил...

* * *

Священника вывели под руки.

– Спасибо, – искренне сказал полковник. – Ума не приложу, как это я мог о нём забыть! Конечно же, он пошёл к механикам и надрался.

– Зря вы с ним так жестоко, – заметил гость. – Встреча с голосом – это ведь не шутка. Не у всех нервы такие крепкие, как у вас. Были случаи – стрелялись люди... А то при нынешней обстановке нам только и не хватало какой-нибудь новой секты с политической программой.

– Ловко вы всё повернули, – сказал полковник. – Дьявола – в бога, бога – в дьявола...

– Работа такая, – отозвался гость, и тут кто-то пинком отворил дверь.

В кабинет шагнул коренастый технарь с сержантскими нашивками на рукаве серого комбинезона. Выражение лица – самое свирепое.

– Вы арестовали священника? – прорычал он.

Полковник резко выпрямился в кресле и прищурился. Под этим его прищуром коренастый злобно заворчал, переминаясь, и по истечении некоторого времени принял стойку смирно.

– Вы арестовали священника! – угрюмо повторил он.

– Так это вы его напоили? – осведомился полковник.

– Так точно! – с вызовом сказал коренастый. – Но я же не знал, что ему одной заглушки хватит!

– Заглушки? – с проблеском интереса переспросил гость.

– Это такая крышечка с резьбой, – пояснил полковник.

– Мало ли что он вам тут наговорил! – выкрикнул коренастый. – Он же ничего не соображал! Он мальчишка! Он жизни не видел! За что тут шить политику?

– Да вы, я вижу, и себя не обделили, – зловеще заметил полковник. – Заглушки три-четыре, а? Кто ему шьёт политику? Его отвели проспаться. А вот вы сейчас пойдёте к дежурному и скажете, чтобы он записал вам две недели ареста. И вообще пора бы знать, что в таких случаях начинают не

со священников.

Коренастый сержант вздрогнул и вдруг двинулся с искаженным лицом на контрразведчика.

– Попробуйте только тронуть полковника, – с угрозой произнёс он. – Вы с аэродрома не выберетесь...

– У вас, полковник, огромная популярность среди нижних чинов, – кисло заметил гость. – Я начинаю опасаться, что мне здесь в конце концов размозжат голову.

– Я же знаю, что вам нужно! – почти не скрывая злорадства, бросил сержант. – Все уже знают! Вам нужно найти голос, да? Что вам тут говорил священник? Что он слышал Бога? А я вам точно могу сказать, чей это был голос. Сказать?

– Ну скажите... – нехотя согласился гость. Он выглядел очень утомлённым.

– Это был мой брат! – хрипло проговорил сержант.

– Ну и что? – вяло спросил гость.

Сержант растерялся. Он ожидал совсем другой реакции.

– Вам это... неинтересно?

– Нет, – сказал контрразведчик. – Но вы же все равно от меня не отвяжетесь, пока я не спрошу, кто такой ваш брат и где его искать.

– На кладбище, – сдавленно произнёс сержант. – Пятое солдатское... Одиннадцатая могила в третьем ряду... Он погиб четыре года назад...

Внезапно полковнику стало страшно.

– Ваш брат, – запинаясь, спросил он, – жил в Старом Пор-

ту?

– Никак нет, – глухо ответил сержант. – Мы жили в столице.

– Понятно... – в растерянности сказал полковник и обернулся к гостю. – Сержант вам ещё зачем-нибудь нужен?

– Да он мне как-то с самого начала не очень был нужен, – брюзгливо отозвался тот.

– Можете идти, – поспешно сказал полковник.

* * *

Дверь за сержантом закрылась без стука.

– Я бы, конечно, мог отдать его под трибунал... – У полковника был крайне смущённый вид.

– И весь техперсонал в придачу? – проворчал гость. – Теперь, надеюсь, вы понимаете, что это такое – голос?

– Напрасно вы не выслушали сержанта, – сказал полковник. – Со Старым Портом – явная путаница и вообще какая-то чертовщина...

– У меня нет времени на сержантов, – сквозь зубы проговорил гость. – У меня нет времени на священников... Вам известно, что союзники вывели флот из наших территориальных вод?

– Да, разумеется. Протест оппозиции...

– Да не было никакого протеста, полковник! Просто этот ваш голос допекал их целую неделю...

– Простите! – ошеломлённо перебил полковник. – То, что вы мне сейчас рассказываете... Имею ли я право знать это?

– Не имеете, – сказал контрразведчик. – Данные совершенно секретны. Так я продолжаю... И скандалы он им, заметьте, закатывал на английском языке!.. Неужели вы ещё не поняли: каждый принимает его мысли на своем родном наречии! А вы вдруг опускаете такую важную подробность, говор Старого Порта... Что он, по-вашему, за человек?

Полковник смотрел мимо гостя. Там, за спиной контрразведчика, висела настенная карта с изумрудным пятном, которое должно было за ближайшие несколько дней увеличиться почти на треть.

«Какого чёрта! – решил наконец полковник. – Он сорвал мне операцию! Почему я обязан выгораживать его!..»

– Штатский, – отрывисто сказал он. – Штатский, причём из низших слоёв общества. Вульгарные обороты, истеричен... Хотя... Странно! Был момент, когда он перестал визжать, перешёл на «вы»... и, знаете, мне показалось, что со мной говорит...

– Интеллигент?

– Да! Совершенно иная речь! Как будто в разговор вмешался ещё один человек...

– Это очень важно, – предупредил гость. – Так он был один или их было несколько?

– Право, даже не знаю, – в замешательстве проговорил полковник.

Оба замолчали. Контрразведчик зябко горбился в кресле.

– Мне нужна ваша помощь, полковник, – произнёс он почти безразлично.

Тот удивился:

– Я лётчик...

– ...а не контрразведчик, договаривайте уж!.. Как вы, полковник, ошибаетесь относительно этого господина! Ну, допустим, вы благодарны ему за что-то... Скажем, за приказ министра... Не надо, не надо, вы прекрасно знаете, о чём идёт речь! Но почему вы решили, что это первая и последняя операция, которую он вам срывает? Искать мы его будем долго, так что готовьтесь, полковник. Он вам себя ещё покажет.

Полковник, не отвечая, смотрел на карту за спиной гостя. Хуже всего было то, что контрразведчик прав.

– И чем же я могу вам помочь?

– Когда он за вас возьмётся в следующий раз, – попросил гость, – предупредите его... по-человечески... что он затеял опасную игру. Что у него на хвосте контрразведка. Сошлитесь на меня, укажите фамилию, должность, объясните, где меня найти. Добавьте, что я нехороший человек, что я полнции упрятал за решётку... Он должен на меня выйти! Я не могу больше довольствоваться информацией из вторых рук!

Полковник нервно усмехнулся.

– Вам тогда не придётся спрашивать, – предупредил он. – Вам придётся только отвечать.

– Придётся, – согласился гость. – Но я попробую построить беседу так, чтобы он проговорился всерьёз. Он болтун. Он не может не проговориться... А вы всё ещё колеблетесь: соглашаться или нет? Как вы не поймёте: мы с вами счастливые люди, полковник! Мы нашли применение нашим способностям, а это такая редкость! Нам дала работу война. Лучше, конечно, если бы работу нам дала мирная жизнь, но выбирать не приходится: нам её дала война. А голос... Я не знаю, кто он – докер, служащий... Он неудачник. Ему война не дала ничего. Поэтому, и только поэтому он против нас...

– Я выполню вашу просьбу, – с усилием проговорил полковник.

* * *

Из вежливости он проводил гостя до самолёта. Вблизи «лемминг» выглядел ещё омерзительнее – сплошь был разрисован торговыми эмблемами удобрений и ядохимикатов.

– У меня не выходит из головы один ваш вопрос, – признался полковник. – О количестве голосов. Вы всерьёз полагаете, что их несколько?

Гость искоса взглянул на него:

– А вы такой мысли не допускаете?

– Честно говоря, нет. Я ещё могу поверить, что раз в тысячелетие на планете рождается какой-нибудь сверхтелепат, но поверить в то, что их народилась целая банда и что все

они проживают в нашей стране...

– А где вы ещё найдёте другую такую страну? – с неожиданной злостью в голосе сказал контрразведчик. – Мы живём в постоянном страхе вот уже двадцать лет! Если не война – то ожидание войны! Не сегодня завтра приобретём термоядерное оружие!

Казалось, продолжения не будет. Гость с недовольным видом следил, как его сотрудник и два технаря готовят машину к полёту.

– Психиатрические больницы переполнены, – с горечью, как показалось полковнику, снова заговорил он. – Ежедневно возникают какие-то новые, неизвестные аллергии, нервные расстройства!.. Я не удивлюсь, если окажется, что за двадцать лет стресса люди начали перерождаться, что наружу прорвались способности, о которых мы и не подозревали!..

– Не берусь судить, – осторожно заметил полковник. – Но вы же ещё сказали, что основной мотив голоса – недовольство, что он неудачник... Здесь у вас, по-моему, накладка. Кто же его заставляет быть неудачником? С такими способностями! Подался бы в профессионалы, в гипнотизёры, жил бы себе припеваючи... не влезая в политику...

– Ну а если такой человек и сам не знает о своих способностях? – негромко сказал гость.

– То есть как не знает? – Полковник опешил. – Не знает, что разговаривал со мной? Что заглушил двигатели – не знает?

Гость, прищурясь, словно высматривал что-то в белой бетонной пустыне аэродрома.

– Прочтёт утреннюю газету, взбеленится... – задумчиво проговорил он. – Начнёт мысленно проклипать того, о ком прочёл, спорить с ним, полагая, что собеседник – воображаемый...

– Что? – вырвалось у полковника. – Так он ещё вдобавок ни в чём не виноват?

Гость пожал плечами:

– Наше с вами счастье, полковник, что никто из них не может разозлиться надолго. Их хватает от силы на полчаса, а дальше – отвлекло насущное: служба, семья...

Видно было, что полковник потрясён.

– Как же вы его... Как же вы их будете искать? – проговорил он, глядя на контрразведчика чуть ли не с жалостью. – У вас просто нет шансов! Это же всё равно что вести следствие против Господа Бога...

Контрразведчик ответил ему невесёлой улыбкой.

– Мне нравится ваше сравнение, – заметил он. – В нём есть надежда. Если помните, следствие против Господа было как раз проведено очень удачно... Так вы уж, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе, полковник...

* * *

На улицах столицы шелестели утренние газеты. Они па-

дали в прорези почтовых ящиков, они развёртывались с шорохом в кафе и аптеках, серыми флагами безумия реяли они в руках мальчишек-разносчиков.

Только что открылись киоски. Возле одного из них стоял вчерашний гость полковника и, судя по всему, лететь на этот раз никуда не собирался. Надо полагать, из каких-то его расчётов следовало, что голос сегодня объявится именно в столице.

Контрразведчик купил утреннюю газету, хотя с содержанием её ознакомился ещё вчера вечером. Он всматривался в лица. Лица были утренние, серые. Серые, как газетный лист.

Докеры, служащие поспешно отходили от киоска и бегло проглядывали заголовки. О вчерашнем наступлении – ни слова, будто его и не было. На первой странице – сообщение о том, что министр обороны подал в отставку по состоянию здоровья.

Произожди такое пятнадцатью годами раньше, столица бы задрожала от хохота и возмущённых выкриков. Теперь же – ни звука, только тревожный бумажный шорох да отчаянные, как перед концом света, выкрики газетчиков-мальчишек.

В соседнем кафе задержали седого господина в очках: он, не отрываясь от статьи, достал и поднёс ко рту приборчик, оказавшийся при дознании коробкой с импортными пилюлями.

Были задержаны также несколько полуграмотных субъектов: эти, читая газету, усиленно шевелили губами, словно

бранились шёпотом.

А вскоре дошло и до анекдота: на восточной окраине арестовали своего брата агента – у него была рация нового типа.

Но ведь где-то рядом в толпе двигались и настоящие носители голосов – издёрганные, запуганные, злые, неотличимые от остальных, сами не подозревающие о своей страшной силе. Уткнувшись в газету, они читали о том, что вчера Его Превосходительство господин Президент подписал контракт на постройку в стране первого реактора, способного производить сырьё для термоядерных бомб.

Оставалось вглядываться в лица.

Никто не делился мнениями. Случайно встретившись взглядами, отворачивались или заслонялись газетой. За плечом каждого незримо стоял вежливый господин из контрразведки.

Многие, наверное, мысленно проклинали Президента, мысленно спорили с ним, но как определить, кто из них носитель голоса? А что, если... ВСЕ?

Мысль была нелепая, шальная, тем не менее контрразведчик побледнел и выронил газету.

* * *

Страх и бумажный шорох вздымались над столицей невидимым облаком. Страх и бумажный шорох. Казалось, что вот сейчас нервное напряжение достигнет предела и город,

серый город-паук с его министерствами и тайными канцеляриями, – разлетится в пыль!..

– ТЫ, ПРЕЗИДЕНТ ЧЁРТОВ! – раздался высокий от бешенства голос.

Его Превосходительство господин Президент подскочил в кресле и схватился за кнопку вызова личной охраны.

1983

Маскарад

– А теперь – вручение призов за лучший маскарадный костюм!

Мушкетёры подкрутили усы, Чебурашки поправили ушки, громко затрещали пластмассовыми веерами какие-то придворные дамы.

Один лишь Пётр Иванович, главбух НИИ, был в своём будничном костюме, сером в полоску, – даже не удосужился приодеться ради праздника.

– Первый приз завоевала маска «Марсианин»! – Снегурочка зааплодировала.

К сцене сквозь толпу протиснулось какое-то двуногое – шипастое, рогатое, когтистое, с выхлопной трубой меж лопаток. Раскланиваясь, двуногое грациозно взялось когтями за своё зелёное рыло, стянуло его – и оказалось розовощёким институтским электриком Сазоновым.

– Мо-ло-дец!

– А мне? – глухо, как из бочки, спросил Пётр Иванович, но его не расслышали.

– Второй приз – «Цыганочка Аза»!

Инженер-конструктор Пернатова, отстреливая чёрными глазами мужчин, звеня браслетами и монистами, взвилась на сцену и, в блеске смоляных кудрей и шелесте пёстрых юбок, порхнула к Деду Морозу: «Позолоти ручку, красноносень-

кий, всю правду скажу!»

– Мо-ло-дец!

– А мне? – обиженно повторил главбух и двинулся к сцене.

Его опять не расслышали.

– Третий приз присуждается за костюм «Старик Хоттабыч»!

Директор НИИ, оглаживая длинную бороду из мочалки и снисходительно улыбаясь, прошествовал к сцене.

– Мо-лод-цы! – почему-то во множественном числе скандировал зал.

– А мне? – громко и возмущённо выкрикнул Пётр Иванович, хватая Снегурочку за полу шубки.

– Но у вас же костюма нет, – ослепительно улыбаясь, прошипела Снегурочка.

– А это? – Главбух отпустил шубку и ткнул себя в грудь.

– Но это же не маскарадный костюм! – не выдержал Дед Мороз.

– Так не дадите приз?

– А теперь викторина – «Чудеса в решете»! – звонко объявила Снегурочка, отворачиваясь от Петра Ивановича.

– Ну и ладно!

Оскорблённый главбух взялся рукой за лысину, стянул её вместе с лицом, костюмом, ботинками – и шипастый, когтистый, зеленорылый взлетел в воздух, с трудом протиснулся в форточку и, обиженно завывая выхлопной трубой меж ло-

пато́к, кану́л в метель.

1986

Сила действия равна...

– А ну попробуй обзови меня ещё раз козой! – потребовала с порога Ираида. – Обзови, ну!

Степан внимательно посмотрел на неё и отложил газету. Встал. Обогнув жену, вышел в коридор – проверить, не привела ли свидетелей. В коридоре было пусто, и Степан тем же маршрутом вернулся к дивану. Лёг. Отгородился газетой:

– Коза и есть!..

Газета разорвалась сверху вниз на две половинки. Степан отложил обрывки и снова встал. Ираида не попятилась.

– Выбрали, что ль, куда? – хмуро спросил Степан.

– А-а-а! – торжествующе сказала Ираида. – Испугался? Вот запульну в Каракумы – узнаешь тогда козу!

– Куда хоть выбрали-то? – ещё мрачнее спросил он.

– А никуда! – с вызовом бросила Ираида и села, держа позвончик параллельно спинке стула. Глаза – надменные. – Телекинетик я!

– Килети... – попытался повторить за ней Степан и не смог.

– На весь город – четыре телекинетика! – в упоении объявила Ираида. – А я из них – самая способная! К нам сегодня на работу учёные приходили: всех проверяли, даже уборщицу! Ни у кого больше не получается – только у меня! С обеда в лабораторию забрали, упражнения показали... развива-

ющие... Вы, говорят, можете оперировать десятками килограмм... Как раз хватит, чтоб тебя приподнять да опустить!

– Это как? – начиная тревожиться, спросил Степан.

– А так! – И Ираида, раздув ноздри, страстно уставилась на лежащую посреди стола вскрытую пачку «Родопи». Пачка шевельнулась. Из неё сама собой выползла сигарета, вспорхнула и направилась по воздуху к остолбеневшему Степану.

Он машинально открыл рот, но сигарета ловко сманивировала и вставилась ему фильтром в ноздрию.

– Вот так! – ликующе повторила Ираида.

Степан закрыл рот, вынул из носа сигарету и швырнул об пол. Двинулся, набычась, к жене, но был остановлен мыслью о десятках килограммов, которыми она теперь может оперировать...

* * *

В лаборатории Степану не понравилось – там, например, стоял бильярдный стол, на котором тускло блестел единственный шар. Ещё на столе лежала стопка машинописных листов, а над ними склонялась чья-то лысина – вся в синяках, как от медицинских банок.

– Так это вы тут людей фокусам учите? – спросил Степан.

– Минутку... – отозвался лысый и, отчеркнув ногтем строчку, вскинул голову. – Вы глубоко ошибаетесь, – важно проговорил он, выходя из-за бильярда. – Телекинез – это

отноюдь не фокусы. Это, выражаясь популярно, способность перемещать предметы, не прикасаясь к ним.

– Знаю, – сказал Степан. – Видел. Тут у вас сегодня жена моя была, Ираида...

Лысый так и подскочил:

– Вы – Щекатуров? Степан... э-э-э...

– Тимофеевич, – сказал Степан. – Я насчёт Ираиды...

– Вы теперь, Степан Тимофеевич, берегите свою жену! – с чувством перебил его лысый и схватил за руки. – Феномен она у вас! Вы не поверите: вот этот самый бильярдный шар – покатила с первой попытки! И это что! Она его ещё потом приподняла!..

– И опустила? – мрачно осведомился Степан, косясь на испятнанную синяками лысину.

– Что? Ну разумеется... А вы, простите, где работаете?

Степан сказал.

– А-а-а... – понимающе покивал лысый. – До вашего предприятия мы ещё не добрались. Но раз уж вы сами пришли, давайте я вас проверю. Чем чёрт не шутит – вдруг и у вас тоже способности к телекинезу!

– А что же! – оживился Степан. – Можно.

Проверка заняла минут десять. Никаких способностей к телекинезу у Степана не обнаружилось.

– Как и следовало ожидать, – ничуть не расстроившись, объявил лысый. – Телекинез, Степан Тимофеевич, величайшая редкость!

– Слушай, доктор, – озабоченно сказал Степан, – а выключить её теперь никак нельзя?

– Кого?

– Ираиду.

Лысый опешил:

– Что вы имеете в виду?

– Ну, я не знаю, по голове её, что ли, стукнуть... Несильно, конечно... Может, пройдёт, а?

– Вы с ума сошли! – отступая, пролепетал лысый. И так бедняга побледнел, что синяки на темени чёрными стали.

* * *

– Сходи за картошкой, – сказала Ираида.

Степан поднял на неё отяжелевший взгляд.

– Сдурела? – с угрозой осведомился он.

– Я тебе сейчас покажу «сдурела»! – закричала она. – Ты у меня поговоришь! А ну вставай! Разлётся! Тюлень!

– А ты... – начал было он по привычке.

– Кто? – немедленно ухватилась Ираида. – Кто я? Говори, раз начал! Кто?

В гневе она скосила глаза в сторону серванта. Сервант накренился и, истерически задрезав посудой, тяжело оторвался от пола. Степан, бледнея, смотрел. Потом – по стеночке, по стеночке – выбрался из-под нависшего над ним деревянно-оловянно-стеклянного чудовища и, выскочив в кух-

ню, сорвал с гвоздя авоську...

– ...у-у, к-коза! – затравленно проклокотал он, стремительно шагая в сторону овощного магазина.

* * *

– Знаешь, ты, доктор, кто? – уперев тяжкие кулаки в билярдный стол, сказал Степан. – Ты преступник! Ты семьи рушишь.

Лысый всполошился:

– Что случилось, Степан Тимофеевич?

На голове его среди изрядно пожелтевших синяков красовались несколько свежих – видимо, сегодняшние.

– Вот ты по городу ходишь! – возвысил голос Степан. – Людей проверяешь!.. Не так ты их проверяешь. Ты их, прежде чем телетехнезу своему учить, – узнай! Мало ли кто к чему способный!.. Ты вон Ираиду научил, а она теперь чуть что – мебель в воздух подымает! В Каракумы запульнуть грозитя – это как?

– В Каракумы? – ужаснулся лысый.

Сердце у Степана ёкнуло.

– А что... может?

Приоткрыв рот, лысый смотрел на него круглыми испуганными глазами.

– Да почему же именно в Каракумы, Степан Тимофеевич? – потрясённо выдохнул он.

– Не знаю, – глухо сказал Степан. – Её спроси.

Лысый тихонько застонал.

– Да что же вы делаете! – чуть не плача, проговорил он. – Степан Тимофеевич, милый! Да купите вы Ираиде Петровне цветы, в кино сводите – и не будет она больше... про Каракумы!.. Учили же в школе, должны помнить: сила действия всегда равна силе противодействия. Вы к ней по-хорошему – она к вам по-хорошему. Это же универсальный закон! Даже в телекинезе... Вот видите эти два кресла на колёсиках? Вчера мы посадили в одно из них Ираиду Петровну, а другое загрузили балластом. И представьте, когда Ираида Петровна начала мысленно отталкивать балласт, оба кресла покатались в разные стороны! Вы понимаете? Даже здесь!..

– И тяжёлый балласт? – тревожно спросил Степан.

– Что? Ах, балласт... Да нет, на этот раз – пустяки, не больше центнера.

– Так... – Степан помолчал, вздохнул и направился к двери. С порога обернулся.

– Слушай, доктор, – прямо спросил он. – Почему у тебя синяки на тыковке? Жена бьёт?

– Что вы! – смутился лысый. – Это от присосок. Понимаете, датчики прикрепляются присосками, ну и...

– А-а-а... – Степан покивал. – Я думал – жена...

* * *

Купить букет – полдела, с ним ещё надо уметь обращаться. Степан не умел. То есть умел когда-то, но разучился. Так и не вспомнив, как положено нести эту штуку – цветами вверх или цветами вниз, он воровато сунул её под мышку и – дворами, дворами – заторопился к дому.

* * *

Ираида сидела перед зеркалом и наводила зелёную тень на левое веко. Правое уже зеленело вовсю. Давненько не заставал Степан жену за таким занятием.

– Ирочка...

Она изумлённо оглянулась на голос и вдруг вскочила. Муж подбирался к ней с кривой неискренней улыбкой, *держась за спиной какой-то предмет*.

– Не подходи! – взвизгнула она, и Степан остановился, недоумевая.

Но тут, к несчастью, Ираида Петровна вспомнила, что она как-никак первый телекинетик города. Степана резко приподняло и весьма чувствительно опустило. Сознания он не терял, но опрокинувшаяся комната ещё несколько секунд стремительно убегала куда-то вправо.

Он лежал на полу, а над ним стояла на коленях Ираида, струящая горячие слёзы из-под разнозелёных век.

– Мне?.. – всхлипывала она, прижимая к груди растрёпанный букет. – Это ты – мне?.. Стёпушка!..

Стёпушка тяжело поднялся с пола и, подойдя к дивану, сел. Взгляд его, устремлённый в противоположную стену, был неподвижен и нехорош.

– Стёпушка! – Голос Ираиды прервался.

– Букет нёс... – глухо, с паузами заговорил Степан. – А ты меня – об пол?..

Ираида заломила руки:

– Стёпушка!

Вскочив, она подбежала к нему и робко погладила по голове. Словно гранитный валун погладила. Степан, затвердев от обиды, смотрел в стену.

– Ой, дура я, дура! – заголосила тогда Ираида. – Да что ж я, дура, наделала!

«Не прощу! – исполненный мужской гордости, мрачно подумал Степан. – А если и прощу, то не сразу...»

Через каких-нибудь полчаса супруги сидели рядышком на диване, и Степан – вполне уже ручной – позволял и гладить себя, и обнимать. Приведённый в порядок букет стоял посреди стола в хрустальном кувшинчике.

– Ты не думай, – проникновенно говорил Степан. – Я не потому цветы купил, что телетехнеза твоего испугался. Просто дай, думаю, куплю... Давно ведь не покупал...

– Правда? – счастливо переспрашивала Ираида, заглядывая ему в глаза. – Золотце ты моё...

– Я, если хочешь знать, плевать хотел на твой телетехнез, – развивал свою мысль Степан. – Подумаешь, страсть!..

– Да-а? – лукаво мурлыкала Ираида, ласкаясь к мужу. – А кто это у нас недавно на коврике растянулся, а?

– Ну, это я от неожиданности, – незлобиво возразил Степан. – Не ожидал просто... А так меня никаким телетехнезом не сшибёшь. Подошёл бы, дал бы в ухо – и весь телетехнез!

Ираида вдруг отстранилась и встала.

«Ой! – спохватился Степан. – А что это я такое говорю?»

Поздно он спохватился.

Ираида сидела перед зеркалом и, раздувая ноздри, яростно докрашивала левое веко. За спиной её, прижав ладони к груди, стоял Степан.

– Ирочка... – говорил он. – Я ж для примера... К слову пришлось... А хочешь – в кино сегодня пойдём... Сила-то действия, сама знаешь, чему равна... Я к тебе по-хорошему – ты ко мне по-хорошему...

– Моё свободное время принадлежит науке! – отчеканила она по-книжному.

– Лысой! – мгновенно рассвирепев, добавил Степан. – Кто ему синяки набил? Для него, что ли, мажешься?

Ираида метнула на него гневный взгляд из зеркала.

– Глаза б мои тебя не видели! – процедила она. – Вот попробуй ещё только – прилезь с букетиком!..

– И что будет? – спросил Степан. – В Каракумы запульнёшь?

– А хоть бы и в Каракумы!

Степан замолчал, огляделся.

– Через стенку, что ли? – недоверчиво сказал он.

– А хоть бы и через стенку!

– Ну и под суд пойдёшь.

– Не пойду!

– Это почему же?

– А потому! – Ираида обернулась, лихорадочно подыскивая ответ. – Потому что ты сам туда сбежал! От семьи! Вот! Степан даже отступил на шаг.

– Ах ты... – угрожающе начал он.

– Кто? – Ираида прищурилась.

– Коза! – рявкнул Степан и почувствовал, что подошвы его отрываются от пола.

Далее память сохранила ощущение страшного и в то же время мягкого удара, нанесённого как бы сразу отовсюду и сильнее всего – по пяткам.

* * *

Что-то жгло щёку. Степан открыл глаза. Он лежал на боку, под щекой был песок, а прямо перед глазами подрагивали два невиданных растения, напоминающие жёлто-зелёную колючую проволоку.

Он упёрся ладонями в раскалённый бархан и, взыв, вскочил на ноги.

– Коза!!! – потрясая кулаками, закричал он в тёмный от зноя зенит. – Коза и есть! Коза была – козой останешься!..

Минуты через две он выдохся и принялся озираться. Слева в голубоватом мареве смутно просматривались какие-то горы. Справа не просматривалось ничего. Песок.

Да, пожалуй, это были Каракумы.

* * *

Грузовик затормозил, когда Степану оставалось до шоссе шагов двадцать. Хлопнула дверца, и на обочину выбежал смуглый шофёр в тибетейке.

– Геолог, да? – крикнул он приближающемуся Степану. – Заблудился, да?

Степан брёл, цепляясь штанами за кусты верблюжьей колючки.

– Друг... – со слезой проговорил он, выбираясь на дорогу. – Спасибо, друг...

Шофёра это тронуло до глубины души.

– Садись, да? – сказал он, указывая на кабину.

* * *

Познакомились. Шофёру не терпелось узнать, как здесь оказался Степан. Тот уклончиво отвечал, что поссорился с женой. Километров десять шофёр сокрушённо качал головой и цокал языком. Потом принялся наставлять Степана на путь истинный.

– Муж жена люби-ить должен, – внушал он, поднимая сухой коричневатый палец. – Жена муж уважа-ать должен!.. Муж от жены бегать не до-олжен!..

И так до самого Бахардена.

* * *

Ах, Ираида Петровна, Ираида Петровна!.. Ведь это ж додуматься было надо – применить телекинез в семейной перепалке! Ну чисто дитё малое! Вы бы ещё лазерное оружие применили!..

И потом – учили ведь в школе, должны помнить, да вот и лысый говорил вам неоднократно: сила действия равна силе противодействия. Неужели так трудно было сообразить, что, запульнув вашего супруга на чёрт знает какое расстояние к югу, сами вы неминуемо отлетите на точно такое же расстояние к северу! А как же иначе, Ираида Петровна, – массы-то у вас с ним приблизительно одинаковые!..

* * *

Несмотря на позднюю весну, в тундре было довольно холодно. Нарты ехали то по ягелю, то по снегу.

Первые десять километров каюр гнал оленей молча. Потом вынул изо рта трубку и повернул к заплаканной Ираиде мудрое морщинистое лицо.

– Однако муж и жена – семья называется, – сообщил он с упрёком. – Зачем глаза покрасила? Зачем от мужа в тундру

бегала? Жена из яранги бегать будет – яранга совсем худой будет...

И так до самого Анадыря.

1985

Когда отступают ангелы

Глава 1

Всё, что требовалось от новичка, – это слегка подтолкнуть уголок. Стальная плита сама развернулась бы на роликах и пришла под нож необрезанной кромкой. Вместо этого он что есть силы упёрся в плиту ключом и погнал её с перепугу куда-то в сторону Астрахани.

На глазах у остолбеневшей бригады металл доехал до последнего ряда роликов, накренился и тяжело ухнул на бетонный пол. Наше счастье, что перед курилкой тогда никого не было.

Первым делом мы с Валеркой кинулись к новичку. Оно и понятно: Валерка – бригадир, я – первый резчик.

– Цел?

Новичок был цел, только очень бледен. Он с ужасом смотрел под ноги, на лежащую в проходе плиту, и губы его дрожали.

А потому мы слышали хохот. Случая не было, чтобы какое-нибудь происшествие в цехе обошлось без подкранового Аркашки.

– Люська! – в восторге вопил подкрановый. – Ехай сюда! Гля, что эти чудики учудили! Гля, куда они лист сбросили!

Приехал мостовой кран, из кабины, как кукушка, высунулась горбоносая Люська и тоже залилась смехом.

Илья Жихарев по прозвищу Сталевар неторопливо повернулся к Аркашке и что-то ему, видно, сказал, потому что хотать тот сразу прекратил. Сам виноват. Разве можно смеяться над Сталеваром! Сталевар словом рельсы гнёт.

С помощью Люськиного крана мы вернули металл на ролики и тут только обратили внимание, что новичок всё ещё стоит и трясётся.

Сунули мы ему в руки чайник и послали от греха подальше за газировкой.

– Минька, – обречённо сказал Валера, глядя ему вслед, – а ведь он нас с тобой посадит. Он или искалечит кого-нибудь, или сам искалечится.

– С высшим образованием, наверно... – сочувственно пробасил Вася-штангист. – Недоделанный какой-то... Диплом небось под яблоней прикопал, а сам – сюда, деньгу зашибать...

– Брось! – сказал Валера. – Высшее образование! Какое, к бесу, высшее? Двух слов связать не может...

Впятером мы добили по-быстрому последние листы пакета и, отсадив металл, в самом дурном настроении присели на скамью в курилке.

– Опять забыл! – встрепенулся Сталевар. – Как его зовут?

– Да Гриша его зовут, Гриша!..

– Гриша... – Сталевар покивал. – Григорий, значит... Так,

может, нам Григория на шестой пресс перебросить, а? У них вроде тоже человека нет...

– Не возьмут, – вконец расстроившись, сказал бригадир. – Аркашка уже всему цеху раззвонил. И Люська видела...

Старый Пётр сидел, прямой как гвоздь, и недовольно жевал губами. Сейчас что-нибудь мудрое скажет...

– Вы это не то... – строго сказал он. – Не так вы... Его учить надо. Все начинали. Ты, Валерка, при мне начинал, и ты, Минька, тоже...

В конце пролёта показался Гриша с чайником. Ничего, красивый парень, видный. Лицо у Гриши открытое, смуглое, глаза тёмные, чуть раскосые, нос орлиный. Налитый всклень чайник несёт бережно, с чувством высокой ответственности.

– А как его фамилия? – спросил я Валерку.

Тот вздохнул:

– Прахов... Гриша Прахов.

– Тю-тельки-матютельки! – сказал Сталевар. – А я думал, он нерусский...

Красивый Гриша Прахов остановился перед скамьёй и, опасливо глядя на бригадира, отдал ему чайник.

– Ты, мил человек, – сухо проговорил Старый Пётр, – физическим трудом-то хоть занимался когда?

Тёмные глаза испуганно метнулись вправо-влево, словно соображал Гриша, в какую сторону ему от нас бежать.

– Физическим?.. Не занимался...

– Я вот и смотрю... – проворчал Старый Пётр и умолк до

конца смены.

– Гриш, – дружелюбно прогудел Вася-штангист, – а ты какой институт кончал?

– Институт?.. Аттестат... Десять классов...

Сталевар уставил на него круглые жёлтые глаза и озадаченно поскрёб за ухом.

– Учиться – не учился, работать – не работал... А что ж ты тогда делал?

И мне снова почудилось, что Гриша сейчас бросится от нас бежать – сломя голову, не разбирая дороги...

Но тут загудело, задрожало – и над нашей курилкой проехал мостовой кран.

– Эй! – пронзительно крикнула Люська и, свесившись из окна кабины, постучала себя ногтями по зубам.

Валерка встал.

– За нержавейкой поехала, – озабоченно сказал он. – Пошли, Григорий, металл привезём...

Он сделал два шага вслед за Люськиным краном, потом остановился и, опомнясь, посмотрел на Григория. Снизу вверх.

– Или нет, – поспешно добавил он. – Ты лучше здесь посиди отдохни... Вася, пойдём – поможешь.

Ни на приказ бригадира, ни на отмену приказа Гриша Прахов внимания не обратил. Он глядел в конец пролёта, куда уехала Люська. Потом повернулся к нам, и видно было, что крановщица наша чем-то его потрясла.

– Кто это? – отрывисто спросил он.

– Крановщица, – сказал я.

– А это?.. – Он постучал себя ногтями по ровным белым зубам.

– Нержавейка, – сказал я.

– А почему...

– А потому что из неё зубы делают.

– А-а-а... – с видимым облегчением сказал он и опять устался в конец пролёта, где прыгали по стенам и опорам красные блики с прокатного стана.

* * *

Отработали. Пошли мыться. Выйдя из душевой, в узком проходе между двумя рядами шкафчиков я снова увидел Гришу Прахова. Оказалось – соседи. Вот так – мой шкафчик, а так – его.

– Ну и как тебе, Гриша, у нас?

И знаете, что мне на это ответил Гриша Прахов? Он как-то странно посмотрел на меня и тихо проговорил:

– Какие вы все разные...

И больше я ему вопросов не задавал. Ну его к чёрту с такими ответами!..

Да и торопился я тогда – хотел ещё забежать в универмаг к Ирине, договориться, что делаем вечером. Быстро одевшись, я закрыл шкафчик, но взглянул на Гришу Прахова – и оста-

новился.

Гриша надевал просторную, застиранную почти до потери цвета... Нет, не рубаху. Я не знаю, как это называется. То, что он в конце концов надел, не имело воротника и завязывалось под горлом двумя тесёмками. На самом видном месте, то есть на пузе, мрачно чернел прямоугольный штамп. Кажется, больничный.

Затем Гриша погрузился в штаны. Штаны эти, наверное, не одна канава жевала. Они были коротки и всё норовили упасть, пока Гриша не перетянул их по талии верёвочкой, сразу став неестественно широкобёдрым.

Пиджак был тесен и сгодился бы разве что для протирки деталей. Напялив его, Гриша выдохнул и с хрустом застегнул треснувшую пополам единственную пуговицу.

Снова полез в шкафчик и достал оттуда... Ну, скажем, обувь. Оба каблука были стоптаны, как срезаны, причём наискосок – от внутренней стороны стопы к внешней.

Надев эти отопки прямо на босу ногу, Гриша закрыл шкафчик и тут только заметил, что я на него смотрю.

– Так я пойду? – встревоженно спросил он.

Я кивнул.

Рискуя вывихнуть себе обе ступни, Гриша Прахов неловко развернулся в узком проходе и, нетвёрдо ступая, направился к выходу между двумя рядами шкафчиков.

Я застегнул куртку и вышел следом. Пересменка кончилась, в раздевалке уже никого не было. Только у входа в ду-

шевую стоял Сталевар с полотенцем через плечо. Вытаращив глаза и отвесив челюсть, он смотрел на дверь, за которой, надо полагать, только что скрылся Гриша Прахов.

Глава 2

Пройдя через стеклянный кубик проходной, я увидел Люську. Куртейка на ней – импортная, джинсы – в медных блямбах, на скулах – чахоточный румянец по последней моде. Не иначе жениха поджидает.

– Ты что же это передовиков обхохатываешь? – грозно сказал я. – Смотри! Ещё раз услышу – премии лишу.

Люська запрокинула голову и рассмеялась:

– Ой! Передовики! Раз в жизни Сталевар на пьянке не поймался – так уж сразу и передовики!..

Выпрямить ей нос – цены бы девке не было. А если ещё и норов укоротить...

– А что ж ты думала? – сурово спросил я. – Не пойман – значит передовик!.. С тебя ещё за простой вычесть надо. Из-за кого мы сегодня лист в курилку сбросили? Не из-за тебя, что ли?

– Эх ты! – поразились Люська. – Это как же?

– А так! Новичок как тебя увидел – у него тут же пробки и перегорели. И так вон ничего не соображает, а тут ещё ты со своим краном...

Вместо ответа Люська изумлённо округлила глаза. Это

мне очень напомнило недавний взгляд Сталевара, и я обернулся.

Вдоль бесконечно длинной Доски почёта, рассеянно поглядывая на портреты, ковылял на подворачивающихся каблуках Гриша Прахов. С ума сошёл! Через первую проходную – в таком виде! Свободно ведь могли на выходе взять – и в ментовку...

– Ой!.. – потрясённо выдохнула Люська. – Что это на нём?

– Тихо ты! – цыкнул я. – Не мешай...

Гриша Прахов как раз проходил мимо моего портрета. Покосился равнодушно и не узнал. Да и немудрено. Я сам себя на этой фотографии узнать не мог.

Дальше был портрет Люськи. Гриша вздрогнул и медленно повернулся к стенду лицом.

– Всё, – сказал я. – Готов. Завтра он точно кого-нибудь листом пришибёт. По-моему, тебя, Люсенька, увольнять пора.

Люська заморгала и уже открыла рот, чтобы отбрызнуть меня как следует, когда над ухом раздался знакомый ленивый голос:

– Это кто ж тут у меня девушку отбивает?

Сверкающая улыбка в тридцать два зуба, а над ней радужные фирменные очки в пол-лица. Валька Бехтерь из Нижнего посёлка. Ну-ну... Люське, конечно, видней.

– Отчего же не отбить? – говорю. – День-то какой!

Улыбается Валька Бехтерь. Весело улыбается. Широко.

– Да, – говорит. – Ничего денёк. Солнечный...

Что-то мне в его голосе не понравилось, и, зная про наши с Бехтерем отношения, Люська быстренько подхватила его под руку:

– Ну ладно, Миньк! Привет!

– Привет-привет, – говорю. – До встречи, Люсенька.

Бехтерь при этих моих словах, естественно, дёрнулся, но она уже буксировала его в сторону троллейбусного кольца... Правильно он делает, что очки носит. А то разнобой получается: улыбка наглая, а глаза трусливые...

Тут я вспомнил про Гришу Прахова и обернулся. Перед Доской почёта было пусто. Уковылял уже...

* * *

Весна, помню, стояла какая-то ненормально ранняя – середина апреля, а тепло, как в мае. До универмага я решил пройтись пешком, через сквер. Почки на ветках полопались, ясно белеет сквозь зелёный пух кирпичная заводская стена... А сейчас из-за поворота покажется моя скамейка. Краски на ней – уже, наверное, слоёв семь, а надпись всё читается: «НАТАША». Сразу видно: от души человек резал, крупно и глубоко. Это я – когда в армию уходил. Целую ночь мы с Наташкой на этой скамейке просидели... Там ещё дальше было «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ», но теперь уже всё состругано. Это когда я из армии вернулся и узнал, что Наташка месяц назад замуж вышла...

Я миновал поворот и увидел, что на моей скамейке, опустив голову, сидит какая-то женщина, а рядом играет малыш в комбинезончике. Капюшон её плаща был откинут. Светлые волосы, капризные детские губы...

На скамейке сидела Наташка.

Не дожидаясь, пока она повернёт голову в мою сторону, я перескочил через чёрные нестриженные кусты и беглым шагом пересёк газон у неё за спиной.

Я вот почему так подробно об этом рассказываю: не задай я тогда стрекача – и не было бы всей этой истории. Завтра утром Валерка сплавил бы Григория на шестой пресс, а послезавтра я бы о новичке и думать забыл.

...Очутившись в другой аллее, долго не мог отдышаться. От злости. Чтобы Минька Бударин от кого-то убегал и через кусты прыгал!.. Разве что от милиции – и то по молодости лет... Это от меня всю жизнь бегали... Нет, ну в самом деле! Кто кого бояться должен? Можно подумать, это не она замуж вышла, можно подумать, это я жену из армии привёз!

Вот тут-то мне и попался под горячую руку Гриша Прахов. Задумчиво глядя себе под ноги, наше чудо в перьях брело по соседней дорожке.

– Гриша!

Он оглянулся с испуганно-вежливой улыбкой.

– А ну-ка, иди сюда!

Он узнал меня и, просияв, шагнул навстречу. Остановился. Беспомощно озираясь, потоптался на краешке асфальта.

– Иди-иди, не провалишься, – зловеще подбодрил я его.

Между нами был газон. Голый газон, покрытый влажным чёрно-ржавым пластом прошлогодней листвы.

– Ну! – уже раздражённо сказал я.

Гриша повернулся и торопливо заковылял к выходу из сквера.

– Ты куда?

Гриша остановился и неуверенно махнул рукой.

– Ты что, ненормальный? Перейди по газону!

Перебежал. Но чего ему это стоило! На лбу – испарина, дыхание – как у щенка, глаза косят то вправо, то влево.

– Ты чего?

– Так ведь запрещено же, – преступным шёпотом ответил мне Гриша Прахов.

Взял я его, родимого, за расколотую пуговицу, подтянул к себе и говорю:

– Ты что ж, сукин сын, бригаду позоришь! Денег нет прилично одеться? Это что на тебе за тряпье такое!..

И равномерно его при этом встряхиваю – для убедительности. На слове «тряпье» не рассчитал, встряхнул чуть сильнее, и половина пуговицы осталась у меня в пальцах. Теряя равновесие, Гриша взмахнул руками, пиджак с треском распахнулся, и я снова увидел чёрный больничный штамп.

– Как из мусорки вылез! – прошипел я.

Трясущимися пальцами Гриша пытался застегнуть пиджак на оставшуюся половину пуговицы.

– Приезжий, что ли?

– Приезжий...

– У тебя здесь родственники?

– У меня нет родственников...

– Подкидыш, что ли?

Гриша посмотрел на меня с опаской.

– Пожалуй... – осторожно согласился он.

И пока я пытался сообразить, что это он мне сейчас такое ответил, Гриша Прахов отважился задать вопрос сам:

– Минька, а ты... Тебя ведь Минькой зовут, да?.. Ты не мог бы мне объяснить: если кого-нибудь второй раз заметят, что он ночует на вокзале, – что ему тогда будет?

– А кто ночует на вокзале?

Гриша замялся:

– Это не важно. Ну, скажем... я.

– А почему ты ночуешь на вокзале? Почему не в общежитии?

– Н-ну... Так вышло...

– Как вышло? – заорал я. – Что значит – вышло? Ты приезжий! Тебе положено общежитие! Положено, понимаешь?

– Я понимаю... Но мне сказали...

– Кто сказал? А ну пойдём, покажешь, кто там тебе что сказал!

Ухватил я его за рукав и поволок. Ох, думаю, и выпишу я сейчас чертей этим конторским! За всё сразу!

– Тебя кто на работу принимал? Жирный такой, головён-

ка маленькая – этот? Ну я с ним потолкую! А, ч-чёрт!

Я резко остановился, Гришу занесло, и мне пришлось его поддержать.

– Куда ж мы с тобой идём! – рявкнул я на него. – Сегодня ж суббота!.. У, ш-шалопай! А ну давай точно: как вы там с ним говорили – с этим, из отдела кадров!..

– Он предупредил меня, что с общежитием трудно, – проговорил вконец запуганный Гриша. – И спросил, не могу ли я временно обойтись без общежития...

– Ну! А ты?

– Я сказал, что могу, – уныло признался Гриша Прахов.

Крысу ей, думаю, за пазуху, этой Наташке! Вылезла, дура, на прогулку! Ну вот что мне теперь делать с блаженненьким этим?..

– Ладно, – процедил я наконец. – Сегодня переночуешь у меня, а в понедельник будем кадровика за кадык брать...

По соседней аллее прошли толпой ребята со сталеплавильного. Поравнявшись с нами, засмеялись.

– Кого поймал, Минька?

– Минька, а повязка твоя где?

– Гуляйте-гуляйте, – сердито сказал я. – Погода хорошая...

Глава 3

На проспекте Metallургов нас чуть было не накрыл

дождь, и нырнули мы с Гришей в кафе «Витязь».

Нормальная была забегаловка до Указа. А теперь перелицевали подвальчик – не узнать. С потолка на цепях свешиваются светильники какие-то средневековые из жести, а на торцовой стене богатырь на тонконогом, как журавль, коне рубится со Змеем Горынычем – аж розовое пламя из трёх пастей в косы заплетается.

Зелёного змия, значит, кончает...

Посадил я Гришу в уголке спиной к помещению, чтобы не смущать народ тесёмочным бантиком, а сам пошёл к стойке.

– Миньк! – шепнула мне щекастая белокудрая Тамара. – Кого это ты привёл?

– А это наш новый резчик, – небрежно сказал я. – Нравится?

– Ну и резчики у вас! – Тамара затрясла обесцвеченными кудрями. – Как бы он чего с собой не пронёс... У нас знаешь как сейчас за это гоняют!..

Она соорудила два коктейля, и я вернулся к столику.

– Это... алкоголь? – встревожась, спросил Гриша.

– Ага, – сердито сказал я. – Алкоголь. Чистейшей воды, неразбавленный.

И протянул ему хрупкий высокий стакан, наполненный слоистой смесью. Гриша принял его с обречённым видом.

– Ого, да ты, я смотрю, тоже левша?

Гриша растерянно уставился на свою левую руку.

– Я нечаянно, – сообщил он и поспешно переложил стакан

в правую.

Я удивился. А Гриша вынул из стакана соломинку, побледнел, старательно выдохнул и, зажмурясь, хватил коктейль залпом. Потом осторожно открыл глаза и с минуту сидел, прислушиваясь к ощущениям.

Всё это мне очень не понравилось.

– А ну-ка, давай честно, Гриша, – сказал я. – Пьёшь много?

– Спиртных напитков?

– Да, спиртных.

– Вот... в первый раз... – сказал он и зачем-то предъявил мне пустой стакан. – И на вокзале ещё... Только я тогда отказался...

Я решил, что он так шутит. А Гриша тем временем порозовел, оттаял и принялся с интересом озираться по сторонам: на людей, на Змея Горыныча, на цепные светильники эти...

– Правильно я сделал, что приехал сюда, – сообщил он вдруг.

По лицу его бродила смутная блаженная улыбка.

– И чего я боялся? – со смехом сказал он чуть погодя.

– Боялся? – не понял я. – Кого?

– Вас, – всё с той же странной улыбкой ответил Гриша.

Заподозрив неладное, я быстро заглянул под стол. Бутылки под столом не было. Да и потом, какой же это надо быть сволочью, чтобы сидеть с кем-нибудь из своих и втихаря

пить одному! Опять же – когда бы он успел-то? Пока я к стойке за коктейлем ходил?..

– Почему ты ведёшь меня к себе? – вырвалось вдруг у него.

– А тебе что, на вокзале понравилось?

Гриша опечалился и повесил голову. Видно было, что к своим чёрным блестящим волосам он после душа не прикасался.

– Нет, – сказал он. – На вокзале мне не понравилось...

Он вдруг принялся мотать головой и мотал ею довольно долго. Потом поднял на меня глаза, и я оторопел. Гриша Прахов плакал.

– Минька!.. – сказал он. – Я особо опасный преступник... Я чуть не пролил коктейль себе на брюки.

– Что?

– Особо опасный преступник... – повторил Гриша.

Я оглянулся. Нет, слава богу, никто вроде не услышал.

– Погоди-погоди... – У меня даже голос сел. – То есть как – особо опасный? Ты что же... сбежал откуда?

– Сбежал... – подтвердил Гриша, утираясь своим антисанитарным рукавом.

Я посмотрел на его пиджак, на тесёмочный бантик под горлом и вдруг понял, что Гриша не притворяется.

– А паспорт? Как же тебя на работу приняли без паспорта? Или он у тебя... поддельный?

– Паспорт у меня настоящий, – с болью в голосе сказал

Гриша. — Только он не мой. Я его украл.

Нервы мои не выдержали, и, выхватив из коктейля соломинку, я залпом осушил свой стакан.

— А ну вставай! — приказал я. — Вставай, пошли отсюда!

И, испепеляемые взглядом Тамары, мы покинули помещение. Завёл я Гришу в какой-то двор, посадил на скамеечку.

— А теперь рассказывай, — говорю. — Всё рассказывай. Что ты там натворил?

Плакать Гриша перестал, но, видно, истерика в «Витязе» отняла у него последние силы. Он сидел передо мной на скамеечке, опустив плечи, и горестно поклёвывал своим орлиным носом.

— Закон нарушил... — вяло отозвался он.

— «Свистка не слушала, закон нарушила...» — процедил я. — Ну а какой именно закон?

— Закон? — бессмысленно повторил Гриша. — Закон...

— Да, закон!

— Это очень страшный закон... — сообщил Гриша.

— Как дам сейчас в торец! — еле сдерживаясь, пообещал я. — Мигом в себя придёшь!

Гриша поднял на меня медленно проясняющиеся глаза. Голову он держал нетвёрдо.

— Закон о нераспространении личности... — торжественно, даже с какой-то идиотской гордостью проговорил Гриша Прахов и снова уронил голову на грудь.

Некоторое время я моргал. Закон – понимаю. О нераспространении – понимаю. Личности – тоже вполне понятно. А вот всё вместе...

– Так ты что, в розыске, что ли?

Гриша вздрогнул и посмотрел на меня с ужасом:

– Н-не знаю... Наверное...

– И фотокарточки твои, наверно, в ментовке уже раздали?.. Ну, в милиции, в милиции!

Язык у Гриши заплетался, и следующую фразу он одолел лишь с третьего захода.

– При чём тут милиция? – спросил он.

– Ну если ты закон нарушил!

– Не нарушал я ваших законов! – в отчаянии сказал Гриша. – Свои – нарушал. Ваши – нет.

У меня чуть сердце не остановилось.

– Какие свои? Гриша!.. Да ты... откуда вообще?

– Из другого мира я, Минька, – признался наконец Гриша Прахов.

Я почувствовал, что ноги меня не держат, и присел рядом с ним на скамеечку.

– Из-за рубежа? – как-то по-бабьи привизгнув, спросил я.

– Дальше...

Я потряс головой и всё равно ничего не понял:

– Как дальше?

– Дальше, чем из-за рубежа... – еле ворочая языком, объяснил Гриша Прахов. – С другой планеты, понимаешь?..

В калитку я его внёс на горбу, как мешок с картошкой.

Из-за сарайчика, грозно рывкнув, вылетел Мухтар. Узнал меня, псина, заюлил, хвостом забил. А потом вдруг попятился, вздыбил шерсть на загривке и завыл, да так, что у меня у самого волосы на затылке зашевелились.

Дёрнул я плечом – висит Гриша, признаков жизни не подаёт. Прислонил его к забору, давай трясти:

– Гриш, ты что, Гриш?..

Гриша слабо застонал и приоткрыл один глаз. Слава богу!..

– А ну пошёл отсюда! – закричал я на Мухтара. – Иди в будку! Дурак лохматый!..

В будку Мухтар не пошёл и с угрожающим ворчанием проводил нас до двери, заходя то справа, то слева и прилаживаясь цапнуть Гришу за скошенный каблук. У самого крыльца это ему почти удалось, но в последний момент Мухтар почему-то отпрыгнул и снова завыл.

Злой на себя и на Гришу, я втащил его в прихожую и закрыл дверь. В комнате осеклась швейная машинка.

– Минька, ты? – спросила мать. – А что это Мухтарка выл?

– Да кто ж его знает! – с досадой ответил я. – Тут, мать, видишь, какое дело... Не один я.

По дому словно сквозняк прошёл: хлопнула дверца ши-

фоньера, что-то зашуршало, портьеру размело в стороны, и мать при параде – то есть в наспех накинута шали – возникла в прихожей. На лице – радушие, в глазах – любопытство. Думала, я Ирину привёл – знакомиться.

– А-а-а... – приветливо завела она и замолчала.

Гриша сидел на табуретке, прислонённый к стеночке, и мученически улыбался, прикрыв глаза. И до того всё это глупо вышло, что я не выдержал и засмеялся.

– Вот, мать, нового квартиранта тебе нашёл...

– Ты кого в дом привёл? – опомнясь, закричала она. – Ты с кем связался?

– Да погоди ты, мать, – заторопился я. – Понимаешь, дня на два, не больше... Ну переночевать парню негде!

– Как негде? – Маленькая, кругленькая, она куталась в шаль, как от холода, сверкая глазами то на меня, то на Гришу. – Санитарный день, что ли, в вытрезвителе? Да что ж это за напасть такая! То кутёнка подберёт хромого, то алкаша!..

– Ну-ну, мать, – примирительно сказал я. – Мухтара-то за что? Сама ведь ему лапу лечила, а теперь смотри, какой красавец-кобель вымахал...

Но на Мухтара разговор перевести не удалось.

– Живёт впрохольсть, приبلудных каких-то водит!.. А ну забирай своего дружка, и чтобы ноги его в доме не было!

– Да куда ж я его поведу на ночь глядя?

– А куда хочешь! Под каким забором нашёл – под тем и положишь!

– Да с горя он, мать! – закричал я. – Ну, несчастье у человека, понимаешь? Жена из дому выгнала!

Что-то дрогнуло в лице матери.

– Прямо вот так и выгнала? – с подозрением спросила она.

– В чём был! – истово подтвердил я. – В чём квартиру ремонтировал – в том и выгнала!

– Так надо в суд подать, на раздел, – всё ещё недоверчиво сказала мать.

– И я ему то же самое говорю! А он, дурак, хочет, чтобы как мужчина – всё ей оставить.

– Вот мерзавка! – негромко, но с чувством сказала мать, приглядываясь к Грише. Выражение лица её постепенно менялось. – И что ж вам так с жёнами-то не везёт, а?.. И парень, видать, неплохой...

– В нашей бригаде работает, – вставил я. – В понедельник мы с Валеркой Чернопятовым попробуем ему общежитие выбить...

– Ох, дети-дети, куда вас дети?.. – вздохнула она и пошла в комнату, снимая на ходу с плеч непригодившуюся парадную шаль. – Ладно, постелю ему...

* * *

Ещё раз удивил меня Гриша Прахов. Под тряпьем у него оказалось чистое бельё, вроде даже импортное. Лохмотья его я сразу решил выбросить и поэтому обыскал. В кармане

брюк обнаружился временный пропуск на завод и двадцать три копейки, а за прорвавшейся подкладкой пиджака – в целлофановом пакете – военный билет, свидетельство о рождении, аттестат и паспорт.

Документы я, конечно, проверил. Всё вроде на месте: серия, номер, фотография – Гришкина, не перепутаешь. И в военном билете – тоже, только Гриша там помоложе и по-полнее. Вот ведь чудик, а?

На всякий случай я заглянул и в аттестат, посмотрел, на какой он планете ума набирался. «Полный курс ниже-добринской средней школы...» Далёкая, видать, планета...

Я снова завернул документы в целлофан и, кинув пакет на стол, сгрёб в охапку тряпье на выброс.

Вот не было у бабы хлопот...

Глава 4

Во всяком случае, церемониться я с ним не собирался.

Из глубокой предутренней синевы за окном только-только начали ещё проступать чёрные ветки и зубчатый верх забора, а я уже вошёл в малую комнату и включил свет.

– Подъём! – скомандовал я в полный голос, и Гриша сел на койке. Рывком.

Секунду он сидел напряженный, с широко открытыми невидящими глазами, словно ждал чего-то страшного. Не дождавшись, расслабился и с лёгким стоном взялся за голо-

ву.

– Трещит? – не без злорадства спросил я.

С огромным удивлением Гриша оглядел комнату: вязаный половичок возле кровати, настенный матерчатый коврик с избушкой и оленями, две гераньки в горшочках на узком подоконнике.

Потом он заметил лежащий на столе рядом со стопкой мелочи целлофановый пакет и беспокойно завертел головой.

– Нет твоего тряпья, – сказал я. – Выкинул я его, понял? Наденешь вот это.

И бросил ему на колени свой старый коричневый костюм. Ну как – старый? Новый ещё костюм, хороший, просто не ношу я его.

Гриша отшатнулся и уставился на костюм, как на кобру.

* * *

Светало быстро, завтракали мы уже без электричества. Несмотря на мои понукания, Гриша ел как цыплёнок, стеснялся, молчал.

– Опытом бы поделился, что ли... – буркнул я наконец. – Куда ты её потом дел?

– Кого? – испугался он.

– Я тебе сейчас дам «кого»! Бутылку вчера в «Витязь» пронёс?

– Нет, – быстро сказал он.

– Как это нет? Ты же лыка вчера не вязал, Гриша! До других планет доболтался!

– До других планет? – в ужасе переспросил он.

Гриша отложил вилку. На лбу его блестела испарина.

– Но ведь ты же сам заставил меня пить этот... коктейль... – жалобно проговорил он.

За дурака меня считает, не иначе.

– Гриша, – сказал я, – коктейль был безалкогольный. В «Витязе» с самого Указа вообще ничего спиртного не подают.

Гриша обмяк:

– Но ты же сам тогда сказал: алкоголь...

– Ага... И поэтому ты окосел?

– Да!

«На шестой пресс! – подумал я. – И чем скорее, тем лучше! Сегодня же подойду к Валерке, пусть что хочет, то и делает, но чтобы Гриши этого в бригаде не было!..»

– Ладно, – бросил я. – Давай посуду вымоем, и вперёд. Пора...

* * *

Переодевшись в рабочее, я вышел из бытовки и сразу был остановлен Люськой.

– Говорят, ты новичка у себя поселил? – спросила она.

– А кто говорит?

– Ну кто... Аркашка, конечно.

– Ты ему как-нибудь крюк на каску опусти – может, болтать поменьше будет, – посоветовал я и хотел идти, но Люська опять меня задержала:

– Неужели правда? Аркашка говорит: приютил, в своё одедел...

– Ну приютил! – раздражённо бросил я. – На груди пригрел! Тебе-то что?

– Ничего... – Она отстранилась и с интересом оглядела меня исподлобья. – Просто спросить хотела... Ты его из соски кормить будешь или как?

Вот язва, а? Язвой была – язвой осталась. С детства.

– Ну заberi – у себя поселишь.

– Дурак! – вспыхнув, сказала она. Повернулась и гордо удалилась.

Интересно, под кого ты, Люсенька, клинья подбить решила: под меня или под Гришу? Если под меня, то предупреждаю заранее: бесполезно, я не Бехтерь, я тебя, лапушка, насквозь вижу. Тебе ведь нос чуток выпрямить – и лицо у тебя станет совершенно Наташкино. И словечки у тебя Наташкины то и дело проскакивают. И предательница ты, наверно, такая же... Вообще чертовщина с этими лицами. Взять хоть Ирину из универмага – мордашку ей слегка вытянуть, и опять получается Наташка. Как сговорились.

С такими вот интересными мыслями я подошел к прессу. Только-только принял оборудование у третьей смены, как

Сталевар зычно оповестил:

– Бугор на горизонте! Эх, а весёлый-то, весёлый!..

Я посмотрел. Действительно, на каменной физиономии приближавшегося к нам Валерки Чернопятава оттиснуто было что-то вроде удовлетворённости. Он коротко кивнул бригаде и, приподняв тяжёлый подбородок, остановился перед Гришей.

– Пошли, Григорий, – как бы с сожалением сказал он. – Переводят тебя от нас на шестой пресс.

Гриша беспомощно оглянулся на меня. Я отвернулся к прессу и, нахмурясь, принялся осматривать новые, недавно поставленные ножи. Потом не выдержал и, бросив ветошку, подошёл к нашим.

– В чём дело? – спросил я Валерку.

– Всё в порядке, – заверил он, не оборачиваясь. – На резку ещё одного новичка направляют. Его мы берём себе, а Гришу отдаём шестому прессу.

– И сменный мастер знает?

– А как же! – бодро отозвался он. – Всё согласовано.

– А со мной? – закипая помаленьку, проговорил я. – Со мной ты это согласовал?..

* * *

С Валеркой мы не разговаривали до конца апреля. И это ещё не всё...

Вечером я вспомнил наконец, что хорошо бы забежать в универмаг к Ирине – объяснить, почему исчез.

Забегал, объяснил...

Домой я вернулся с твёрдым намерением как можно быстрее обеспечить Гришу общежитием... Ещё не спрашивали меня, с каким это я бродяжкой пронёс бутылку в кафе «Витязь»! Пусть с покупателями своими так разговаривает...

Никого не обнаружив в комнатах, я сунулся в кухню и увидел там такую картину: Гриша сидел в уголке на табуретке и неумело чистил картошку, внимательно, с почтением слушая сетования матери.

– Всё с неё началось, с Наташки, – жаловалась она. – Поломала, дурёха, жизнь и ему, и себе. А у Миньки-то характер – сам знаешь какой! В ступе пестом не утолчёшь! Из армии пришёл – грозился: мол, в две недели себе жену найду, получше Наташки... И вот до сих пор ищет...

Я вошёл в кухню и прервал эту интересную беседу.

– Ты картошку когда-нибудь чистил? – хмуро спросил я Гришу. – Кто так нож держит? Дай сюда...

Показав, как надо чистить картошку, я перенёс низенькую, ещё отцом сколоченную скамейку к печке, сел и, открыв дверцу, закурил.

– Ну и как там твоя Ирина? – осторожно спросила мать.

Печь исправно глотала табачный дым чёрной холодной пастью. Зверская тяга у агрегата. Дядя Коля, сосед наш, делал...

– Какая Ирина? – нехотя отозвался я. – Не знаю я никакой Ирины.

Мать покивала, скорбно поджав губы. Ничего другого она от меня и не ждала.

– В общем так, Гриша, – сказал я. – Насчёт общежития идём завтра... А что ты на меня так смотришь? Что случилось?

– Картошка кончилась, – виновато ответил Гриша.

– Всю почистил? – обрадовалась мать. – Вот спасибо, Гришенька. Не сочти за труд – сходи во двор, ведро вынеси...

Гриша с готовностью подхватил ведро с кожурой и побежал выполнять распоряжение.

– Знаешь, Минька... – помолчав, сказала мать. – Не надо вам завтра никуда идти. Подумала я, подумала... Возьму я Гришу квартирантом. Всё равно комната пустует.

Я уронил окурок, неудачно поднял его, обжёгся и, повертев в пальцах, бросил в печку. Нет, такого поворота я не ожидал.

– Вежливый, уважительный... – задумчиво продолжала мать. Потом очнулась и посмотрела на меня строго. – Дать бы тебе по затылку, – сказала она, – чтобы голову матери не морочил! Какая его жена из дому выгнала? Он и не женат вовсе. Тоже вроде тебя.

Глава 5

Во дворе шевелили ветками бело-розовые яблони, а я сидел у окна и без удовольствия наблюдал, как Мухтар командует Гришей.

Хитрая псина с низким горловым клокотанием вылезла из будки, и Гриша послушно остановился. Взрыкивая для острастки, Мухтар медленно обошёл вокруг замершего квартиранта и лишь после этого разрешил следовать дальше. Потом, как бы усомнясь в чём-то, снова скомандовал остановиться и придирчиво обследовал Гришины ноги, словно проверяя, по форме ли тот обут. Убедившись, что с обувью (галоши на босу ногу) всё в порядке, не спеша прошествовал к будке и улёгся на подстилку, высоко держа кудлатую голову и строго посматривая, как Гриша с величайшим почтением перегружает содержимое ведёрка в миску.

И такую вот комедию они ломали перед моим окном каждый день, причём ужасно были друг другом довольны. Так и подмывало выйти во двор, ангелочку Грише дать по шее, а наглецу Мухтару отвесить пинка, чтобы знал своё место в природе, псина.

Дождавшись возвращения Гриши, я зловеще спросил его: – А чему ты всё время радуешься?

Действительно, стоило Грише чуть отдохнуть, лицо его немедленно украшалось тихой счастливой улыбкой. Как сей-

час.

На секунду Гриша задумался, потом поднял на меня серьёзные глаза и произнёс негромко:

– Свободе.

– Какой свободе, Гриша? Ты же за калитку не выходишь!

– Выхожу, – быстро возразил он.

– Если мать за хлебом пойдёт, – сказал я. – Слушай, чего ты вообще хочешь?

Гриша растерялся.

– Вот... Мухтара покормил... – как всегда невпопад, ответил он.

– Молодец, – сказал я. – Мухтара покормил, картошку почистил, из окошка во двор поглядел... Устроил сам себе заключение строгого режима и говоришь о какой-то свободе!

– Я объясню, – сказал Гриша. – Можно?

– Валяй, – хмуро разрешил я.

Глаза б мои на него не глядели! Дома – Гриша, на работе – Гриша. И мать, главное, взяла в привычку чуть что в пример мне его ставить: и домосед он, и не грубит никогда, и, что попросишь, всё сделает...

– Скажи, пожалуйста, – начал Гриша, – есть такое наказание, чтобы человека лишали возможности двигаться?

– Нет такого наказания, – сердито сказал я. – Это только в сумасшедших домах смирительные рубашки надевают. На буйных.

– Ну вот, – обрадовался Гриша. – Представь: человека по-

местили в камеру и надели на него такую рубашку. Год он лежал без движения, представляешь?

– Не представляю, – сказал я. – У него за год все мышцы отомрут.

– Ну пусть не год! Пусть меньше!.. А потом сняли с него рубашку. И вот он может пройти по камере, может встать, сесть, выглянуть в окно... Он свободен, понимаешь?

– В камере? – уточнил я.

– В камере! – подтвердил Гриша. – Ему достаточно этой свободы!..

И такие вот разговоры – каждый день.

Привязался однажды: можно ли найти человека, если известны паспортные данные? Я ответил: можно – через горсправку. А если не знаешь, в каком он городе живёт? Ну, тут уж я задумался. Не перебирать же, в самом деле, все города по очереди – так и жизни не хватит.

– А кого ты искать собрался, Гриша?

– Я?.. Никого... Я – так... из любопытства...

Да о чём говорить – одна та история с «Витязем» чего стоит!.. Рассказал Сталевару – тот вылупил на меня совиные свои глаза и радостно предположил: «Так они ж это... коктейли-то, видать, на сырой воде разводят... А Гриньке, стало быть, только кипячёную можно. Вот он и окосел...» Но шутки шутками, а Гриша-то ведь и впрямь трезвенником оказался! То есть вообще ни-ни. Ни капли...

Хотя была однажды ложная тревога. Я сидел в кухне на

своей скамеечке и курил в печку, а Гриша с матерью разговаривали в большой комнате. Что-то мне в их беседе показалось странным. Мать молчала, говорил один Гриша. Я вслушался.

— ...а жители той планеты, — печально излагал наш особо опасный квартирант, — понятия об этом не имели. Вообще считалось, что это варварская, зашедшая в тупик цивилизация...

И что самое удивительное — вязальные спицы в руках матери постукивали мерно, спокойно, словно речь шла о чём-то самом обыкновенном.

— ...он знал, что на этой планете ему не выжить, да он и не хотел... Собственно, это был даже не побег, а скорее форма самоубийства...

Я швырнул окурок в печку и направился в большую комнату. Гриша сидел напротив матери и сматывал шерсть в клубок. Глаза — ясные, голос — ровный.

— О чём это вы тут разговариваете?

— А это мне Гришенька фантазию рассказывает, — с добрым вздохом отвечала мать. — В книжке прочёл...

* * *

Вечером, дождавшись, когда Григорий ляжет спать, я снова подошёл к матери:

— Слушай, мать... Я, конечно, понимаю: квартирант у нас

хороший, лучше не бывает... Но скажи мне честно, мать: тебя в нём ничего не беспокоит?

Она отложила вязанье, сняла очки и долго молчала.

– Ну, странный он, конечно... – нехотя согласилась она. – Но ведь в детдоме рос – без матери, без отца...

– Детдом – ладно, – сказал я. – А вот насчёт других планет – это он как? Часто?

– Да пусть его... – мягко сказала она.

Глава 6

– А что это нашего квартиранта не видать?

Швейная машинка ответила мне длинной яростной репечью, мать же ограничилась тем, что оделила меня сердитым взглядом искоса.

– Не понял, – уже тревожась, сказал я. – Где Гриша?

За окнами было черным-черно. Часы на серванте показывали половину двенадцатого.

– Да не стучи ты, мать, своей машинкой! Он что, не приходил ещё?

– Почему... – сухо и не сразу ответила она. – Приходил. Потом снова ушёл. Да он уж третий вечер так...

– Третий вечер? – изумился я. – Гриша? Вот не знал...

– Откуда ж тебе знать? – вспыхнула она. – Ты сам-то в последнее время дома вечерами бываешь?

Я смущённо почесал в затылке и, прихватив сигареты, вы-

шел из дому.

* * *

Наш переулок, опылённый светом жёлтеньких безмозглых лампочек на далеко разнесённых друг от друга столбах, был весь розово-бел от цветущих деревьев. Я постоял, прислушиваясь.

Минуты две было тихо. И вдруг где-то возле новостройки взвыли собаки. Лай начал приближаться, откочевал вправо, причём из него всё явственней проступали выкрики и топот бегущих ног.

– Что-то слышится родное... – озадаченно пробормотал я.

В частном секторе теперь было шумно, и ядро этого шума катилось напрямик ко мне. Первым из-за угла выскочил высокий широкоплечий парень и припустился наискосок к нашей калитке. Увидев огонёк моей сигареты, шарахнулся и принял оборонительную позу.

– А ну быстро в дом! – негромко скомандовал я. – Быстро в дом, я сказал. Без тебя разберёмся...

И растерянный Гриша Прахов молча скользнул мимо меня во двор. Навстречу ему, угрожающе kloкоча горлом, двинулся спущенный на ночь с цепи Мухтар, но Гриша был настолько взволнован, что просто перешагнул через пса и заторопился по кирпичной дорожке к дому. Ошарашенный таким пренебрежением, Мухтар сел на хвост и, до отказа вы-

вернув голову, уставился вслед. Я прикрыл калитку.

Тут из-за угла выскочили ещё двое. Точно так же метнулись на огонёк моей сигареты, а потом с ними произошло то же, что и с Гришей, – только узнали они меня быстрее и шарахнулись не так далеко.

– Да это же Минька! – растерянно сказал тот, что повыше. Зовут Славкой, фамилии не знаю, живёт в Нижнем посёлке.

А кто второй? Второму фонарь светил в спину, лица не разглядишь. Выдал оскал – широкий, наглый, в тридцать два зуба... Бехтерь.

Со стороны котлована под собачий аккомпанемент подбежал третий. Задохнулся и перешёл на тяжёлую трусцу... А намного их Гриша обставил. Молодец, бегать умеет. Хотя с чего ему не уметь – ноги длинные, голова лёгкая...

– Что, чижики? – ласково спросил я, дождавшись, когда они соберутся вместе. – Детство вспомнили? В догонялки поиграть захотелось? А если мне сейчас тоже поиграть захочется?

Я сделал шаг, и они попятились. Бехтерь перестал улыбаться.

– Нет, Минька... – И я удивился, сколько в его скрипучем голосе было ненависти. – С тобой мы в догонялки играть не будем. А вот с квартирантом твоим ещё сыграем. Так ему и передай.

Я выслушал его и не спеша затянулся.

– Бехтерь, – прищурясь, сказал я, – а помнишь, ты лет пять

назад этот переулочек спичкой мерил? Сколько у тебя тогда спичек вышло?

Вместо ответа Бехтерь издал какой-то змеиный шип.

– Так вот, Бехтерь, – продолжал я. – Если я тебя ещё раз поймаю в нашем районе – заставлю мерить по новой. Только уже не поперёк, а вдоль. Славка!

– Ну!

– Тебя это тоже касается. И дружку своему растолкуй. Я его хоть и не знаю, но личность запомнил.

– А меня-то за что? – баском удивился тот, о ком шла речь.

– А не будешь на свету стоять, – закончил я, топча окурки.

Мать ждала меня в прихожей, приоткрыв дверь во двор.

– Что там, Минька? – спросила она.

– Всё в порядке, мать, – успокоил я. – Так... Нижнинские немножко не разобрались.

Успокоил и направился напрямиком в Гришину комнату. Гриша сидел на койке и расстёгивал рубашку, хотя умные люди обычно начинают с того, что разуваются... Увидев меня, он ужасно смутился и стал почему-то рубашку застёгивать.

– Ну расскажи, что ли, – попросил я, присаживаясь рядом с ним. – Что вы там с Бехтерем не поделили?

Гриша вдруг занервничал, ошетинился.

– Я... отказываюсь отвечать! – заявил он высоким срывающимся голосом.

Это было так не похоже на нашего обычного Гришу, что

физиономия моя невольно расплзлась в улыбке.

– Ну а что я у тебя такого спросил? Я спросил: что вы не поделили...

Гриша вскочил.

– Да что ж такое! – плачуще проговорил он. – Там всё пытавали, теперь здесь...

Смотри-ка, вскакивать начал...

– Да кому ты на фиг нужен! – сказал я, удивлённо глядя на него снизу вверх. – Всё равно узнаю завтра, за что гоняли...

Гриша помолчал, успокаиваясь.

– За Людмилу, – вымолвил он мрачно.

– За Людмилу? – ошарашенно переспросил я. – Ах, за Людмилу...

Я посмотрел на смущённого, рассерженного Гришу и засмеялся:

– А что хоть за Людмила? Я её знаю?

– Как же ты её можешь не знать! – с досадой ответил Гриша. – В одной смене работаем.

Я перестал смеяться:

– Постой-постой... Так это наша Люська? Крановщица?

Гриша молча кивнул.

* * *

– Мать! – крикнул я, втаскивая его за руку в большую комнату. – Посмотри на этого дурака, мать! Ты знаешь, с кем он

связался? С Люськой Шлёповой из Нижнего посёлка!

Мать выронила вишнёвый плюш, которым покрывала швейную машинку, и, всплеснув руками, села на стул.

– Да как же это тебя угораздило, Гришенька?

У Гриши было каменное лицо взятого в плен индейца.

– Он уже и с Бехтером познакомиться успел, – добавил я. – Устроили, понимаешь, клуб любителей бега по пересечённой местности!

Услышав про Бехтера, мать снова всплеснула руками.

– Побьют тебя, Гришенька, – проговорила она, с жалостью глядя на квартиранта.

* * *

Когда на следующий день перед сменой я рассказал обо всём ребятам, отреагировали они как-то странно. Валерка ослабил, Вася-штангист всхотнул басом. Старый Пётр сказал, поморгав:

– А в чём новость-то? Что Гринька с Люськой? Так я это неделю назад знал.

– Неделю? – не поверил я. – А кто разнюхал? Аркашка?

– Ну ты, Минька, силён! – восхитился Сталевар. – Глянь-ка туда.

Я обернулся. Возле правилки, там, где у нас располагается лестница, ведущая на кран, стояли и беседовали Гриша с Люськой. И то ли повернулись они так, то ли свет, сеющий

по цеху из полых стеклянных чердаков в полукруглой крыше, падал на них под каким-то таким особым углом, то ли я просто впервые видел их вместе... Похожи как брат с сестрой. Гриша, правда, черноволосый, а у Люськи – рыжая копна из-под косынки, вот и вся разница.

– Я тоже сначала думал – они родственники, – пробасил над ухом Вася-штангист.

* * *

А после смены я снова встретил Люську у проходной.

– Бехтеря ждёшь? – спросил я. – Или Гришу?

– А ты прямо как свёкор, – кротко заметила она. Глаза её были зелены и нахальны.

– Слушай, Люська! – сказал я. – Чего ты хочешь? Чтобы Бехтерь Гришку отметелил? А я – Бехтеря, да?

– Кто бы тебя отметелил... – вздохнула она.

– Ишь губы раскатала! – огрызнулся я. – Метёлок не хватит!.. Слушай, на кой он тебе чёрт сдался, а? Для коллекции, что ли? Нет, я, конечно, понимаю: парень красивый, видный. Тихий опять же. Стихи, наверное, читает... с выражением.

Люська поглядела на меня изумлённо и вдруг расхохоталась, запрокинув голову:

– Стихи?.. Ой, не могу! Гриша – стихи!..

– Ну вот, закатилась! – с досадой сказал я. – Чего смешного-то?

– Да так... – всё ещё смеясь, ответила Люська. – Просто никто ещё мне ни разу не вкручивал, что он из-за меня с другой планеты сбежал...

Глава 7

– А как же твоя философия насчёт смирительной рубашки? Тебе ведь раньше камеры хватало...

Он улыбнулся:

– Не хватило, как видишь...

Мы подходили к заводу, и уже замаячил впереди стеклянный кубик проходной, когда навстречу нам шагнул Валька Бехтерь с фирменными очками в руке.

– Почему у тебя рожа целая? – испуганным шёпотом спросил он Гришу.

На меня он даже не смотрел.

– Два раза тебе повторять? – с угрозой осведомился я. – Кому было сказано, чтобы ты мне больше не попадался?

Похоже, Бехтерь не понял ни слова и среагировал только на голос.

– Минька! – в страхе проговорил он, тыча в Гришу очками. – Почему у него рожа целая?

– В чём дело, Бехтерь? – начиная злиться, процедил я.

– Минька, клянусь! – Бехтерь чуть не плача ударил себя очками в грудь. – Я же его вчера ночью встретил!.. Я же его вчера... Синяки же должны были остаться!

Но тут я так посмотрел на него, что Бехтерь попятился и пошёл, пошёл, то и дело оглядываясь и налетая на людей.

— Вот идиот! — сказал я. — И не пьяный вроде... Интересно, что это у него за работа такая? Полчетвёртого уже, обед у всех давно кончился, а он гуляет...

Я повернулся к Грише и увидел, что смуглое лицо моего квартиранта бледно, а губы сложены в безнадежную грустную улыбку.

— Так, — сказал я. — С ним всё ясно. А с тобой что?

— Знаешь, Минька... — через силу выговорил он. — Я, пожалуй, от тебя съеду...

— Съедешь с квартиры? — изумился я. — А чего это ты вдруг?

— Нашли меня, Минька, — с тоской сказал Гриша Прахов. — Ты не волнуйся, тебя не тронут... не имеют права... В общем... прости, если что не так.

— Да он что, заразный, что ли? — взорвался я, имея в виду Бехтера. — Сначала он бредил, теперь — ты!..

Сгоряча я сказал что-то очень похожее на правду.

— Людмила! — ахнул Гриша. — У неё же отгулы! Её же сегодня в цехе не будет!..

Он кинулся в сторону, противоположную проходной, и я еле успел поймать его за руку:

— Ты куда?

— К ней!

— Куда к ней? Хочешь, чтобы прогул тебе записали?

Скрутил я его, довёл до стеклянного строения и силой затолкал в вертушку проходной. Оказавшись на территории завода, Гриша перестал буянить и притих.

— Да ведь она же к родственникам уехала! — вспомнил он вдруг. — Ну, тогда всё...

Опустил голову и молча побрёл к цеху. Ничего не понимаю. Только что был парень как парень — и вот на тебе! Того и гляди снова себя инопланетянином объявит!

И Сталеvara в тот день с нами не было. Собирался в область Сталеvar к теще на блины и заранее колдовал со сме-нами, переходя из одной в другую и набирая отгулы...

А Гриша продолжал меня удивлять. Мы и раньше знали, что парень он старательный, но в этот раз он самого себя перехлестнул. Уж до того отчаянно гонял листы, что даже рассердил Старого Петра.

— Ты что один корячишься? — заворчал на Гришу Старый Пётр. — Видишь же, какую плиту режем! Ее вдвоём вести надо... Почему Васю не подождал? В последний раз, что ли, работаешь?..

Гриша растроганно поглядел на него и ничего не ответил. Передышки он себе в тот день не давал. Кончится пакет — хватает чайник и бежит на прокатный стан за газировкой. Если и случалось ему присесть на минутку — уставится и смотрит. На меня, на бригадира, на Старого Петра... Даже на пресс. И не шелохнётся, пока не окликнешь его. Только в одну сторону он не взглянул ни разу — вверх, где вме-

сто Люськи ездила в кабине мостового крана толстая тётка с кислым сердитым лицом.

– Ты не заболел, Гриня? Может, тебя у мастера отпросить? Иди домой, а утром врача вызовешь...

Гриша с признательностью глядел на Валерку и молча качал головой. Бехтерь, скотина!.. Чем же он его так достал, хотел бы я знать! «Почему у тебя рожа целая...» Угроза? В том-то и дело, что нет! Не угрожают с таким ошарашенным видом...

* * *

Стеклянные чердаки в полукруглой крыше засинели, потом стали чёрными. Смена кончилась.

Я даже не заметил, как и куда Гриша исчез. Когда выбрался из душевой, на шкафчике его уже висел замок. Поспрашивал ребят, и мне сказали, что Гриша оделся и ушёл. Я хотел было на него обидеться (раз Люськи нет – думал, вместе домой пойдём), как вдруг увидел, что из замочка торчит ключ. И что-то сразу мне стало не по себе. Вот в чём дело: Гриша ничего никогда не забывает – недаром мне мать все уши прожужжала о его аккуратности. И если он оставил ключ нарочно...

Я отомкнул шкафчик, открыл дверцу и в непонятной тревоге уставился на образцовое Гришино хозяйство. Роба, двойные брезентовые рукавицы, ботинки, полотенце, мыль-

ница, мочалка в целлофановом пакете... Всё на месте, всему свой крючок, своя полочка... В уголке вчетверо сложенная влажная тряпка – уходя, Гриша тщательно протёр шкафчик изнутри и снаружи.

Домой я возвращался почти бегом.

* * *

– Мать, Гриша пришёл? – крикнул я с порога, но увидел её лицо и осёкся. – Что случилось, мать?

– Ой, не знаю, Минька... – еле проговорила она, кутаясь в шаль, как в ознобе. – Что-то Мухтар весь вечер не по-хорошему воет...

Тут, точно в подтверждение её слов, пёс завыл. Вой действительно был нехорош – такой же, каким Мухтар встретил Гришу три месяца назад.

Я сорвал с себя пиджак и, отшвырнув его, выбежал из дому.

– Осторожнее там, с Бехтерем! – умоляюще крикнула мне вслед мать, но я уже был на улице.

Обвёл меня Бехтерь, обвёл, как хотел! Испуганным прикинулся, голову заморочил, ерунды наплёл... Значит, не ерунда это была! Значит, что-то они с Гришей знали такое, чего я не знал! Ну всё, Бехтерь! Если ты его хоть пальцем сегодня тронешь – уезжай из города, Бехтерь! Уезжай от греха подальше!..

На полпути к заводу вспомнил, что пропуск у меня остался в кармане пиджака. А чёрт! Тогда придётся напрямик, через сквер... Вот будет номер, если дыру замуровали – собирались ведь замуровать...

Шёл второй час ночи, и сквер был пуст. Вдалеке на моей скамейке с крупно вырезанным словом «НАТАША» кто-то спал. Гриша? Всё может быть. На вокзале он уже ночевал – теперь вот в сквере... «Съеду с квартиры...» Чем же я его обидел, а?.. Впрочем, это был не Гриша. На моей скамейке под ослепительным, растворяющим темноту фонарём спал дядя Коля – сосед, тот, что когда-то сложил нам печку.

Я свернул с аллеи на тропинку, ведущую к заводской стене, и остановился. Кажется, я успел вовремя – Гришу ещё ждали. За высоким кустом самочинно разросшейся смородины спиной ко мне стоял какой-то человек. Он явно следил за проломом. Караулишь, да? Ну я тебе сейчас покараулю!

Но тут, услышав мои шаги, человек беспокойно шевельнулся, и я перестал понимать, что происходит. В кустах смородины, наблюдая за дырой в стене, стоял – кто бы вы думали? – Гриша Прахов.

– Ну и какого чёрта ты здесь делаешь? – подойдя, негромко спросил я.

Гриша Прахов оглянулся и посмотрел на меня с вежливым удивлением:

– Простите?..

Я обомлел. Серого, льющегося со стороны аллеи полусве-

та вполне хватало, чтобы высветить Гришино лицо и положить на него тени. Но передо мной стоял не Гриша. Этот человек не притворялся — он в самом деле видел меня впервые. И одет он был по-другому: строгий серый костюм, белая рубашка, галстук...

— Извиняюсь... — ошарашенно пробормотал я. — Обознался.

Двинувшись к пролому, я краем глаза зацепил второго, одетого точно так же. Этот лепился у стены, чуть поодаль. Возле самой дыры я нарочно споткнулся, выиграв таким образом пару секунд, и успел разглядеть, что левый глаз у него заплыл, бровь чем-то заклеена, а губа распухла. И тем не менее ошибки быть не могло, у этого, второго, тоже было Гришино лицо, только сильно побитое.

Видно, я крепко был ошеломлён, потому что опомнился, лишь налетев на смутно белеющую в темноте грудку штакетника. Справа чернела громада строящегося пролёта, впереди пылили желтоватым светом окна и открытые ворота листопрокатного.

В смятении я оглянулся на еле различимую в серой стене дыру. С кем я сейчас встретился? Что ещё за оборотни к нам заявились? Кто они? Что им здесь нужно в два часа ночи?

И тут в памяти всплыли недавние Гришины слова, да так ясно, будто он вдруг оказался рядом и снова их произнёс:

— Нашли меня, Минька...

Словно тоненький яркий лучик прорвался внезапно в

мою бедную голову. Странная истерика в «Витязе», вечная Гришина боязнь лишний раз высунуть нос на улицу, осторожные расспросы о том, легко ли найти скрывающегося человека, – всё теперь стремительно вязалось одно к одному, превращаясь в пугающую правду.

Вот он кого боялся – не Бехтеря, что ему Бехтерь! Понятно... Всё понятно! Искали, нашли и приехали сводить какие-то старые счёты...

Но почему ж они так похожи-то?.. Родственники?.. А говорил, родственников у него нет... Или, может, национальность такая южная – все на одно лицо... Какая, к чёрту, национальность – Гришка-то ведь по паспорту русский!..

Паспорт! Меня аж пошатнуло, когда я о нём вспомнил. Настоящий, но краденый!.. Неужели все-таки Гришка в чём-то замешан? Шалопай, ах, шалопай! Три месяца молчал, не мог подойти, объяснить по-человечески: так, мол, и так...

А что ж это я стою? Гриша-то ещё на территории, раз караулят его!

Эта мысль сорвала меня с места и толкнула к цеху.

* * *

Господи, как я обрадовался, когда увидел, что на первом прессе за «хвостового» работает Сталевар!

– На-ка, потрудишься, – сказал он, отдавая ключ размечающему. – Это опять ко мне...

Сталевар был сильно чем-то озабочен. Подойдя, вынул из клешнеобразной рукавицы крепкую корявую пятерню и протянул для рукопожатия, которое мы почему-то не разрывали до самого конца нашего короткого разговора.

– С чего это Гриша уезжать надумал? – хмуро спросил Сталевар.

– Уезжать? Куда?

– Откуда ж я знаю? – с досадой сказал он. – Прибежал среди ночи, попрощался... Я так и понял, что уезжает.

И снова меня мороз продрал вдоль хребта, когда я услышал это «попрощался». Да кто же они такие? Что им от него надо? Может, охрану к дыре вызвать с первой проходной?

– А когда он здесь был? Давно?

– Да только что. Минут пять, не больше.

– А куда пошёл? Не помнишь? Ну хоть в какую сторону?

– Не заметил я, Минька, – виновато сказал Сталевар. – Но он где-то здесь, далеко от цеха он уйти не мог...

Рукопожатие наше разомкнулось, и я, ничего не объясняя, устремился мимо участка отгрузки к открытым воротам. Оказавшись снаружи, приостановился, давая глазам снова привыкнуть к темноте.

Где же он околачивался всё это время? Хотя понятно... Увидел возле первой проходной родные лица и вернулся. Побежал ко второй проходной – там то же самое. Сунулся туда-сюда, а выходы все перекрыты...

Додумать я не успел, потому что увидел Гришу. Это был

точно он – я узнал со спины его куртку: чёрную, с жёлтым клином – вместе покупали, с первой его полочки... Опустив голову, Гриша брёл к дыре.

– Гриша! – что есть силы заорал я, но сзади мощно ворчал и погромыхивал цех.

Кроме того, Гриша был слишком далеко – жёлтый клин маячил уже возле смутно белеющей груды штакетника, а потом и вовсе пропал за чёрной коробкой недостроенного пролёта.

Я кинулся вдогонку, но тут же вынужден был перейти на быстрый шаг. Бегать ночью по территории завода, да ещё вблизи строящегося цеха – в два часа обезножишь.

Ничего, ребята, ничего... Ещё не вечер... Кто вы такие, мы выясним потом. А Гришу я вам так просто не отдам, вы об этом и думать забудьте!..

Возле груды штакетника я задержался и вытянул из неё рейку. Ладно, если их всего двое. Только ведь там может быть и третий – в кустах, для страховки...

Я выбежал из-за недостроенного пролёта и увидел, что опоздал: Гриша Прахов на моих глазах нагнул голову и шагнул в пролом.

Глава 8

Они даже не прикоснулись к Грише Прахову – просто подошли с двух сторон, одинаково одетые, с одинаковыми ли-

цами, и остановились, молча глядя на поникшего преступника...

Преступника?

Но ведь я же прекрасно видел, что эти двое не из ментовки! Два часа ночи, тёмный сквер, явная уголовщина!.. И потом эти их одинаковые физиономии!..

Двое повернулись и пошли к выходу из сквера, ступая уверенно, неторопливо. А Гриша Прахов, мой квартирант, резчик из моей бригады, плёлся между ними, жалко опустив плечи.

Серый полусвет фонарей лился им навстречу, и с каждым шагом эти трое делались всё более плоскими, словно вырезанными из бумаги.

И я понял вдруг, что вижу Гришку в последний раз, что его уводят навсегда...

Меня вышвырнуло из пролома как торпеду.

Они оглянулись.

– Минька, не надо! – услышал я испуганный Гришин вскрик, но было поздно.

Первым мне подвернулся тот, с заплывшим глазом, и я положил на него штакетину сверху – с оттягом, как кувалду. Он почти уклонился, и всё же я его зацепил. Хорошо зацепил, крепко.

Второй мягко отпрыгнул и, чуть присев, выхватил что-то из-за спины левой рукой. У меня не было времени снова занести штакетину, и я просто отмахнулся ею. Повезло – до-

стал. Выбитый ударом предмет, кувыркаясь, улетел в заросли.

Крутнулся на месте... Так и есть – третий! Чуяло моё сердце! Этого я женил рейкой точнёхонько в лоб.

И только когда раздался деревянный сухой звук удара, когда этот неизвестно откуда взявшийся третий попятился от меня мелкими нетвёрдыми шажками, дошло наконец, что это я Гришу рейкой женил. Чёрт бы драл их одинаковые физиономии!

Гриша допятился до конца лужайки, там его подсекли под коленки плотные подстриженные кусты, и он по-клоунски через них кувыркнулся – спиной вперёд, только подошвы мелькнули.

Противники мои вели себя тихо: один лежал, уткнув заплывший глаз в короткую чёрную траву, второй постанывал, свернувшись в вопросительный знак.

Надо было, не теряя ни секунды, хватать Гришу, взваливать его на горб и со всех ног бежать к дыре. А там – срочно поднимать шум! Кому-кому, а уж мне-то рассказывать не стоит, что за штуку выдёргивают из-за спины таким движением, – служил, знаю... Я отшвырнул штaketину, дёрнулся было к кустам, за которые только что улетел Гриша Прахов, и вдруг в самом деле увидел третьего. Вернее, не то чтобы увидел... Просто вдалеке, возле аллеи, где света было побольше, мелькнуло что-то серое.

Пригибаясь, я метнулся в сторону, перескочил через бли-

жайшие заросли и упал за чахлой ёлочкой, чуть не пробив себе рёбра чем-то твёрдым и угловатым. Вот дьявол! На что же это я упал?

Пока я, стараясь кряхтеть потише, извлекал из-под себя эту словно нарочно кем подложенную штуковину, серое пятно приблизилось. Всё правильно – это был третий.

Оборотень с лицом Гриши Прахова передвигался короткими бесшумными переходами шага в три-четыре. Загрёт на секунду, прислушается – и скользнёт дальше, веточкой не шелохнув. В левой руке у него (опять в левой!) было что-то вроде большого неуклюжего пистолета, и чувствовалось, что стрелять он в случае чего будет навскидку и без промаха.

Видно, он тоже заметил подозрительное мелькание теней на лужайке и теперь двигался прямиком ко мне. И хоть бы камушек какой рядом лежал! И рейку, дурак, бросил!.. Ну куда же мне с голыми руками против...

И тут я обнаружил, что держу за ствол в точности такую же штуковину, как у него. Секунды две в голове моей шла какая-то болезненная пробуксовка, прежде чем я понял, откуда взялось. Я же сам только что вытащил это из-под собственных рёбер. Ну точно! Тёмный предмет, что, кувыркаясь, улетел в заросли после моей отмашки дрыном!..

А этот уже стоял посреди лужайки – серый, неподвижный, с выеденным тенью лицом. Чёрные кусты напротив ёлочки распадались широкой прогалиной, и я ясно видел, как он поднял оружие и тщательно прицелился в одного из лежа-

щих. Конечно, ничего хорошего от этой братии я не ждал, и всё же меня прошиб холодный пот, когда я увидел, что он собирается сделать.

Всё произошло беззвучно и страшно. Выстрела не было. Эта штука в его руке даже щелчка не издала. А человека не стало. Просто не стало, и всё. И только трава на том месте, где он лежал, залоснилась вдруг в сером полусвете фонарей от немыслимой стерильной чистоты.

Точно так же, спокойно и деловито, оборотень навёл оружие на второго... Ну пусть не щелчок, но хоть бы шорох какой раздался! Ни звука. Был человек – и нет его.

Убийца подрегулировал что-то в своей дьявольской машинке и, прицелившись в мою штaketину, уничтожил и её тоже. На всякий случай.

Я уже боялся дышать. Вот, значит, что стало бы со мной, промахнись я рейкой по второму!.. Долго бы искали потом Миньку Бударина...

Пальцы моей левой руки сами собой, без команды, сомкнулись на рукоятке, и от кисти к локтю пробежали электрические мурашки. Перед глазами у меня вместо прицела оказался стеклянный экранчик не больше спичечного коробка. В нём я увидел слегка увеличенные чёрные кусты и тонко прочерченную светящуюся окружность.

Кто они такие, откуда взялись, почему у них такое оружие – я об этом и думать забыл! Одного мне хотелось: чтобы этот серый скрылся, и как можно скорее. Но он, похоже, не

собирался скрываться – неподвижная фигура по-прежнему маячила посреди лужайки.

Оборотень паялся на плотные подстриженные кусты, за которыми лежал обездвиженный мною Гриша Прахов. Если этот гад сделает к нему хоть один шаг... Сделал. Ну не обижайся...

Спусковая клавиша плавно ушла в рукоятку...

Никому, даже Бехтерю, не пожелал бы я попасть тогда в мою шкуру. Я ведь с той самой ночи стал тишины бояться. Мать до сих пор удивляется: что это я – телевизор включаю, а сам его не смотрю? А меня просто в полной тишине жуть берёт...

Так вот, тишина тогда была полной. Где-то далеко-далеко ворчал еле слышно листопрокатный да шевелились вверху чёрные кроны. Вот он, серый разрыв между кустами, вот она, выбитая в траве светлая тропинка, а на ней – никого... Как будто не стоял там секунду назад страшный серый человек с лицом Гриши Прахова.

Мне послышалось, что возле стены отчётливо хрустнул под чьей-то ногой осколок стекла. А в следующий миг землю рядом со мной словно подмело – сдуло бесшумно мелкие камушки, хвоя на низко опущенной ветке блеснула, как вымытая...

В себя я пришёл за травянистым бугорком метрах в пятнадцати от того места. Аллея теперь проходила рядом. Краем глаза я видел изнанку моей скамейки и бетонную урну. И

только было я подумал, что хотя бы со стороны аллеи прикрыт надёжно, как урна эта – исчезла. А за ней исчезла и скамейка. Словно кто-то быстро и деловито убирал все заставляющие меня предметы.

Дальше убирать было нечего – дальше был я. Меня подбросило... А вот что случилось потом – не помню. Наверное, я отбежал. Или отполз. Или откатился. Словом, что-то я такое сделал...

Дальше идут мелкие обрезки. Ума не приложу, за каким чёртом меня понесло через аллею, а главное – как это я ухитрился перебежать её, не попав под выстрел.

Но они, гады, эту ночку тоже запомнят надолго. Какой там, к дьяволу, Гриша Прахов! Им теперь было но до Гриши. Беготня и бесшумная пальба перекинулись на противоположную сторону сквера – ту, что примыкает к шоссе.

Вот не думал, что пригодится мне когда-нибудь моя армейская выучка! Похоже, я стянул на себя всех Гришиных родственников, дежуривших возле завода. Ещё раз три слизывал невидимый выстрел пыль с травы перед самым моим лицом. Я вскакивал, отбегал, падал, отползал, целился... В голове сидела одна-единственная мысль: «Лишь бы этот дурак не очухался раньше времени... Лишь бы он не полез меня выручать...»

А потом вдруг суматоха кончилась, и стало ясно, что дела мои плохи. Даже залечь было негде. Я сидел на корточках за жидким кустиком, а из чёрных провалов ночного сквера

на меня напознала оглушительная леденящая тишина. А за спиной ограда, железные копыа выше моего роста – не перелезешь. Короче говоря, зажали Миньку Бударина.

Кричать? Звать на помощь? Кого? Три часа ночи, пустая улица, никто не услышит. А услышит – так не успеет. А успеет – так не поможет...

И тут откуда-то издали, со стороны старого щёбкарьера, поплыл низкий рокочущий звук. Сначала он был еле слышен, потом окреп, приблизился, распался на отдельные голоса... Это возвращались заводские КраЗы!

Я видел, как шевельнулись кусты, как мелькнула за ними и пропала серая сгорбленная спина, но стрелять вдогонку не стал. Это уже ничего не меняло. Город вспомнил наконец про Миньку Бударина и шёл теперь к нему на выручку.

Рычание моторов надвигалось – уверенное, торжествующее. Из него вдруг прорвался хриплый петушиный крик сигнала, – видно, шофёр пугнул сунувшуюся под колёса собачонку...

Я ждал, что заросли вскипят разом и ещё с десятков Гришиных родственников кинутся, пригибаясь, врассыпную от ограды. Но нигде даже веточка не дрогнула, лишь одна-единственная серая спина мелькнула по-крысиному на аллее, наискосок пересекая световой коридор. Где же остальные-то? Неужели я их всех...

Показались КраЗы. Они шли колонной – пять длинных угловатых громад, и всё дрожало, когда они проходили один

за другим. Метров за двадцать от меня водитель первой машины включил фары, и на тёмные закоулки старого сквера рухнул обвал света...

Конечно, они меня не заметили. Спорить готов, что никто из них даже голову в мою сторону не повернул, но кому какое дело? Главное, что незнакомые парни, сами о том не зная, успели вовремя. И попробуй кто пискнуть, что за баранкой КраЗа сидел тогда хоть один плохой человек!..

– Спасибо, ребята... – бормотал я, выбираясь на аллею. – Спасибо...

Выбрался – и остолбенел. Я и не думал, что их будет так много – чистых островков, лежащих вразброс на асфальте. То ли я палил, то ли по мне палили – ничего не помню... Но не всё же это промахи! Я смотрел на испятнанную смертельной стерильной чистотой аллею и чувствовал себя убийцей. Оставалось одно – добрести до цеха, положить оружие на металлический стол, сказать: «Вызывайте милицию, мужики. Этой вот самой штукой я только что уложил в сквере человек десять. Только вы учтите – Гриша здесь ни при чём, он пальцем никого не тронул...»

Кто-то приближался ко мне по асфальтовой дорожке, а у меня даже не было сил поднять руку. И слава богу, что не было, потому что навстречу мне, держась за ушибленную голову, брёл очнувшийся Гриша Прахов.

– Стой! – вырвалось вдруг у меня.

Между нами лежало чистое пятно, асфальт без пылинки,

и Гриша неминуемо бы наступил на него, сделай он ещё один шаг.

– Обойди... – хрипло приказал я.

Нельзя было ходить по этим пятнам. Всё равно что на могилу на чью-то наступить.

Мы стояли друг против друга на том же самом месте, где встретились три месяца назад.

– Я так и знал, что ты ввяжешься, – услышал я его больной, надломленный голос. – Я же предупреждал... тебя бы не тронули... Зачем ты, Минька?..

Я смотрел в его замутнённые болью глаза и понимал уже, что если и положу оружие на стол, то слова мои будут другими. «Делайте со мной что хотите, – скажу я, – но только иначе никак не получалось. Не мог я им отдать этого человека, понимаете?..»

Я шагнул к Грише, хотел сказать, мол, не тушуйся, главное – отбились, живы оба, как вдруг что-то остановило меня. Остановило, а потом толкнуло в грудь, заставив снова отступить на шаг.

– Гриша... – выдохнул я, всматриваясь в знакомое и в то же время такое чужое теперь лицо. – Кто ты, Гриша?!

Глава 9

Я проснулся от ужаса. Мне приснилось, что на моей скамейке с крупно вырезанным словом «НАТАША», на скамейке

ке, которая вот-вот должна исчезнуть, – спит дядя Коля.

Я рывком сел на койке и сбросил ноги на пол. Лоб мокрый, сердце колотится, перед глазами – пятнистый асфальт и пустота на том месте, где раньше стояла скамейка.

– Всю ночь не спала!.. – грянул где-то неподалёку голос тёти Шуры.

В окно лезло солнечное ясное утро. Я сунул руку под подушку, и пальцы наткнулись на прохладную шершавую рукоятку.

– Совсем из смысла выжил! – в сильном гневе продолжала соседка. – Ночь дома не ночевать – это что ж такое делается!..

Ничего не приснилось. Дядя Коля не пришёл ночевать. Он вообще никогда больше не придёт. Он спал вчера на этой скамейке... и исчез вместе с ней.

Я сидел оцепенев. А тётя Шура всё говорила и говорила, и некуда было деться от её казнящего голоса. Я старался не слушать, я готов был засунуть голову под подушку... если бы там не лежала эта проклятая штуковина!..

– Перед соседями бы хоть постыдился!..

Стоп! С кем она говорит?

Меня сорвало с койки, и я очутился у окна. Соседский двор из него просматривался плохо – мешали сарайчик и яблони. Мне удалось увидеть лишь закрывающуюся дверь и на секунду – обширную, в жёлтеньких цветочках спину уходящей в дом тёти Шуры.

С кем она сейчас говорила?

Я кинулся в прихожую, отомкнул дверь и, ослабев, остановился на крыльце. Посреди соседского двора стоял, насу-
пясь, сухонький сердитый старичок. Маленький, как школь-
ник.

Я сошёл с крыльца и двинулся босиком через двор к за-
борчику.

– Дядя Коля... – сипло позвал я. – Дядя Коля...

Он услышал меня не сразу.

– Да ты подойди, дядя Коля... Дело есть...

Он оглянулся на дверь, за которой недавно скрылась су-
пруга, и, поколебавшись, подошёл.

– Что это она с утра расшумелась?

Дядя Коля хотел ответить и вдруг задумался. Как же мне
сразу в голову не пришло: он ведь мог вчера десять раз
проснуться и уйти из сквера до начала пальбы! Дядя Коля,
дядя Коля...

Что ж ты со мной, старичок, делаешь!..

– Силу им девать некуда, вот что, – обиженно проговорил
он.

Я глядел на него и не мог наглядеться. Живой. Ах ты, чёрт
тебя возьми! Живой...

– Кому? Ты о ком, дядя Коля?

Дядя Коля неодобрительно качал головой.

– Ну шутники у нас, Минька, – вымолвил он мрачно. –
Ну шутники...

– Да что случилось-то?

– А вот послушай, – сказал дядя Коля. – Получил я вчера пенсию, так? Домой я всегда, ты знаешь, через сквер иду... Ну и присел на лавочке... отдохнуть. Просыпаюсь...

Тут сухие плечики дяди Коли полезли вверх, а кожа на лбу собралась в такую гармошку, что лба почти не стало.

– Просыпаюсь на скамейке... Урна рядом стоит...

– На скамейке? – отрывисто переспросил я. – Как на скамейке? Где на скамейке? В сквере?

– В каком в сквере? – внезапно осерчав, крикнул дядя Коля. – В щебкарьере! Просыпаюсь на скамейке, а скамейка стоит в щебкарьере! И урна рядом!..

– Да ты что, шутишь, что ли? – задохнувшись, сказал я. – Какой щебкарьер? До щебкарьера девять километров!

– Это ты кому – шутишь? – вскипел дядя Коля. – Это ты мне – шутишь? Я двадцать лет экскаваторщиком проработал, а ты мне – про щебкарьер? Ты под стол пешком ходил...

Он оборвал фразу, постоял немного с открытым ртом, потом медленно его прикрыл.

– Ну ладно, во мне веса нет, – в недоумении заговорил он. – Но ведь они же меня, получается, на скамейке несли! На руках несли, Минька! Если бы на грузовике – я бы проснулся...

– Дядя Коля, – сказал я. – А ты ничего не путаешь?

Дядя Коля меня не слышал.

– Урну-то они зачем пёрли? – расстроено спросил он. –

Тоже ведь дай бог сколько весит – бетонная...

Тут на пороге показалась тётя Шура и зычным, хотя и по-добревшим голосом позвала дядю Колю в дом – завтракать.

Я оттолкнулся от заборчика и на подгибающихся ногах побрёл к себе.

Добравшись до своей комнаты, снова достал оружие из-под подушки.

Машинка напоминала дорогую детскую игрушку. Очень лёгкая – видно, пластмассовая. И цвет какой-то несерьёзный – ярко-оранжевый, как жилет дорожника. Из толстого круглого ствола выпячивалось что-то вроде линзы.

Но ведь я же своими глазами видел, как исчезла скамейка! Щёбкарьер... При чём здесь щёбкарьер?..

Я ухватил рукоять поплотнее, и от кисти к локтю пробежали вчерашние электрические мурашки. Так, а это что за рычажок? Я осторожно потянул его на себя, и изображение на стеклянном экранчике приблизилось. Понятно...

Гришу пора будить, вот что! Хватит ему спать. Отоспался...

Посреди стола белела записка.

«Ешьте, завтрак на плите, – прочел я. – Заставь Гришу сходить к врачу, а на Бехтерю в суд...»

Дочитать не успел – показалось, что в дверях кто-то стоит.

Я обернулся.

В дверях стоял Гриша Прахов.

Никогда раньше он не позволял себе выйти из своей комнаты, не смахнув перед этим последней пылинки с отутюженных брюк. Теперь он был в трусах, в майке и босиком. Да ещё марлевая повязка на лбу – вот и весь наряд.

Я выпустил записку из рук и шагнул к Грише.

– Эти... – хрипло сказал я. – В кого я вчера стрелял... Что с ними?

Гриша смотрел непонимающе. У меня перехватило горло. Перед глазами снова блеснули чистые пролысины на пыльном асфальте.

– Ну что молчишь? Живы они?

– Живы, – сказал Гриша. – Ты отправил их на корабль. В камеру коллектора. Понимаешь, есть такое устройство...

Дальше я уже не слушал. Проходя мимо койки, уронил оружие на подушку и остановился перед окном. Почувствовал удушье и открыл форточку.

– Дурак ты, Гриша... – обессиленно проговорил я и не узнал собственного голоса. Был он какой-то старческий, дребезжащий. К восьмидесяти годам у меня такой голос будет. – Что ж ты вчера-то, а?.. Я же думал – я их всех поубивал...

Глава 10

Расположились в кухне. За окном качалась зелёная ветка яблони и время от времени, как бы приводя меня в чувство, легонько постукивала в стекло.

А передо мной на табуретке сидел и ждал ответа... Я отмахнулся от лезущего в глаза сигаретного дыма. Чёрт знает что такое! Сидит на табуретке парень из моей бригады Гришка Прахов – вон с Бехтером у него нелады из-за Люськи...

– Интересно девки пляшут, – процедил я, – по четыре штуки в ряд... Значит, ты – преступник, я – вроде как твой сообщник, а они? Они сами – кто? Ангелы? Ну нет, Гриша, брось! Ангелы по ночам засады не устраивают. Да ещё и на чужой территории...

– Они не нарушали законов, – негромко возразил он.

– Чьих?

– Своих.

– А наших?

Гриша запнулся. А я вспомнил, как эти двое вели его вчера сквозь ночной сквер. Шли – будто по своей земле ступали...

– Во всяком случае, – добавил он ещё тише, – они сделали всё, чтобы вас не беспокоить...

Я хотел затануться, но затягиваться было уже нечем – от окурка один огонёк остался. Я швырнул его в печь и захлоп-

нул дверцу.

– Слушай, а что это вы все такие одинаковые?

Лицо у Гриши стало тревожным и растерянным.

– Странно... – сказал он. – В самом деле одинаковые... А ведь раньше мне так не казалось...

Ветка за стеклом забилась и зацарапалась сильнее прежнего. Всё время чудилось, что кто-то там за нами подглядывает.

– Слушай, – сказал я. – Ну ты можешь по-людски объяснить, как ты его нарушал вообще? Закон этот ваш, насчёт личности... Ну, я не знаю, там... по газонам ходил, вёл себя не так?..

– Просто вёл себя... – безразлично отозвался он.

Я шумно выдохнул сквозь зубы.

– С тобой свихнёшься... Как это – вёл себя? Все себя ведут!

– Не все, – тихонько поправил он, и словно знобящий сквознячок прошёл по кухне после этих его слов

Я снова сидел, укрываясь за жидким кустиком, а из чёрных провалов ночного сквера на меня наползала оглушительная смертельная тишина... И они из-за этого достают человека на другой планете? Вёл себя... Интересное дело – вёл себя...

– Погоди-ка, – сказал я. – А здесь ты его тоже нарушал? Честное слово, я не думал, что он так испугается.

– Но у вас же нет такого закона... – еле шевеля побелев-

шими губами, проговорил Гриша. – Или... есть?

– Это тебе потом прокурор растолкует, – уклончиво пообещал я.

Гриша опустил голову.

– Да, – сказал он. – Нарушал. И здесь тоже.

– Ну, например?

– Например? – Гриша подумал. – Да много примеров, Минька...

– Ну а всё-таки?

– Ну, Бехтерь, бригада... – как-то неуверенно начал перечислять он. – Да и ты сам тоже... Ты ведь не хотел, чтобы я...

– Бехтерь? – с надеждой переспросил я. – А ну-ка, давай про Бехтеря!

– Н-ну... – Гриша неопределённо подвигал плечом. – У них же... с Люсей... были уже сложившиеся отношения... А я появился и...

– Отбил, что ли?

– В общем-то, да... – с неохотой согласился он и тут же добавил: – Но это лишь для данного случая.

Так... Я пощупал виски. Разговор только начинался, а мозги у меня уже тихонько гудели от перегрева.

– Погоди-ка... А я? Я его тоже, что ли, нарушаю?

Гриша удивлённо вскинул голову.

– Да постоянно! – вырвалось у него.

– Так... – ошеломлённо сказал я. – Понятно... И много тебе припаяли?

Гриша не понял.

– Ну приговор, приговор тебе какой был?

– Ах вон ты о чём, – сказал он. – Ты про наказание? Но, Минька... собственно, видишь ли... за это вообще не наказывают.

– Что? – заорал я.

– По здешним понятиям, разумеется, – торопливо пояснил он.

Сигарета не вынималась. Пришлось разорвать пачку.

– Бесполезно, Минька! – с отчаянием проговорил Гриша. – Ты пытаешься вогнать всё в привычные рамки – бесполезно! Пойми: это отстоявшееся до предельной ясности общество... – («Вот я и говорю – ангелы», – пробормотал я, прикуривая.) – Тебя сбивает слово «преступник»? Но точнее я перевести не могу. В вашем языке...

Тут надломленный голос Гриши Прахова уплыл куда-то, стал еле слышен. «Простите?..» – произнёс, оборачиваясь, вчерашний ангел. С вежливым удивлением. По-русски.

В три судорожных взмаха я погасил спичку и уставился на Гришу Прахова:

– Гриша!.. А язык? Язык вы наш откуда знаете? А документы? Где ты взял паспорт? Как ты сюда попал вообще? Кораблём?

– Что ты! – сказал Гриша. – Я бежал через... Ну, это, видишь ли, такое устройство... Два сообщающихся помещения, понимаешь?

– Ну!

– Вот... Причём одно из них находится на той планете, а другое – здесь, у вас... Понимаешь?

Я тупо молчал.

– Как бы тебе объяснить... – беспомощно проговорил Гриша. – Ну вотходишь ты, допустим, в то помещение, которое там... Закрываешь за собой люк. Нажимаешь клавишу. Снова открываешь люк и выходишь, но уже не там, а здесь... Понял теперь?

Я встал. Вернее – мы оба встали. Потом Гриша попятился и опрокинул табуретку.

– Где? – хрипло спросил я.

– Кто?

– Где это твоё устройство?

– Уничтожено, – поспешно сказал Гриша. – Полгода назад.

– А другие?

– Других не было, Минька...

Я тяжело опустился на скамеечку. Гриша поднял с пола табурет, но сесть так и не решился.

– Я знаю, о чём ты думаешь, Минька, – устремив на меня тёмные, словно провалившиеся глаза, умоляюще заговорил он. – Ты думаешь, что это с военными целями... Но они не воюют. Они давно уже не воюют...

Я не слушал. Я сидел оглушённый и так и видел эти бог знает подо что замаскированные устройства, готовые в лю-

бой момент выбросить на нас людей и технику... Что он там бормочет? Не воюют?.. Да, конечно. Особенно вчера, в сквере...

– А точно уничтожено?

– Точно.

– И кто ж это его?

– Я, – сказал Гриша и умолк, как бы сам удивляясь своему ответу. Потом вздохнул и сел.

Стало слышно, как во дворе Мухтар погромыхивает цепью и миской.

– Взорвал, что ли? – недоверчиво переспросил я.

– Нет, – сказал Гриша. – Там был предусмотрен такой... механизм ликвидации. Я привёл его в действие, сам отошёл на безопасное расстояние, ну и...

– Это уже здесь, у нас?

– Ну да...

– А говоришь, не взорвал...

– Нет, – сказал Гриша. – Это не взрыв. Просто вспышка. Неяркая вспышка, и всё...

– Отчаянный какой... – сказал я, буравя его глазами. – А ну-ка дай сюда паспорт!

Гриша несколько раз промахнулся щепотью мимо нагрудного кармана и извлёк наконец красную книжицу. Я раскрыл её на той страничке, где фотография. Гришкино лицо. Никакой разницы. Разве что чуть моложе...

– Чьи документы?

– Это одного из наблюдателей, – как бы извиняясь, проговорил Гриша. – Ну, из тех, что работали здесь, у вас...

Так... Час от часу не легче.

– Но они уже все отозваны, – поспешил добавить он.

«Ну спасибо тебе, мать, – устало подумал я. – Пустила квартиранта...»

– А почему отозваны?

– Из этических соображений, – сказал Гриша.

– Чего-о?

– Из этических соображений, – повторил он. – Было решено, что тайное изучение неэтично. И наблюдателей отозвали.

Я ошалело посмотрел на Гришу, потом на фотографию.

– А устройство? На память оставили?

– В-возможно... – неуверенно отозвался он, и что-то взяло меня сомнение: а не прикидывается ли дурачком наш Гришенька?

– А язык? Ах да, раз наблюдатели...

Тут я осёкся и в который раз уставился на Гришу Прахова:

– Так тебя что, тоже в наблюдатели готовили?

От неожиданности он чуть было не рассмеялся.

– Что ты! – сказал он. – Меня бы к ним и близко не подпустили.

– А к машине этой, значит, подпустили? – прищурясь, спросил я. – К устройству, а? Или скажешь, что там охраны не было?

– А там её и не бывает, – с недоумением ответил Гриша.

Во дворе, отфутболенная мощным ударом лапы, загремела и задребезжала по кирпичной дорожке пустая миска. Мухтар требовал жрать.

– Гриша... – проговорил я, не разжимая зубов. – Я тебя сейчас ушибу, Гриша! Как – не бывает? Как это – не бывает? Значит, сигнализация была! Что-нибудь да было?

– Было, – сказал Гриша. – Знак.

– Какой знак?

– Н-ну... – Гриша в затруднении пошевелил пальцами. – С чем бы это сравнить?.. А! Ну вот вешают же у вас на дверях таблички «Посторонним вход...»

Я схватил разорванную сигаретную пачку, но она оказалась пустой. Хотел скомкать – и даже не смог сжать как следует кулак.

– И ты думаешь, тебе поверят?

Гриша поднял на меня встревоженные глаза.

– А кто ещё должен поверить? – робко спросил он.

Глава 11

Рядом с дверью нужного нам кабинета стояли шеренгой четыре стула. На крайнем, поближе к двери, сидел этакий жировичок в мятом костюме. Наше появление его насторожило.

– А товарищ майор ещё не пришёл, – с опаской глядя на

нас, предупредил он.

– Ничего, подождём, – проворчал я, присаживаясь рядом. Гриша подумал и тоже присел.

Уяснив, что перед ним всего-навсего посетители, жировичок успокоился.

– Будете за мной, – с достоинством сообщил он.

Некоторое время сидели молча.

– Как она хоть называется, твоя планета? – негромко спросил я Гришу.

Гриша сказал. Я попробовал повторить – не получилось.

– Понятно... А где находится?

– Не знаю...

– То есть как? Не знаешь, где твоя планета?

– Я ведь не астроном, – с тоской пояснил Гриша. – И потом, это в самом деле очень далеко...

Я вспомнил, что где-то в кладовке у меня должен лежать старый учебник астрономии за десятый класс. Карты звёздного неба и всё такое... Хотя что с него толку, с учебника! Гриша-то ведь по своим картам учился, в наших он просто не разберётся. Да я и сам теперь в них не разберусь.

– А вы, простите, по какому делу? – поинтересовался жировичок.

– По важному, – отрезал я.

– Понимаю... – Он многозначительно наклонил голову. Потом сложил губы хоботком и принялся озабоченно осматривать ребро своей правой ладони.

У него было круглое бабье лицо, острые, глубоко упрятанные глазки и седоватая гривка.

Я снова повернулся к Грише.

– Слушай сюда... – до предела понизив голос, приказал я. – Значит так... Ты наших законов не знал...

– Да я их и сейчас не очень... – шёпотом признался он.

– Вот и хорошо. Главное, ты не знал, что у нас нельзя жить с чужим паспортом. Ты вообще не отсюда, и спрос с тебя маленький... Понимаешь?

Гриша кивнул, но, судя по выражению лица, ни черта он не понимал. Жировичок всё это время ёрзал от нетерпения – ждал, когда мы закончим.

– Вот ведь как бывает, – поймав паузу, доверительно обратился он ко мне. – С виду рука как рука...

– Чего надо? – прямо спросил я. – Видишь же – люди разговаривают! Чего ты лезешь со своей рукой?

Жировичок тонко усмехнулся и, понизив голос, проговорил без выражения и почти не шевеля губами:

– Ребром ладони могу вскрыть любой сейф...

– Что?!

В этот момент в коридоре показался майор – крупный светловолосый мужчина лет тридцати пяти. Поздоровавшись, он задержал взгляд на посетителе в мятом костюме, и в серых глазах майора мелькнуло беспокойство.

– Вы опять ко мне? – вежливо, с еле уловимой запинкой спросил он.

– К вам, Павел Николаевич! – отвечал, влюблённо на него глядя, вскочивший со стула жировичок. – Знаете, я сегодня всю ночь думал... Всё-таки на учёт меня поставить надо! Ведь если человек способен вскрыть сейф без помощи каких-либо инструментов...

Майор поморщился.

– Давайте лучше пройдем в кабинет, – предложил он.

– Конечно-конечно!.. – засуетился жировичок, и дверь за ними закрылась.

У меня потемнело в глазах.

Нет, вы прикиньте, что теперь получается! Заходит к майору этот чокнутый и говорит: «Здравствуйте, я вот ребром ладони сейфы режу, поставьте меня на учёт...» И тут же следом, как нарочно, вхожу я, ввожу Гришу и говорю: «Здравствуйте, тут вот товарищ с другой планеты прибыл. Выговорить её невозможно, где находится – он не знает. Документы у него настоящие, но краденые, а что фотография везде его, так это вам только кажется...»

Я вскочил со стула.

– Гриша! – хрипло сказал я. – Айда отсюда!

Но тут дверь кабинета отворилась, и в коридор вышел разобиженный жировичок. Быстро его майор...

– Ну? – с ненавистью бросил я.

– Всё в порядке, – неохотно отозвался он. – Поставил на учёт... Фамилию записал, адрес...

– А чего надутый такой?

Жировичок оскорблённо фыркнул.

– И здесь перестраховщики! – сердито помолчав, сообщил он. – Я, говорит, не могу доложить о вас начальству, предварительно не убедившись! Вот вам, говорит, мой сейф – режьте!..

– Ну? – еле сдерживаясь, процедил я. – А ты?

Жировичок опять фыркнул – на этот раз гневно.

– Неужели он сам не понимает? – с досадой сказал он. – Ну, разрезал бы я этот сейф, испортил бы казённое имущество, а отвечать кому? Ему же и отвечать! Станный он, ей-богу!..

– А ну пошёл отсюда!.. – прохрипел я, и жировичка не стало.

На шум из кабинета выглянул майор.

– Вы тоже ко мне? – спросил он. – Что ж вы не заходите?

Пришлось зайти. Мы отдали ему пропуска и опустились в предложенные нам жёсткие полукресла, стараясь не смотреть в угол, где стоял небольшой серо-голубоватый сейф.

– Слушаю вас, – деловито и в то же время доброжелательно сказал майор. – Только представьтесь сначала...

Представились. Услышав, что перед ним резчики холодного металла, майор насторожился и как бы невзначай покоился на сейф.

– Я вас слушаю, – повторил он.

Я поднялся и, ни на кого не глядя, полез в свою спортивную сумку за вещественным доказательством. Вынул, поис-

кал глазами какой-нибудь ненужный предмет и, не найдя, установил на краешке стола спичечный коробок. Майор с интересом следил за моими действиями. Я отрегулировал рычажком дальность, аккуратно прицелился...

И ничего не произошло. Коробок как лежал – так и остался лежать. Машинка не сработала. Впервые.

А ведь я знал, что она не работает! Ещё когда нажимал клавишу! Потому что не почувствовал электрических мурашек, бегущих от кисти к локтю. Вместо этого мурашки пробежали у меня по спине, но электрическими они не были.

– Не работает... – сказал я с тоскливым отчаянием и положил оружие на стол.

Пропавший ты человек, Минька Бударин! На роду, что ли, так написано?..

Майор озадаченно разглядывал лежащий перед ним на столе большой ярко-оранжевый пистолет. Потом поднял глаза на меня.

– А работало? – живо спросил он.

– Не знаю, – сдавленно ответил я и сел, не чувствуя ничего, кроме страшной разламывающей усталости.

Подумав, майор снял телефонную трубку.

– Ты сильно занят? – спросил он кого-то. – Тогда загляни ко мне. Да, прямо сейчас. Тут, кажется, кое-что по твоей части...

Трубка легла на место, и почти в тот же самый момент в кабинет вошел хмурый темнолицый человек в штатском.

Видно, у них кабинеты через стенку.

– Ну-ка, взгляни, Борис Иванович, – попросил майор. – Что это может быть?

Хмурый Борис Иванович, мельком глянув на нас с Гришей, поздоровался вполголоса и, подойдя к столу, принял оружие из рук майора. Не меняясь в лице, осмотрел, примерил к правой руке, к левой. Оказавшись в его огромных (больше, чем у меня) лапах, пистолет как-то сразу утратил свои внушительные размеры и стал ещё больше похож на детскую игрушку.

– А как это к вам попало? – довольно равнодушно спросил Борис Иванович.

Я прокашлялся.

– Да у пацана отнял... у соседского, – выдавил я, не решаясь поднять глаза на Гришу. – А пацан в овраге нашёл...

Борис Иванович кивнул и снова замолчал минуты на две. Майор ждал. Видимо, хмурый, загорелый дочерна человек был из тех, кого торопить не стоит.

– Ах вот даже как... – пробормотал он наконец. – Значит, это сюда...

Одним решительным и точным движением он сдвинул ствол, разъял рукоятку, вынул стеклянный экранчик, что-то вывинтил, что-то расключил... Как будто всю жизнь только и занимался тем, что разбирал и собирал такие вот штуковины.

Меня аж в спинку кресла вдавило, когда я увидел, что он

делает. Вот убей – не решился бы разбирать!.. Да он бы и сам, наверное, не решился, если бы хоть раз увидел эту штуку в действии!

Борис Иванович разложил все детали на столе и удовлетворённо оглядел получившуюся картину.

– А почему вы обратились именно к нам?

– Так ведь... на оружие больно похоже...

Борис Иванович вставил одну деталь в другую и состыковал всё это с третьей.

– Да нет, это не оружие, – заметил он, вкладывая то, что получилось, в рукоятку.

– Думаешь, игрушка? – спросил майор.

Борис Иванович словно не слышал. Он прилаживал ствол.

– Игрушка?.. – чуть погодя с сомнением повторил он. – Вряд ли... Тут её, видно, до меня уже раза два разбирали и собирали. Внутри явно чего-то не хватает. Какой-то детали...

– Световой тир, – подсказал майор. – Такое может быть?

Борис Иванович прилаживал ствол.

– В прошлом году в город чехи приезжали с луна-парком, – задумчиво напомнил он. – У них там ничего не пропало из игровых автоматов?

– Могли и сами выбросить, – предположил майор.

– Могли, – равнодушно согласился Борис Иванович и положил собранный пистолет на стол.

Подумав, майор пододвинул к себе наши пропуска и ак-

куратно расписался на каждом.

– Ну что ж, спасибо. – Он вышел из-за стола и пожал нам руки – сначала мне, потом Грише. – Лишняя проверка, знаете, никогда не повредит. Правильно сделали, что пришли...

Отдавая Грише его пропуск, он обратил внимание на прикрытый чёлочкой желвак:

– А это что у вас?

– Производственная травма, – поспешил вмешаться я.

– Понимаю... – Майор сочувственно покивал.

– Забрать или пускай здесь остаётся? – спросил я, с ненавистью глядя на ярко-оранжевый пистолет.

Они переглянулись.

– Да нет, зачем же, – мягко сказал майор. – Конечно, заберите. Вещица неопасная, вдобавок сломанная... Отдайте пацану, пусть играет.

Я запихнул пистолет в сумку, и мы с Гришей пошли к двери.

– Михаил Алексеевич!

Я обернулся – резко, с надеждой. Верни он меня, посади опять в это кресло, спроси, прищурясь: «А если честно, Михаил Алексеевич? Что всё-таки произошло у вас с этой штуковиной?» – клянусь, рассказал бы!..

– Вы у меня на столе спички забыли, Михаил Алексеевич...

Глава 12

Как это всё называется? А очень просто. Струсил Минька Бударин! Никогда ничего не боялся, а вот сумасшедшим прослыть – духу не хватило.

Выйдя из здания, мы пересекли трамвайную линию и углубились в парк. Шли молча. В левой руке у меня была сумка, в правой – спичечный коробок. Потом я швырнул всё это на первую подвернувшуюся скамейку и сгрёб Гришу за отвороты куртки:

– Твоя работа?

– Ты что, Минька? Ты о чём?

– О пистолете, – процедил я. – Какой там внутри детали не хватает?

– Да я же к нему не прикасался! – закричал Гриша, и я, подумав, отпустил его. Ведь в самом деле не прикасался...

– Ладно, извини, – буркнул я. – Давай тогда перекурим, что ли...

Мы присели на скамейку. Поодаль галдели пацаны и се-ребрилась беседка, сделанная в виде богатырского шлема.

– Ты не расстраивайся, – сказал Гриша, глядя на меня чуть ли не с жалостью. – В каком-то смысле там действительно не хватало одной детали. Самой главной.

Я не донёс сигарету до рта:

– А что за деталь?

– Коллектор, – сказал Гриша. – Не хватало камеры коллектора. Пистолет – он как антенна, понимаешь? Ну вот представь: человек не имеет понятия о радио, а в руки ему попала антенна от твоего транзистора. Что он о ней подумает? Игрушка. Раздвижная металлическая трубочка...

– Погоди-ка! – Я наконец сообразил. – Так это, выходит, у них на корабле авария?

На какое-то мгновение мне показалось, что всё ещё поправимо. Я почти видел этот застрявший где-нибудь возле отвала в щёбкарьере корабль.

– Всё гораздо проще, – вздохнул Гриша. – Они улетели. И пистолет этот, как ты его называешь, теперь в самом деле не больше чем игрушка.

– Улетели? – встрепнулся я. – Совсем?

Гриша молчал. В том конце парка, утопленное на треть в серебристо-зелёную листву тополей, ожило «чёртово колесо». Ярко-жёлтая кабинка всплыла над кронами и, очертив неторопливый полукруг, снова ушла из виду.

– Гриш... А это устройство, которое ты ликвидировал... От него хоть что-нибудь осталось?

– Нет, Минька, – виновато сказал он. – Ничего...

Вот так. Ни доказательств, ни свидетелей...

– А ну-ка, покажи, как ты там чего нажимал! В механизме этом... ликвидации...

Гриша нацарапал прутиком на асфальте квадрат и разделил его на четыре части. Четыре квадратные кнопки впри-

тык друг к другу. Левую верхнюю – раз, правую нижнюю – два раза, правую верхнюю и левую нижнюю – одновременно, и ещё раз – левую верхнюю. Система...

– А откуда узнал, как нажимать надо?

– Там было указано...

– Гриша! – с угрозой проговорил я. – Ох, Гриша!..

– Что? – испуганно отозвался он.

– Я же их видел вчера, Гриша! Я с ними дрался вчера, понимаешь? И дурачками ты мне их тут не изображай! Ангелы небесные – техника у них без охраны... Ты себя вспомни – каким ты был, когда от ангелов этих сбежал! Сам после смены с ног валится, а морда – счастливая!..

Невесело усмехаясь, Гриша смотрел куда-то поверх деревьев.

– Физическая усталость... – выговорил он чуть ли не с нежностью. – Это ещё не самое страшное, Минька. Здесь хотя бы никто у тебя не спрашивает, о чём ты думаешь в данный момент...

– А там?

– А там спрашивают, – тихо ответил он, и опять неизвестно откуда взявшийся знобящий сквознячок заставил меня поёжиться.

* * *

Поначалу я даже не мог понять, о чём он говорит. Грише

то и дело не хватало наших слов, и он либо заменял их своими, либо переводил так, что запутывал всё окончательно. Голова у меня гудела и шла кругом. Мерещились, например, какие-то огромные соты типа осиных, и в каждой – по Грише Прахову. Потом в соты эти ни с того ни с сего вдвинулся вдруг самый обыкновенный коридор, в котором Гриша встречался с каким-то человеком и почему-то тайно...

Потом вроде бы мало-помалу кое-что начало проясняться. Насчёт закона, правда, который Гришка нарушал, я так ничего и не понял. И не пойму, наверное. А вот насчёт наказания... Страшноватая штука, честно говоря: что-то вроде бойкота. Ни тюрем, ни лагерей – ничего... Просто разговаривать с тобой никто не станет. Вернее, как... На служебные темы – пожалуйста, сколько угодно. А начнёшь с кем-нибудь, ну, скажем, о погоде – он идёт и тут же тебя закладывает...

– Погоди... А... с матерью, например?

Гриша вздохнул:

– Видишь ли... Боюсь, что это будет трудно объяснить... Словом, я не знаю, кто мои родители. Это вообще запрещено знать... Иначе нарушается принцип равенства...

– Что... серьёзно?..

Гриша не ответил.

– Да, – сказал я. – Житуха... Ну ладно, давай дальше...

Дальше – проще. Несмотря на все запреты, нашёлся человек, с которым Гришка мог болтать о чём угодно. Она...

– Стоп! – снова перебил я. – Кто «она»?

– Человек...

– О ч-чёрт!.. – только и смог выговорить я. – Так это, значит, она, а не он?

Выяснилось, что она. Ангелок с изъяном – все чёрные, а эта рыжая... Рыжая?

– Гриша, – позвал я, – а что, Люська сильно на неё похожа?

– Нет, – помолчав, отозвался он. – Но сначала показалось, что сильно...

О знакомстве своём Гриша тоже рассказывал путано. Я, например, так понял, что влюбился он в эту Рыжую... А выплыви всё наружу – быть бы и ей в особо опасных... Да тут ещё вот какая штука: в любое время, хоть посреди ночи, пиликнул сигнальчик – и будь любезен на контроль: докладывайся, где был, что делал. Даже думал о чём. О Рыжей Гришка, понятно, молчал – врал как мог, выкручивался по-всякому. А выкручиваться становилось всё труднее и труднее...

Была суббота, парк помаленьку заполнялся народом, и на нашу скамейку уже дважды нацеливались присесть. Но я каждый раз встречал заходящего на посадку таким взглядом, что он вздрагивал и шёл дальше.

А Гриша всё говорил и говорил. К концу рассказа лицо у него осунулось, побледнело, шевелились одни губы.

– А потом я узнал... – уже совсем умирая, закончил он, – что она ко мне...

– Равнодушна? – спросил я.

– Приставлена, – сказал Гриша.

Я медленно повернулся к нему.

– Стучала, что ли? – изумлённо вырвалось у меня.

И не просто стучала. Оказывается, это их обычный ангельский приём. Особо опасные, в какой их оборот ни бери, обязательно что-нибудь да скрывают. Исповедуются, но не до конца. И вот чтобы не упускать их из-под контроля да и чтобы окружающих от них уберечь, приставляют к ним кого-нибудь вроде этой Рыжей. И некоторых таким образом даже перевоспитывают.

Последние слова Гриша договаривал с трудом. Кто-кто, а уж я-то его мог понять.

– Да все они такие, Гришк...

Гриша слепо смотрел поверх деревьев, туда, где ужасающе медленно проворачивалось «чёртовое колесо».

– Не знаю... – сказал он. – Кажется, нет...

– Ну ладно, – хмурясь, бросил я. – Дальше давай.

– Дальше... Дальше я решил бежать.

– Так сразу?

– Да, – сказал он. – Сразу. Теперь-то я понимаю, что застал их врасплох. Задумайся я на минуту – и меня бы перехватили... Но так совпало, что я оказался возле исследовательского центра. Ну, это такое... – Гриша беспомощно посмотрел вверх, и я представил увеличенное раз в пять здание заводской лаборатории. – Словом, я вошёл туда...

– И не задержали?

– А некому было задерживать, Минька. Исследования

свёрнуты, нигде никого... Да и потом, кому бы пришлось в голову, что кто-то может шагнуть за знак! Это же всё равно что из окна шагнуть. Или сквозь стену...

— Ну ясно, ясно, — проворчал я. — Газон перебежать, короче.

— Да, — сказал Гриша. — Газон.

Он помолчал, потом поднял на меня тёмные усталые глаза:

— Вот, собственно, и всё...

— Как всё? — всполошился я. — А документы? А язык?

— Язык? — безразлично переспросил он. — Да что язык... Там это просто, Минька: надел шлем, нажал кнопку... Главное — решиться...

Из какого же сволочного рая ты вырвался, Гриша, если сидишь вот так, сгорбясь, с остановившимися глазами, и ничего перед собой не видишь: ни людей, ни пыльного летнего парка!

— Ну и что? — постепенно наливаясь злостью, проговорил я. — Ну не повезло! Ну не сработала эта машинка, чёрт её дери! Мне вон всю жизнь не везёт — так что ж теперь, повеситься?!

Я вскочил. И в тот же самый момент пришла мысль. Вот всегда так со мной. Стоит разозлиться — и уже ясно, что делать дальше.

— Слушай, — сказал я. — Ну а, допустим, прилетает за тобой ещё один корабль... Он тоже с этим... с коллектором?

– Насколько я знаю, все корабли с коллекторами.

– Все корабли с коллекторами... И что будет с этим... – я потыкал пальцем в сумку, – с пистолетом?

– Видимо, заработает.

– Зарботает? – И я почувствовал, как по лицу моему расползается глупейшая блаженная улыбка.

– Гриша! – сказал я. – Так какого же мы с тобой чёрта?.. Надо просто проверять эту машинку каждый день. Всё время её проверять! И как только заработает – всё бросать и бегом к майору!.. Ангелы, да? Охотиться за нами, да? Ну давайте-давайте... Вы – за нами, а мы – за вами!..

Я уже был крепко взвинчен и расхаживал перед скамейкой, говоря без остановки.

– Брось, Гриша! – убеждал я его. – Чтобы два таких мужика – да не выкрутились? Со мной, Гриша, не пропадёшь! Ты, главное, Гриша, не робей! Мы тебя научим на собаку лаять!

* * *

Домой мы вернулись часам к пяти.

– Да! – вспомнил я перед самой калиткой. – Ключ-то заberi. И не оставляй больше...

Слова мои поразили Гришу Прахова. Он взял у меня ключ от своего шкафчика, стиснул его в кулаке, а кулак прижал и груди.

– Минька, – сказал он, – можно я задам тебе один вопрос?

– Ну задай.

– Зачем я вам нужен?

Ничего себе вопросец!

– А чёрт его знает, – честно ответил я. – Вроде привыкли уже к тебе...

* * *

Дома нас ждал сюрприз. Заходим мы с Гришей в большую комнату, а на диванчике – рядышком и чуть ли не за руки взявшись – сидят мать и Люська, обе заплаканные.

Увидев Гришу, Люська вскочила, вскрикнула и кинулась к нему. Я, конечно, посторонился – того и гляди затопчут.

– Я так и знала, я так и знала!.. – всхлипывала Люська, вцепившись в бедного Гришу. – Я же чувствовала – что-то случится!..

Интересное дело, вяло подумал я. Мать – чувствовала, Люська – чувствовала... Один я ничего не чувствовал.

– Я его посажу! – всхлипывала Люська. – Я его посажу!..

– Кого? – спросил я.

– Бехтеря, кого же ещё! – ответила за неё мать. Тоже всхлипывая.

– Какой Бехтерь, чего вы плетёте? – сказал я. – Бехтерь к нему и близко не подходил.

Люська уставилась на меня бешеными зелёными глазами:

– Не подходил? А лоб почему разбит?

– Так это не Бехтерь, – объяснил я. – Это я ему рейкой заехал.

– Как? – в один голос сказали мать и Люська.

– Случайно, – буркнул я и пошёл спать, хотя солнце только ещё собиралось садиться. Пусть сами как хотят, так и разбираются.

Добравшись до койки, сел и долго смотрел на шнурки кроссовок – не было сил нагнуться и развязать... Но Люська-то, а? Ишь как вскинулась! Это потому, Люсенька, что у тебя никогда никого не отнимали... Надо же – сама прибежала!..

* * *

Мне снилось вчерашнее сражение в старом сквере. Вернее, даже не само сражение – всего один момент: я сижу в проломе, стискивая штакетину, а они уходят – два ангела и Гриша между ними, – и серый полусвет льётся им навстречу, и это уже не люди, а три плоских колеблющихся силуэта... Я заставляю себя броситься за ними – и не могу. Вот ведь какая штука: наяву не испугался – во сне боюсь...

Я просыпался и подолгу лежал, глядя в потолок и понимая с облегчением, что Гришу я всё-таки отбил. Потом запускал руку под подушку, доставал пистолет и брал на прицел спичечный коробок. Нажимал на спуск, вздыхал, запикивал мёртвую машину обратно и снова оказывался в про-

ломе со штакетиной в руках...

Глава 13

– Гринь, – сказал Сталевар с умильной улыбкой, отчего сразу стал похож на старого китайца, – пока смена не началась, слетал бы за газировкой...

Все подождали, когда Гриша с чайником отойдёт подальше, а потом повернулись ко мне.

– Ну и что он? – уже без улыбки спросил Сталевар. – Уезжать не раздумал?

Я взглянул на их озабоченные лица и вдруг понял, что должен был чувствовать Гриша в первые дни. Разные? Да по сравнению с ними мы дворняжки! Мы беспородные переулочные шавки, и каждая скроена на свой манер! А эти – на подбор, в рост, в масть, как доберманы-пинчеры на собачьей выставке!..

– Может, он недоволен чем? – прямо спросил бригадир. – Если разрядом – будет у него скоро хороший разряд... Ну нельзя его отпускать, Минька! Ты ж первый резчик – сам понимать должен. Сунут опять в бригаду кого попало! Или – тоже весело – впятером тыкаться!..

– Ты... это... – немедленно взволновался Старый Пётр. – Ты, Валерка, знаешь... того... Впятером – не впятером... Чего ему уезжать? Ну ладно бы ещё в техникум или учиться... А то ведь просто так, по дурости...

– Что у него там с первой женой? – спросил Валерка.

– Чего? – сказал я.

– Ну, жена его из дому выгоняла или не выгоняла?

– Не выгоняла, – ответил за меня Сталевар. – Он, говорят, сам от неё ушёл. А теперь вот, видишь, родственники её грозить приехали...

Я только очумело переводил глаза с Валерки на Сталевара и обратно.

– Да шалопай он, ваш Аркашка! – рассердился вдруг Старый Пётр. – Откуда Аркашке про Гриньку знать? И ты тоже, Илья... – заворчал он на Сталевара. – Голова уж седая, а Аркашку слушаешь...

– Родственники... – презрительно пробасил Вася-штангист. – Какие там родственники? Тут в Бехтере дело. В раздевалке Гриньку без каски видели? Шишмарь у него на лбу видели? Чего вы суетитесь? Всё уже улажено. Встретил я вчера Бехтерея, поговорил...

Все посмотрели на Васю. Бедный Бехтерь...

– Ну так как же всё-таки? – снова спросил меня Сталевар. – Уезжает?

– Мужики! – сказал я. – Куда он от нас денется?

* * *

Перед тем как включить пресс, открыл инструментальный шкафчик, залез в него по пояс и, достав из-за пазухи яр-

ко-оранжевый пистолет, проверил. Молчит пока...

После обеда, когда возвращались из столовой, меня окликнула Люська. Что-то, видно, случилось. Невеста наша была вне себя – аж зелёные искры из глаз сыплются. Позади неё с потерянным видом жался Гриша Прахов. И с чего это я взял, что они похожи? Так, слегка, может быть...

– Минька! – бросила Люська, глядя мне прямо в глаза. – С кем вы вчера дрались в сквере?

Я посмотрел на Гришу. Гриша Прахов ответил мне унылым взглядом и слабо развёл руками.

– А друг с другом, – спокойно отозвался я. – Разве не понятно?

– Я серьёзно! – сказала она.

Да уж вижу, что серьёзно... Серьёзней некуда. Надо понимать, проболтался Григорий.

– Я всё рассказал Людмиле, Минька, – виновато пояснил он.

– А всё – это как?

– Н-ну... в общих чертах...

– С кем вы вчера дрались? – еле сдерживаясь, повторила она.

– С инопланетянами, Люся, – сказал я. – Тут, понимаешь, за Гришей с его планеты прилетели... А что ты на меня так смотришь? Сама спросила...

– Минька! – Голос у Люськи дрогнул от бешенства. – Мне твои шуточки ещё с такого вот возраста надоели! С вот та-

кого вот...

И она показала рукой, с какого возраста ей надоели мои шуточки. Потом резко обернулась к Грише.

– А ты учись у него! – зловеще посоветовала она. – Учись, он тебя много чему научит! Вместе шутить будете! Но только не со мной, понятно?!

Брызнула напоследок зелёными искрами – и пошла. Гриша дёрнулся было вслед, остановился и беспомощно поглядел на меня.

– Кто тебя за язык тянул? – сказал я. – Ну беги теперь, догоняй... Скажи: извиняюсь, мол, за глупую шутку, попал под дурное влияние Миньки Бударина.

– Но...

– Иди-иди. – Я развернул его и подтолкнул в спину. – А то перерыв кончится...

Да, вразумил меня жировичок, хорошо вразумил... Спасибо ему. Не попадись он нам тогда перед дверью кабинета – я бы ведь на рожон полез, я бы майора за грудки тряс, я бы до самого их высшего начальства дошёл... Чтобы все поняли как следует – психи пришли: один – буйный, другой – тихий...

* * *

Подходя к прессу, я ещё издали заметил, что вся наша бригада столпилась возле инструментального шкафчика.

Почувяв неладное, я ускорил шаг. Тут они чуть расступились, и в руках Валерки мелькнуло что-то оранжевое.

Увидев меня, бригадир лихо ослабился и, быстро прицелясь, сказал: «Бах!»

Не раздумывая, я бросился на пол. У Валерки отвисла челюсть. В такой позиции он меня ещё не видел. Да и остальные тоже...

Я поднялся, крихтя от стыда, и, подойдя к бригадиру, отобрал у него пистолет:

– Тебя кто учил без спросу хватать?

– А чего ж ты его в шкафчик сунул? – растерялся Валерка. – Сталевар за ветошкой полез, а он как раз под ветошкой лежал...

– Говорил ведь шалопаям: не ваше, не трогайте... – забрюзжал Старый Пётр. – Вот народ...

– А это что ж такое? – опомнившись от изумления, спросил Сталевар.

– Игрушка! – бросил я. – Племяннику купил...

– А с каких это пор у тебя племянники появились?

– Ну не племяннику... У знакомой одной пацан – вот ему...

– А-а-а... – На меня поглядели с пониманием.

– Дорогая, небось?

– Дорогая.

– погоди, – всё ещё не мог сообразить Сталевар. – А чего ж ты тогда залёг?

– Поскользнулся! – буркнул я.

Домой со смены нарочно пошёл через сквер – посмотреть, как там, после сражения. Накапывал дождик. Чистые пятна от выстрелов исчезли, на пропажу скамейки и урны никто не обращал внимания. Наверное, один только я и помнил, что здесь стояла скамейка...

Глава 14

– Наташка-то развелась, – сказала мать.

Я даже не заметил, когда она вошла, – транзистор сильно орал.

– Наташка?.. – рассеянно переспросил я. – Какая Наташка?

Мать остолбенела.

– Наташка... – беспомощно повторила она, и я наконец отвлекся от разложенных на столе деталей.

– Развелась? – спросил я. – Давно?

– Да, говорят, недели две уже...

– Понятно... – сказал я, помрачнев. Вставил одну деталь в другую и состыковал всё это с третьей.

Мать долго ждала продолжения. Потом подошла к столу и выключила транзистор.

– Ты жениться когда-нибудь думаешь? – прямо спросила она.

– Думаю, мать, думаю...

– Вижу, как ты думаешь! – сказала она, сердито наблюдая за тем, как детали в моих руках мало-помалу собираются в большой ярко-оранжевый пистолет. – Хоть бы Гриша на тебя, что ли, подействовал! У них-то с Люсей...

– Мать, – сказал я, – ну ты же раньше Люську терпеть не могла.

– Мало ли что! – возразила она. – Раньше я её не знала.

– Да пойми ж ты, мать, – сказал я с тоской. – Ну не до того мне сейчас!

– Да уж вижу, что не до того! Семьи нет, детей нет, а он сидит в игрушки играет!..

Повернулась и вышла. Я с досадой бросил собранный пистолет на стол. Развелась... Ну и развелась! Какая тут Наташка, когда мы с Гришей уже второй месяц вроде как на военном положении!

Тут я заметил, что одна деталька осталась лишней. Ну вот... Снова теперь разбирать...

Машинку изучил – не хуже своего пресса. Собрать-разобрать – с закрытыми глазами, хоть норматив сдавай, а как работает – убей, не пойму... Вот она откуда, эта деталька. И всё равно – какая-то она лишняя...

Мать говорит, характер у меня совсем испортился. Испортишься тут... И от Гриши проку никакого! Показать, где планета находится, – он не астроном, карту начертить – он не географ. Ну хотя бы приблизительно нарисуй: вот здесь океан, здесь материк... Ну нарисовал. А толку? Глаза б мои на

него не глядели!..

А ангелы – сволочи, как бы их там Гришка ни выгораживал!.. Живут, понимаешь, – пылинки друг с друга смахивают, только и думают, как бы кого нечаянно локотком не толкнуть... Кибернетика у них, автоматика, корабли космические... А против Гришки десант бросили! Как вспомню сквер – головы бы им всем посворачивал!.. Хотя, конечно, это ещё вопрос, кто кому... Эх, не мне бы этим заниматься!..

А что это транзистор замолчал? Ах да... Я шлепком вогнал трубчатую антенну в гнездо по шляпку и поднялся из-за стола.

Время было позднее. Взглянув поверх занавески, в одном из жёлтеньких окон соседского дома я увидел дядю Колю. Вот ещё тоже жертва... Нет, кроме шуток: здорово на него тот случай подействовал. Тихий стал старичок, задумчивый. Пенсию домой приносит до копеечки, а уж сквер, наверно, за версту обходит...

В Гришиной комнате скрипнула койка. Я удивился и, прихватив пистолет, направился к нему.

– А я думал, ты Люську пошёл провожать...

Гриша неподвижно сидел на койке, уставясь куда-то в угол.

– Я не имел права втягивать тебя в эту историю, – глухо сказал он. – И её тоже...

Неужели он весь вечер так просидел – глядя в стену?

– Ну пойдی повесься тогда, – предложил я. – Чего уж те-

перь...

– Понимаешь... – сказал он. – Вернуть меня обратно – это для них дело принципа... Они не отступят, Минька.

– А ты меня не пугай. Я и так боюсь.

Он недоверчиво посмотрел на меня:

– Правда?

– А то нет? – проворчал я.

Помолчали.

– А хуже всего, конечно, то, – уныло добавил Гриша, – что они, в общем-то, правы...

– Слушай, ты! – рявкнул я. – Ангелочек! Они тебе что, много доброго сделали? Правы! Мухтар и тот больше тебя соображает... Чего уставился? На хороших людей собака выть не станет!.. Почему Люську провожать не пошёл?

Плечи у Гриши сразу опустились, взгляд потускнел – сидит, в стенку смотрит.

– Будет лучше, если мы с ней поссоримся...

– Поссоритесь?.. Ты с какого гвоздя сегодня сорвался?

– Если я вдруг исчезну... для неё это будет ударом.

– Ага... – сказал я, помаленьку приходя в себя. – Нормально... А раньше ты что же?

– Раньше она не относилась ко мне серьёзно.

Вот так! А я думал, он ничего не понимает...

– Пойдёшь завтра провожать! – бросил я. – И попробуй только не пойдёшь!

Тут я спохватился, что постоянно тычу в Гришу стволом,

и засунул пистолет рукояткой в карман.

Гриша моргал. Поссориться с Люськой – пара пустяков, а вот помириться... Внезапно лицо его прояснилось. Придумал, значит.

– Минька, – осторожно начал он, – тридцатого наши всей сменой за грибами собираются... На автобусе...

– Не бери в голову, – сказал я.

– Да, но... Люся ведь тоже едет...

– Слушай, Гришк! Ты просто не знаешь, что я за человек! Вот попомни мои слова: стоит нам высунуть нос за город – и машинка заработает! По закону подлости – знаешь такой закон?.. В общем, никаких грибов, Гриша. Нельзя нам от майора отрываться...

* * *

Кончался август. И я не знаю, в чём дело, но только Наташка стала попадаться мне на глаза чуть ли не каждый день. Еле успевал на другую сторону переходить. Но однажды всё-таки не уберёгся.

– Ну куда ты полез, Миша! – услышал я совсем рядом её рассерженный голос и, вздрогнув, остановился. – Куда тебя понесло? Вернись сейчас же!

Это она со своим пацаном воевала. Увидев меня, растерялась:

– Миша?.. Здравствуй...

А губы – ну совершенно детские. И носик такой прямень-
кий, аккуратный...

– Привет... – осторожно отозвался я. – Как жизнь?

– Вот... погулять вышли... – ответила она.

Я смотрел на неё и соображал, что бы ещё такое сказать.

– Я слышал, развелась ты...

– Развелась. А ты? Так до сих пор и не женился?

– Да некогда всё, – сказал я. – Дела.

Тут подошвы моих кроссовок словно приплавились к ас-
фальту, а рука сама прыгнула в сумку, где лежал пистолет.
Вдоль решётки сквера прямо на нас шли трое молодых лю-
дей. Все одного роста, смуглые, горбоносые... Гортанно пе-
реговариваясь, прошли мимо. С Кавказа, видать, ребята...
Я наконец обратил внимание, что Наташка меня о чём-то
спрашивает.

– Дела? Какие?

– Такие дела, что закачаешься, – хмуро ответил я.

– Скамейку нашу помнишь? – спросила она вдруг.

Я буркнул, что помню.

– Сменили её. Новую поставили...

– Серьёзно? – сказал я. – Надо пойти посмотреть.

Она жалко улыбнулась уголком рта:

– Чего уж там смотреть...

Замолчали. Наташкин пацан штурмовал ограду сквера –
протискивался меж прутьев туда и обратно.

– А у меня день рождения скоро...

– И что? – насторожившись, спросил я.

– Приходи. Если сможешь, конечно...

Так... Потянули телка за верёвочку... Не дурачок ведь, понимаю, в чём дело. Всё прекрасно понимаю. Не дождалась, выскочила замуж, промахнулась, развелась, вспомнила, что Минька Бударин до сих пор не женат.

– Не знаю, в общем... – промямлил я. – Мы тут, понимаешь, как раз тридцатого всей сменой за грибами выезжаем...

* * *

Кое-как унеся ноги, решил взглянуть на новую скамейку. Посидел на ней, потрогал гладкий брус, где раньше было вырезано крупно и глубоко: «НАТАША!» Ладно. По грибы так по грибы. За мной ведь тоже, как за Гришей, глаз да глаз нужен. Оставь меня в городе – возьму да и сорвусь на день рождения, кто меня знает!

Кто-то остановился передо мной, постоял немного и сел рядом. Я покосился на подсевшего и увидел, что это Бехтерь.

– Ну, здравствуй, – неприветливо сказал я ему. – Что? Лавки другой не нашлось?

Бехтерь снял фирменные очки и долго тёр переносицу.

– Ну хоть бы ты мне, что ли, объяснил, – с тоской попросил он. – Бил я его тогда или мне это так, от злости померещилось?

– От злости, – сказал я.

Бехтерь усмехнулся. Что-то плохо он выглядел – то ли больной, то ли усталый.

– Ничего, – сказал он. – Она ещё с ним наплачется.

– Это почему же?

– Наплачется, – упрямо повторил Бехтерь. – Вот увидишь.

Я-то знаю, что он за человек...

– А ты-то сам что за человек?

Бехтерь вдруг ухватил меня за руку.

– Минька! – сказал он. – Не хотел я с ним тогда драться, веришь? Хотел подойти, поговорить по-людски, с глазу на глаз... Она ведь заявление из загса забрала, Минька! А он даже говорить со мной не хочет. Морду воротит, понимаешь? Простите, говорит, мы с вами незнакомы... Ах ты, думаю!..

Бехтерь задохнулся и умолк. Так это он, выходит, один на один отделал того... которого я потом рейкой? Ай да Валька! Как же надо было разозлиться!..

– Не того ты отлупил, Бехтерь, – сказал я ему. – Не Гришу. Он вскинул голову:

– Что... правда?

– Правда, – сказал я.

Бехтерь подумал, потом уныло кивнул:

– И что он теперь? Этот, кого я... В суд на меня, да?

– Да нет, Бехтерь, – вздохнул я. – Никто на тебя в суд подавать не будет...

Первый раз в жизни я говорил с ним не раздражаясь. А

может, меня и раньше раздражал не столько сам Бехтерь, сколько этот его дурацкий фирменный оскал.

— Кончай киснуть, Валька, — сказал я ему. — Сам понимаешь: ушла — значит ушла. Другую найдёшь.

— Не найду, — безразлично ответил мне Валька Бехтерь.

Глава 15

Наш автобус стоял у ручья на опушке, и огромная верба время от времени лениво проводила по его крыше кончиками узких листьев.

Я влез в автобус, и спавший на заднем сиденье шофёр поднял голову.

— Свои, свои... — успокоил я его. — Спички только возьму.

Я пробрался к своей сумке и устроил в ней маленький переворот. Коробок, конечно, оказался на самом дне. Я разгрёб продукты, переложил пистолет... и от кисти к локтю проскочили знакомые электрические мурашки.

Ещё не веря, я торопливо установил спичечный коробок на сиденье, прицелился и утопил спусковую клавишу.

Коробок исчез.

Несколько секунд я тупо смотрел на глянцевый от чистоты край кожаного сиденья. Потом швырнул пистолет в сумку, ремень — через плечо и вылетел из автобуса.

С трёх сторон шевелился лес, огромный, просвеченный солнцем. Ну и где мне их теперь искать, этих голубков? Я

прикинул, на какое расстояние могли разбрестись грибники, и чуть не застонал...

Полчаса, не меньше, я бегал по лесу сломя голову и выспрашивал наших, не видел ли кто Гришку с крановщицей. Как провалились, честное слово! Отмахав здоровенный крюк, вернулся к автобусу и там, на краю опушки, наконец увидел Люську. Сердце у меня радостно прыгнуло и тут же оборвалось: Гриши с ней рядом не было.

– А где...

Я не договорил. Она вскинула голову, и лишь тогда я понял, что никакая это не Люська.

Куртка – другая, волосы – рыжие, но чуть потемнее, потом – короткая стрижка, каких Люська отродясь не носила... И даже не в этом дело! Лицо. Вроде бы Люськино – одно к одному, а взглядишься... Куда там до неё Люське! Ну вот как киноактриса на плакате: красивая – аж дух захватывает, а в жизни такую – расшибись – не встретишь...

Уж не знаю, как я тогда выглядел, но, по-моему, она меня испугалась. Смотрит – глаза серые, большие, зрачки вздрагивают...

– Я здесь гуляю... – пояснила она.

– Ага... – Я обалдело кивнул, и мы двинулись в разные стороны. Боком. Не спуская друг с друга глаз. У неё левая рука – за пазухой, у меня – в сумке.

Стоило ей скрыться из виду, я шарахнулся вправо и, хрустя сучками, скатился в какую-то канаву. Слева – как бы в

ответ – тоже раздался короткий треск веток. Понятно...

Пригибаясь, добежал до конца канавы и там только перевёл дыхание. Вот это да! Рыжая, а? Сама пожаловала... Как же это они нас так быстро вычислили?..

От ствола к стволу, как на территории противника, всё высматривая, не мелькнёт ли где в кустах оранжевый пластик пистолета, убрался подальше. Что ж теперь делать-то? Кричать – услышат. Гришкино имя они по документам знают...

– Люська-а!..

– Чего орёшь?

Я обернулся. Они стояли буквально в десяти шагах от меня.

– Влипли, Гриша, – сказал я, подойдя. – Вот они тебе, грибы твои!..

Гриша Прахов побледнел и прислонил к дубу тонкий рогатый посошок.

– Заработала? – еле слышно спросил он. – Когда?

– Полчаса назад.

– Значит, скоро они будут здесь... – медленно проговорил он.

– Дурак! – прохрипел я. – Они уже здесь!

– Вы что, ненормальные оба? – спросила Люська. – Вы себя со стороны послушайте!

Я повернулся к ней – и осёкся. Вот ведь разные, а?! Нет, конечно, Рыжая и красивее, и нежнее... но по сравнению с Люской – какая-то вроде ненастоящая...

– Люська! – сказал я. – Ради бога! Хоть ты не лезь!

– Опять инопланетяне? – недобро прищурясь, спросила она.

– Опять!

На секунду мне показалось, что она сейчас размахнётся и даст мне лукошком по голове.

– Люся, я всё объясню... – заторопился Гриша.

– Не надо, – спокойно проговорила она. Взяла прислонённый к дубу рогатый посошок и пошла прочь. Отойдя на несколько шагов, оглянулась и добавила безразлично: – По-едем в город – в автобусе ко мне не подсаживайся...

Волосы её на этот раз были заплетены в короткую толстую косу, и коса эта при каждом шаге с каким-то особым презрением качалась туда-сюда – рыже-золотистый маятник с пушистой метёлкой на конце.

Гриша двинулся было за ней, но я его удержал.

– Пусть идёт, – бросил я. – Или ты её тоже хочешь втянуть?

Гриша испуганно затряс головой.

– Тогда давай думать, как нам быстрее в город попасть. Выйдем сейчас к автобусу...

– К автобусу? – жалобно переспросил Гриша, всё ещё норовя оглянуться на уходящую Люську.

Я чертыхнулся.

– Верно! Там же, возле автобуса, эта... Тогда вот что: автобус обогнём, так? Выйдем по грунтовке к шоссе – и авто-

стопом до города. Вперёд!

Проскочив испятнанную солнечными зайчиками поляну, мы наткнулись на Сталевара. Похожий скорее на лешего, чем на грибника, он ворошил палочкой траву возле старого пня. Увидев нас, удивился.

– А ты откуда здесь взялся? – спросил он Гришу. – Аркашка говорит, он тебя в другой стороне видел.

– У шоссе? – похолодев, спросил я.

– Ну да... Ещё, говорит, странно: Гриша – и вдруг без Люськи... Поссорились, что ли?

Мы с Гришей посмотрели друг на друга. Обложили нас, короче. Со всех сторон обложили... А нет, врёшь – не со всех!..

– Слушай, Сталевар, – сказал я. – Тут вот такая штука... Мы сейчас, наверное, с Гришей вернёмся... Ну, дело есть в городе, понимаешь? Скажи Люське, чтобы Гришкину сумку потом из автобуса забрала, – некогда нам...

Сталевар уставил на меня круглые глаза, ставшие в лесу ещё желтее, и ухмыльнулся от уха до уха:

– Утюг забыл выключить?

– Ага, – сказал я. – Утюг...

* * *

– Стоп! А грибникам нашим они ничего не сделают?

– Нет, – отрывисто отозвался Гриша. – Они охотятся толь-

ко за нами. Точнее – за мной...

Тропинка уводила нас всё дальше и дальше от опасных мест. Вот где было грибов полно! Теперь они даже не прятались – чувствовали, видно, что нам с Гришей не до них.

– А чего это ты с пустыми руками идёшь? – спохватился я. – Ну-ка, стой!.. Хор-роший, однако, дрын! Как будто сам нас нашёл...

Я оторвал приглянувшуюся мне полуотломленную сухую ветку – прямую, крепкую, толстую, как оглобля.

– Вот... – сказал я, отшибая лишние сучья. – А то висит дровина без дела...

Раскрыл перочинный нож и на ходу принялся доводить дровину до ума.

– Как же они всё-таки разнюхали, что мы здесь? – с досадой проворчал я, добравшись до особо трудного отрезка.

– Может быть, засекли выстрел... – уныло отозвался Гриша. – Ты ведь выстрелил, да?

– Как? – Я даже остановился. – Так они, значит, могут по выстрелу... А точно знаешь?

– Я предполагаю, – пояснил Гриша. – Если пистолет теперь связан с коллектором на корабле...

Я готов был его придушить:

– Вслух надо предполагать такие вещи! Вслух, а не в тряпку!..

Снова двинулись. Гриша испуганно молчал. Я, успокаиваясь, строгал дровину. Сказать ему про Рыжую или не го-

ворить? Нет, лучше не надо... Ну его к лешему – слабонервная команда...

Я закончил строгать и сложил ножик. Серьёзная вышла дубина.

– На, держи, – буркнул я. – В случае чего – в лоб! И не раздумывая, понял?

– По-моему, за нами кто-то идёт, – сказал Гриша.

Глава 16

– Ну-ка, спрячься, – приказал я. – Встань за дерево. Значит, всё понял, да? Если что – в лоб!

Я достал пистолет и тоже отступил в сторону. Отрегулировал рычажком дальность, но заранее целиться не стал. Ангелы ходят бесшумно. Чёрта с два мы бы их услышали первыми.

Тут ветки всколыхнулись и... Как я в неё тогда не выпалил с перепугу – до сих пор удивляюсь. Я ж её чуть за Рыжую не принял... Короче, из-за поворота тропинки выбежала растрёпанная Люська. В руках у неё не было уже ни лукошка, ни посошка. Коса на бегу расплелась, и теперь над Люськиной головой вставала огненная туча спутанных волос. Увидав меня, Люська резко остановилась:

– Гриша?! – И задохнулась.

Гриша вылетел из-за дерева. В лесу стало очень тихо. Кукушка невдалеке отсчитывала кому-то уже, наверное, вто-

рую сотню лет. Люська не мигая смотрела на двух придурков: один – с пластмассовым пистолетом на изготовку, другой – с каким-то дышлом наперевес.

– Ну и какого чёрта ты за нами увязалась? – со злостью спросил я.

– Куда вы идёте?

– В город.

– Зачем?

– Люська! – сказал я. – Пожалуйста! Иди к автобусу! Не до тебя сейчас!..

– Я прошу тебя, Люся... – поддержал меня Гриша.

– Никуда я не пойду! – отрезала она. – Господи, да что же это такое! Всё бросили, вещи бросили... Почему забрать сумку из автобуса?... Я никуда не пойду, пока вы мне всё не объясните, слышите?

– Что тебе объяснить? – взорвался я. – Ну гонятся за нами! Гонятся, понимаешь?

– Кто за вами гонится?

– Инопланетяне! – рявкнул я. – С рожками! С ножками! С крылышками!... Иди к автобусу!

– Не пойду!

Я открыл было рот и вдруг замер. Низкое, еле слышное жужжание прошло над деревьями и пропало где-то впереди. Нет, не пропало... Снизилось и загудело между стволами, мало-помалу приближаясь к нам. Кукушку – как обрезало. Я оглянулся на Гришу.

– Они? – одними губами спросил я его.

Гриша неопределённо потряс головой. Лицо серое, зубы стиснуты.

– Не знаю, – ответил он шёпотом.

– Что ты вообще знаешь?.. – прошипел я, лихорадочно соображая, на какое расстояние мне поставить дальномер моей машинки.

Жужжание приближалось. Теперь уже не было сомнения, что идёт оно напрямиком на нас.

Гриша с Люской стояли оцепенев – бери их голыми руками. Опомнясь, я толкнул их что было силы, и, отбежав шагов на десять от тропинки, мы втроём повалились в траву.

Жужжание выплыло из кустов, но я ничего не увидел. Звук двигался в метре над тропинкой, я мог показать пальцем, откуда он сейчас раздаётся, но там ничего не было. Просто звук.

Быстро посмотрел на Люську. Не дай бог в обморок упадёт – ещё и её на себе тащить!.. Плохо я подумал о Люске. Так она и позволила себе упасть в обморок! Побледнела, вцепилась пальцами в ствол – чуть кору не сорвала...

Жужжание задержалось над тем местом, где мы только что стояли, потом снова двинулось и стало удаляться, но уже не по прямой, как раньше, а то и дело давая петли то в одну, то в другую сторону.

– Они... – хрипло сказал я, поднимаясь. – Сколько здесь живу, а такого ни разу не слышал... Ты когда-нибудь слыша-

ла?

Люська помотала головой. Вроде бы приходила в себя.

– Что это? – спросила она.

– Инопланетяне... – устало ответил я. – И Гриша твой – инопланетянин... Особо опасный преступник...

Она посмотрела на меня, потом на Гришу. Выражение лица у неё было самое жалобное.

– Не понимаю... – беспомощно сказала она.

– Люська! – взмолился я. – Ну не время сейчас! Я два месяца понять пытаюсь – и то до сих пор до конца не понял! А у нас нет двух месяцев! У нас минуты лишней нет, ясно тебе? Нам в город надо, к майору... Иди обратно, Люська! Иди к автобусу! Ну что нам, на коленях тебя просить?..

– Это очень опасно, Люся... – в отчаянии добавил Гриша.

В лесу ожила кукушка. Сказала один раз своё «ку-ку», а повторить так и не решилась. Можно понять птичку...

– Куда обратно? – встрепенулась Люська. – Туда? Я теперь туда не пойду!

– Да не тронет оно тебя! – сказал я. – Ты-то здесь при чём?

Чуть запрокинутое лицо её на секунду застыло, и Люська вдруг стала до жути похожа на Рыжую – только вот причёска другая... Нельзя нам её с собой брать. Во-первых, в самом деле опасно, а во-вторых, попробуй угадай, что она отчудит в следующий момент...

– Я иду с вами! – решительно сказала Люська. – Только сначала вы мне всё расскажете!

Ну вот... Так я и знал! Вне себя я выхватил из пачки сигарету и, не найдя в левом кармане спичечного коробка, полез в правый.

– Люська!.. – начал я.

– Я иду с вами! – Она повысила голос.

Ну вот что ты с ней будешь делать!

– Ладно, – буркнул я. – Гриша тебе всё по дороге расскажет. Только громко не болтать, ясно? Гриша, где дрын? Я для чего его строгал? Чтобы ты его под деревом бросил?..

Недовольный, я выбрался на тропинку и зашагал, перекачивая в губах незажжённую сигарету и машинально хлопая себя по всем карманам. Были же спички... Может, я их опять в сумку кинул?

За спиной у меня – сбивчиво, взхлёб, наперебой – говорили Гриша и Люська. Я не слушал. Вернее, слушал, но не их. Пока вроде ничего подозрительного... Будем надеяться, что ангелы нас потеряли.

Да что за чёрт – и в сумке тоже спичек нет!.. И тут я наконец вспомнил. Я же их собственными руками отправил на корабль к ангелам! Ну не дурак, а? Полный коробок!..

Я остановился, и разговор у меня за спиной мгновенно смолк. Обернувшись, я увидел, что Гриша с Люськой смотрят на меня во все глаза.

– Спички есть у кого-нибудь? – спросил я.

Они даже не сразу меня поняли. Напугал я их своей остановкой.

– Ненормальный, – еле выговорила Люська. – Разве так можно? Чуть сердце не разорвалось...

– Да что ты мне про сердце! – сказал я. – Спички у тебя есть?

– Нет у меня спичек! – отрезала она.

– А я не курю, ты же знаешь, – добавил Гриша.

Тоже мне грибники! В полном расстройстве я засунул сигарету в пачку. Это что же, я теперь до самого города без курева буду? Совсем весело...

Некоторое время Гриша с Люской молчали. Потом заговорили снова.

– То есть как запрещалось? – дрогнувшим голосом переспрашивала Люська. – Говорить запрещалось? Ни с кем – ни с кем?..

Я так понимаю, что, когда выйдем на майора, она о Гришкиной планете больше меня знать будет...

* * *

Переход до Глубокой балки сожрал у нас почти весь остаток дня. Отвык я от таких маршей. Ну куда это – почти десять километров пешком отмахать! Хорошо хоть без приключений. Вот только шмели нас часто пугали – жужжат похоже...

А приключения начались сразу же за Глубокой балкой. Напрямик по стерне мы идти не отважились и решили

просочиться по тонкой ниточке лесопосадки. Жужжание навалилось внезапно, сверху. Мы попадали на землю, и оно пошло кружить, становясь всё громче и громче. Потом я – по какому-то наитию, не иначе, – лёг на пистолет брюхом, и звук остановился как бы в нерешительности. Поплутал по кустам смородины и, взыв, ушёл в поле. Некоторое время мы лежали неподвижно. Потом я сдул прилипший к губам жухлый листок и сел.

– Гриша, – позвал я, – знаешь, в чём дело? Пистолет оно чувствует, вот что...

– Очень может быть... – отозвался он, тоже приподнимаясь.

– Но ведь я же не стрелял...

Гриша пожал плечами и не ответил.

– Да выбросьте вы его! – сказала Люська, с ужасом глядя на ярко-оранжевую игрушку.

– Нельзя, Люська, – с тоской проговорил я. – Никто нам без этой машинки не поверит...

Глава 17

Огромное тяжёлое солнце, вишнёвое, как остывающий металл, почти коснулось краешком горизонта, когда мы втроём вышли наконец к старому щебкарьеру. Пологий, несколько раз оползавший склон весь порос ковылём и клу-бился при малейшем ветерке. Мы стояли будто на краю об-

лака и смотрели на показавшийся вдали город.

– Я, наверное, с ума схожу, – жалобно призналась Люська. – Что это там? Вон там, видите?

Внизу шевелились тростники, далеко впереди посверкивала вода. А метрах в трехстах от нас на каменистой, словно нарочно кем-то выровненной площадке стояли рядышком скамейка и бетонная урна. Солнце осветило их напоследок, и они были очень хорошо видны вдалеке – крохотные, будто игрушечные.

– Зря мы тут маячим, – хмуро сказал я. – Давайте-ка отойдём.

Мы отступили от уходящего вниз склона и присели в ковыль. Кажется, из всех возможных маршрутов я, как всегда, выбрал самый неудачный. Ну показался город, а толку? Теперь между нами и майором лежал заброшенный щебкарьер. Обходить его по краю вдоль обваловки – это только к утру дойдёшь. Напрямик идти, по дну?.. А если ангелы опять окопались в щебкарьере? Тут в тростниках не то что корабль – целый космический флот можно спрятать...

– Минька, – позвала Люська, – а этот ваш штаб... Он ведь где-то здесь, правда?

Я смотрел на неё, соображая. Люська имела в виду пещерку, которую мы с одним пацаном открыли, углубили и оборудовали ещё бог знает когда – лет пятнадцать назад.

– Не влезем мы туда втроём, – сказал я. – Да он уж, наверно, и обвалился давно...

Солнце наконец коснулось дальней кромки щебкарьера. Плохо. Насколько я знаю, ангелы как раз по ночам и работают.

— Ладно, пошли вниз, — решил я. — Только пригнувшись, в рост не вставать...

Мы спустились на дно щебкарьера и двинулись вдоль клубящегося ковыльного склона. Он становился всё круче и круче, — видно, грунт потвёрже пошёл. Ковыль скоро кончился, и теперь справа от нас тянулась голая глинистая стена. А слева — тростники. Тоже стеной.

— Вроде здесь... — сказал я, останавливаясь.

Вроде... В том-то и дело, что вроде! Вроде и место — то самое, и пещерка — вот она, и ступеньки вырублены в грунте — я сам их когда-то вырубал и укреплял дощечками...

Не могли эти ступеньки так сохраниться за пятнадцать лет. Их бы уже сто раз дождями смыло. И потом, я же хорошо помню: никаких колышков я перед дощечками не вбивал. Это уже кто-то, видать, после меня поработал.

— Гриша, — тихо позвал я, — а ангелы её никак занять не могли? Ну, там под устройство какое-нибудь...

Гриша с сомнением поглядел на земляные ступеньки и покачал головой.

— Отойдите-ка в сторонку... — попросил я и, достав из сумки пистолет, пошёл вверх по ступеням.

Стоило мне заглянуть в пещерку, как всё сразу стало понятно. Пацаны, пришедшие сюда после нас, догадались укрепить

пить потолок, как в шахте, и углубили пещерку настолько, что в ней теперь могли уместиться уже не три человека, а все десять. Ну точно – пацаны! Уж я-то как-нибудь детскую работу от взрослой отличу! Гляди-ка, и мебель тут у них появилась: два ящика, табуретка... И не лень ведь было из города тащить!

Ну что ж, спасибо, ребята, выручили.

Я выглянул наружу и позвал Гришу с Люськой. Оказавшись в пещерке, они сразу же забились в дальний угол и снова заговорили – тихо, взволнованно, неразборчиво. Я расположился на табуретке поближе к выходу. Ещё раз достал сигарету и попробовал затянуться впустую... Вот подлость, а? Хоть трением огонь добывай! Я спрятал сигарету и задумался.

Как ни крути, а придётся здесь заночевать. А всё из-за Наташки. Не встречу я её тогда у сквера... Ну жизнь! Все неприятности от них...

– Похожа?.. Очень?.. – упавшим голосом переспрашивала Люська. – Что... и глаза зелёные?..

– Серые, – буркнул я, не оборачиваясь. – Серые у неё глаза.

– А ты откуда знаешь?

И кто меня за язык тянул! Решил же не говорить... Пришлось выложить всё как было. Несколько секунд у меня за спиной стояла остолбенелая тишина – ни шороха.

– Жалко, не я с ней встретилась... – тихо, с угрозой ска-

зала наконец Люська. — Уж я бы с ней по-другому поговорила...

Щебкарьер наполнялся синевой, света в пещерке становилось всё меньше. Вдобавок к ночи холодало, и меня мало-помалу начал пробирать озноб.

Очень мне всё это не нравилось. И что заночевать придётся, и что мать там уже, наверное, с ума сходит... А больше всего мне не нравилось то, что пещерка не имеет второго выхода. Приходи и выливай нас отсюда, как сусликов...

По-моему, я уже дрожал не только от холода. Потом обратил внимание, что в пещерке тихо, Гриша и Люська молчали.

Я повернулся к ним, хотел сказать что-нибудь ободряющее, и тут мы снова услышали жужжание. Оно явно прощупывало склон, метр за метром приближаясь к нам. Вот и дождались! Я сунул пистолет за пазуху и скорчился на табуретке, уткнув подбородок в колени.

Прошло мимо... Нет! Вернулось. Остановилось перед входом в пещерку... постояло, повысило тон и осторожно стало протискиваться внутрь.

Света в пещерке, можно сказать, не было, и всё же я (уж не знаю, каким образом, — кошачье зрение прорезалось, не иначе!) увидел, что Люська изо всех сил зажимает себе рот обеими руками. Я увидел её страшные, чёрные на белом лице глаза и понял: всё. Кранты, ребята.

Правая — свободная — рука судорожно зашарила по неровному земляному полу и ухватила деревянный ящик. Писто-

лет давно уже не казался мне оружием, во всяком случае – против этого.

Но тут оно попятилось, постояло с минуту перед пещеркой и двинулось дальше. Отойдя метров на сто, взмыло и, истончась до комариного писка, растаяло над щебкарьером.

Я не знаю, сколько мы ещё сидели, боясь пошевелиться. А потом я услышал всхлипывания. Плакала Люська.

– Гады!.. – изумлённо выдохнул я. – Ах вы, гады!..

Страшные чёрные ругательства готовы были хлынуть горлом, но я заставил себя замолчать. Почудилось вдруг, что ненависть эту нельзя растрачивать вот так – попусту, в воздух...

Время шло. Серое пятно входа исчезло, было черно, как в печке.

– Не смей! – вскрикнула сзади Люська. – Не смей, слышишь! Минька!..

– Что там у вас? – Я обернулся и ничего не увидел.

– Он хочет выйти! – в ужасе сказала она. – Он хочет сам!..

– Сидеть! – сказал я в темноту. – Ушибу дурака!..

– В конце концов, они охотятся не за вами, а за мной! – ответил мне срывающийся Гришин голос. – При чём здесь вы?

Я не дал ему договорить:

– Нас решил спасти, да? Ну спасибо тебе, Гриша! За каких же сволочей ты нас с Люськой держишь, а? Да на кой нам чёрт такое спасение!

– Что я без тебя делать... – начала было Люська и смолкла.

Вдалеке по щибкарьеру гуляло еле слышное жужжание. Нет, на этот раз, кажется, послышалось... Нет, не послышалось!

Жужжит, зараза...

На плечо мне легла Люськина рука и, быстро скользнув вниз, потянула из моих пальцев пистолет.

– Ты чего? – испуганно спросил я и поднялся.

Мы стояли, пригнувшись и всё же упираясь головами в потолок. Люська слабо, но настойчиво тянула пистолет на себя.

– Я пойду... – Она словно бредила. Мы стояли лицом к лицу, почти соприкасаясь лбами, и, однако, я еле мог её понять – так тихо она говорила. – Отойду подальше... и выстрелю...

– Молодец, – сказал я, отбирая у неё пистолет. – Умница... Никуда ты не пойдёшь. Гриша, ты где?

Гриша стоял рядом и напряжённо вслушивался. К счастью, он, видно, не разобрал, о чём мы. Иначе бы снова полез приносить себя в жертву.

– Где дрын? – спросил я. – Опять бросил? Я же сказал: из рук не выпускать! За Люську отвечаешь, понял? А я пока пойду разведую что и как... Нельзя здесь больше оставаться.

Чёрт, а вылезать-то страшновато... Я заставил себя выбраться из пещерки и оглянулся.

– Сидеть и ждать меня, – сказал я тихо. – Гриша, всё по-

нял?..

Глава 18

Я соврал ребятам. Скажи я им правду – они бы вцепились в меня и никуда бы не отпустили. Я собирался сделать то, чего не разрешил Люське: отойти подальше и выстрелить. Пускай тогда за мной за одним попробуют поохотиться...

Но они уже охотились за мной. Оранжевая игрушка так и притягивала к себе – жужжание наплывало из темноты то справа, то слева. Я ложился на землю, машинку – под брюхо, и жужжание промахивалось. Я выжидал, пока оно уплывёт подальше, вставал, а шагов через двадцать всё начиналось сначала.

И всё же лучше было вот так играть с ними в кошки-мышки посреди ночного щебкарьера, чем сидеть в этой проклятой пещерке и ждать, когда за тобой придут... Да и потом, не со смертью же я, в конце концов, играю! Это локатор! Это всего-навсего локатор. Ну засекут они меня, ну прибегут... А там мы ещё посмотрим, кто кого! Я ведь старый щебкарьер на ощупь помню – мы его пацанами весь излазили...

Откуда же я знал, что это будет так страшно?! Оно накрыло меня на железнодорожной насыпи. Я шёл по трухлявым, без рельсов, шпалам, чувствуя, как огромная невидимая рука шарит вслепую по щебкарьеру. Вот она подбирается ко мне сзади... Спрыгивать с насыпи было поздно, и я упал пря-

мо на шпалы.

Какое, к чёрту, жужжание – теперь это был рёв!

Сотрясая насыпь, оно прошло по моей спине. Такое ощущение, как будто с тебя – без боли – сдирают кожу от пяток до затылка. Сдирают и скатывают в рулон.

Я был оглушён, раздавлен и даже не знал, жив ли... Пошевелился, понял, что жив, и долго ещё лежал, всхлипывая и уткнув лицо в пыльную сухую землю между шпалами.

Дядя Коля рассказывал: немцы в войну вместе с бомбами сбрасывали пустые бочки из-под бензина, насверлив в них дыр. И бочки выли, падая. Выли так, что люди сходили с ума...

Я поднял голову и увидел прямо перед собой облачко золотистой пыли, встающее над чёрным краем щебкарьера. Это светился ночной город. Мой город.

И вдруг лицо мне обдало жаром, как от неостывшего стального листа!

МЕНЯ, МИНЬКУ БУДАРИНА, ВЫЛИВАЮТ ИЗ НОРКИ, КАК СУСЛИКА! МЕНЯ ГОНЯТ ПО ЩЕБКАРЬЕРУ! Я СЮДА ПАЦАНОМ ИГРАТЬ БЕГАЛ, А ВЫ МЕНЯ – ПО МОЕМУ ЩЕБКАРЬЕРУ? ПО МОЕЙ ЗЕМЛЕ?..

– Сволочи! – прохрипел я, поднимаясь в полный рост. – Ну, где вы там? Ну! Ангелы поганые!..

В щебкарьере было тихо. Жужжание, словно испугавшись, умолкло совсем. Я чувствовал, что ещё минута – и я начну палить куда попало, пока не набью грунтом доверху

паскудную камеру их паскудного коллектора!..

И тут пришла мысль. Страшная. Сумасшедшая. Я остолбенело уставился на светлую даже в этой темноте линзу моей машинки и медленно, на ощупь, перевёл рычажок на самый широкий захват.

Повернул оружие стволом к себе и отнёс руку как можно дальше. Нет, не получается...

Тогда я спустился с насыпи, сел, скинул с правой ноги кроссовку, сорвал носок и установил перевёрнутый рукояткой кверху пистолет в щели между камнями. Большой палец ноги еле пролез между спусковой клавишей и клювообразным прикрывающим её отростком. Я скорчился, чтобы попасть в прицел целиком, и поглядел в слабо тлеющую и как бы дышащую линзу. Я давно уже забыл о пещерке, о Грише с Люськой, даже город, мерцавший на горизонте, словно бы погас. Остались только ненависть, темнота и круглый немигающий глаз дьявольской игрушки. Вот оторвёт ногу к чёртовой матери...

«Что же я делаю?!»

Я выругался шёпотом и нажал пальцем босой ноги на спуск.

* * *

На секунду меня обдало не то жаром, не то холодом – чем именно, не разобрал, слишком уж быстро всё случилось. На-

сыпь, на которую я опирался спиной, исчезла, и я, потеряв равновесие, повалился на гладкий пол, вскинув босую ногу. Целую и невредимую. Ну что ногу не оторвало – это я ещё понять могу. А вот то, что на ней, подобно раку, защемив большой палец, всё ещё болтался пистолет... Впрочем, удивляться мне было некогда. Я сорвал пистолет с ноги и вскочил. Стены – кругом. Вот она, камера коллектора...

Не раздумывая, я двинулся прямо на стену, как будто ждал, что она передо мной расступится. Не расступилась. Грубая бронева плита без единого шва. Приблизительно на уровне глаз она была побита и чуть вдавлена, словно её пытались уже то ли проломить, то ли проплавить. Потом я обратил внимание, что машинка моя сдохла. С какой бы силой я ни стискивал рукоять пистолета – мурашек не было. Всё правильно. По логике, он и не должен действовать в камере коллектора. Должен сработать какой-то предохранитель...

И куда же это я себя загнал?.. Трогая ладонью грубый металл стены, я обошёл камеру кругом и снова остановился возле выбоины.

Постой-постой... Предохранитель?

Сам не знаю, что это на меня такое снизошло, но в следующий миг я уже сдвинул ствол, разъял рукоятку, вынул стеклянный экранчик... Стоп! Дальше можно не разбирать. Вот она, деталька, на виду...

Я подковырнул её лезвием перочинного ножа, и, полупрозрачная, словно наполненная светом, она выпала на пол и

разлетелась под ногами в мелкую стеклянную крошку.

Медленно, опасаясь коснуться ненароком какого-нибудь контакта, я вставил на место экранчик и состыковал рукоятку. Задвинул ствол до упора – и в тот же самый момент брызнули мурашки...

Я поспешно вскинул пистолет к выбоине в стене и утопил спусковую клавишу.

* * *

Интересно, рискнул бы я тогда выстрелить, зная наперёд, что из этого выйдет? Ох, сомневаюсь...

Грохот? Скрежет? Шипение?... В жизни своей я не слышал звука страшнее. Пол вывернулся у меня из-под ног, и я кубарем полетел вперёд – в искрящую электрическими разрядами черноту.

* * *

...Я полулежал-полусидел на гладкой, волнообразно изогнутой поверхности, а в метре от моего плеча трещало и сыпало искрами короткое замыкание. В его синеватом, вспыхивающем и гаснущем свете я увидел прямо перед лицом грозный блеск обнажённого металла, словно кто-то держал у моего горла огромное кривое лезвие.

Боясь пошевелиться, я скосил глаза вправо. Там, отражая какой-то бледный полусвет, изгибались ещё два таких же лезвия. Осыпаясь искрами, я начал осторожно протискиваться туда, вжимаясь спиной в гладкую, наклонённую от меня стену. Добравшись, понял, что свет сеется из глубокой прямоугольной ниши, до нижнего края которой я вполне достаю рукой.

Кое-как забравшись в неё, я смог наконец оглядеть целиком мерцающую металлом конструкцию.

Представьте себе клубок... Нет, не клубок – путаницу огромных и, как мне показалось, стальных лент, каждая шириной до полутора метров, а толщиной... Плита. Броневая плита. Причём это была не беспорядочная грудa лома – ленты изгибались правильно, красиво, металл клубился, образуя что-то вроде гигантского цветка.

Потом до меня дошло, что ниша, в которой я сижу, – вовсе не ниша, а скорее тупичок, оставшийся от какого-то коридора. Остальное было отхвачено напрочь – наискось, как бритвой...

И лишь после этого я сообразил, что произошло.

Передо мной мерцала металлом камера коллектора, пожравшая сама себя, вывернутая наизнанку моим последним выстрелом. Я посмотрел в самую гущу оцепеневшего стального смерча и содрогнулся, представив, что стало бы со мной, будь я в него затянут...

Кстати, машинка, каким-то образом не оброненная во

время всех этих кувыркков и падений, снова была мертва. Теперь уже навсегда.

Стены тупичка медленно гасли. Единственная целая стена на треть ушла вбок да так и осталась в этом положении, так её и заклинило... Тут я вспомнил наконец, зачем я здесь, и тяжело поднялся на ноги. Пролез в вертикальную полу-метровой ширины щель и оказался в другом коридорчике, стены которого болезненно трепетали синеватым бьющимся светом. Одна лишь торцовая стена сияла ровной медицинской белизной. Я шагнул вперёд, и она исчезла – скользнула в пол, открывая мне путь вглубь корабля, к самому их горлу...

* * *

Мне бы только до вас добраться, а там – хоть волк траву ешь!..

Припадая на босую ногу, я шёл сквозь корабль, и стены едва успевали отскакивать – вверх-вниз, в стороны... Последний тупик, последняя расступившаяся переборка – и я ворвался, прихрамывая, в круглое помещение с пультами вместо стен.

Навстречу мне вскочили двое – ангелы. Один молоденький – таким, наверное, Гриша был лет в семнадцать. Другой пожилой, с тусклыми волосами, – таким, наверное, Гриша будет лет в пятьдесят...

Секунду мы смотрели друг на друга: аккуратные, подтянутые ангелы в чистеньких комбинезончиках и я – расхристанный, грязный, одна нога – босая, в руке – тусклый от пыли пистолет.

– Что, чижики? – выдохнул я наконец. – Не ждали?..

Глава 19

Они выхватили оружие одновременно. Я увидел две тусклые мёртвые линзы, и губы мои повело в злобной усмешке. Так стальные листы ведёт после отжига.

Им хватило доли секунды понять, что машинки их сдохли и что они оба стоят передо мной безоружные. Я сделал шаг, и ангелы попятились.

Припадая на босую ногу, я подошёл к плоскому, как стол, пульту в центре рубки и с маху грохнул белёсый от пыли пистолет об его чистенькую гладенькую поверхность. Сел в капитанское – или какое там? – кресло и, подавшись вперёд, бешено уставился на пожилого.

– Доигрались? – с ненавистью выговорил я. – Допрыгались, ангелочки?..

Я знал, что живым мне отсюда не уйти. А ещё я знал, что начну вот с этого самого пульта в центре рубки. Жаль только – ничего тяжёлого нет под рукой. Ладно! Кулаками буду расшибать, головой, чем попало!..

– Как вы проникли сюда? – с запинкой спросил пожилой

ангел по-русски.

– Не твое собачье дело! – прохрипел я.

– Простите?..

На их смуглых лицах стыли растерянность и страх. И я понял вдруг, что на корабле нас всего трое: я и они. А остальные, видно, в разбеге – Гришу ищут...

– Слушай, ты! – сказал я пожилому. – Если кто-нибудь из вас хоть пальцем Гришку тронет – не жить тебе, понял? И ангелочкам твоим – не жить! Так им и растолкуй!..

Он не слушал меня. Он смотрел на мою растопыренную пятерню, упёршуюся в приборную доску:

– Я прошу вас не трогать пульт!

В голосе его была тревога. Я поглядел на клавиши, и что-то остановило моё внимание. Что-то очень знакомое... Вот оно! Четыре квадратные чёрные кнопки впритык друг к другу. Те самые кнопки, которые Гриша нацарапал когда-то прутком на асфальте. Меня обдало со спины такой волной озноба, что я даже выпрямился в кресле...

Следя за тем, как у пожилого меняется лицо, я наклонился к пульта и надавил первую кнопку.

Верхнюю левую – раз, нижнюю правую – два раза, верхнюю правую и нижнюю левую – одновременно... Теперь осталось – верхнюю левую...

Мой палец остановился в сантиметре от кнопки.

– Нажать?.. – сипло спросил я.

Пожилой был бледен.

– Вы тоже погибнете, – быстро предупредил он.

– Ага... – Словно вся пыль щёбкарьера осела у меня в горле. – С тобой за компанию... А народ-то твой весь – в поле... А вернуться-то им будет – некуда... Вот такие дела, дядя...

Смуглое лицо пожилого ангела окаменело. Несколько огоньков на пульте бились, как в истерике, исходя прерывистым мушиным звоном. Надо полагать, с того самого момента, как я нажал в камере коллектора спусковую клавишу моего пистолета.

– В общем, так... – сказал я. – Слушай сюда... Вы сейчас собираете манатки...

– Простите?..

– Собираете манатки! – яростно повторил я. – И исчезаете отсюда к ангельской вашей матери! Слушай сюда! – заорал я, заметив, что он опять хочет переспросить. – И если я ещё раз увижу здесь ваши одинаковые морды... или услышу эту вашу гуделку!..

Дальше я говорить не мог – перехватило дыхание.

– ...пожалеете, гады!.. – просипел я из последних сил.

– От чьего имени вы говорите?

– Какая тебе разница!

– Я прошу вас уточнить. Вы представляете государство?

– Да! – нагло выговорил я, глядя ему в глаза. – Представляю государство.

Я закинул ногу за ногу и качнул перед ним грязной босой

ступнёй. А что мне было терять?

– Я прошу правильно понять нас, – сказал пожилой. – Мы не имеем целью вмешиваться в вашу жизнь.

– А какого ж тогда чёрта вмешались?

– У вас пребывает наш человек. Мы имеем целью вернуть его обществу.

– Перебьётся ваше общество!

– Простите?..

– Гришу вы не получите. Всё! Точка!

На этот раз, видать, он Гришкино имя расслышал хорошо.

– Григорий Прахов? – отрывисто переспросил он.

– Да, – сказал я. – Григорий Прахов.

У пожилого ангела был ошарашенный вид.

– Надеюсь, вы не имеете целью удерживать его здесь силой? – встревоженно спросил он. – Я прошу правильно понять нас: это несчастный и совершенно бесполезный для вас человек... Уровень его информированности...

– Что?! – Меня подняло с кресла, и ангелы отшатнулись. Вот так, наверное, и мы втроём вжимались в глинистую стену пещерки, когда на нас надвигалось жужжание их ангельского локатора... – Силой?! Это мы его – силой?..

– Конечно, он заслуживает наказания, – торопливо проговорил пожилой, – но, право, не столь сурового. Поймите, оставить его здесь, у вас...

Тут он запнулся, с недоумением глядя, как я, потеряв от бешенства дар речи, беззвучно открываю и закрываю рот.

– Он что? – вытолкнул я наконец. – Обратно просился?

Ангел опешил:

– Нет, но... Мы полагаем, что он успел осознать невозможность своего пребывания...

– А ты его об этом спрашивал?

– Мы не можем его спросить, – возразил ангел. – Мы приняли две попытки войти с ним в контакт – и оба раза безуспешно.

– Ну так меня спроси! – огрызнулся я и снова сел в кресло, рука – на кнопке.

Молоденький ангелочек вздохнул коротко и начал было тихонько переступать вдоль стенок.

– Куда? Стой, где стоишь!

Ангелочек замер.

– Иными словами, – озадаченно сказал пожилой, – вы хотите нам что-то сообщить от его имени?

Я открыл рот и с наслаждением выговорил всё, что я хотел им сообщить от Гришкиного имени. Подробно и с указанием дороги.

Ангел соображал:

– И вы на этом настаиваете?

– Да! – бросил я не задумываясь, а на чём это я, собственно, настаиваю: на тех этажах, которыми его только что открыл, или ещё на чём?..

Ангел молчал. У него было измождённое лицо. Он как-то сразу растерял всю свою молодость и словно дряхлел

на глазах.

– Мы принимаем ваши условия, – услышал я его усталый до безразличия голос.

– Условия?..

– Вернуть на корабль наших людей. Покинуть планету. Не возвращаться. Разве я неправильно вас понял?

Что-то громко брякнуло об пол, и я чуть было не нажал кнопку. Ангелочек, виновато на меня глядя, поднимал оброченный пистолет. Может, разоружить их на всякий случай?.. И тут до меня наконец дошло.

– Повтори... – хрипло потребовал я.

Пожилой повторил всё слово в слово. Я смотрел на него не отрываясь. Ангел не шутил. Ему было явно не до шуток. И он предлагал мне... Чёрт возьми, он предлагал мне жизнь!

– А... а Гришка?

– Теперь за него отвечаете вы.

Ни с того ни с сего я вспомнил вдруг, что не знаю, сколько сейчас времени, и, может быть, вечеринка ещё не кончилась, и Наташка, растерянно улыбаясь, бродит среди гостей...

Уйти с корабля живым! Живым...

– Ну вот что... – тоскливо оскалась, выговорил я. – Никуда я отсюда не уйду, понял? Буду сидеть и буду держать палец на этой вот кнопке. Пока ты мне всё как есть не выложишь! А там посмотрим...

Он выслушал меня с полным равнодушием.

– Разрешите мне сесть, – попросил он.

Получив разрешение, опустился на выскочившее откуда-то из стены сиденье и долго молчал, как бы собираясь с силами.

– Что вас интересует?

– Почему вы все на одно лицо?

Ангел удивлённо поднял голову:

– Простите?..

Пришлось доходчиво объяснить.

– Я понял ваш вопрос, – вежливо прервал он меня. – Мы кажемся вам одинаковыми. Но, видите ли... Мы тоже разные, только не в такой степени, как вы. Что вас ещё интересует?

– Почему отзывали наблюдателей? Из каких таких этических соображений?

Он ответил не сразу.

– Ври быстрее, – процедил я.

Ангел как-то печально посмотрел на меня и стал вдруг удивительно похож на Гришку.

– Я не имею целью неправильно вас информировать, – сдержанно проговорил он. – Некоторые понятия являются труднопереводимыми...

– Ничего-ничего, – зловеще подбодрил я. – Ты знай перевод. Разберёмся как-нибудь...

– У вас бы это назвали плебисцитом, – после некоторого колебания сообщил он.

– Чем-чем?

– Плебисцитом, – повторил он. – Около четверти населения нашей планеты возразили против наблюдений такого рода...

– Ага... – сообразил я. – Проголосовали, значит... А устройство зачем оставили? Ну, то, которое Гришка потом ликвидировал! На всякий случай?

– Видите ли... Некоторое время сохранялась вероятность, что наблюдения возобновятся, и...

– Кнопку нажать? – перебил я.

– Нет, – вздрогнув, отозвался он. – Пожалуйста, не надо...

– Тогда кончай врать! Говори, зачем наблюдали! Только быстро! Напасть хотели?

На секунду лицо у пожилого ангела стало... даже не знаю... надменным, что ли?..

– В отличие от вас, – сказал он, – мы не прибегаем к оружию.

– Ах, не прибегаете... А это?

– Это не оружие, – возразил он, взглянув на предъявленный ему ярко-оранжевый пистолет. – Оно не убивает.

– Не убивает... Да такой штукой весь штаб противника в шесть секунд можно перещёлкать!

– Вы выяснили всё, что хотели? – тусклым голосом спросил пожилой.

– Нет! – яростно бросил я. – Не выяснил! Если вы все такие чистенькие, такие все хорошие... чего ж от вас Гришка-то сбежал?

Ответом мне было молчание. Бесконечно повторяющийся мушиный звон аварийного сигнала, казалось, отсчитывает время. Наконец пожилой ангел поднял на меня тёмные, словно провалившиеся глаза.

– Если у вас больше нет вопросов, – негромко проговорил он, – то я готов сообщить наше единственное условие. Вы не препятствуете возвращению наших людей на корабль и даёте нам время покинуть планету.

Так. Кажется, Миньку Бударина берут за глотку. Ну-ну... Посмотрим, как это у них получится...

– Вы не учитываете одного, – добавил пожилой, обеспокоенно глядя, как я постукиваю пальцем по пульта в сантиметре от чёрной кнопки. – Недалеко отсюда расположен ваш населённый пункт. В случае ликвидации корабля ему будет нанесён значительный ущерб...

Пальцы мои подпрыгнули и сами собой поджались в кулак. Вот это он меня подсёк!.. Врёт, говорил я себе. Уж больно глаза честные... Конечно врёт!.. Гришка ведь рассказывал: вспышка. Неярая вспышка. Хотя... Он же ещё отходил на безопасное расстояние... А корабль-то – вон какая машина... Значит, всё-таки... Я представил, как холодное белое пламя беззвучно слизывает щебкарьер... пещерку, Гришку с Люськой... И город – в девяти километрах... Наташка, мать...

Я сидел как примороженный.

– Так вы принимаете наше условие?

Я с трудом разорвал намертво спёкшиеся губы. И надо бы соврать, сказать, что всё, мол, предусмотрели, и город, де-скать, эвакуировали, но... Ума у меня тогда на это не хватило!

– Почему вы молчите?

Я медленно поднялся с кресла и взял с пульта свой пистолет. Пыль с него куда-то делась, и теперь он снова был яркий, блестящий, новенький. Я взвесил его в последний раз на руке и бросил обратно.

– Спички верни... – с ненавистью глядя на пожилого, сказал я.

– Простите?..

– Ну спички, спички! То, что я вам днём отправил! Такая коробочка с палочками...

Он поспешно сунул левую руку за спину и достал откуда-то мой коробок. Посмотрел вопросительно. Я забрал у него спички и огляделся. Помигивали огонёчки на пультах, блестела какая-то клавиатура... И всё такое с виду ломкое, хрупкое...

– Так принимаете или нет? Вы не ответили.

– Да! – со злобой выговорил я. – Принимаю!..

Пожилой что-то квакнул по-своему. Ангелочек сорвался с места, стена перед ним раскрылась, и он показал мне, куда идти.

Обвели... Обвели как хотели!.. Всю жизнь так: накричу, наору, за глотку возьму, а потом, глядишь, – я же и в дура-

ках... Уйти? Вот так просто взять и уйти?..

– Ну, ты всё понял? – с угрозой обратился я к пожилому.

– Вы поставили условия, – ровным голосом отозвался он. – Мы их приняли.

Я повернулся и пошёл к выходу. В дверях оглянулся. Пожилой ангел с мёртвым лицом, сгорбясь над пультом, одну за другой нажимал чёрные кнопки. Давал отмену...

* * *

Последнюю дверь ангелочек открыл, вернее, отвалил вручную. Лицо тронул зябкий ночной ветерок.

Прощаться я с ними, понятно, не собирался, но взглянул вдруг на этого ангелочка – и остановился, поражённый.

Передо мной стоял Гриша Прахов. В его широко раскрытых глазах я увидел удивление и ужас. Мир рушился, понимаете? В их чистенький сволочный рай ворвался грязный, оборванный Минька Бударин, и полетели все их этические соображения к чёртовой матери!..

Глядя на него, я почувствовал себя победителем.

– Эх ты, чирик... – сказал я ангелочку чуть ли не с жалостью.

Он не понял. То ли языка не знал, то ли знал, но недостаточно...

Я шагнул наружу, и правая – босая – нога ощутила грунт, показавшийся тёплым после прохладного пола. Я думал, у

них тут хотя бы трап какой-то будет. А они вон как – на одном уровне с землёй...

Лишь бы камушек под босую ногу не подвернулся. Ангелочек наверняка смотрит вслед. Вот и пускай видит, что ухажу я уверенно, не оглядываясь, что плевать я хотел на всю их ангельскую технику!

Отойдя подальше, всё-таки не выдержал и, как бы невзначай повернув голову, скосил глаза. Ну и ничего, понятно, не разглядел. Темнота – и всё... Так вот и вышло, что корабль их я только изнутри видел. Даже на что он похож – не знаю...

Глава 20

Под ногами захлюпало, босая ступня погрузилась в холодную илистую грязь. Значит, озеро где-то рядом... Куда же это они меня высадили?

Я продрался сквозь камыши и, прихрамывая, начал подниматься на пологий пригорок. Сделал шаг – и остановился, облившись холодным потом. На вершине пригорка что-то было. Какое-то сооружение.

Вот ты и попался, Минька! Поверил ангелам, да?.. А им бы только из корабля тебя выставить! Ты им только на корабле был страшен. А вот теперь...

Сжав кулаки, я стремительно шагнул вперёд, в темноту...

И смех и грех: на плоской, будто нарочно выровненной площадке стояли скамейка и бетонная урна. На подгибаю-

щих на ногах я подошёл к скамейке и сел. Потом обратил внимание, что в кулаке у меня всё ещё зажат полураздавленный спичечный коробок. Трясущимися пальцами я извлёк из пачки сигарету и чиркнул спичкой. Затянулся и, подавившись дымом, жестоко закашлялся. Вот подлость! Швырнул сигарету на землю и чуть не затоптал её босой ногой. Не могу курить!

Опасная тишина стояла в щёлочке. Чем-то она отличалась от обычной тишины.

Ничего не понимаю... Я же их за глотку держал!.. В себя ведь стрелял, коллектор наизнанку выворачивал, корабль чуть не подорвал с собой за компанию!.. Город... Да врал он насчёт города!..

Внизу коротко прошуршали тростники. Потом ещё раз. Похоже, кто-то пробирался к кораблю. Я приподнялся, всматриваясь. На секунду мне померещилось, что мелькнула там, внизу, короткая рыжая стрижка, но, конечно, только померещилось... Чёрта лысого в таком освещении разглядишь! Луна наполовину ушла в плотное облако и продолжала погружаться в него всё глубже и глубже, будто её кто нарочно туда запихивал...

Ладно, бог с ней, с Рыжей... Лучше сориентируемся для начала. Значит, впереди у меня – ковыльный склон, по которому мы сюда спускались, сзади – огни ночного города, ангельский корабль – справа. Пещерка... Я обомлел. Получалось, что между кораблем и нашей пещеркой – каких-нибудь

триста метров, не больше. Чуть сами в гости к ангелам не пожаловали...

А ну-ка, не торопись, Минька. Посиди подумай... Мало ли что он тебе там говорил – не всему же верить... Ангелам ты не нужен. Им нужен Гриша. Может, из-за его побега у пожилого карьера горит... Может, они ждут, что ты сейчас побежишь радостью делиться... Сам возмёшь и выведешь их на Григория! Тогда уж лучше заночевать здесь, на скамейке...

Я откинулся на спинку скамьи, положил руку на верхний брус, и ладонь в аккурат легла на крупно и глубоко вырезанные буквы: «НАТАША».

Как будто без рукавицы за горячий лист взялся. Да кто здесь в конце концов хозяин: я или они?

Я вскочил, и в этот момент что-то произошло. Звук? Нет, никакого звука не было. А движения я тем более заметить не мог – ночь. И всё же что-то случилось. Что-то исчезло. Каким-то образом я почувствовал, что щёбкарьер пуст.

Сначала решил – показалось. Но вот рядом со мной осторожно скрипнул сверчок. Потом другой. А потом вдалеке повисла тоненькая бесконечная трель цикады. Тишина снова становилась тишиной.

Уже точно зная, что произошло, я спустился с пригорка и двинулся в ту сторону, где стоял корабль. Полчаса, не меньше, я ходил по буграм и ложбинкам, пока не убедился, что никакого корабля здесь нет. Ангелы исчезли беззвучно.

Да пошло всё к чёрту, решил я в конце концов. Ещё голову из-за них ломать! Честные они там, нечестные... Смылись – и всё. И точка.

* * *

Я шёл к пещерке, предвкушая, как я там появлюсь. Представлял Люську с Гришей – сидят, обнявшись, забившись в дальний угол... Вот что-то возникает перед входом... И мой насмешливый голос: «Сидим? Дрожим? А ну выходи по одному...»

Главное – чтобы без шума... Я крадучись подобрался к земляным ступенькам, но тут рядом со мной шевельнулась какая-то тень, и в следующий миг мне был нанесён страшный удар в лоб – аж перед глазами вызвездило! Меня швырнуло спиной и затылком о склон, и я медленно сполз по нему наземь. Сознания, правда, не терял. Нет у меня такой привычки – терять сознание...

– Минька, прости! – полуоглохнув, услышал я над собой отчаянный Гришин вскрик.

Потом рядом возникла Люська, и они вдвоём попробовали поставить меня на ноги. Я отбился от них и поднялся сам, опираясь на склон. Изумляясь боли, осторожно ощупал лоб. Крови нет, кость вроде цела... Кажется, обошлось.

– Минька, прости! – обезумев, причитал Гриша. – Я не думал, что это ты... Я думал...

– Ничего-ничего... – оторопело пробормотал я. – Всё правильно... Так и надо...

– В пещеру! Быстро! – скомандовала Люська.

Они подхватили меня под руки, но я опять упёрся:

– Никаких... пещер... Отставить... пещеры...

Я пытался им объяснить, что всё уже обошлось, что бояться нечего, а они, дурачки, думали – сотрясение мозга у Миньки, вот он и заговаривается. И только когда я разозлился и начал на них орать, до Люськи, а потом и до Гриши дошло наконец, что я всерьёз.

Там же, на земляных ступеньках, держась за ушибленную голову, я рассказал им всё. Они ни разу не перебили меня. И только когда я закончил, Люська спросила осторожно:

– Минька... А ты как себя чувствуешь?

Они всё ещё не верили мне. Я достал смятый коробок, отбитый мною у ангелов, и вместо ответа чиркнул спичкой.

Гриша и Люська зачарованно смотрели на жёлтый тёплый огонёк.

– Они сюда больше не прилетят, – тихо сказал Гриша.

Спичка дрогнула в моих пальцах и погасла.

Темнота сомкнулась, и из неё снова проступили огни нашего города – облачко золотистой пыли, встающее над чёрным краем старого щёбкарьера...

Монумент

Уму непостижимо – следовательно сравнил его с Колумбом! Так и сказал: «Он ведь в некотором роде Колумб...» Ничего себе, а?.. Хорошо бы отвлечься. Я останавливаюсь возле книжного шкафа, отодвигаю стекло и не глядя выдергиваю книгу. Открываю на первой попавшейся странице, читаю: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет – и выше...»

Мне становится зябко, и я захлопываю томик Пушкина.

* * *

А как обыденно всё началось! Весенним днём женатый мужчина зашёл к женатому мужчине и предложил прогуляться. Я ему ответил:

– С удовольствием. Очень кстати. Сейчас, только банку сполосну трёхлитровую...

– Не надо банку, – сдавленно попросил он. – Мне нужно поговорить с тобой.

Женатый мужчина пришёл пожаловаться женатому мужчине на горькую семейную жизнь.

Мы вышли во двор и остановились у песочницы.

– Ну что стряслось-то? Поругались опять?

– Только между нами, – вздрагивая и озираясь, предупре-

дил он. — Я тебе ничего не говорил, а ты ничего не слышал. Понимаешь, вчера...

Поругались, естественно. Дочь принесла домой штаны и попросила полторы сотни. Татьяна, понятно, рассвирепела и устроила дочери воспитательный момент, но, когда муж попытался поддакнуть, она устроила воспитательный момент ему: дескать, зарабатываешь мало — вот и приходится отказывать девочке в самом необходимом. Он вспылил, хлопнул дверью...

— И пошёл искать меня? — спросил я, заскучав.

Оказалось, нет. Хлопнув дверью, он направился прямоком к супруге Моторыгина, имевшей неосторожность как-то раз пригласить его на чашку кофе.

Я уже не жалел об оставленной дома трёхлитровой банке — история принимала неожиданный оборот. Нет, как хотите, а Лёвушка Недоногов (так звали моего сослуживца) иногда меня просто умилял. Женатый мужчина отважно сидит на кухне у посторонней женщины, пьёт третью чашку кофе, отвечает невпопад и думает о том, как страшно он этим отомстил жене. А посторонняя женщина, изумлённо на него глядя, ставит на конфорку второй кофейник и гадает, за каким чёртом он вообще пришёл. Представили картину? А теперь раздаётся звонок в дверь. Это вернулся из командировки Моторыгин, потерявший в Саратове ключ от квартиры.

— И что? — жадно спросил я, безуспешно ища на круглом Лёвушкином лице следы побоев.

– Знаешь... – с дрожью в голосе сказал он. – Вскочил я и как представил, что будет дома... на работе!.. Ведь не докажешь же никому!..

Словом, очутился Лёвушка в тёмном дворе с чашкой кофе в руках.

– В окно? – ахнул я. – Позволь, но это же второй этаж!

– Третий, – поправил он. – И я не выпрыгивал...

Он не выпрыгивал из окна и не спускался по водосточной трубе. Он просто очутился, понимаете? Я не понимал ничего.

– Может, ты об асфальт ударился? Контузия... Память отшибло...

– Нет... – Лёвушка словно бредил. – Я потом ещё раз попробовал – получилось...

– Да что получилось-то? Что попробовал?

– Ну это... самое... Вот я – там, и вот я уже – здесь!

Сначала я оторопел, потом засмеялся. Доконал он меня.

– Лёвка!.. Ну нельзя же так, комик ты... Я, главное, его слушаю, сочувствую, а он дурака валяет! Ты что же, телепортацию освоил?

– Теле... что?

Он, оказывается, даже не знал этого слова.

– Те-ле-пор-тация. Явление такое. Человек усилием воли берёт и мгновенно переносит себя на любое расстояние. Что ж ты такой несовременный-то, а, Лёвушка? Я вот, например, в любой культурной компании разговор поддержать

могу. Сайнс-фикшн? Фэнтези? Пожалуйста... Урсула ле Гуин? Будьте любезны...

Несколько секунд его лицо было удивительно тупым. Потом просветлело.

– А-а-а... – с облегчением проговорил он. – Так это, значит, бывает?..

– Нет, – сказал я. – Не бывает. Ну чего ты уставился? Объяснить, почему не бывает? В шесть секунд, как любит выражаться наш общий друг Моторыгин... Ну вот представь: ты исчезаешь здесь, а возникаешь там, верно? Значит, здесь, в том месте, где ты стоял, на долю секунды должна образоваться пустота, так?.. А теперь подумай вот над чем: там, где ты возникнешь, пустоты-то ведь нет. Её там для тебя никто не приготовил. Там – воздух, пыль, упаси боже, какой-нибудь забор или, того хуже, – прохожий... И вот атомы твоего тела втискиваются в атомы того, что там было... Соображаешь, о чём речь?

Я сделал паузу и полюбовался Лёвушкиным растерянным видом.

– А почему же тогда этого не происходит? – неуверенно возразил он.

Был отличный весенний день, и за углом продавали пиво, а передо мной стоял и неумело морочил голову невысокий, оплывший, часто моргающий человек. Ну не мог Лёвушка Недоногов разыгрывать! Не дано ему было.

Я молча повернулся и пошёл за трёхлитровой банкой.

– Погоди! – В испуге он поймал меня за рукав. – Не веришь, да? Я сейчас... сейчас покажу... Ты погоди...

Он чуть присел, развёл руки коромыслом и напрягся. Лицо его – и без того неказистое – от прилива крови обрызгло и обессмыслилось.

Тут я, признаться, почувствовал некую неуверенность: чёрт его знает – вдруг действительно возьмёт да исчезнет!..

Лучше бы он исчез! Но случилось иное. И даже не случилось – стряслось! Не знаю, поймёте ли вы меня, но у него пропали руки, а сам он окаменел. Я говорю «окаменел», потому что слова «окирпичел» в русском языке нет. Передо мной в нелепой позе стояла статуя, словно выточенная целиком из куска старой кирпичной кладки. Тёмно-красный фон был расчерчен искривлёнными серыми линиями цементного раствора... Я сказал: статуя? Я оговорился. Кирпичная копия, нечеловечески точный слепок с Лёвушки Недоногова – вот что стояло передо мной. Руки отсутствовали, как у Венеры, причём срезы культей были оштукатурены. На правом ясно читалось процарапанное гвоздём неприличное слово.

Мне показалось, что вместе со мной оцепенел весь мир. Потом ветви вдруг зашевелились, словно бы опомнились, и по двору прошёл ветерок, обронив несколько кирпичных ресничин. У статуи были ресницы!

Я попятился и продолжал пятиться до тех пор, пока не очутился в арке, ведущей со двора на улицу. Больше всего я боялся тогда закричать – мне почему-то казалось, что сбе-

жавшиеся на крик люди обвинят во всём случившемся меня. Такое часто испытываешь во сне – страх ответственности за то, чего не совершал и не мог совершить...

* * *

Там-то, в арке, я и понял наконец, что произошло. Мало того – я понял механизм явления. Не перенос тела из одной точки в другую, но что-то вроде рокировки! Пространство, которое только что занимал Лёвушка, и пространство, которое он занял теперь, попросту *поменялись местами!*.. Но если так, то, значит, Лёвушка угодил в какое-то здание, заживо замуровав себя в одной из его стен!

Я вообразил эту глухую оштукатуренную стену с торчащей из неё вялой рукой и почувствовал... Нет, ничего я не успел почувствовать, потому что в следующий миг с улицы в арку вошёл, пошатываясь, Лёвушка – целый и невредимый, только очень бледный.

– Промахнулся немножко, – хрипло сообщил он, увидев меня. – Занесло чёрт знает куда! Представляешь: всё черно, вздохнуть не могу, моргнуть не могу, пальцами только могу пошевелить... Хорошо, я сразу сообразил оттуда... как это? Телепорхнуть?

Вне себя я схватил его за руку и подтащил к выходу, ведущему во двор.

– Смотри! – сказал я. – Видишь?

Возле статуи уже собралось человека четыре. Они не шумели, не жестикулировали – они были слишком для этого озадачены. Просто стояли и смотрели. Подошёл пятый, что-то, видно, спросил. Ему ответили, и он, замолчав, тоже стал смотреть.

– Это кто? – опасливо спросил Лёвушка.

– Это ты! – жёстко ответил я.

Он выпучил глаза, и я принялся объяснять ему, в чём дело. Понимаете? Не он мне, а я ему!

– Статуя? – слабым голосом переспросил Лёвушка. – Моя?

Он сделал шаг вперёд.

– Куда? – рявкнул я. – Опознают!

...Лёвушка шёл через двор к песочнице. Я бросился за ним. А что мне ещё оставалось делать? Остановить его я не смог. Мы шли навстречу небывалому скандалу. Стоило кому-нибудь на секунду перенести взгляд с монумента на Лёвушку – и никаких дополнительных разъяснений не потребовалось бы.

– ...значит, жил он когда-то в этом дворе, – несколько раздражённо толковала событие женщина с голубыми волосами. – А теперь ему – памятник и доску мемориальную, чего ж тут непонятного?

– А я о чём говорю! – поддержал губастый сантехник Витька из первой квартиры. – Движение зря перекрывать не будут. Там его и поставят, на перекрёстке, а сюда – времен-

но, пока пьедестал не сдадут...

– Трудился, трудился человек... – не слушая их, сокрушённо качала головой домохозяйка с двумя авоськами до земли. – Ну разве это дело: привезли, свалили посреди двора... Вот, пожалуйста, уже кто-то успел! – И она указала скорбными глазами на процарапанное гвоздём неприличное слово, выхваченное из какой-то неведомой стены вместе со статуей.

Нашего с Лёвушкой появления не заметили.

– Из кирпича... – Девушка в стиле кантри брезгливо дёрнула плечиком. – Некрасиво...

– Оцинкуют, – успокоил Витька.

– И рук почему-то нет...

– Приделают! У них технология такая. Руки изготавливают отдельно, чтобы при транспортировке не отбить.

– Эх! – громко вырвалось вдруг у Лёвушки. – Не мог позу принять поприличнее!

Чуть не плача, он стискивал кулаки, и лицо его было одного цвета со статуей. Все повернулись к нам, и я закрыл глаза. Вот он, скандал!..

– Так ведь скульпторы сейчас какие? – услышал я, к своему удивлению, чей-то ленивый голос. – Это раньше скульпторы были...

Они его не узнали, понимаете?! Перед ними маячили две совершенно одинаковые физиономии, но все словно ослепли.

– Брови задрал, как идиот! – во всеуслышание продолжал горевать Лёвушка.

Женщина с голубыми волосами смерила его негодующим взглядом.

– А памятники, между прочим, – отчеканила она, – людям не за красоту ставят! Поставили – значит заслужил!

Лёвушка, поражённый последними словами, медленно повернулся к ней, и глаза у него в тот момент, клянусь, были безумны...

* * *

А на следующий день он не вышел на работу. Всё у меня валилось из рук, стоило мне взглянуть на его стол.

Вчера я его еле увёл от песочницы, иначе бы он с пеной у рта принялся доказывать жильцам, что это его статуя. Ночью я то и дело просыпался и каждый раз думал: «Приснилось... Слава тебе господи...» Облегчённо вздыхал и вдруг понимал, что не приснилось.

Я вставал, выходил в кухню, пил воду. За окном шевелились чёрные акации, и я надолго припадал к стеклу, скорее угадывая, чем различая возле песочницы, в сером просвете между двумя кронами, зловещий горбатый силуэт с обрубками вместо рук...

А точно ли он пошёл вчера домой? Перед обедом я не выдержал – позвонил на работу Татьяне и, конечно, нарвался

на отповедь. Её, знаете ли, как-то не волнует, где в данный момент находится этот неврастеник. И вообще, если он хочет извиниться, то пусть делает это сам, а не через адвокатов.

Я положил трубку и вернулся за свой стол. Чёртовы бабы! Перезвонить бы сейчас, сказать: «Лёва тебя в нашем дворе ждёт, у песочницы. Очень просит прийти...» Да нет, бесполезно. Из принципа не пойдёт... А жаль.

И тут словно что-то мягко толкнуло меня в спину. Я обернулся. В дверях стоял Лёвушка Недоногов.

Он внимательно, подробно разглядывал отдел: сослуживцев, столы, кульманы... К концу осмотра принялся скорбно кивать и вдруг громко спросил, ни к кому не обращаясь:

– И что, вот так – всю жизнь?

Нужно было видеть лица наших сотрудников!

Словно бы не замечая, что все на него смотрят, Лёвушка прогулочным шагом пересёк комнату и уселся на мой стол, даже не потрудившись сдвинуть в сторону бумаги.

– А ведь мы, Павлик, в одном дворе росли, – ни с того ни с сего задумчиво напомнил он.

Верите ли, мне стало страшно. А он продолжал:

– Если помнишь, мальчишки меня недолюбливали. Почему?

– Я... – начал я.

– Да, – сказал он. – Ты – нет. Но остальные! Что им во мне не нравилось? Павлик, я шёл сегодня на работу три часа! Шёл и думал. И знаешь, я понял: они уже тогда чувствовали,

что я – иной. Чувствовали, что в чём-то я их превосхожу...

Он говорил ужасные вещи – размеренно, неторопливо, и никто не осмеливался его перебить. Могу себе представить, какое у меня было лицо, потому что он вдруг засмеялся и, наклонившись ко мне, покровительственно потрепал по плечу.

– Ну ладно, – объявил он, с юмором оглядев безмолвствующий отдел. – Время обеденное, не буду вас задерживать...

Он прошёл к своему рабочему месту, сел и движением купальщика, разгоняющего у берега ряску, разгрёб в стороны накопившиеся с утра бумаги. Затем, установив кулаки на расчищенной поверхности стола, Лёвушка величественно вскинул голову и замер в позе сфинкса.

Я понял, что сейчас произойдёт, вскочил, хотел закричать – и не успел.

* * *

...Интересно, где он нашёл такой кусок мрамора? Облицовочная мраморная плитка у нас в городе используется, это я знаю, но ведь тут нужна была целая глыба, монолит без единой трещины!..

В общем, беломраморное изваяние Лёвушки до сих пор восседает за его столом – просили не трогать до окончания следствия.

* * *

Вторая половина дня отложилась в памяти обрывками. Помню: я сидел в кабинете начальника и путано рассказывал следователю о вчерашнем. Капитан морщился и потирал висок. Один раз он даже сказал: «Подождите минуту...» – и выскочил из кабинета. Голову даю на отсечение – бегал смотреть, сидит ли ещё за столом каменный сотрудник.

Съездили за Татьяной.

– Вам знакома эта статуя?

Она в изумлении уставилась на своего мраморного Льва:

– В первый раз вижу! А при чём тут...

– Присмотритесь внимательнее. Она вам никого не напоминает?

Пожав плечами, Татьяна взгляделась в надменное каменное лицо и попятилась.

– Не может быть! – слабо вскрикнула она. – Кто его?.. За что ему?..

Но тут следователь, спохватившись, прикрыл дверь, и больше мы ничего не слышали.

* * *

Здание, из которого Лёвушка вынул свою первую – кир-

пичную – статую, нашли на удивление быстро – им оказалась наша котельная. Я там был в качестве свидетеля, когда обмеряли и фотографировали выемку. При мне же опрашивали истопника. Поначалу он бодро утверждал, что дыра в стене была всегда, но скоро запутался в собственном вранье и, перейдя на испуганный шёпот, признался, что лопни его глаза, если вчера отсюда не высунулась рука, не потянулась к заначке, которую он еле успел спасти, и не пропала потом, оставив после себя эту вот пробоину!

* * *

Не то чтобы я нежно любил свою работу, но теперь я прямо-таки мечтаю хоть раз беспрепятственно добраться до своего стола. Подходишь утром к институту – а у подъезда уже машина ждёт.

– Здравствуйте, Павел Иванович, а мы за вами. Начальство ваше предупреждено, так что всё в порядке.

– Здравствуйте, – отвечаю с тоской. – Опять кто-нибудь приехал?

– Да, Павел Иванович. Профессор из Новосибирска, член-корреспондент.

– Так вы же меня на плёнку записали – пусть прослушает.

– Ну что вы, право, как маленький, Павел Иванович! Он её ещё в Новосибирске прослушал...

Ничего не поделаешь – главный свидетель. Я, конечно, по-

нимаю: им бы не со мной, им бы с самим Лёвушкой поговорить... Но Лёвушка – как снежный человек: следов оставляет массу, а вот встретиться с ним, побеседовать – этого ещё никому не удалось.

Татьяну не узнать – избегалась за месяц, осунулась. Кстати, была вчера у нас – допытывалась, нет ли новостей. Как же нет – есть! Можно даже и не спрашивать – достаточно на гастронOME посмотреть. Там на козырьке крыши сейчас четыре Лёвушки. Из розового туфа, в натуральную величину. Наиболее любопытен второй слева – у него всего одна точка опоры, вторую ногу он занёс над воображаемой ступенькой.

Это уже, так сказать, поздний Лёвушка, Лёвушка-классицист. А если миновать пятиэтажку и свернуть во двор, то там можно увидеть ранние его работы. Их две. Обе стоят на крыльце Лёвушкиного подъезда по сторонам от входной двери и ровным счётом ничего не означают. Просто стоят, и всё.

Но вы не путайте: это не те статуи, что появились в ночь перед объявлением розыска. Те на следующий день разбил ломом и сбросил с крыльца сосед Недоноговых по этажу – мужчина мрачный, пьющий и что-то, видать, против Лёвушки имеющий. Вечером того же дня, приняв душ, он не смог выйти из ванной – старую прочную дверь снаружи подпирала спиной статуя, сидящая на табурете в позе роденовского «Мыслителя».

А ночью на крыльце подъезда опять появились Лёвушкины автопортреты – вот эти самые. Они очень похожи на

прежние, но обратите внимание: ступни обеих статуй наполовину утоплены в бетон. Это Лёвушка усложнил технологию – теперь он сначала телепортирует на будущий пьедестал и внедряется в него подошвами. Выкорчевать практически невозможно, разве что вместе с крыльцом.

Я рассказал о первом покушении на Лёвушкины шедевры. Второе состоялось в городском парке. Пару месяцев назад там понаставили каменных тумб под гипсовые скульптуры. Ну скажите, разве мог Лёвушка устоять и не воспользоваться этими тумбами! В парке стало жутковато: куда ни глянешь – везде одна и та же каменная физиономия. Вдобавок Лёвушка к тому времени сменил манеру. Если раньше он просто оставлял на облюбованном месте своё подобие, то теперь он ещё начал при этом что-то изображать.

Вот, например, Лёвушка Недоногов держится за лобную кость. На цоколе масляной краской надпись: «Мысль». Подчерк – Лёвушкин. А вот он за каким-то дьяволом поднял руку и смотрит на неё, запрокинув голову. На цоколе надпись: «Мечта».

Скульптор, которому было поручено оформление парка, чуть с ума не сошёл – явился туда с молотком и успел публично отшибить носы двум Лёвушкам, после чего был остановлен ребятами из ДНД. Скульптор бушевал и клялся, что рано или поздно перебьёт всё к чёртовой матери. Но тут прибыли товарищи из следственной комиссии и спокойно объяснили ему, что речь тогда пойдёт не о хулиганстве и даже не

о порче имущества, но об умышленном уничтожении вещественных доказательств, а это уже, согласитесь, совсем другая статья. Отколотые носы тут же прилепили на место каким-то особым клеем, так что Лёвушка, по-моему, до сих пор ничего не заметил.

Третье, и, я полагаю, последнее, покушение было организовано городскими властями с разрешения следователя. Во дворах статуи решили не трогать (их всё равно мало кто видит), а вот с парапетов, карнизов и бетонных козырьков над подъездами учреждений – убрать в двадцать четыре часа. Изваяний тогда было меньше, чем теперь, и для изъятия вполне хватило светового дня. Страшная каменная толпа набила до отказа тесный дворик позади Союза художников.

А утром, само собой, на старых местах уже красовались новые Лёвушки, для верности утопленные в основания по щиколотку.

Учёных понаехало... один учёней другого! Не могут понять, почему одежда телепортирует вместе с Лёвушкой. По логике-то не должна. Впрочем, остального они тоже понять не могут.

Следователь – тот хоть серьёзным делом занят: выясняет, откуда Лёвушка берёт мрамор. С туфом – разобрались. Армянский розовый туф завезли в город для постройки чего-то монументального. Лёвушка вынул из него штук девять своих изваяний и больше не смог – издырявил до полной непригодности. А вот мрамор у него почему-то не кончается. Ре-

бенку ясно, что Лёвушка повадился в какую-то каменоломню, но где она? Мрамор в области не добывают – его у нас просто нет.

Кое-что приоткрылось после случая с городским театром. Там на аттике сидела древнегреческая то ли богиня, то ли муза с лавровым венком в простёртой руке. На днях Лёвушка пристроил перед ней свою статую, да так ловко, что богиня теперь надевает венок ему на лысину. И статуя эта, заметьте, из инкерманского камня. А Инкерман, между прочим, в Крыму! Я – к следователю. Как же так, говорю, на какие же расстояния он может телепортировать? Вы на карту взгляните: где мы, а где Крым!..

Следователь меня выслушал и с какой-то, знаете, болезненной улыбкой сообщил, что неприметная зеленоватая статуя на набережной состоит из редчайшего минерала, на нашей планете практически не встречающегося.

После этих слов у меня всё перед глазами поплыло... Не верю! До сих пор не верю! Ведь Лёвушка *нигде*, кроме нашего района, памятники себе не ставит! *Нигде!* Ни в одном городе!..

* * *

Позавчера я сидел дома и с изумлением читал в местной газете статью «Телепортация: миф или реальность?», которая начиналась словами: «Они росли в одном дворе...»

Хлопнула входная дверь, и передо мной возник Мишка, бледный и решительный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.